

V

$$\frac{372}{21}$$

У-372
21

Ф. А. РОТШТЕЙН

ЗАХВАТ И ЗАКАБАЛЕНИЕ ЕГИПТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Под общей редакцией Ф. Ротштейна

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Албанский узел. Сборник статей. Ц. 1 р. 20 к.

Анжеран, Ф. Лотарингские границы. Ц. 1 р. 20 к.

Барраль-Монферра. От Монро до Рузвельта. Ц. 1 р. 25 к.

Гельферих, К. Германия накануне мировой войны. Ц. 75 к.

Германские репарации и доклад комитета экспертов. (Собран. документ.). С ввод. статьями Ф. А. Ротштейна, Е. Варга и с прил. статьями Дж. Кейнса. Ц. 1 р. 30 к.

Дармштеттер, П. История раздела Африки. Ц. 1 р. 20 к.

Кайзер, Ж. Европа и Новая Турция. Ц. 60 к.

Каутский, К. Эльзас-Лотарингия. Ц. 90 к.

Лемонон, Э. Очерки истории англо-французских отношений. Ц. 70 к.

Лемонон, Э. Англия и Германия. Ц. 80 к.

Морелль, Э. Д. Десять лет секретной дипломатии. Ц. 1 р.

Пейеримгоф и Гебар. Финансовые интересы Франции. Сборник. Ц. 50 к.

Проливы. Сборник. Ц. 60 к.

Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. Ц. 1 р.

Сен-Морис. Банки и займы орудия иностранной политики. Ц. 90 к.

Шульце, Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть. Ц. 48 к.

Херншоу, Фоссей, Дж. К. Европейские коалиции, союзы и соглашения с 1792 г. Ц. 25 к.

Юнг. Аравия и европейские державы. Ц. 1 р. 25 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Волосс. Италия и Германия.

Гиббенс. Япония.

Ноты Чичерина.

Оствальд. Современная Япония.

Пинон. Франко-итальянское соглашение.

Хас-Хаген. Очерки мировой политики.

У 372
21

Ф. РОТШТЕЙН

ЗАХВАТ И ЗАКАБАЛЕНИЕ ЕГИПТА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
С ДОПОЛНЕНИЯМИ АВТОРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1925 * ЛЕНИНГРАД

Гиз № 8831.

Главлит № 34895.

Напеч. 15.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я в 1910 году выпускал в свет эту книгу, я не представлял себе, что когда-нибудь я буду издавать ее на русском языке для читателя, который, как небо от земли, будет отличаться от того, для кого она предназначалась. Я писал ее в период, когда египетский вопрос стоял весьма остро перед английской публикой, и вышедший как раз в это время двухтомник лорда Кромера, представлявший чрезвычайно искусную апологию английской политики в Египте и, в частности, проконсульской деятельности самого автора, заставил меня, давно уже занимавшегося этим интересным вопросом, как частным случаем империалистической политики современных капиталистических держав, серьезно проработать его и изложить добытые результаты в «Анти-Кромере», как мою книгу впоследствии назвал историк Гуч. Для этой цели я в течение двух лет изучал документы в библиотеке Британского музея, знакомясь не только с существовавшей тогда уже обширной литературой по этому предмету, но, по преимуществу, с первоисточниками, в виде официальных правительственных отчетов («Синих книг»), дебатов в парламенте и телеграмм и статей в газетах. Я думаю, что я тогда исчерпал практически все, что можно было с пользой изучить. В результате у меня получились труд, основанный на собственных показаниях англичан, весьма документированный, а поэтому довольно тяжелый и сухой, который, однако, найден был столь опасным для добрых нравов английской публики, что издатели один за другим отказывались связаться с ним, пока, с помощью одного из моих английских друзей (ныне покойного), Вильфрида Бланта, редкого человека, который, будучи аристократом и торием, всю свою жизнь воевал с английским империализмом на востоке и в Ирландии, мне удалось ее выпустить в свет. Консервативная печать, за одним или двумя исключениями, основательно замолчала ее. Большинство публичных библиотек отказалось ее приобрести или поставить на свои полки, и даже либерально-демократическая пресса не могла, в своих в общем благоприятных отзывах, удержаться от кисло-сладких гримас. Но так или иначе, она была рассчитана на английскую интеллигентную публику, которая, с одной стороны, привыкла к своим «Синим книгам», а с другой — ничего не поняла бы, если бы я вздумал пользоваться марксистскими терминами и обычной марксистской фразеологией. Но как раз наша публика не привыкла к одному и привыкла к другому, и по этой причине я,

признаться, довольно долго не решался выпускать русский перевод в свет.

Если я все же дал в конце концов свое согласие на такое издание, то причина этому двоякая. Во-первых, некоторой части нашей публики книга уже известна по наслышке на основании тех ссылок на нее, которые они находят у Розы Люксембург и других авторов, и с ее стороны имеется на русское издание спрос. Во-вторых, моя книга до сих пор является единственно исчерпывающей по данному вопросу работой с анти-империалистической точкой зрения. Фактически из этой анти-империалистической точки зрения она и родилась, ибо ближайшим поводом к ней была небольшая статья Эдуарда Бернштейна (не помню уж, где), в которой он восхвалял замечательные деяния англичан в Египте, как образчик современного колониального культуртрегерства, и на которую я ответил в «Neue Zeit», доказывая противоположное. Я думаю, моя книга и сейчас еще является единственной, в которой конкретно изображаются методы и результаты империалистического проникновения и захвата, и которая, таким образом, дает материал к научному освещению империализма, как политики держав в эпоху больших капиталистических образований и монополий.

Для настоящего издания я несколько изменил расположение материала в первой главе, опустил предисловие Бланта и приложения и вновь написал — к сожалению, уже не в обстановке Британского музея, а на основании лишь с трудом добытых из Англии материалов — четыре главы, доведя тем свое повествование до наших дней. Одновременно я приготовил к печати экстракт моей книги, вышедший на немецком языке в виде приложения к «Neue Zeit» в 1911 году и трактующий исключительно финансовую и экономическую стороны египетского вопроса.

Ф. РОТШТЕЙН

Москва,
сентябрь 1924 г.

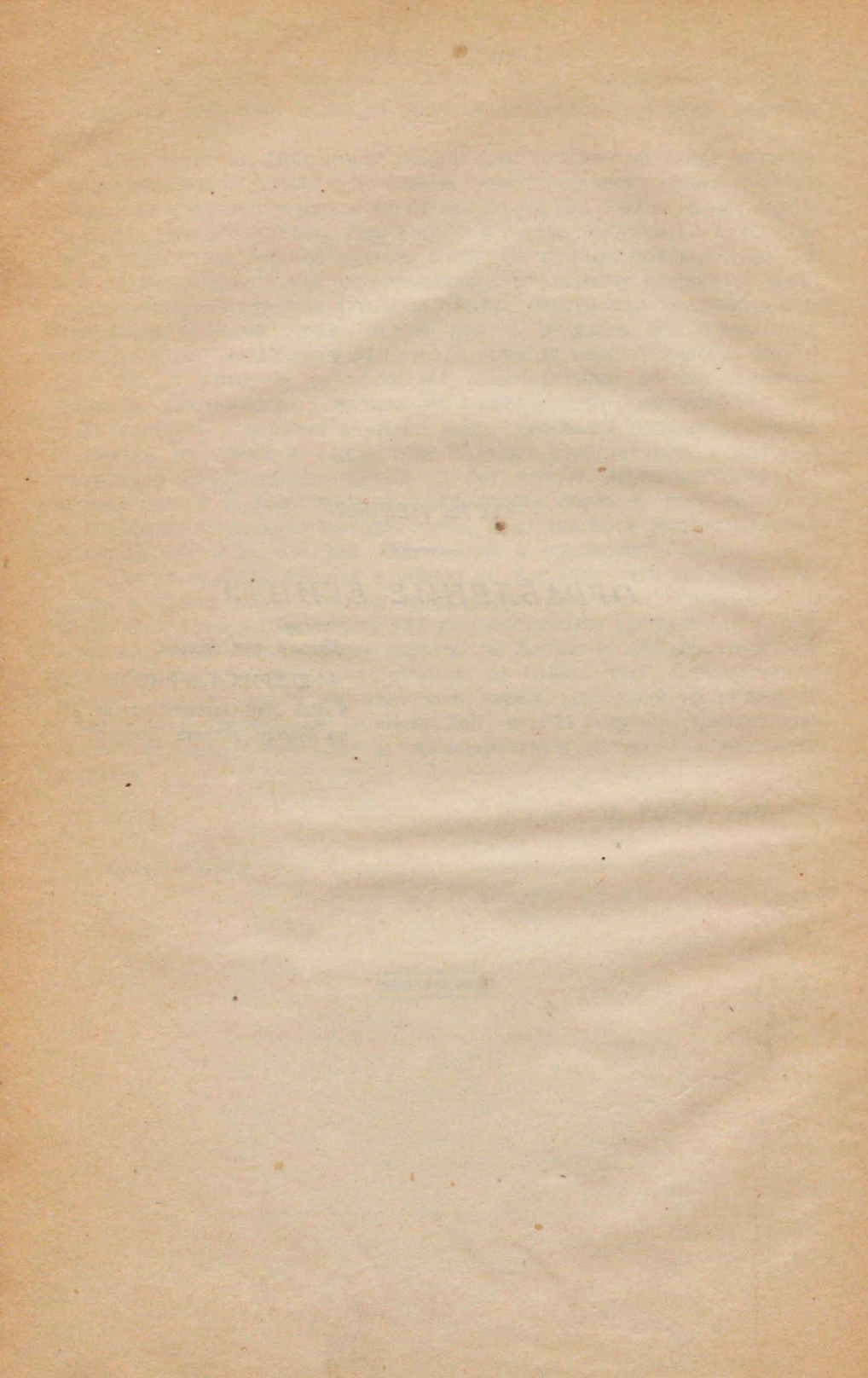
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГРАБЛЕНИЕ ЕГИПТА

Деньги, сэр, деньги!

ФРЕДЕРИК ГАРРИСОН

в «Pall Mall Gazette» (статья
по поводу захвата Египта)

ГЛАВА I

НАЧАЛО ВТОРЖЕНИЯ

5 октября 1875 года на первом месте в отделе иностранных новостей «Таймса» появилась следующая телеграмма от константинопольского корреспондента: «Порта приняла решение, в течение пяти лет, начиная с первого января будущего года, производить платежи по процентам и амортизации государственного долга наполовину наличными деньгами, наполовину 5-процентными облигациями». Это было равносильно объявлению банкротства и вызвало на лондонской бирже страшную панику, которая отразилась не только на турецких, но и на египетских ценностях.

В том же номере «Таймса», в финансовом отделе, было помещено следующее объяснение: «Сегодня произошла паника на иностранном биржевом рынке. Около полудня было получено на бирже известие, выпущенное Имперским Оттоманским Банком относительно турецкого долга, и последовавшее за этим резкое падение турецких, а затем и египетских бумаг вызвало панику. Они не поднялись к моменту закрытия биржи, и после присутственных часов египетские бумаги продолжали падать». «Нет никаких известий из Египта, — поясняет автор, — но эти два государства так тесно связаны в представлении публики, что обычно рассматриваются заодно». И действительно, несмотря на все уверения из разных мест о том, что Египет только номинально составляет часть Оттоманской Империи и что, следовательно, состояние турецкой казны ни в какой мере не может влиять на его финансы, ни на другой день, ни в последующие дни на египетском биржевом рынке не замечалось подъема, и египетские ценности продолжали падать: две недели спустя после объявления Турцией банкротства египетский заем 1868 г. котируется 57, а заем 1873 г. — 57¼.

Причину этого нетрудно было понять: весь мир прекрасно знал, что финансы Египта находятся в таком же плачевном состоянии, как и Турции, и после объявления Турцией банкротства можно было с полным основанием опасаться, что и Египет последует ее примеру. Действительно, финансовое положение Египта было из рук вон плохо. Еще недавно, в правление Сауда-паши, Египет был, без сомнения, самой цветущей страной Востока. Войны, отрывавшие крестьянское население от земли во времена Мехмета-Али, уже давно прекратились;

земельный налог был чрезвычайно мал, достигая лишь одной трети его позднейшего оклада, а стоимость жизни была так невероятно дешева, что обычного дневного заработка в один пиастр (10 коп.) хватало на скромные нужды феллахской семьи. В то же время работы по постройке общественных сооружений, как, например, железных дорог и плотины у Нильской дельты, начатые при Мехмете-Али и Аббасе I, продолжались с большим рвением; были прорыты новые ирригационные каналы; были впервые введены телеграф и паровые насосы для орошения, и Фердинанд Лессепс получил концессию на постройку Суэцкого канала. Когда в Америке разразилась гражданская война, египетские производители хлопка воспользовались представившимся им исключительным случаем и в течение двух лет удвоили свой вывоз по ценам, возросшим почти втрое.

Вскоре после вступления на престол Измаила, в 1863 году, произошла перемена. Наследовав престол Мехмета-Али в момент, когда высшую ступень европейской «цивилизации» представляла Франция Наполеона III, Франция Оффенбаха и Гаусмана и «la haute finance», с царившими в ней продажностью и расточительностью во всех отраслях государственного управления, — Измаил, сам по природе жадный расточитель, падкий на все показное, с самого начала задался честолюбивой целью уподобиться этому достойному образцу и стать чем-то вроде Наполеона III на Востоке. С настойчивостью и рвением, достойными лучшей цели, он принялся за дело и в короткий срок создал всемирную известность своему двору, своим дворцам и празднествам, своим любовницам, своей кухне и погребам. Все восхищались его «гением» и его щедростью. И когда в 1869 году он открыл великое сооружение, — Суэцкий канал, — большинство коронованных особ Европы, не исключая и спесивого габсбургского монарха Франца-Иосифа, прусского кронпринца и самой императрицы Евгении, прибыло в Египет на празднества в сопровождении своих придворных и сановников, ученых и художников, а пресса всего мира была полна восторженными описаниями всяческих увеселений (в числе их была постановка в первый раз оперы «Аида», специально написанной Верди для этого случая), которые египетский хозяин преподнес своим гостям.

На все это, конечно, требовались деньги, и так как в это время, с окончанием американской войны, цена хлопка упала, то Измаил был вынужден прибегнуть к займам, главным образом, в Лондоне, где банковская контора Фрюлинг и Гошен, уже в 1862 г. ссудившая его предшественнику свыше 3.000.000 фунтов ст. по довольно-таки изрядным процентам (8%), была и теперь готова к его услугам. Эти займы вначале носили частный характер, так как Измаил не обладал суверенной властью, а был связан известными ограничениями, которые были введены при назначении его вице-королем; между прочим, он не имел права обеспечивать свои обязательства по займам доходами государства. Вследствие этого условия, на которых он получал деньги, были крайне тяжелы, достигая ростовщических процентов. Таким образом к 1868 г., т.е. спустя пять лет после его вступления на престол, сумма его задолженности в разных местах достигла 25.500.000 фунтов из процен-

тов, которые номинально колебались между 7 и 12, а в действительности, вследствие низкого курса эмиссии, — между 12 и 26 ¹⁾. Оттоманское правительство скоро забило тревогу и, опасаясь за будущее, запретило дальнейшие займы. Тем не менее в 1870 г. Измаил заключил новый заем на сумму свыше 7.000.000 фунтов под обеспечение государственных земель по непомерно высоким процентам — 15% (фактических), в ответ на что Порты обратилась непосредственно к британскому правительству, как государству, представлявшему главную часть кредиторов, «протестуя заранее против каких бы то ни было финансовых операций, предварительно не санкционированных его императорским величеством султаном и прямо или косвенно затрагивающих доходы Египта» ²⁾.

Неизменной политикой Англии в течение всего девятнадцатого века было поддержание тесного союза с султаном против различных попыток достижения полной независимости, время от времени предпринимавшихся Египтом при поощрительном отношении со стороны Франции ³⁾. Хотя эта последняя была вынуждена эвакуировать Египет еще в 1801 году, она все же продолжала оказывать на эту страну сильнейшее влияние, снабжая ее вице-королей «советниками» всех видов и служа школой для массы молодых египтян, которые отправлялись во Францию для приобщения к благам западной цивилизации. Не подлежало сомнению, что Египет, — по крайней мере, его более состоятельные и правящие классы, — с каждым днем все больше «галлицизировался», и заправила французской политики, следуя методу «мирного проникновения», несомненно лелеяли мечту о подчинении его в один прекрасный день французскому протекторату. Вот почему они поощряли вице-королей в их стремлениях освободиться от опеки Порты, и по той же причине Англия, со своей стороны, противодействовала им. Англия в то время переживала медовый месяц своего либерализма и мало заботилась о расширении границ своих колониальных владений ⁴⁾ и потому довольствовалась тогда лишь ограждением Египта от всяческих поползновений французов, не выпуская его из заколдованного круга «неприкосновенной» Оттоманской империи ⁵⁾. При таких обстоятельствах можно было ожидать, что британское правительство, к которому султан обратился с просьбой помочь обуздать неистового Измаила, воспользуется случаем напомнить хедиву об его обязанности повиноваться

¹⁾ «Египет» (парламентская «Синяя книга» под этим заглавием), № 7 (1876). Доклад м-ра Кэйва, стр. 7.

²⁾ См. парламентскую «Синюю книгу» (100) 1870 г., стр. 1.

³⁾ См. Парламентская книга — (206) 1839, стр. 4 и 6 (точка зрения Пальмерстона) и Собрание фирманов, пожалованных египетским Хедивом, в «Египет», № 4 (1879) и след.

⁴⁾ «Мы хотим торговать с Египтом, — писал в то время лорд Пальмерстон, — и путешествовать по Египту, но мы не хотим нести бремя управления Египтом... Будем помогать прогрессу этих стран при помощи общего влияния нашей торговли, но воздержимся от завоевательного «крестового похода». А. Е. Ашли в «Жизнь лорда Пальмерстона», т. II, стр. 125.

⁵⁾ «Старой политикой Англии было поддержание всеми силами связи Турции с Египтом и чрез это лишение Франции возможности иметь господствующее влияние в Каире». Эдвард Дэйси, в письме в «Таймс», 25 августа 1879 г.

султану и в то же время обратится с предостережением к английским спекулянтам. Однако влияние финансовых кругов в форейн-оффисе было тогда уже так сильно, что призыв Порты остался без ответа, и Измаилу-паше удалось при помощи крупных взяток сначала великому визирю, а затем самому султану не только достать разрешение на новый заем в 32.000.000 фунтов, но также заполучить в 1873 г. особый фирман, предоставлявший ему право без каких бы то ни было дальнейших ограничений распоряжаться всеми денежными средствами хедивата как в отношении займов, так и договоров и концессий. Сэр Генри Эллиот, британский посол в Константинополе, с своей стороны, поспешил признать, что «вся свобода в области внутреннего управления, которая предоставлена ему (вице-королю), есть фикция, если ему не предоставляется свобода обращаться к иностранным рынкам для получения крупных сумм, которые необходимы для обширных производительных работ, нужных для полного развития всех ресурсов этой удивительной страны, им управляемой» ¹⁾.

Ниже мы увидим, чем объяснялась эта коренная перемена в английской политике по отношению к Египту, а пока заметим, что положение в Египте, несмотря на многочисленные займы, все ухудшалось. Уже в 1872 г. Измаил под давлением своих кредиторов принужден был прибегнуть к крайне пагубной финансовой мере, известной под названием «Мукабала», согласно которой было обещано на вечные времена сокращение наполовину поземельного налога тем землевладельцам, которые в определенный срок выплатят сразу земельный налог в шестикратном размере. Точно так же в 1874 г. была предложена 9-процентная пожизненная рента тем, кто подпишется на внутренний заем в 5.000.000 фунтов, не подлежащий погашению. К лету 1875 г., однако, хедив снова почувствовал острую нужду в деньгах, чтобы заплатить своим алчным кредиторам. Тогда он решил продать свою долю (или иначе долю Египта) в компании по сооружению Суэцкого канала, составлявшую 176.602 акции из общего количества 400.000 акций. Такой шаг свидетельствовал о крайне затруднительном финансовом положении, и неудивительно, поэтому, что когда Турция через пару месяцев приостановила платежи, то биржа реагировала сразу паническим понижением и египетских ценностей.

Как известно, Турции удалось выкарабкаться из этого скверного положения довольно удачно. Державы не осмелились, из боязни друг друга, предпринять решительные действия против Порты, и последняя в борьбе с кредиторами одержала победу, заставив держателей турецких облигаций удовольствоваться сильно сокращенной долей. Совсем другая судьба постигла Египет. Через три недели после катастрофического падения египетских ценностей на бирже, генерал Стэнтон, британский генеральный консул в Каире, сообщил министру иностранных дел лорду Дарби о выраженном ему за несколько дней перед тем желании хедива «принять на службу какого-нибудь компетентного чиновника, основательно знакомого с применяемой в казначействе ее величе-

¹⁾ «Египет», № 4 (1879), стр. 27.

ства системой, для того, чтобы помочь его министру финансов исправить беспорядок, который, по мнению его высочества, существует в этом отделе управления»¹⁾. Просьба эта была письменно повторена через неделю, при чем требовалось уже не одно, а два лица, «которые должны были контролировать приход и расходы под руководством и по директивам министра финансов»; при этом, по крайней мере, один из этих чиновников «должен быть знаком с теми современными исследованиями по политической экономии, в которых изложены истинные законы, управляющие финансовым развитием страны»²⁾. В этой просьбе не было ничего необычного, так как британское правительство перед тем уже ссудило хедиву двух чиновников, Пеннеля и Актона, для только что учрежденного министерства торговли, и хедив был ими весьма доволен³⁾. Единственной интересной чертой этого ходатайства было то, что помощь требовалась теперь для финансового ведомства,—факт, впрочем, вполне естественный при тогдашних обстоятельствах.

Прошло, однако, больше трех недель, прежде чем британское правительство решило ответить; и его ответ оказался довольно неожиданным. Вместо того, чтобы немедленно назначить двух чиновников, просимых хедивом, лорд Дарби после ряда совещаний с британским казначейством 29 ноября сообщил генералу Стэнтону, что правительство предполагает послать в Египет «специальную миссию для переговоров с хедивом по поводу просьбы его высочества дать ему совет по финансовым вопросам»⁴⁾. Это, несомненно, было актом довольно агрессивным. Хедив не просил никакого совета, а говорил только о командировке двух чиновников, которые должны были работать под руководством и по указаниям его министра финансов. Лорд Дарби произвольно подменил это просьбою «совета» и предложил отправить вместо двух чиновников специальную финансовую миссию. Хедив, однако, согласился,—неизвестно, с какой-либо заднею мыслью или по недоразумению. Неделию спустя, «миссия» была образована и состояла из пяти высших чиновников во главе с мистером Кейвом (будущим сэром Стивеном Кейвом), в то время бывшим генеральным казначеем. В письме к м-ру Кейву от 6 декабря⁵⁾ лорд Дарби изложил ему историю просьбы хедива и те мотивы, которыми руководствовалось правительство, посылая миссию. В письме было указано, что «так как успех финансового управления зависит столько же от разумного ограничения обязательств и расходов страны, сколько и от развития ее ресурсов и хозяйственного управления, то представляется важным, чтобы полномочия и положение, которые предполагается дать этим лицам (о которых возбуждено ходатайство), были правительством хедива ясно определены». Но так как не было возможности прийти к какому-нибудь соглашению путем одной переписки, то было предложено послать «лицо, пользующееся безусловным доверием правительства ее величества, опытного финансиста и админи-

¹⁾ «Египет», № 4 (1876), стр. 3.

²⁾ Там же.

³⁾ Письмо Мак-Коуна (члена парламента) в «Таймс», 17 апреля 1876 г.

⁴⁾ «Египет», № 4 (1876), стр. 4.

⁵⁾ Там же, стр. 5.

стратора, для совещания с хедивом и его правительством по поводу финансового положения и управления Египтом для того, чтобы по его донесению правительство ее величества могло успешнее оказать ту помощь, которая от него требуется». «Правительство ее величества, — добавляет лорд Дарби, — не сомневается, что хедив будет с вами вполне откровенен и сделает со своей стороны все возможное, чтобы помочь вам составить себе правильное представление о положении финансовых дел в Египте для того, чтобы вы могли представить полный отчет».

Это письмо, написанное официальным языком, совершенно явно указывает на то, что, посылая в Египет одного из своих коллег, британский кабинет имел в виду нечто большее, чем простое приискание Измаилу-паше нужных ему чиновников. В то время, как хедив говорил лишь о необходимости развития ресурсов своей страны в целях извлечения новых доходов, лорд Дарби указывал на необходимость рассмотрения вопроса о расходах и об управлении Египтом; и в противоположность намерению хедива поместить двух просимых чиновников под начало министра финансов, лорд Дарби говорил о «точном выяснении» финансового положения египетского казначейства и о подаче хедиву «советов». Как удачно было выражено в палате общин¹⁾, лорд Дарби совершил здесь акт вмешательства в целях следственных действий. Между тем «нет ни малейших указаний, — писал «Таймс»²⁾, — на то, чтобы он (хедив) выразил желание получить крупное лицо для обревизования своих счетов, для муштрования своих служащих, для наставления его самого, или для того, чтобы оповестить всему миру, будет ли и когда именно хедив Египта объявлен банкротом».

Причина этого исключительного акта правительства была указана тогдашним канцлером казначейства (министром финансов), который в ответ на запрос в палате сказал, что, пока правительство обсуждало, кого послать хедиву согласно его ходатайства, акции Суэцкого канала поступили в продажу и были куплены³⁾. Действительно, 25 ноября, т. е. за два дня до того, как лорд Дарби телеграфировал генералу Стэнтону, сообщая ему о намерении правительства послать в Египет специальную миссию, акции были куплены тогдашним премьером Дизраэли (лордом Биконсфилдом) за 4 милл. фунтов стерл. при посредстве лондонской конторы Ротшильдов. Это было совершенно беспримерным актом со стороны британского правительства. Во всяком случае, это был весьма рискованный шаг. Хотя он и оказался, в конце концов, очень выгодным (акции котируются теперь (1910 г.) на бирже приблизительно около 35.000.000 фунтов стерлингов), все же было ясно, что британскому правительству не следовало впутывать народные деньги в предприятие, которое могло окончиться провалом. И действительно, в Англии было немало лиц, которые за это строго осуждали Дизраэли. С другой стороны, Британское правительство явно изменяло своей прежней тактике, становясь участником в деле, которое в конце концов было частным ком-

¹⁾ Мистером Лоу, 5 августа 1876 г. Hansard, т. 231, 1876 г., стр. 639 и след.

²⁾ «Таймс», 24 марта 1876 г.

³⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 231, 1876 г., стр. 631—632.

мерческим предприятием, и делая это без санкции парламента и при посредстве частного банка. Объяснение этого беспримерного акта правительства Дизраэли и отступления от старой политики по отношению к Египту, вообще, надо искать в том факте, что поражение, которое Франция понесла в войне с Германией в 1870 г., и последовавшее ослабление ее влияния во всем мире вдохновили государственных деятелей Англии на новые планы в области восточной политики, взамен прежней политики одной только оппозиции французскому влиянию. На это их толкал и финансовый капитал, который, как мы видели уже раньше, стал завязывать сношения с Египтом и сейчас нашел в Дизраэли, также принадлежавшем к финансовым крутам, сочувственно расположенного к нему деятеля.

Дизраэли и является основоположником английского империализма в современном смысле этого слова. Финансовые затруднения Измаила, в связи с изменившимся международным положением Франции, открыли ему широкую перспективу политического проникновения в долину Нила, и лишь только он узнал, что хедив собирается продать свои акции, он, не колеблясь, секретно купил их. Значение этого шага инспирируемая пресса не замедлила объяснить публике. «Публика, — писал главный орган Сити «Таймс» в номере от 26 ноября 1875 г., в котором сообщалось о покупке акций, — публика как в нашей стране, так и в других странах будет рассматривать этот важный акт британского правительства скорее с политической, чем с коммерческой стороны. Он будет рассматриваться, как демонстрация и даже нечто большее: как декларация намерений и начало действий. Невозможно, — продолжает газета, — разделить в нашем представлении покупку акций Суэцкого канала от вопроса о будущих отношениях Англии с Египтом, или трактовать вопрос о судьбах Египта вне зависимости от тех туч, которые заволакивают политический горизонт Турецкой империи... Если восстания, посягательства извне или разложение внутри способны привести Турецкую империю к политическому и финансовому краху, то может явиться необходимость принять меры к охране той части владений султана, с которой мы теснее всего связаны»¹⁾. Другими словами, покупка акций была политическим актом, совершенным с целью дать Англии преобладающее и неоспоримое право обладания Египтом, в случае если бы Оттоманская империя прекратила свое существование, что в то время ка-

1) Это откровенное заявление находится в резком противоречии с позднейшими апологиями, где пытаются изобразить британскую интервенцию в Египте, как «предопределение судьбы», с которым Англия боролась до последнего и которому она уступила только под непреодолимым давлением необходимости и событий, которые нельзя было учесть заранее. «Британское правительство, — говорит, напр., лорд Кромер в своей книге, — делало все, чтобы сбросить с себя египетскую ношу. Но обстоятельства были слишком сильны, чтобы их можно было парализовать дипломатическими актами. Египет должен был достаться англичанам. Он должен был достаться им, несмотря на то, что некоторые были против того, чтобы англичане шли туда, другие отнеслись безразлично к этому, и никто особенно не желал этого; сами же англичане не только не желали идти туда, но отчаянно и искренно боролись против этой необходимости». «Современный Египет», т. I, стр. 130.

залось вполне возможным. В свою очередь, посылка «миссии» в Египет была не чем иным, как попыткой утвердить это право как можно скорее, заставив хедива, в обмен на только что оказанную услугу, принять руководство Англии, в виде некоторого рода финансового контроля.

Правда, что в цитированном уже официальном письме лорд Дарби полагается на то, что Кейв «не ангажирует его (правительство), советом или каким бы то ни было другим способом, к таким действиям, которые могли бы быть приняты за желание оказать неподобающее влияние на внутренние дела Египта»¹⁾; но такая фразеология была вполне естественна. Подлинные мотивы этого правительственного акта не могли быть изложены в официальном документе, который в один прекрасный день мог бы появиться на свет. Тем не менее, даже в этом письме лорд Дарби многозначительно намекает на большие возможности миссии²⁾. «Хотя, — говорит он, — главной целью Вашей миссии будет совещание с хедивом по административным вопросам — о чем просило его высочество, — Вы без сомнения мимоходом соберете немало сведений величайшей ценности как для Египта, так и для нашей страны». И в заключение он пишет: «Правительство ее величества не считает нужным давать Вам детальных указаний, так как оно предпочитает предоставить руководство миссией, насколько возможно, Вашему усмотрению».

Общественное мнение Англии в то время было твердо убеждено, что Кейв отправился для переговоров об установлении английского протектората или, по крайней мере, финансового контроля над Египтом взамен за оказание значительной финансовой помощи в виде займа; и когда 4 января 1876 г. распространился слух, что Кейв не поладил с хедивом и возвращается назад, не выполнив своей задачи, то биржу охватила сильная паника³⁾. Несколько недель спустя, касаясь финансового положения Египта, «Таймс», знавший кое-что о секретных делах правительства, писал⁴⁾: «Вывод можно сделать только один, а именно — что только радикальная реформа египетского управления и египетских финансов может дать прочность государству. Без сомнения, Египет мог бы заключить более выгодные условия со своими кредиторами, если бы у него была большая кредитоспособность, но как он может этого достигнуть? Все рассуждения по этому поводу, повидимому, основываются на предположении, что каким-то способом хедива заставят покорно подчиниться английскому руководству и что Англия возьмет на себя управление финансами Египта, и часть английского кредита будет перенесена на Египет для того, чтобы дать возможность его правительству видоизменить свои обязательства и значительно сократить ежегодные платежи. Но это предполагает наличие отношений между этими двумя государствами, на которые нет ни малейшего намека, — или, по крайней мере, склонность к этому со стороны египетского правителя, что также мы тщетно стали бы искать». Из этих слов ясно видно, что Англия готова была взять на себя управление финансами Египта ценою подчи-

1) Египет, № 4 (1875), стр. 5.

2) Там же.

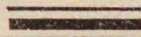
3) «Таймс», 5 января 1876 г., отдел финансов.

4) Там же, 29 января 1876 г.

нения хедива «английскому руководству»; и хотя потом, несколько месяцев спустя, та же самая газета осмеяла предложенную комбинацию, как «самое пагубное заблуждение»¹⁾, именно эта комбинация в те времена, когда Кейв был еще в Египте, считалась наиболее желательной.

К несчастью для Дизраэли и держателей акций, миссия Кейва действительно потерпела полную неудачу. Хедив, правда, разрешил ему, хотя и с большим неудовольствием²⁾, исследовать финансовое положение египетского казначейства и согласился на предложение принять на свою службу, вместо двух подчиненных чиновников, «финансового советника» в лице мистера (позднее сэра) Риверса Уильсона, генерального контролера при управлении по английским государственным долгам. Это было с его стороны согласие на новый акт вторжения британского правительства. Но дальше этого хедив не пошел. Вероятно, Кейв, как честный человек, был не вполне подходящим дипломатом для выполнения деликатной миссии, возложенной на него Дизраэли. Главной же причиной его неудачи послужило то обстоятельство, что французское правительство, как только оно услышало об его «миссии», решило и от себя послать в Египет комиссара, для того, чтобы он мог противодействовать всем предложениям, которые Кейв будет делать в интересах английского правительства и английских держателей акций³⁾. Французским комиссаром был некий Утрей, бывший генеральный консул в Каире, действовавший так успешно, что хедив, увидя, что его опекают два соперничающих между собой ухаживателя, дал понять Кейву, что он может обойтись без «английского руководства».

Таким образом, первая попытка англичан наложить свою руку на Египет окончилась неудачей. Жаль, что наши правдивые историки⁴⁾ никогда не давали себе труда сообщить нам вышеупомянутые подробности. Они начинают с велений судьбы и кончают их осуществлением, но промежуточные стадии беззаботно или, вернее сказать, заботливо опускаются ими.

¹⁾ «Таймс», 24 марта 1876 г.

²⁾ «Полагают, что хедиву не было вполне известно, для чего прибыл Кейв, и что, когда он открыл сыскные намерения этого лица, он был глубоко возмущен». «Таймс», 24 марта 1876 г.

³⁾ Телеграмма из Парижа в «Таймс», 31 января, 1876 г. Бловиц, парижский корреспондент «Таймс», в течение всего кризиса находился в тесном контакте с французскими держателями акций, будучи в то же время большим приятелем Уильсона и некоторых главных персонажей, близко стоявших к хедиву, включая Нубара-пашу.

⁴⁾ См. рассуждения лорда Кромера о великом значении «точности изложения» и опасности «полу-истин». «Я думаю,—заявляет он,—что могу с полным правом претендовать на исключительное положение, поскольку дело касается достижения точности в изложении». «Современный Египет», предисловие, стр. 2—3.

ГЛАВА II

ЕГИПЕТ ВО ВЛАСТИ ФИНАНСИСТОВ

Кейв покинул Каир в начале февраля, оставив хедива в разгаре переговоров с Утреем и французской группой капиталистов, во главе с Пастрэ из Англо-Египетской банковской компании. Предполагалось образование «Национального» египетского банка под международным управлением комиссаров, назначенных Францией, Англией и Италией, который должен был консолидировать египетский вексельный долг из 9% под обеспечение египетских железных дорог, принимать поступления, оплачивать купоны, совершать банковские операции с казначейством и т. д. Французское правительство было очень заинтересовано в том, чтобы Англия приняла участие в этом предприятии, и герцог Деказ, французский министр иностранных дел, сделал официальное предложение лорду Дарби, чтобы оба государства действовали в египетских делах по взаимному соглашению, а не как соперники ¹⁾. Но лорд Дарби остался глух к этому предложению, во-первых, потому, что хедив не хотел, чтобы его финансы контролировались иностранными агентами, и, во-вторых, потому, что время не было благоприятно для новых предложений, так как «Риверс Уильсон, лицо, рекомендованное хедиву для реорганизации его финансового управления, был накануне своего выезда в Египет» ²⁾. Уильсон к этому времени находился уже в Париже, где Кейв посвящал его в секретный доклад, который он изготовил о финансовом положении Египта ³⁾, и он сразу увидел, что предложенная французская комбинация не будет выгодна для британских кредиторов. Эти последние принадлежали, главным образом, к держателям консолидированного долга, и было явно не в их интересах, чтобы долг этот увеличился прибавлением к нему вексельных обязательств хедива, кредиторами по которым являлись, главным образом, французские банкирские дома. В марте парижский корреспондент «Таймс» предостерегал британское правительство не соглашаться на комбинацию Утрея и Пастрэ, так как это уронит стоимость ценностей, находящихся в английских руках ⁴⁾, и три дня спустя, 6 марта,

¹⁾ «Египет», № 8 (1876 г.), стр. 1.

²⁾ Там же, стр. 2.

³⁾ Там же, № 7 (1876 г.) Доклад Кейва, стр. 1.

⁴⁾ «Таймс», 3 марта 1876 г.

лорд Дарби, в ответ на повторную просьбу хедива назначить комиссара в банк, объявил, что британское правительство не желает иметь никакого дела с этим проектом. «Если бы, — многозначительно добавляет он ¹⁾, — был составлен приемлемый проект, предусматривающий получение комиссией доходов и употребление их на уплату египетского долга, то правительство ее величества согласилось бы войти в его рассмотрение». Другими словами — как об этом откровенно объявил в палате общин Дизраэли ²⁾ — английское правительство не имело намерения поддерживать какой-то проект участвующей банковской организации и могло бы войти в рассмотрение лишь проекта полной финансовой контрольной комиссии ³⁾. Хедив, однако, не согласился на это и предпочел прекратить все дело, к великой радости британских финансистов. «Мы очень рады, — писал «Экономист» ⁴⁾, — что проект французского займа и французской комиссии рухнул и не привел ни к чему. Самым нежелательным было бы иметь французских правителями Египта. Чтобы предотвратить это, лорд Пальмерстон противился постройке Суэцкого канала. Чтобы предотвратить это, мы истратили 4.000.000 фунтов стерлингов, потому что иначе акции хедива могли бы стать французскими».

Но дело однако не окончилось на этом. Так как французским финансистам не удалось выполнить своего проекта, то французское правительство, чтобы не оставлять поле действия всецело в руках англичан, немедленно отправило своего собственного «финансового советника» в лице Вилье, главного инспектора финансов, чтобы помочь хедиву в реорганизации его финансового отдела ⁵⁾. Это был явный контр-маневр в ответ на посылку Уильсона, и встревоженный лорд Дарби телеграфировал генералу Стэнтону, предписывая ему дать совет хедиву «воздержаться от каких-либо поспешных действий и дожидаться, по крайней мере, приезда в Египет Риверса Уильсона» ⁶⁾. Хедив был вполне склонен принять совет. Он «с радостью рассмотрит предложения, — объявил он генералу Стэнтону ⁷⁾, — которые Уильсон сделает ему, и примет их, если они окажутся более выгодными для его страны, чем предложения французской группы». Но Уильсон, по приезде, продолжал настаивать на финансовой контрольной комиссии взамен консолидации и конверсии всего долга, в то время как Вилье привез с собой проект, составленный французскими кредиторами совместно с французским правительством, в котором вызывавший возражения пункт прежнего проекта, т. е. устройство банка, был опущен, и вместо этого пред-

¹⁾ «Египет», № 8, (1876 г.), стр. 10.

²⁾ Hansard. «Парламентские отчеты», т. 22, 1876, стр. 1418.

³⁾ В своей передаче истории переговоров по вопросу о Национальном банке лорд Кромер говорит: («Современный Египет», т. I, стр. 12) «Франция и Италия согласились назначить комиссаров, но лорд Дарби не хотел вмешиваться во внутренние дела Египта и отказался назначить британского комиссара». Поистине, «точность» приводимых фактов — большая заслуга!

⁴⁾ Цитировано «Таймс», 17 апреля 1876 г.

⁵⁾ «Египет», № 9, (1876), стр. 13.

⁶⁾ Там же, стр. 14.

⁷⁾ Там же.

полагалось устройство, просто-напросто, Комиссии Долговой Кассы, состоящей из членов, назначенных соответствующими правительствами, в обязанность которых входило контролировать поступающие доходы, предназначенные для оплаты купонов. В то же время весь долг, как вексельный, так и прочий, должен был быть консолидирован на известных условиях и обеспечен определенными источниками государственных доходов Египта. Лорд Дарби, услышав об этом проекте, немедленно пожелал ознакомиться с подробностями ¹⁾. Он нашел их неприемлемыми: комиссия не имела бы действительного контроля над финансами, а действовала бы только как сборщица поступлений в интересах кредиторов, в то время как условия, на которых консолидировался вексельный долг, были невыгодны для держателей консолидированных бумаг. Но так как хедив, повидимому, все-таки был склонен принять этот проект, то британское правительство решило заставить его подчиниться путем террора.

20 марта лорд Дарби неожиданно сообщил Исмаилу о своем намерении опубликовать доклад Кейва ²⁾. Это было беспрецедентным вероломством. Кейву было разрешено проникнуть в тайны египетского управления и финансов при условии, что его доклад будет строго конфиденциальным, известным только хедиву и британскому правительству, и послужит только базисом для оказания хедиву необходимой финансовой помощи. Теперь же британское правительство, под предлогом, что публика требует этого, собиралось опубликовать доклад, что могло иметь своим последствием только одно, — а именно, окончательное падение кредита хедива. Понятно, что он протестовал самым решительным образом: «Информация — заявил он ³⁾, — данная Кейву, носила строго конфиденциальный характер и предназначалась только для осведомления правительства ее величества», и если опубликованию доклада «не будет предшествовать соглашение с английскими финансистами, или назначение английского комиссара, то всякое обсуждение финансового положения Египта явится пагубным для его интересов». Британское правительство вняло протесту и отказалось от своего намерения, но оно сделало нечто худшее. Когда Дизраэли был задан вопрос в палате о том, когда появится доклад Кейва, он, вместо того, чтобы ответить, что доклад этот не предназначается для огласки, заявил, что он весьма желал бы опубликовать его, но что хедив решительно восстает против этого ⁴⁾. Это было рассчитано на то, чтобы создать впечатление, что донесение Кейва было отнюдь не благоприятно; и расчет возымел действие. Египетские ценности подверглись сильному понижению, и произошла чрезвычайная паника. Десять дней спустя, хедив дал разрешение опубликовать злополучный доклад. Он заявил ⁵⁾, что не видал отчета, но, полагаясь на то, что Кейв правильно изобразил положение вещей, с нетерпением ждет его опубликования, так как это рассеет неосновательные

¹⁾ Там же, стр. 25.

²⁾ «Египет», № 8, (1876), стр. 15.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 231, 1876 г., стр. 639.

⁵⁾ «Египет», № 8, (1876), стр. 28.

опасения публики. Но было уже поздно. Хотя отчет Кейва был не так плох, как намекал Дизраэли, публика отказалась изменить свой неблагоприятный взгляд на финансовое положение Египта. «Ils ont creusé ma fosse!» («Они мне вырыли могилу»), сказал бедный Измаил, комментируя этот недостойный поступок британского правительства, и сам Кейв не мог не признать, что его миссия, вместо помощи хедиву в заключении займов, только лишила его доступа к денежным рынкам ¹⁾.

Измаилу-паше ничего не оставалось делать, как только признать свою несостоятельность. Доклад Кейва был опубликован 3 апреля, а четыре дня спустя хедив объявил о своей несостоятельности произвести оплату по текущим счетам и отложил платеж на три месяца. «Мы достигли того,—писал «Теймс» немного спустя ²⁾,—что египетские ценности упали ниже того предела, которого они достигли бы, если бы мы воздержались от всякого вмешательства в финансовые дела Египта... Если бы хедив посоветовали обратиться с упреком к нашему министру иностранных дел и заявить, что, вследствие колебаний Англии в иностранной политике, его кредит так жестоко пострадал на всех европейских биржах, что он не в состоянии был произвести оплату по обязательствам текущего долга, без того вполне возможную, то нам пришлось бы сознаться, что упрек этот имеет полное основание» ³⁾.

Но все же положение было далеко не безнадежным. В своем докладе Кейв, после детального разбора финансового положения, замечает ⁴⁾: «Из этих расчетов видно, что ресурсов Египта, если правильно взяться за них, вполне хватило бы для оплаты по обязательствам, но так как весь его актив служит обеспечением платежей по существующим уже займам, то необходима какая-то новая комбинация для консолидирования по умеренным процентам существующего весьма обременительного вексельного долга... Египет вполне способен нести целиком свою настоящую задолженность по разумным процентам; но он не может возобновлять до бесконечности обязательства по вексельному долгу из 25% и производить займы из 12 и 13% для оплаты этих новых долгов. Другой финансист, сэр Джордж Эллиот, который за два года перед тем, по просьбе самого Измаила, подробно изучил финансы Египта и был противником Пастрэ по вопросу о Государственном банке, держался того же мнения, что и Кейв. «Исследование,—заявил он сам в палате общин ⁵⁾,—раскрыло настоящее положение дел в Египте, ко-

¹⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 231, 1876, стр. 619 и 627.

²⁾ «Таймс», 26 апреля 1876 г.

³⁾ В передаче лорда Кромера это выходит так: «За некоторое время до общего развала было уже ясно, что безрассудное управление Измаила-паши финансами страны должно было рано или поздно привести к финансовой катастрофе... 8 апреля 1876 г. грянул гром. Хедив отсрочил платежи по счетам своего казначейства» («Современный Египет», т. I, стр. 12). Ни одного слова о роли, которую сыграло в этом британское правительство! Между тем, «излагать полунистину, это значит—говорит он в предисловии,—делать первый шаг к исторической неточности».

⁴⁾ «Египет», № 7, (1876), стр. 12.

⁵⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 231, (1876), стр. 652 и 653.

торое отнюдь не было безнадежным. Оно имело здоровую почву, поскольку доходы предназначались для оплаты резонабельных процентов по долгам, лежавшим на Египте. Я хочу этим сказать, что платежеспособность у Египта есть, но при более умеренных процентах. Я несколько не сомневаюсь, что, следуя проекту, который я предложил хедиву, Египет был бы в состоянии выплачивать все проценты и отчисления в амортизационный фонд, что дало бы возможность погасить долг в течение 65 лет и оставляло бы достаточную сумму на все необходимые нужды по управлению страной... Я твердо убежден, что Египет сам по себе вполне жизнеспособен. Он обладает обширными ресурсами, которые увеличились и развились самым поразительным образом и по всем данным и в будущем будут так же развиваться.

Это было прекрасным свидетельством истинного положения финансов Египта. Его основная мысль была та, что если бы вексельный долг Египта можно было консолидировать и проценты по всему объединенному долгу установить в резонабельных размерах, то Египет быстро оправился бы, и все были бы довольны.

Это именно Измаил-паша и решил теперь осуществить. Нечего было ожидать, что после предательского акта, совершенного английским правительством, он будет склонен принимать какие-либо предложения с его стороны. Он принял французский проект, и двумя декретами, изданными 2 и 7 мая, учредил Кассу Государственного долга и превратил весь долг, консолидированный и вексельный, в один объединенный долг с оплатой 7% с номинального капитала, подлежащий погашению в течение 65 лет. Боны большей части долгов, в целях настоящей конверсии, были *al-pari*, боны же вексельного долга, которые приносили 20—25%, получили, в виде компенсации, премию в 25%, т.-е. были приняты по 80. В качестве обеспечения, некоторые источники государственных доходов — земельный налог с четырех богатейших провинций, доходы с таможен Каира и Александрии, табачный акциз и др., — дававшие около 8.000.000 фунтов стерлингов в год, были ассигнованы для оплаты процентов и погашения, в дополнение к земельным владениям самого хедива, известным под названием *Daira Sanieh*, которые имели задолженность в 8.800.000 фунтов стерлингов, но приносили ежегодный доход в 684.000 фунтов стерлингов.

Это было удачной операцией, удачной для кредиторов, но отнюдь не для египетского народа, которому, таким образом, приходилось уплачивать 7%, что было слишком тяжелым для него бременем¹⁾. Один момент казалось, что британское правительство само готово начать переговоры, исходя из этого проекта, в расчете, что Ротшильды, которые помогли Дизраэли при покупке акций Суэцкого канала, примут участие в конверсии. Сэр Натаниель Ротшильд отправился даже в Париж, чтобы выяснить возможность такого участия²⁾. Там он однако узнал то, что заранее предвидел. Проект этот был, бесомненно, слиш-

1) «Почти вдвое больше того, что Египет при существующих условиях может выдержать без обременения», — таково было мнение финансового обозревателя «Таймс», (28 апреля 1876 г.).

2) «Таймс», 8 апреля, 1876 г., телеграмма из Парижа.

ком выгоден для французских держателей вексельного долга, давая им премию в 25 %, но он был совсем невыгоден британским держателям консолидированного долга, который теперь должен был возрасти до 91.000.000 фунтов стерлингов. Кроме того, комиссарам Кассы не давалось никаких исключительных прав; наоборот, хедив мог их увольнять по своему усмотрению. Хедив, как заметил «Таймс» с характерной ворчливостью¹⁾, «останется таким же распорядителем судеб Египта, каким он был и до сих пор». Было ясно, что только полное подчинение Измаила «английскому руководству» могло удовлетворить англичан. «Необходимо одно из двух, — писала та же газета, являющаяся выразителем интересов Сити²⁾, — или какое-нибудь дружественное правительство открыто предоставляет свой кредит хедиву, взамен предоставления ему протектората, или сам хедив должен решиться выдвинуть какой-нибудь свой план». Так как хедив самым нелюбезным образом отказался принять покровительство «дружественного правительства» Англии, а его собственный план не нравился ни Ротшильдам, ни Дизраэли, то лорд Дарби написал 26 мая генералу Стэнтону, что план хедива «по многим пунктам вызывает с их стороны большие возражения» и что поэтому «они не в состоянии принять на себя ответственность, которая возникла бы с назначением комиссара Кассы»³⁾.

Положение оказывалось для англичан очень незавидным. Майские декреты были изданы, трое из четырех правительств, которым было предложено назначить комиссаров в комиссию Долговой Кассы, сделали это, и казалось вполне возможным, что хедив, поддержанный Францией, окончательно решится не обращать никакого внимания на английские требования и предложит им на выбор: либо принять его проект, либо действовать, как знают. Настроение на лондонской бирже сильно обострилось. Собрание за собранием созывались держателями египетских ценностей, протестовавшими как против «самодержавных» действий хедива, так и против неудачной политики английского правительства; и в печати появилась куча писем, призывавших его найти какой-нибудь выход из затруднительного положения. И как бы для того, чтобы подлить масла в огонь, в Европу возвратился Риверс Уильсон, предполагаемый «финансовый советник», который нашел «невозможным» (как сетовал александрийский корреспондент «Таймс») ⁴⁾ «оставаться после того, как был принят проект, против которого он так упорно восставал и к которому британское правительство так недоброжелательно относилось». В конце концов, правительство решило уступить и отказаться ради кредиторов от своего излюбленного проекта. Было ясно, что, пока главная суть будет в финансовой стороне дела, Франция всегда сумеет разрушить самые хитроумные старания британского правительства к получению от хедива признания протектората, а раз так, то для Англии казалось неизбежным на время отрешиться от своих честолюбивых замыслов и пойти на компромисс с Францией, для того, чтобы

1) «Таймс», 5 мая 1876 г.

2) Там же, 7 апреля 1876 г.

3) «Египет», № 8, (1876), стр. 77—79.

4) «Таймс», 5 июня 1876 г.

защитить, по крайней мере, интересы британских кредиторов. Без сомнения, для Дизраэли было горьким разочарованием столкнуться с таким положением вещей, но, принимая во внимание, с одной стороны, воздействие, оказываемое держателями египетских бон, с другой, — плачевную неудачу двух предшествовавших миссий, другого выхода из создавшегося положения как будто и не было.

Действовать, однако, надо было благоразумно и осмотрительно. С французским правительством было сравнительно легко притти к соглашению, и одного визита, который граф Дарби нанес герцогу Деказу, тогдашнему французскому министру иностранных дел, оказалось вполне достаточно для того, чтобы все дело получило удовлетворительный оборот ¹⁾. Совсем иначе обстояло дело с хедивом. Чернила еще не успели высохнуть, которыми министр написал последнюю депешу Стэнтону, и если бы Дарби решил теперь взять ее обратно, то это было бы равносильно откровенному признанию своего поражения.

Что казалось необходимым — так это, чтобы хедив согласился сделать некоторые уступки тому принципу, на котором настаивало британское правительство; последнее же должно было, со своей стороны, неофициально пойти на признание тех сделок, которые хедив мог заключить со своими кредиторами. Главное затруднение было в том, чтобы найти подходящее лицо для ведения этих щекотливых переговоров; но оно было скоро преодолено с появлением на сцену мистера (позднее лорда) Гошена.

Гошен был в это время членом парламента от лондонского Сити. Но он был также членом предыдущего либерального кабинета и участником финансового торгового дома Фрюлинг и Гошен, который устроил первый заем Измаилу-паше. Он мог, поэтому, действовать официально в интересах держателей бон, и неофициально — в политических интересах Англии, не компрометируя при этом правительства и проводя тем не менее в жизнь его желания. Его появление, поэтому, было встречено с большим энтузиазмом. Он ездил несколько раз в Париж совещаться с французскими кредиторами, и в конце концов ему удалось заставить их отказаться от своего проекта и принять другой, основанный на компромиссе. Вексельный долг должен был консолидироваться но премия его держателям уменьшалась до 10 %. Кроме того, долг, лежавший на Даире, как личный долг хедива, исключался из консолидированного долга и образовывал вместе с вексельным долгом особую группу, номинально с оплатой 5 %. Долги по займам 1864, 1865 и 1867 годов также исключались из общего консолидированного долга по техническим соображениям, но в действительности потому, что Фрюлинг и Гошен были заинтересованы в них и по-прежнему выплачивали от 10 — 12 %. Самый консолидированный долг уменьшался таким образом до 59.000.000 фунтов и выплачивал единообразный процент (7 % номинальных). Кроме того, предполагалось, преимущественно в целях конверсии, создать новый заем в размере 17.000.000 фунтов, с оплатой 5 %. В общей сложности расходы по долгам, которые предпо-

¹⁾ «Таймс», 11 апреля 1876 г., телеграмма из Парижа.

лагалось возложить на Египет, достигали 6.565.000 фунтов стерлингов в год, что составляло около 66% его номинального дохода.

Так обстояло дело с чисто финансовой стороны. В виде обеспечения этих огромных платежей решено было принять те же источники доходов, которые Измаил имел в виду в своем проекте. Но для того, чтобы эти последние были обеспечены, назначалось еще двое главных контролеров, помимо Комиссии Долговой Кассы: один — для контроля за доходами, другой — для наблюдения за государственными расходами. Они должны были принимать участие в составлении бюджета, хотя и без права вмешиваться в действия министров, при чем хедиву давалось право смещать их по своему усмотрению. Такова была политическая сторона проекта Гошена, представлявшая компромисс между требованиями британского правительства и отрицательным отношением к нему хедива. По виду проект этот был вполне невинен: ведь, контролеры назначались и отрешались от должности хедивом. В действительности это было крупное новшество: в управление Египтом вводились иностранцы, действующие в иностранных интересах, и все управление ставилось под высший контроль Европы. Это был острый клин, который при благоприятном обороте дела и умении можно было постепенно вбивать все глубже и глубже до тех пор, пока это не приведет к развалу власти хедива и к замене ее другой.

Когда стало известно, что между Гошеном и французскими кредиторами достигнут компромисс, восторг, охвативший биржу, не имел границ. В начале октября 1876 г. Гошен присутствовал на прощальном собрании, устроенном акционерами, на котором он горячо уверял, что «добьется для них всего, что только действительно возможно»¹⁾, и через несколько дней отправился в Египет в сопровождении Жубера, представителя финансовых кругов Франции, — точно новый Геркулес, решивший очистить Авгиевы конюшни египетских финансов²⁾.

Номинально Гошен выехал как частное лицо, в качестве представителя двух тысяч британских кредиторов. «Эти джентльмены (Гошен и его спутники), — объяснял в Палате Общин представитель правительства³⁾, — получают от британского правительства некоторую поддержку, на которую в виде любезности может рассчитывать каждый англичанин, отправляющийся за границу; но дело свое они ведут за свой счет». Конечно, это была та благочестивая ложь, которую министры часто позволяют себе *pro bono publico*. На самом же деле правительство, далекое от того, чтобы оказать Гошену «обычную» долю поддержки, специально предписало генеральному консулу в Каире дать понять Измаилу всю важность положения, занимаемого лицами, с которыми ему придется иметь дело, и не забыть упомянуть, что Гошен — *ex-minister* кабинета и без сомнения в один прекрасный день снова может занять пост министра⁴⁾. И, разумеется, Гошен, ведущий переговоры вовсе не за свой

1) «Таймс», 10 октября 1876 г.

2) Лестное сравнение с Геркулесом было сделано александрийским корреспондентом «Таймс», (11 ноября 1876 г.).

3) Hansard, «Парламентские отчеты», т. 243, 1876, стр. 1626, 1627.

4) «Египет», № 2, (1879), стр. 7 и 8.

страх, получал в течение всего времени самую деятельную помощь от британского генерального консула. Это было, конечно, в соответствии с заранее обдуманым планом и превышало простую «любезность».

И вот, началась низкая игра торгашества и запугивания, завершившаяся таинственной драмой, главным действующим лицом которой был Измаил, но истинные авторы которой до наших дней остаются неизвестными, не осмеливаясь выйти на сцену. Можно было предвидеть, что Измаил недолго будет в состоянии противостоять соединенной атаке Гошена и Жубера. До этого времени его безопасность заключалась в соперничестве французских и английских кредиторов. Теперь, однако, эти партии объединились, и ему, казалось, не было никакого другого выхода, как только согласиться на их требования. За его спиной стоял, однако, один его старый советник, министр финансов, Измаил-Садых-паша, который был решительно против такого образа действий. Источники, у которых нам приходится черпать сведения — все друзья Гошена и финансисты — изображают нам Садыха как типичного восточного пашу, бессовестного, жестокого, бесчестного и фанатичного. Быть может, оригинал не так уже был плох, как его рисуют те, против чьих негодных планов он боролся. Во всяком случае, позиция, которой он держался в это время, была во всех отношениях правильной. Он доказывал, что раз дело дошло до соглашения с кредиторами, то было бы величайшим безумием давать им 7%; 5% было самое большее, что Египет мог выплатить, не разоряя себя. Что касается до допущения контроля над финансами, что практически сводилось к контролю над управлением, то это было, в его глазах, не чем иным, как попыткой отдать страну иностранцам, поступком, равносильным государственной измене. Он угрожал хедиву восстанием всей страны, если он согласится принять эту статью программы Гошена и Жубера¹⁾, и есть основание полагать, что он сделал бы все возможное, чтобы осуществить эту угрозу. Положение стало довольно критическим. «Надо признаться, — писал александрийский корреспондент «Таймс»²⁾, — что новая комбинация является сильным ограничением абсолютной власти суверена... Поэтому нельзя сказать с уверенностью, что он ее примет. Сам по себе хедив достаточно ясно видит... чтобы примириться с этим положением... Но партия, которая извлекала столько выгод при старом положении вещей... очень сильна, и ее глава, министр финансов, имеет огромное влияние на своего повелителя».

При таком положении вещей отставка министра финансов стала почти вопросом жизни и смерти для поборников «нового порядка». «Правильно или нет, — невинно замечает тот же корреспондент³⁾, —

¹⁾ В телеграмме, напечатанной в «Таймс» 13 ноября, агентство Рейтера обвиняет Садыха в том, что он «изображает хедива продающим Египет христианам и возбуждает религиозные чувства народа против мер, предлагаемых Гошеном и Жубером». Это обычная манера европейских разжигателей вражды — обвинять магометан в фанатизме всякий раз, как они восстают против эксплуататорских планов иностранцев.

²⁾ «Таймс», 13 ноября, 1876 г.

³⁾ Там же.

но его падения страстно желают, и самый верный способ поднять настроение на александрийской бирже — это повторить часто возникающий слух о том, что министр финансов пал». После долгих трудов это, наконец, было достигнуто. Бессильный противостоять проискам Гошена, не решаясь, однако, уволить обычным путем старого, могущественного служаку, Измаил пригласил его однажды с собой на прогулку и предательски убил. Известие о падении ненавистного противника «реформ» было немедленно сообщено в Англию корреспондентами газет, и генеральный консул донес правительству, что «шансы на успех миссии Гошена и Жубера, которые, благодаря враждебному влиянию и интригам министра финансов, некоторое время были сомнительны, заметно возросли с его падением» ¹⁾. Ни малейшего негодования не вызвал этот подлый поступок Измаила, и позднее разные самозванные обвинители хедива, не упускавшие случая подчеркнуть самые ничтожные недостатки его характера, почти не останавливались на этом преступлении ²⁾. Как раз наоборот. Едва успело это радостное известие достигнуть александрийской биржи, как египетские ценности поднялись на 3 ф. ст. в течение полутора часов, и корреспондент «Таймс» писал торжествующе своей газете ³⁾: «Оно (падение Садыка) рассматривается как конец старой системы... Измаил-Садык стоял во главе партии, которая боролась с европейским влиянием в стране и против прогресса цивилизации... Падение министра, который, как говорят, подготовил контр-проект, считается весьма благоприятным для успеха дела». И действительно, вскоре после совершенного насилия, Измаил объявил Гошену и Жуберу, что он принимает их проект ⁴⁾, и успех «цивилизации» стал совершившимся фактом в долине Нила. Англия и Франция, во главе с ростовщиками, теперь вдвоем захватили трон правоверных, перешагнув для этого через труп и замарав свои одежды в крови ⁵⁾.

¹⁾ «Египет», № 2, (1877 г.), стр. 21.

²⁾ В книге лорда Кромера обо всей этой истории имеется только одна краткая заметка.

³⁾ «Таймс», 21 ноября, 1876 г., письмо из Александрии.

⁴⁾ Измаил-Садык был убит хедивом 10 ноября, а проект Гошена-Жубера был формально принят 18 ноября.

⁵⁾ Блант (Blunt) в своей «Секретной истории британской оккупации Египта» (стр. 39—41), излагает историю убийства Садыка, как она ему была передана Риверсом Уильсоном. Согласно этой версии Измаил совершил убийство из боязни, что Садык откроет Гошену и Жуберу многочисленные подлоги, которые хедив совершил в счетах, представленных этим лицам. Но Риверс Уильсон едва ли был человеком, способным передать правильную версию. Он был председателем Международной Анкетной Комиссии, которая должна была найти объяснение неудачи предприятия Гошена-Жубера, и хотя дело было совершенно ясно — ни одна страна, как бы богата она ни была, не в состоянии уделять на уплату по своим государственным долгам 66% своих доходов — комиссия ухитрилась найти другую причину, а именно: неисправность счетов Измаила-паши. Никто из тех, кто возьмет на себя труд ознакомиться с официальными и неофициальными данными того времени, не сможет отделаться от впечатления, что убийство было совершено если и не под непосредственным давлением со стороны финансовых дельцов, то во всяком случае в ответ на их натиск. Один лаконичский стиль донесения об этом факте способен возбудить подозрения по поводу истинной сущности этой трагедии. В своем критическом отзыве о книге лорда Кромера, напечатанном

Это было достойное начало для того режима, который питался насилием, взращивался насилием и в конце концов при помощи насилия восторжествовал над всеми препятствиями.

в вашингтонской «Sunday Star», полковник Чарльз Лонг пишет, «что лорд (тогда еще мистер) Вивиан (британский генеральный консул в Каире), как достоверно известно самому автору, передал эту историю со всеми подробностями властям в Лондоне. Разоблаченный в Египте лордом Вивианом убийца был произведен в рыцари и награжден титулом «сэра». Не мешало бы установить тождество этого лица, опубликовав донесение лорда Вивиана».

ГЛАВА III

«LA HAUTE FINANCE»

Мы достигли теперь поворотного пункта в нашей исторической драме, и прежде, чем следовать дальше, полезно будет взглянуть на экономическое положение Египта, для того, чтобы лучше понять ту судьбу, которая привела к гибели сначала Измаила, а затем и самый Египет.

«Египет, — писал один наблюдательный очевидец в самый критический момент правления Измаила¹⁾, в 1876 г., — представляет удивительный образчик прогресса. В течение семидесяти лет он настолько подвинулся вперед, насколько другие страны подвинулись в пять столетий». Эта точка зрения может показаться очень странной тем, кто привык считать начало прогресса этой несчастной страны со времени британской оккупации. Это был тем не менее очень правильный взгляд, и как бы это ни казалось парадоксальным, он мог быть с таким же основанием приложен ко времени царствования Измаила, вплоть до 1875 г., как и к любому периоду до него. Известно²⁾, что между 1863 г. и 1875 г. было окончено сооружение Суэцкого канала; прорыто 112 ирригационных каналов в общей сложности длиною в 8.400 миль; увеличена сеть железных дорог с 275 до 1.185 миль; проведено более 5.000 миль телеграфа; сооружено 430 мостов, включая сюда мост Chesireh, который долго считался одним из лучших мостов в мире; построена гавань в Александрии, водопроводы в Александрии и Каире; построены доки в Суэце, 15 маяков и 64 сахарных завода, и, кроме того, были произведены очень большие улучшения улиц Каира и других городов. Компетентными статистиками³⁾ высчитано, что одни только эти работы поглотили свыше сорока шести миллионов фунт. стерл. Благодаря этим затратам, миллион с четвертью акров земли, с валовым ежегодным урожаем, исчислявшимся в то время в сумме около 11.000.000 фунтов стерлингов, и с ежегодной рентой в 1.400.000 фунтов стерлингов, были

¹⁾ Никто другой, как тогдашний александрийский корреспондент «Таймс» (6 января 1876 г.), позднее самый заклятый враг Измаила (это был некий Моберли Бель, впоследствии директор «Таймс»).

²⁾ М. Г. Малхол, «Финансы Египта», «Contemporary Review», октябрь 1882 г., стр. 531; Барон фон-Малорти «Египет и иностранная интервенция», 1883 г., стр. 144, 123—25; А. Бэрд, «Египетская путаница», 1884 г., стр. 19; и доклад Кей в а.

³⁾ Малхол, цит. соч., стр. 529 и след.

отвоеван у пустыни, и площадь пахотной земли в Египте увеличилась с 4.052.000 акров в 1862 г., последний год правления предшественника Измаила, до 5.425.000 акров в 1879 г., когда Измаил был низложен. Одновременно, в течение того же периода, увеличился ввоз с 1.991.000 до 5.410.000 фунтов стерлингов; поднялся вывоз с 4.454.000 до 13.810.000 фунтов стерлингов; а население возросло с 4.833.000 до 5.518.000 человек. Это, без сомнения, является очень хорошим показателем прогресса для времени, которое теперь рисуется нам эпохой финансового развала ¹⁾.

Помимо этого немалый прогресс был и в других отраслях. В области администрации, согласно свидетельства известного знатока Египта ²⁾, был проведен ряд таких реформ, «о каких не помышлял ни один из предшествующих правителей Египта». Система управления, введенная в царствование Мехмета-Али, теперь была дальше развита и во многих отношениях улучшена; система таможенных пошлин была тщательно преобразована под руководством европейских инструкторов; египетская почта, находившаяся до этого времени в частных руках, была выкуплена, и руководство ею было поручено чиновнику из лондонского главного почтамта; и главное—судебная система была радикально преобразована путем введения смешанных судов, которые положили конец безнаказанности европейцев во многих случаях, относящихся к области гражданского права, а также путем замены, в случаях, касающихся туземцев, старых магометанских обычаев и Корана европейскими законами и процессуальными нормами ³⁾. Энергичные меры были также приняты к уничтожению невольничества и ужасной торговли рабами — реформа тем более достойная уважения, что она вызвала огромные расходы со стороны египетского казначейства, и при этом Измаил «действовал против учения своей веры, традиций своего народа и интересов большинства своих подданных ⁴⁾». Египетское правительство работало и в области народного образования ⁵⁾. При Саиде-паше бюджет по образованию никогда не превышал 6.000 фунтов стерлингов. Теперь он увеличился до 80.000 фунтов стерлингов, и позднее

¹⁾ «Широко распространено мнение, которое легкомысленно повторялось и устно и в печати, что хедив занял денег до девяносто миллионов и взамен может представить только несколько деревянных и оштукатуренных дворцов... Обвинение это—настолько же несправедливое и необдуманное, как и ложное... В действительности усовершенствования и работы по общественным сооружениям, начатые и законченные в течение последних 12 лет, были поистине изумительны и не имели себе равных ни в какой другой стране». Е. де-Леон, «Египет времен хедива», 1882 г., стр. 362. Автор был американским генеральным консулом в Египте.

²⁾ Стэнлей Лэйн-Пуль, «Египет», 1881 г., стр. 179 и след.

³⁾ Малорти, цит. соч. стр. 108.

⁴⁾ Там же, стр. 108. «Один светлый факт будет навсегда замечателен из истории его правления, а именно, уничтожение рабства в его владениях». Лекция Франсиса Кобба, прочитанная в «Обществе Искусств», отчет о которой помещен в «Таймсе» 20 марта 1878 г.

⁵⁾ «Прогресс образования за время правления Измаила был поистине замечателен и будет считаться таковым в любой стране земного шара». Е. Леон, цит. соч. стр. 160.

к этой сумме были прибавлены доходы с некоторых земель, выкупленных обратно у компании по постройке Суэцкого канала за 10.000.000 франков для того, чтобы сделать образование бесплатным и чтобы ученики получали бесплатно полное содержание¹⁾). В это время были основаны также первые — не только в Египте, но и во всей Османской империи — школы для девочек, основан известный Булакский музей, и библиотека в Каире была настолько пополнена, что стала одной из самых известных библиотек в мире. В 1863 г.—мы узнаем из отчета²⁾— существовало только 185 начальных школ во всем Египте. В 1875 г. число таких школ возросло до 4.685, и их посещало 111.803 ученика. К этому надо прибавить большое количество школ высшего типа как государственных, так и муниципальных. Были также особые школы для солдат — по одной в каждом полку, — и в 1872 г. было заявлено тогдашним «Комитетом по военному образованию», что во всей египетской армии было только 42 безграмотных солдата³⁾.

С точки зрения того, что мы знаем о другой стороне управления Исмаила-паши, эти факты представляются нам почти невероятными, и тем не менее они были безоговорочно признаны как друзьями, так и врагами хедива. Злейшим врагом Исмаила, «Таймс», было признано, когда откровенность входила в его расчеты⁴⁾, «что Египет достиг поразительного прогресса во время правления Исмаила-паши... Он употребил все свое знание и способности на развитие материальных ресурсов Египта. Железные дороги, гавани и Суэцкий канал были делом его рук. Он стремился улучшить земледелие введением новых семян и новых приемов обработки, и он сделал все, что мог, чтобы поднять как судебную, так и исполнительную власть в своем государстве».

Чрезвычайно важно не забывать об этой прогрессивной стороне управления Исмаила, так как это поможет нам уяснить истинный характер того разложения, к которому привели его финансовые крайности. Прежде всего ясно, что если бы даже Исмаил ограничил свою деятельность проведением в жизнь одних только этих реформ, он, рано или поздно, натолкнулся бы на большие денежные затруднения. Большинство такого рода улучшений, как материальные, так и духовные, уже по существу таковы, что они требуют продолжительного времени, чтобы принести плоды, которые от них ожидаются, и было, конечно, величайшим безумием истратить около 50.000.000 фунтов стерлингов в течение тринадцати лет на одни только работы по общественным сооружениям, польза которых могла сказаться только на будущих поколениях. Кейв, по этому поводу, вполне верно замечает в своем докладе⁵⁾: «Египет, можно сказать, находится в переходном состоянии, и он страдает столько же от недостатков старого строя, с которым он

¹⁾ Малорти, цит. соч. стр. 104.

²⁾ Доклад британского консула в Александрии, 1662 (1877) стр. 30.

³⁾ Доклад британского консула в Каире, 707 (1873), стр. 31.

⁴⁾ В номере от 27 сентября 1879 г.; также доклад Кейва, стр. 2, «производительная сила земли чрезвычайно возросла за период управления нынешнего правителя».

⁵⁾ Доклад, стр. 1.

расстается, как и от недостатков нового, который он пытается установить. Он страдает от невежества, нечестности и расточительности Востока... и в то же самое время от огромных трат, вызванных поспешными и необдуманно стремлениями усвоить цивилизацию Запада». (Курсив наш.) Последнее замечание, без сомнения, совершенно верно. Измаил, говоря словами сэра Самуэля Бекера¹), «хотел стремительно выполнить дело, которое требовало долгих лет упорного труда», в результате чего был затрачен огромный капитал; а так как страна не обладала накопленными сбережениями, то финансовые затруднения оказались неизбежными.

Эти затруднения, однако, не следует преувеличивать. Кейв сам указывает, что поспешность и неосмотрительность в расходах Измаила были ошибкой, «которую Египет разделял с другими странами». Он приводит пример Соединенных Штатов и Канады и добавляет, что, «вероятно, никакие траты в Египте никогда не приближались к тем неимоверным расходам, которые характеризуют начало постройки железнодорожной сети в Англии». Другие современники относились еще с большей терпимостью к финансовому управлению Измаила: «Каковы бы ни были временные финансовые затруднения Египта, — говорил один из них²), — они отнюдь не являются следствием этого экономического упадка. Никогда еще, в новейший период, ресурсы этой страны не были так изобильны, и ее торговля не находилась в более здоровом и активном состоянии, как в тот момент, когда боны ее об'единенного долга дают на рынке до 14 %». «Египет, — пишет также мистер (позднее сэр) Джон Фаулер, бывший инженером-консультантом хедива, человек, близко знакомый с положением дел в Египте³), — Египет, в течение последних десяти лет, истратил огромные деньги на работы, которые своими непосредственными результатами дали стране широкое развитие и положили основу для будущего процветания Египта... Быть может, эти работы произведены в более короткое время, чем это было желательно с точки зрения ресурсов страны. Многое можно сказать за и против этого, но нельзя отрицать, что они были необходимы для национального развития». Наконец, сэр Самуэль Бекер также констатирует⁴), что Измаил в период времени «от 1864 г. до 1878 г. совершил необычайный переворот, который был слишком быстр и не под силу его управлению, но он был прогрессивным и закладывал фундамент будущего величия».

Одним словом, «поспешность и необдуманность» в устремлениях Измаила к разным достижениям представляли его большой недостаток; но сами по себе они не могли привести к той полной финансовой разрухе, которая заставила Измаила объявить себя банкротом. Ясно, что главные причины финансового краха Египта надо видеть в другом, а

¹) «Реформа Египта». «Fornightly Review», ноябрь, 1882 г., стр. 537.

²) Мак-Коун (в то время член парламента), «Египет, каков он есть», 1877 г., стр. 174. Также и де-Леон, цит. соч. гл. XIX, отвергает мысль, что Египет тогда был на границе банкротства.

³) В письме в «Таймсе», 28 октября 1875 г.

⁴) «Реформа Египта» 1 гл., стр. 539.

именно в том, что Кейв называет «невежеством, нечестностью и расточительностью Востока».

Об этих свойствах Востока много говорилось в связи с финансовым управлением Измаила, но странно, что о соответствующем хищничестве Запада упоминалось очень редко и только случайно. Но корыстолюбие и легкомыслие Измаила и низкие происки европейских финансистов шли так тесно рука об руку в деле разрушения, к которому в конце концов пришел Египет, что разделять их и подчеркивать только роль Измаила — значит грубо искажать историческую правду. Наоборот, решительно необходимо подчеркнуть тот факт, что, хотя Египет, к концу 1875 г., был обременен задолженностью, кроме вексельных обязательств, на сумму свыше 68.000.000 фунтов стерлингов, действительная сумма, обозначаемая этой цифрой, т.-е. чистая сумма, которая дошла до египетского казначейства, была меньше 44.000.000 фунтов стерлингов, а разница разошлась по карманам ростовщиков и их агентов в виде коммиссионных, премий и множества других фантастических вычетов ¹⁾. Вследствие этого сумма, которую казначейство должно было выплачивать ежегодно в виде процентов и отчислений в фонд погашения, достигала не 7 или 8 %, которые номинально должны были выплачиваться по займам, а вдвое или втрое большей цифры. Это был настоящий финансовый грабёж, дотоле неслыханный, за исключением случая с Турцией. Весь так называемый высший финансовый мир Лондона и Парижа состоял в формальном заговоре с целью ограбить тщеславного, неопытного и легкомысленного египетского хедива, и разные дутые банковские предприятия, под различными громкими именами, как Англо-Египетский банк, Франко-Египетский и т. д., появлялись, как грибы, в одну ночь, со специальной целью заставить хедива заключить новый заем по ростовщическим процентам. Последний заем 1873 г., имевший целью погасить вексельный долг (равнявшийся в это время 28.000.000 фунтов стерлингов), может быть, был самым типичным из всех ²⁾. Он был номинально заключен на сумму в 32.000.000 фунтов стерлингов из 7 % и 1 % погашения. Синдикат банков дал Измаилу, однако, только 20,7 миллионов фун. стерл., удержав разницу приблизительно в 12.000.000 фунтов в виде «обеспечения» от риска. Не довольствуясь этим, они угрозами вынудили Измаила принять в уплату на сумму 9.000.000 фунтов стерлингов бонны его же собственного вексельного долга, по цене 93 за сто, хотя они котиrowались в это время и в действительности были приобретены синдикатом по цене 65! Один чуткий к национальной чести англичанин писал в начале 1876 г., что «весь этот эпизод из современной финансовой практики является одним из тех, от которого честный англичанин должен краснеть от стыда и ужасаться, что его соотечественники могли принять участие в сделках, причинивших такие невыразимые бедствия стольким миллионам людей ³⁾».

¹⁾ Отчет Кейва, стр. 7. Малхол, цит. соч., определяет чистую сумму египетских займов, с 1862 г., в 50,5 миллионов фунтов стерлингов.

²⁾ Отчет Кейва, стр. 8.

³⁾ «Турция, Египет и восточный вопрос» в «Fraser's Magazine». 1876 г. январь, стр. 12.

Эти современные финансовые методы, главным образом, и привели к тому бедственному положению, в котором очутился Египет, несмотря на большой прогресс, достигнутый им перед тем, за последние тринадцать лет, и на еще большие перспективы, открывавшиеся перед ним в будущем. «Статистические данные (по ввозу, вывозу, образованию и т. д.),—признается Кейв¹⁾,—показывают, что страна достигла во всех отношениях большого прогресса при настоящем правителе, но, несмотря на это, современное финансовое положение ее... весьма критическое. Расходы, хотя и тяжелые, сами по себе не вызвали бы настоящего кризиса, который может почти всецело быть приписан разорительным условиям займов, заключенных на неотложные нужды—часто по независящим от самого хедива обстоятельствам». На изложенное мнение, высказанное человеком, который ни в каком случае не может быть назван другом хедива, мы обращаем просвещенное внимание всех тех господ, которые упорно стараются представить Измаила единственным виновником гибели Египта. Египет не только достиг «во всех отношениях большого прогресса» в правление Измаила, но, более того, все временные затруднения, которые тогда существовали, могут быть «почти всецело» отнесены на счет разорительных условий, навязанных ему ростовщиками. Мы, конечно, далеки от того, чтобы оправдывать преступную беззаботность, с какой Измаил открыл этим пиявкам доступ к несчастной стране, которою он управлял, и мы вполне сочувствуем египетскому народу, который даже теперь не может произносить без проклятий имени Измаила. Но одно дело, если египетский народ смотрит на Измаила, как на виновника своей гибели, и совершенно другое—если это делают ростовщики и их агенты. Они отлично знают, что они сами довели Египет до края гибели—эти «авантюристы-мошенники», как назвал их один крупный и сведущий писатель по финансовым вопросам, — которые «остались глухи к агонии несчастных рабов Египта»²⁾.

Но они были не единственными «авантюристами-мошенниками», поставившими себе целью воспользоваться, ради собственной выгоды, слабостью и безрассудством Измаила. Рядом с ними работало множество подрядчиков, которые снабжали Измаила материалами или брались за выполнение задуманных им сооружений, заламывая цены, которые погубили бы их репутацию в Европе. Подрядчики по сооружению александрийской гавани взяли с него почти на 80% больше того, что следовало; те, кто строил ему железные дороги, брали в четыре раза больше того, что действительно стоила эта работа; и то же самое делали подрядчики по постройке сахарных заводов, водопроводов и т. д.³⁾. За немногими счастливыми исключениями, большинство тех-

1) Отчет Кейва, стр. 6.

2) А. У. Уильсон, впоследствии знаменитый редактор «Economist». «Финансовое положение Египта», «Fraser's Magazine» июнь, 1876 г., стр. 806.

3) Малхолл, цит. соч., стр. 529. и след. Надо заметить, что даже эти надувательства подрядчиков и строителей часто ставились в вину Измаилу-паше, как доказательства его «расточительности». Эдвард Дэйси в известной статье «Египет и Хедив» «Nineteenth Century» декабрь 1877 г., приходит в негодование

нических и других консультантов Измаила получало содержание или взятки в особых случаях от этих хищников, которые, кроме того, часто образовывали тайные синдикаты и заставляли неопытного хедива соглашаться на их фантастические условия. Может быть, пресловутое решение Наполеона III по вопросу о споре Измаила с Компанией по сооружению Суэцкого канала должно быть тоже отнесено к этим подвигам европейских подрядчиков. Сооружение Суэцкого канала было одним из самых злополучных предприятий, приведших Египет к экономическим и финансовым затруднениям. Он был не только совершенно ненужен Египту, благодаря своему топографическому положению в далеком углу страны, отделенном полосой пустыни от его самых плодородных земель, но он прямо-таки нанес ему вред, отвлекши к себе транзитное движение, которое раньше шло через Александрию и Суэц¹⁾. Вероятно, навсегда останется тайной, каким образом Фердинанду Лессепсу удалось получить согласие Саида-паши, предшественника Измаила, на этот злосчастный для Египта проект. Еще большею тайной представляется, каким образом удалось убедить Саида-пашу взять на себя поставку 20.000 чернорабочих для строительных работ и тем создать огромное бремя для своего народа взамен жалких 15% с будущей чистой прибыли компании, которая останется по оплате установленных дивидендов. Достаточно сказать, что, как только Измаил вступил на престол, он тотчас же отверг это условие, вместе с некоторыми другими, столь же невыгодными, согласно которым Компании уступалась широкая полоса земли вдоль Суэцкого канала и предоставлялось право свободного и безвозмездного пользования каналом пресной воды. В возникшем из-за этого споре Наполеон был приглашен в качестве третейского судьи, в результате чего Измаил был присужден к уплате 3.360.000 фунтов стерлингов, в виде возмещения за убытки Компании²⁾. Это решение вызвало в свое время большое негодование; но это было только одно из многих хищений, которым подвергся Египет в руках просвещенной и добродетельной Европы.

При свете вышеуказанных и очень многих других столь же возмутительных фактов и становится ясным истинный характер кампании, открыто и успешно проведенной английскими и французскими бонодержателями и их правительствами. «До тех пор, пока Измаил мог дать гарантии, — с горьким сарказмом замечает барон фон-Малорти³⁾, — приемные его министров были переполнены толпами ростовщиков, старавшихся навязать займы миллионы под проценты, запрещенные уголовными законами в их собственных странах... Пресмыкаясь, пока была надежда сорвать с него что-нибудь, они стали безжалостными и наглыми,

против Измаила по поводу того факта, что железные дороги, обошедшиеся по счетам свыше 13.000.000 фунтов стерлингов, на самом деле стоили, по его мнению, около 3.000.000 фунтов стерлингов. На это Мак-Юен в следующем номере того же обозрения очень удачно ответил: «М-р Дэйси, может быть, считает это слишком высокой цифрой, но Египет является не единственной страной, где железные дороги обошлись дороже того, что они стоят».

¹⁾ «Египет», № 2 (1879), стр. 184.

²⁾ Мак-Юен, цит. соч. стр. 89.

³⁾ Цит. соч. стр. 131, 132.

какими становятся, как мы знаем, ростовщики к своим несостоятельным должникам. Если бы это был случай с простым смертным, то суд уменьшил бы эти скандальные требования до справедливых и законных размеров». Кейв, как мы видели, в своем докладе сам указал, что должен был Исмаил предпринять, когда увидел, что не может больше оплачивать своих обязательств по отношению к своим ростовщическим кредиторам: «Египет, — говорит он, — вполне способен нести свою настоящую задолженность по разумным процентам, но он не может возобновлять до бесконечности обязательства по вексельному долгу из 25 % и новые займы из 12 и 13 %, чтобы погашать эти новые долги, не прибавляющие ни одного пиастра в его казну». Другими словами, Исмаил, по мнению Кейва, должен был отказаться от своих обязательств в отношении тех фантастических платежей, которые были возложены на него под предлогом риска, и уменьшить проценты до размеров, соответствующих ресурсам его страны¹⁾. Это было бы не больше того, что ожидали сами кредиторы, и обеспечило бы их законные интересы в будущем.

Несомненно, что рано или поздно Исмаил, несмотря на все свое тщеславие и ложную гордость, был бы вынужден сделать это, и страна тогда избежала бы того ужасного истощения, которое через несколько лет привело к полной гибели все первоначальные реформы и усовершенствования и создало настоящую административную и экономическую анархию. Но его кредиторы оказались более сметливыми людьми, и те самые персонажи, которые заранее вознаградили себя на случай каких бы то ни было убытков, сейчас подняли на ноги все, и небо и землю, чтобы не допустить частичного отказа Исмаила от своих обязательств. «Исмаилу, — писало «Эдинбургское Обозрение» через восемнадцать месяцев после его падения²⁾ — в его поступках содействовали многие из тех, кто теперь высоко держит голову в Европе, кто откармливался на его пастбищах и потом предал его. Эти апостолы респектабельности, открывшие дурные качества своего ученика только тогда, когда он прекратил оплату ростовщических купонов и остановил, вследствие полного истощения, выдачу денег по контрактам, которые у них на родине считались бы позорными, ежегодно обивали министерские пороги в Париже и Лондоне в 1876 г., настаивая на вмешательстве их правительств, ради защиты их интересов».

Мы знаем, каким успехом увенчались усилия этих «апостолов респектабельности» (к ним теперь надо присоединить и их апологетов); нам надо теперь посмотреть, к каким результатам все это привело.

¹⁾ Того же мнения держался даже «Таймс» — см. его передовую статью в номере от 5 апреля 1876 г.

²⁾ «Скованный и освобожденный Египет», апрель 1899 г., стр. 345.

ГЛАВА IV

РОСТОВЩИКИ ЗА РАБОТОЙ

Период в двадцать два месяца от издания декрета Гошен-Жубера до образования европейского министерства в августе 1878 г. может быть назван периодом первого или двойственного финансового контроля. Фактически это был период финансовой администрации Египта, осуществляемый европейскими чиновниками, действовавшими в интересах держателей бон, хотя номинально числящимися на службе у хедива. Как мы уже выяснили, создавшееся таким образом положение было результатом решения британского правительства отложить на время свои политические планы и предоставить полную свободу английским держателям бон притти к соглашению с их французскими собратьями в целях совместных действий в долине Нила.

В соответствии с этой притворной сдержанностью, правительство продолжало официально игнорировать гошеновскую сделку, как носящую чисто частный характер, и отказывалось назначать как комиссара в Долговую Кассу, так и британского генерального контролера. Даже более того, правительство дало торжественное заверение оппозиции, что впредь ни одному английскому чиновнику не будет разрешено поступать на службу к хедиву без отказа от занимаемой им должности ¹⁾. Эта мера была применена к Ромейну, бывшему военному прокурору в индийской армии, которого Гошен пригласил на пост генерального контролера по доходам, вместе с бароном де-Маларэ, назначенным Францией для контроля над расходами. Тем не менее, когда Джеральду Фицджеральду, чиновнику индийского финансового департамента, был предложен Гошеном пост помощника генерального контролера по финансам Египта, правительство удовлетворилось одним только представлением ему «годичного отпуска» ²⁾, в то время как майор Бэринг (позднее лорд Кромер), почти одновременно принявший от Гошена пост английского комиссара Долговой Кассы, с содержанием от хедива в 3.000 фунтов стерлингов в год, не был даже никем замещен ³⁾. Очевидно, что даже добровольная сдержанность была слишком большим бременем для алчности тогдашнего британского правительства.

¹⁾ H a n s a r d «Парламентские отчеты», т. 232, 1877 г., стр. 121.

²⁾ Там же.

³⁾ «Таймс», 15 января 1877 г.

Новый порядок начал действовать с конца 1876 г., и быстрота, с которою был оплачен январский купон, сразу показала его значение. Несмотря на полный застой на торговом и промышленном рынках, несмотря на бедственное положение земледельческого населения, сумма, необходимая для оплаты этого купона, была готова до истечения срока. Это чудо было совершено очень простыми средствами. Не только были сокращены до минимума все расходы на предметы роскоши двора и гарема, но также была задержана уплата жалования большинству чиновников, а часть армии была распущена. Но так как даже этих источников оказалось недостаточно, то прибегли к традиционной плети, и феллахи должны были открыть свои «клады». «Налоги, — писал один беспристрастный современный писатель, — были взысканы со всей строгостью, и показания с мест дают основание думать, что при этом были вперед обложены доходы следующего года»¹⁾. Без сомнения, не будет лишено пикантности напомнить тот факт, что тот же самый современник, всего несколько месяцев перед тем, писал, по поводу домогательств Гошена, нижеследующее²⁾: «Одно время, очень многие, в Лондоне и в Египте, утверждали, что Египет в состоянии платить только 5%. Но было бы большой ошибкой, с точки зрения общественной морали и политики, освободить страну от столь значительной доли ее обязательств... Требуемая сумма будет с радостью уплачена феллахами, при чем у населения останется еще достаточно средств для того, чтобы земледельцы могли снабдить свои земли удобрениями». Можно себе представить, с какой «радостью» феллахи вносили налоги за год вперед, и какое торжество было в области «общественной морали и политики», когда с населения был взыскан фунт мяса полностью, согласно договора.

В таком же духе финансы продолжали вестись в течение всего 1877 года. Для того, чтобы обеспечить оплату июльского купона, прибегли к некоторым весьма хитроумным мерам, как, напр., предоставление одной английской фирме концессии на вывоз старых костей и на использование древних гробниц под склады для удобрения; предоставление концессии на разработку нефтяных бассейнов в Измаилии; увеличение до 100% таможенных пошлин Александрии; такое же увеличение железнодорожного тарифа и т. п. Существовал также проект сдать концессию некоему г. Блану, получившему известность в Монако и Гомбурге, на устройство игорных домов, кафе-шантанов и пр., но сторонам не удалось притти к соглашению³⁾. Тем не менее, когда пришел срок платежа по июльскому купону, несмотря на все меры, средств все-таки нехватило, так как ввоз в Александрию сильно уменьшился, и значительная часть товаров, которые раньше перевозилась по железным дорогам, теперь стала отправляться по Нилу⁴⁾. Вследствие этого урожай в провинциях, отведенных для уплаты долга, был отобран у кре-

¹⁾ Александрийский корреспондент «Таймс», 26 января 1877 г.

²⁾ «Таймс», 27 ноября 1876 г.

³⁾ «Таймс», корреспонденция из Александрии, 3 марта и 12 декабря 1877 г.

⁴⁾ Лекция Фрэнсиса Кобба, «Таймс», 20 марта 1878 г.

стъян «за недоимки» и продан английскому синдикату г.г. Уитвортов за 500.000 фунтов стерлингов¹⁾. «Этот хлеб, — писал корреспондент «Таймс»²⁾, — целиком составился из налогов, внесенных крестьянами натурой, и когда представляешь себе нищих, измученных работой, голодных феллахов в их жалких хижинах, трудящихся в поте лица, чтобы наполнить карманы кредиторов, то аккуратная оплата купонов не дает чувства удовлетворения». Напрасно Измаил старался доказать в это время невозможность оплаты по купону и умолял контролеров не разорять страну такими взысканиями³⁾. Как настоящие «честные люди, решившиеся исполнить свой долг»⁴⁾, европейские чиновники не принимали во внимание никаких оправданий, и июльский купон был оплачен сполна. «Египет, — писал по этому поводу тогдашний британский генеральный консул⁵⁾, — произвел платежи, достигшие круглым счетом 6.000.000 фунтов стерлингов в восемь месяцев. Все это в достаточной мере говорит в пользу нового контроля, но я боюсь, что результаты эти достигнуты ценою разорительных жертв со стороны крестьянского населения, вынужденного к продаже хлеба на корню и к уплате налогов вперед; кроме того, и интересы туземных служащих, своевременная выдача жалованья которым является существенным условием преобразованного управления, были принесены в жертву ввиду необходимости оплатить купоны, вследствие чего содержание выдается им с большим запозданием». Даже корреспондент «Таймс», который был таким поразительным оптимистом, несмотря на возражения Садька, считал все же необходимым предостеречь Ромейна «не забывать о феллахх в своем рвении в пользу кредиторов», иначе «он может в один прекрасный день переступить границы возможного»⁶⁾.

Результатом такого в высшей степени искусного и гуманного хозяйничанья явилось то, что осенью того же года, т.-е. через год после заключения сделки Гошена-Жубера, все управление страной зашло в тупик. «Казна пуста, — доносил генеральный казначей Вивиян правительству в ноябре 1877 г.⁷⁾, — войска и государственные служащие не получают содержания уже несколько месяцев, и среди последних господствует крайняя нужда. Все управление страной зашло в тупик». Из общего дохода в 9.543.000 фунтов стерлингов за 1877 г. не менее 7.473.000 фунтов стерлингов были взяты государственными кредиторами, и, за вычетом дани Порте и процентов на акции Суэцкого канала, осталось немного свыше миллиона на нужды управления⁸⁾. Ку-

1) «Таймс», 15 июня 1877 г.

2) «Таймс», корреспонденция из Александрии, 27 июня 1877 г.

3) «Египет», № 2 (1879) стр., 72 и 73.

4) Лорд Кромер (Бэринг) так говорит о себе и своих коллегах того времени: «Я не хочу сказать, что европейские чиновники, приехавшие в Египет в это время, обладали какими-либо исключительными качествами... Но у всех нас были общие черты. Мы все были честны. Мы все твердо решили исполнить свой долг по мере своих сил». «Современный Египет», т. I, стр. 24.

5) «Египет», № 2 (1879), стр. 73.

6) «Таймс», 21 июля 1877 г.

7) «Египет» № 2 (1879 г.), стр. 97.

8) Там же, стр. 113.

пон, срок которого истекал 15 декабря, не был оплачен; пришлось отложить платеж по нему на две недели.

Ясно, что такое положение не могло дольше продолжаться. Бонодержатели и их агенты просто-напросто резали курицу, несшую золотые яйца, и ради их же собственной выгоды, если не ради египетского народа, необходимо было пересмотреть систему Гошена-Жубера. Сам Ромейн, не говоря уже о хедиве, считал, что бремя, возложенное этой системой на египетский народ, было слишком тяжело, и в выпущенном им меморандуме указал, что налоги, выплачиваемые крестьянами, значительно превышают их платежеспособность¹⁾. Однако кредиторы держались другого мнения. Майор Бэринг, действовавший все время, как их самый верный слуга, тотчас же издал контр-меморандум, объявив, что он делает это ввиду того, что «мнение Ромейна, возможно, будет приводится в оправдание временной или, может быть, постоянной перемены в отношениях между правительством (Египта) и держателями египетских бумаг, интересы которых мы с ним представляем». Он оспаривает цифры, приведенные Ромейном, сравнивает их с налогами, взимаемыми с крестьян Франции, Турции и даже Индии, и приходит к заключению, что «в сравнении с этими налогами размеры египетского обложения не кажутся чрезмерными». «Я, не колеблясь, заявляю, — говорит он, — что ни мои коллеги, ни я сам не согласимся признать справедливость требования каких-нибудь уступок со стороны кредиторов, на том основании, что доклад Ромейна якобы дает точные данные о состоянии наличных ресурсов страны»²⁾. Майор Бэринг считал, что существует иной выход из затруднения. Он и Блиньер, французский комиссар Долговой Кассы, ездили в Европу для совещания с кредиторами и по возвращении предложили хедиву проект международного расследования финансов Египта, с целью решить раз навсегда, как примирить интересы кредиторов с интересами египетского государства. Предложение это было, без сомнения, довольно дерзким, так как Египет был пока еще независимым государством и не мог, без умаления своего достоинства, позволить иностранцам вмешиваться в свои финансы. Это станет еще очевиднее, когда мы познакомимся с истинными мотивами этого предложения. Не могло, конечно, быть и речи о том, что держатели бон на самом деле жаждали «примирить» свои интересы с интересами Египта. «Комитет английских кредиторов, — гласила

1) «Египет», № 2, стр. 136—38.

2) Там же стр. 146—149. Интересно прочесть в связи с этой защитой интересов кредиторов ламентации Лорда Кромера (того же Бэринга) о том, что Измаил не сумел оценить всей важности тех перемен, которые поставили его лицом к лицу с «честными» людьми. «Если бы ему удалось снискать доверие этой небольшой группы европейских чиновников и заполучить их на свою сторону, не только возможно, но и вполне вероятно, что он остался бы хедивом Египта до конца своих дней». «Современный Египет», т. 1, стр. 25. Можно себе представить, какое «доверие» майор Бэринг мог внушать к себе в это время! Что же касается небольшой группы европейских чиновников, то нелишне заметить, что даже в то время со всех сторон раздавались жалобы на «размножение высокооплачиваемых постов, занимаемых европейцами» (см. «Таймс», корреспонденция из Каира, 10 февраля 1877 г.).

телеграмма агентства Рейтера из Парижа в середине мая 1878 г.¹⁾, — объявил, что они не могут допустить каких-либо уменьшений в обязательствах хедива и считают обязанностью комиссии по расследованию финансов Египта, ввиду недостаточности существующих доходов, не уменьшать процентов по долгам, а изменить систему налогов для того, чтобы обеспечить сполна уплату процентов... Английский и французский консулы, — добавлялось в телеграмме, — предприняли совместные шаги с целью понудить хедива войти в рассмотрение своей финансовой системы». Цель предполагаемого расследования, таким образом, состояла вовсе не в том, чтобы пересмотреть систему Гошена-Жубера, что явно необходимо было по обстоятельствам того времени, но исключительно в том, чтобы найти новые источники доходов, в виде ли новых налогов или путем дополнительных прибавок к доходам, для того, чтобы установленный чудовищный распорядок мог продолжаться. С этой целью был нарочно распространен слух, что хедив и его министры скрывали для собственного пользования часть доходов, предназначенных на покрытие долгов²⁾, и в феврале 1878 г. была даже устроена комедия привлечения министра финансов в Смешанный Суд «к ответу за дефицит в суммах, предназначенных для внесения в Долговую Кассу». Кроме того, у хедива и его семьи было еще личное имущество, на которое кредиторы также могли наложить руку, так как, по мнению столь доблестного современника, александрийского корреспондента «Таймс»³⁾, «торговый дом, владеющий имуществом, оцененным в 15 или 20 миллионов фунтов стерлингов, на которое имеется только одна закладная, не может считаться несостоятельным, неспособным рассчитаться со своими кредиторами». Было ясно, что в намерения комиссии по расследованию входило устройство нового изрядного ограбления египетского народа и его правителя для того, чтобы удовлетворить алчные аппетиты кредиторов.

Не удивительно поэтому, что Измаил был поражен этим предложением. Сначала он не хотел было и слышать о нем, но в конце концов он дал свое согласие при условии, что расследование коснется только источников дохода. Это однако не удовлетворило кредиторов. Они хотели пересмотреть также и расходы государства, чтобы найти способ сократить их до минимума и этим вернее обеспечить уплату процентов по долговым обязательствам. Это снова привело в возмущение Измаила. Ведь, это значило передать целиком весь бюджет страны в руки иностранцам и позволить им распоряжаться в нем по своему усмотрению. Это было равносильно введению европейского протектората над Египтом — в действительности, концом существования Египта в качестве независимого государства. Вероятно, не раз, в течение этих тревожных часов, Измаил вспоминал предостережение старого Садыка не позволять европейским пиявкам как-либо приближаться к управлению страной. Но теперь было уже слишком поздно.

¹⁾ «Таймс», 14 марта 1878 г.

²⁾ «Египет», № 2 (1879), стр. 122; «Таймс», корреспонденция из Александрии 14 февраля 1878 г.

³⁾ Там же, 1 мая 1878 г.

«Я, конечно, не премину приложить все старания и пушчу в ход все свое влияние, — зловеще объявил Гошен в «Таймс» ¹⁾, — чтобы побороть попытки египетского правительства допустить только частичное расследование». Имя принца Халима, дяди Измаила-паши и претендента на престол, жившего до того времени в полуизгнании в Константинополе, стало вдруг фигурировать в газетных телеграммах из Парижа и Александрии ²⁾, и Гошен, во втором письме, адресованном в «Таймс», стал запугивать хедива предстоящим Берлинским Конгрессом, «на котором де будет обсуждаться, без сомнения, вопрос о положении Египта» ³⁾. Трудно сказать теперь, могли ли и в какой мере эти угрозы быть проведены в жизнь. Но они все же возымели свое действие. Измаил, запуганный этими постоянными угрозами, уступил требованиям ростовщиков. 4 апреля 1878 г. хедивом был издан декрет, учреждавший Международную Анкетную Комиссию, которая, как провозглашалось держателями бон, «не рассматривалась больше ни в Англии, ни во Франции, как частное предприятие, но как официальное расследование, должностующее вынести решения, с которыми вице-король волен будет согласиться или не согласиться, сознавая ответственность, которая падет на него за его решение» ⁴⁾.

А тем временем, увлекательная процедура извлечения средств для оплаты процентов по долговым обязательствам с обедневших крестьян и разоренного государства производилась тем же темпом, как и раньше. Вода в Ниле осенью предыдущего года стояла очень низко, и в 1878 г. был большой неурожай ⁵⁾. Кроме того, жестокая эпидемия чумы поразила скот, и настроение на хлопковом рынке было крайне подавленное. Вследствие этого весь Верхний Египет был охвачен таким голодом, какого давно уже не приходилось переживать стране. Женщины и дети бродили по деревням, выпрашивая пищу, и часто они принуждены были питаться уличными отбросами. Высчитано было, что не менее 10.000 человек в это лето погибло от голода, не считая умерших от дизентерии и других болезней, развивающихся на почве недоедания ⁶⁾. Тем не менее, когда хедив обратился с просьбой об отсрочке платежа по майскому купону, ему в этом категорически было отказано. Напрасно упрашивал он иностранцев-чиновников выплатить жалованье хотя бы государственным служащим, из которых многие буквально умирали с голоду, и в отчаянии предупреждал их, что в противном случае, «ответственность за последствия падет не только на него одного» ⁷⁾.

¹⁾ «Таймс», 31 января 1878 г.

²⁾ См. передовую статью «Таймс», 7 сентября 1878 г.

³⁾ «Таймс», 25 февраля 1878 г.

⁴⁾ Телеграмма из Парижа, «Таймс», 5 апреля 1878 г.

⁵⁾ Свыше 800.000 акров земли остались невозделанными из-за отсутствия воды, и государственные доходы понизились больше, чем на миллион фунтов стерлингов.

⁶⁾ «Египет», № 6 (1888), стр. 7.

⁷⁾ Там же, № 2 (1879), стр. 194 и 193. «Тот факт, что многочисленная армия мелких государственных служащих стоит на краю голодной смерти, гораздо более позорен, чем временная отсрочка платежей по государственным долгам», писал — сам александрийский корреспондент «Таймс», 1 мая 1878 г.

Даже Вивиян и Ромейн стояли за отсрочку платежа по этому особенно разбойничьему купону¹⁾.

Тем не менее, британское правительство, уступая настояниям кредиторов и отчасти желая этим снискать поддержку Франции на Берлинском Конгрессе, осталось глухо ко всем мольбам и отдало распоряжение по телеграфу, чтобы купон был оплачен. За неделю до первого мая не хватало все же свыше миллиона фунтов стерлингов для оплаты драгоценного клочка бумаги, срок которой истекал в тот день, но агентство Рейтера утешало публику, что «благодаря давлению со стороны Англии и Франции египетское правительство сделает все, чтобы обеспечить оплату купона»²⁾. И действительно, купон был оплачен в срок, но каким путем это было достигнуто, читатель легко может догадаться сам. Во множестве случаев феллахи принуждены были продавать хлеб на корню за половину и даже по цене меньше половины той, которую им позднее пришлось платить самим, выкупая этот хлеб обратно себе на пропитание. Целые провинции были навсегда разорены и покинуты населением. Июльский купон был оплачен при таких же обстоятельствах. Хедив еще раз попытался добиться отсрочки, заявив, что «он уже отдал кредиторам все и не видит возможности дать им еще без того, чтобы не разорить окончательно страну, и без того крайне обремененную». На это Вивиян, действовавший по указаниям своего правительства, коротко ответил, что «кредиторы не должны страдать из-за плачевного положения вещей, за которое они ни в коей мере не ответственны»³⁾. Купон был оплачен сполна, и Вивиян, которому хорошо, конечно, были известны все обстоятельства, писал своему шефу: «Я опасаюсь, что европейская администрация бессознательно санкционирует (ему следовало бы сказать, предписывает) окончательное разорение крестьян, своим трудом создающих благополучие страны, за что, я считаю, англичане берут на себя тяжелую ответственность»⁴⁾.

Бедный Вивиян! Не только это, и другие подобные же предостережения, даваемые им по разным поводам, пали на бесплодную почву, но он даже поплатился за них своим постом. Год спустя он был отозван обратно, как человек совершенно неподходящий для роли защитника интересов кредиторов.

Между тем Международная Комиссия была занята выполнением возложенных на нее задач, фактически уже приближаясь к концу своей работы. Ее образование послужило новым поводом для поднятия вопроса о том, не пришло ли время взять Египет под «протекторат», и в прессе пускались всякие пробные шары с целью узнать отношение французов к этому вопросу. «Какой бы оборот ни приняли события в неизвестном для нас будущем, — писал «Таймс» с осторожностью

И все же Измаил упорствовал в своем нежелании снискать доверие «маленькой группы честных европейских чиновников»!

1) «Таймс», корреспонденция из Александрии, 14 мая 1879 г.

2) Там же, 25 апреля 1878 г.

3) «Египет», № 2 (1879 г.), стр. 71.

4) Там же, стр. 73.

опытного дипломата ¹⁾, — несомненно, что Египет на долгое время останется одним из центров политических интересов... Мы являемся не единственной нацией, взор которой обращен на долину Нила. Если бы это было так, то египетский вопрос мог бы быть сравнительно легко разрешен. Со времен Мехмета-Али... Франция всегда старалась добиться и удержать преобладающее влияние в Египте. Она всегда относилась с большой подозрительностью к каждому нашему шагу, который мог быть истолкован как желание с нашей стороны влиять на политику Египта». Это было осторожное нащупывание почвы, но корреспондентам той же газеты было разрешено выражаться более откровенно. При описании, например, сельско-хозяйственных ресурсов Египта, александрийскому корреспонденту было дозволено закончить фразой, что «описание» это будет интересно всем тем, кто согласен с мнением, господствующим на континенте, что Англия должна в скором времени стать протектором или собственником Нильской долины» ²⁾. Точно так же в статье, подтверждающей слухи о предстоящем об'явлении англо-французского протектората над Египтом, вышеупомянутому корреспонденту было разрешено выразить следующие взгляды: «Мысль об англо-французской оккупации не встречает сочувствия. Мы имеем уже много примеров двойственного управления, при котором развитие дела тормозится соперничеством начальствующих лиц, и поэтому мы сомневаемся в продуктивности всякой такой комбинации... Задаются также вопросом, какой реальный интерес имеет Франция в Египте? Правда, одно из самых крупных финансовых предприятий Парижа по горло завязло в египетских делах, но пятилетний английский протекторат уладил бы это дело» ³⁾.

Эти разнообразные подходы вскоре выяснили, что Франции вовсе не улыбается мысль об английском протекторате. Она очень желала, — даже больше того, — жаждала сама учредить протекторат над Египтом, но это не удовлетворяло Англию, для которой совместный протекторат был бы концом ее собственных честолюбивых замыслов. В конце концов, ни тот, ни другой проект не осуществился, и Англии пришлось удовольствоваться размышлением о том, что, хотя французские интересы в Египте были «одним воображением», все же Египет не «стоил того, чтобы из-за него иметь серьезное разногласие с Францией» ⁴⁾.

Так как Англии не удалось взять Египет исключительно под свой протекторат и она противилась всякой опасной для нее попытке создать протекторат совместный или международный, она вдруг стала склоняться к мысли о включении в состав анкетной комиссии египетского представителя и о придании ей чисто финансового характера. Она даже предостерегала французское правительство, настаивавшее на исключении из Комиссии всякого египетского элемента, «не ставить

¹⁾ «Таймс», 19 апреля 1878 г.

²⁾ «Таймс», 17 апреля 1878 г.

³⁾ «Таймс», 26 марта 1878 г.

⁴⁾ Телеграмма из Парижа, «Таймс», 23 сентября 1878 г.

вопрос слишком круто» и не забывать, что «хедив все же является правителем своей страны»¹⁾. Однако она делала все, чтобы усилить свое влияние на Комиссию и этим показать хедиву, с кем ему следует больше всего считаться. В состав Комиссии должны были входить четыре члена Долговой Кассы и по одному дополнительному представителю от Египта, Франции и Англии. Риаз-паша, явный англофил, был представителем от Египта. Представителем Франции и в то же время председателем комиссии был назначен Фердинанд Лессепс, строитель Суэцкого канала, в то время как хедив очень хотел иметь представителем от Англии генерала (тогда полковника) С. Дж. Гордона. Тем не менее этот последний был отстранен²⁾, и место его было занято сэром Риверсом Уильсоном, который уже фигурировал в нашем рассказе в начале египетских неурядиц. Сэр Риверс тогда все еще служил при управлении по английским государственным долгам, получая содержание в 1.500 фунтов стерлингов в год, и его назначение в Комиссию явилось явным нарушением обещания, данного британским правительством, не вмешиваться в спор хедива со своими кредиторами и во всяком случае заставлять тех, кто получает назначение в Египте, уходить от занимаемой ими должности на родине. Вначале британское правительство пыталось отрицать «какое-либо намерение со своей стороны официально вмешаться в отношения хедива с кредиторами»; позднее ему все же пришлось признать, что это было актом вмешательства, оправдываемым тем, что назначение было необходимо «для того, чтобы Англия могла стоять на страже собственных интересов»³⁾. Это, по-видимому, означало, что Египет не должен вступать с кредиторами ни в какие соглашения, могущие подвергнуть риску уплату дани Порте, гарантию которой взяла на себя Англия⁴⁾. Положение было очень хорошо определено александрийским корреспондентом «Таймс», который заметил, что сэр Риверс Уильсон прислан британским правительством, как и раньше, в официозном, а не официальном порядке, и все его расходы будут оплачиваться британским, а не египетским правительством»⁵⁾.

¹⁾ «Таймс», корреспонденция из Александрии, 12 декабря 1877 г.

²⁾ См. Сэр Уильям Батлер, «Чарльз Джордж Гордон», стр. 139—140. «Их имена (Фердинанда Лессепса и Гордона) являлись, прежде всего, гарантией тому, что работа их будет вне подозрения. Но, в действительности, ни кредиторы, ни соперничавшие державы, жаждавшие только для себя наживы, не нуждались в честных людях. Измаил нашел для себя человека, который мог бы спасти и его трон и страну. От этого человека как можно скорее нужно было освободиться, и от него освободились. Встречая со всех сторон лишь одно противодействие, оскорбляемый английскими чиновниками, получая лишь грубые ответы от английских министров, высмеиваемый наемниками в каирской прессе, окруженный в дворце и консульствах всякими интригами против себя со стороны пашей, комиссаров, консулов и всей банды каирских интриганов, Гордон вернулся обратно и похоронил себя на многие годы в Судане». Гордон настаивал на отсрочке уплаты процентов по долговым обязательствам, пока не будет выплачено все жалование туземным чиновникам.

³⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 239, 1878, стр. 228.

⁴⁾ Там же, стр. 1627.

⁵⁾ «Таймс». 17 апреля 1878 г.

Назначение Уильсона было очень удачным для Англии, так как он и майор Бэринг фактически забрали в свои руки все управление. Был еще другой влиятельный член комиссии — Блиндер, но к этому времени его уже переманил в свой лагерь майор Бэринг, и он вступил на путь, который вызвал против него негодование французской колонии, обвинявшей его в предательстве интересов Франции в пользу Англии, и в конце концов привел к его отозванию и немилости¹⁾. Оставался еще только Лессепс, но и он каким-то непостижимым образом был обезврежен и принужден был отказаться от поста председателя. Вместо него председателем Комиссии был избран сэр Риверс Уильсон, и судно, надлежащим образом снаряженное, снялось с якоря, при аплодисментах александрийских и лондонских биржевиков.

¹⁾ «Documents et Extraits de Journaux», 1881 г., издание французской колонии в Египте.

ГЛАВА V

ЕВРОПЕЙСКОЕ МИНИСТЕРСТВО И ПЕРВОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ

Международная Анкетная Комиссия начала свою работу в апреле 1878 г., а в начале августа был закончен и вышел в свет ее первый отчет, названный «предварительным». Члены Комиссии, особенно ее английские члены, принялись за работу с достойным рвением, обнаруживая все злоупотребления, подкупы и общий хаос, существовавший в финансовом управлении Египта. Обнаруженные факты были изображены в соответствующих красках и преподнесены хедиву и всему миру в назидание и для заслуженного негодования. Без сомнения, большинство из выставленных обвинений было справедливо. Если мы припомним бесчисленные случаи подкупов и злоупотреблений, встречающихся почти ежедневно при таких просвещенных и демократических правительствах, как правительства Англии, Франции или Соединенных Штатов, то нас не станет удивлять их существование при таком безответственном правительстве, каким было правительство хедива Измаила, — хотя, быть может, это самое обстоятельство заставило бы нас быть сдержаннее в благородном негодовании, чем это сделали члены Комиссии. Мы уверены, что если бы иностранным комиссиям было разрешено проникать в секреты государственного управления тех или иных стран, то многие европейские правительства, от Португалии до Дании, от царской России до Англии, предстали бы в глазах публики в очень непривлекательном свете. Подкупность и продажность в Египте были вполне естественны и отчасти извинительны, так как страна эта только что выходила тогда из векового варварства, а подобные эволюции совершаются, естественно, очень медленным темпом. Как отметил позже сам «Таймс», «эти процессы требуют времени и терпения»¹⁾. «Люди в наши дни, — добавляла газета с ехидной иронией, — слишком неразумно нетерпеливы в своих требованиях совершенства. Они, кажется, никогда не думают о долгих поколениях, жизнь которых прошла в работе по созиданию современных европейских государств, и забывают, что сто лет в жизни нации являются очень коротким сроком».

¹⁾ «Таймс», 27 сентября 1879 г.

К этому надо прибавить еще то обстоятельство, что, по крайней мере, часть злоупотреблений и беспорядков, разоблаченных ревностными членами комиссии, и, может быть, даже большая часть их, была не только результатом тяжелого положения, в которое ростовщики поставили Египет, но и следствием управления европейских контролеров, которые довели до гибели крестьянство, расстроили весь административный аппарат и создали повальное взяточничество, поставив государственных служащих перед вопросом — либо умереть с голоду вместе со своими семьями, либо пойти на сомнительный заработок в виде взяток и вымогательств. «Дурное управление, — писал «Таймс» в один из своих моментов откровенности ¹⁾, — которое приносило в последнее время столько страданий Египту и притесняло феллахов, является главным обвинительным пунктом, предъявленным Измаилу-паше. Однако не надо забывать, что не он один был ответственен за это. Если надо было находить деньги для оплаты заключенных им займов — а это являлось одним из предъявленных к нему требований, к которому примкнуло и наше правительство, — то это возможно было делать только при помощи тех средств, к которым он прибегал. *Qui veut la fin, veut les moyens*. Потребовать, чтобы майский купон был оплачен, было равносильно приказанию, чтобы с египетскими феллахами поступили именно так, как это и было сделано».

Однако признать все эти и другие смягчающие обстоятельства совершенно не входило в расчет комиссаров, которые были назначены вовсе не для того, чтобы защитить, а чтобы осудить правление Измаила и изыскать предлог поставить Египет под управление его кредиторов. Вследствие этого их первым и главным требованием был отказ Измаила от самодержавной власти, но не в пользу, как можно было ожидать, избранных представителей от народа, а в пользу министерства, в которое, хотя оно номинально и возглавлялось египтянином Нубаром-пашею, должен был войти в качестве министра финансов сэр Риверс Уильсон. Это было пышно названо — и до сих пор еще называется лордом Кромером — «введением ответственного министерства» ²⁾ — каррикатурнейшее, какое только себе можно представить, название для замены абсолютизма хедива абсолютизмом кредиторов ³⁾. Надо было пустить пыль в глаза европейской публике, и определение это было подхвачено прессой и стало ходячим.

Затем последовали финансовые реформы. Наиболее важным было то, что хедив должен был передать «государству» не только свои личные владения — *Daira Sanieh*, обнимавшие площадь в 485.131 акр,

¹⁾ «Таймс», 27 июня 1879 г.

²⁾ «Современный Египет», т. 1, стр. 57. «Вся государственная машина грозила распасться. Не было никакого смысла измышлять на бумаге какие-нибудь мелкие реформы, прежде чем не были предприняты шаги к исправлению главных недостатков системы. Ясно, что необходимо было ограничить произвольную власть хедива. Нужно было ввести ответственность министров».

³⁾ Как второе условие, под которым Нубар согласился образовать министерство, александрийский корреспондент «Таймс» (20 августа, 1878 г.) приводит то, что «он (Нубар) называет довольно-таки причудливо ответственным министерством (т.-е. безответственным по отношению к вице-королю)».

но и земли, принадлежавшие его семье, занимавшие в общей сложности 431.000 акров в обмен на предоставленный ему гражданский лист. Как это оригинально объяснил парижский корреспондент «Таймс», бывший все время в тесном контакте с Уильсоном, еще до появления отчета Комиссии, «публика хочет знать историю происхождения огромных личных владений Измаила, и ясно, что владения эти не могут дольше избежать законных притязаний на них самого Египта, потому что они были приобретены и теперь поддерживаются за счет бедных феллахов»¹). Комиссия решила теперь, что они должны быть возвращены Египту и «бедному феллаху», т.е. прошлым и будущим ростовщикам. Это имело целью — в этом заключалась вторая из предложенных реформ — дать возможность заключить новый заем под залог этих имений, для того, чтобы выплатить вновь образовавшийся вексельный долг в 7 миллионов фунтов стерлингов. «Очень удобно, — писал «Таймс», по забывчивости совершенно упуская из виду только что упомянутого ее же парижским корреспондентом «бедного феллаха»²), — очень удобно для кредиторов египетского правительства, что доходы с Даиры не будут больше отделяться от общего бюджета страны».

Эти две финансовые реформы вместе с учреждением «ответственного» правительства были все, что комиссия могла предложить в данный момент. Она готовила еще новый доклад, в котором предлагала аннулировать, как безнадежные, все недоимки по налогам до конца 1875 г., а также уничтожить восемь разных мелких налогов, которые «больше обременяли плательщиков налогов, чем приносили доход казне»³). Но, принимая во внимание даже и эти две удивительные «реформы», можно сказать, что вся работа комиссии в общей сложности сводилась только к дальнейшему накоплению обеспечений в руках кредиторов и передаче управления страной из рук хедива в руки министерства, действующего в интересах европейских банкирских домов. О каком-либо облегчении бремени «бедного феллаха», по адресу которого во время расследования было пролито столько горьких слез членами Комиссии, не было упомянуто ни единым словом. Проценты по долгам тоже не были уменьшены, и не было сделано никакой попытки бороться с несправедливыми и тягостными налогами, о которых Комиссия в своих отчетах говорила с таким красноречивым негодованием. В Египте было в это время около 100.000 европейцев, которые не уплачивали ни одного сантима налогов и под защитой капитуляции делали грандиозные дела в контрабанде, к великому ущербу таможенного управления⁴). Тем не менее, Комиссия не сочла нужным прекратить это открытое безобразие. Она не нашла также нужным что-либо сказать против увеличения штатов европейских чиновников, которые начали наводнять египетское управление с конца 1876 г., откармливаясь на чужих хлебах и ничего не делая. С 1864 г. и до 1870 г. только

¹) «Таймс», 8 августа 1878 г.

²) «Таймс», 26 августа 1878 г.

³) «Rapport concernant le reglement provisoire de la situation financière p. 66.

⁴) «Египет», № 2 (1879 г.), стр. 94 и 155.

160 европейцев были приняты на египетскую службу. С 1871 г. и до 1875 г. был принят 201 человек. Но в течение одного только 1876 г. на гражданскую службу было принято 119 европейцев, в 1877 г. — 76, в 1878 г. — 131¹⁾. Впоследствии, в этом отношении дело еще более ухудшилось, а в то время, о котором мы говорим, этот ввоз оптом иностранных чиновников превратился в настоящий скандал. «Высшие посты, — писал каирский корреспондент «Таймс»²⁾, — заняты, главным образом, иностранцами, а высокие оклады, кажется, необходимы для того, чтобы смягчить их тоску по родине и вознаграждать их за оставление отечества. Из-за международного соперничества назначаются двое или даже трое и четверо человек там, где один был бы в состоянии справиться с работой... Эксперименты, производившиеся в области администрации, оставили в Египте дорогостоящих чиновников, которые ничего не делают, а только получают жалованье». «Насмешливые посетители, — пишет его александрийский коллега³⁾, — находят удовольствие в подсчете количества заштатных европейских чиновников, жалование которым исчисляется тысячами фунтов, тогда как туземные государственные служащие не могут получить своих нескольких фунтов в месяц за свою хорошую службу в течение целого года или более, которую они фактически несли». Эти жалобы, правда, относятся к несколько более позднему времени, когда министерство из европейцев было уже у власти в течение четырех или пяти месяцев. Но и в начале работ Комиссии корреспондент «Таймс» писал: «Критическое отношение к иностранным чиновникам, приехавшим наводить в Египте порядок, теперь обычно. Они получают высокие оклады, в общей сложности около 60.000 фунтов стерлингов, и, кажется, делают очень мало. Мы катимся по наклонной плоскости быстрее, чем когда-либо, несмотря на наших английских, французских или итальянских руководителей»⁴⁾.

И все же Комиссия, столкнувшись лицом к лицу с этими фактами, решительно ничего не предложила, чтобы исправить положение. Нищее государство, выплачивающее 60.000 фунтов стерлингов в год целой своре тунаядцев, привезенных со специальной целью дать им теплые местечки, в то время, как туземные чиновники, которые фактически работают по управлению страной, получают жалование «в недостаточном размере, толкающем их на расхищение казенного имущества, при чем даже это жалкое содержание задержано теперь на несколько месяцев»⁵⁾ — какой основательный повод для негодования и какая широкая арена для реформ! Но Комиссия благоразумно обошла этот вопрос молчанием, об'явив в своем втором отчете, что «не следует требовать от кредиторов никаких жертв, пока не выполнены все допустимые жертвы со стороны должников!»⁶⁾.

1) «Египет», № 4 (1882 г.).

2) «Таймс», 23 января 1879 г.

3) Там же, 25 декабря 1878 г.

4) «Таймс», 5 апреля 1878 г.

5) Там же, 23 января 1879 г.

6) «Rapport concernant», стр. 12.

Когда этот удивительный план реформ был предложен хедиву, он, естественно, был крайне изумлен. Он ожидал, что у него потребуют его имений, и сам он, когда еще работала Комиссия, предложил государству до 200.000 акров¹⁾ своих земель; но конфискация земель, принадлежавших членам его семьи, и особенно требование отказаться от суверенной власти в пользу безответственного министерства, руководимого иностранцами, было для него полной неожиданностью. Удивительно, однако, как мало сопротивления он оказал своим врагам. Неизвестно, была ли тут снова боязнь быть отрешенным от престола в пользу Халима, или к этому времени ему успели глубоко опротивить бесконечные неурядицы, но только, после недолгого колебания, он принял план и 28 августа издал рескрипт, в котором поручалось Нубару-паше образовать министерство и содержалось обещание, что он сам не будет действовать против этого министерства²⁾.

Но тут возникло обычное интермеццо в виде препирательства между Англией и Францией. Как было уже сказано раньше, сэр Риверс Уильсон предназначался на пост министра финансов. Должности генеральных контролеров были уничтожены, и их обязанности переходили к нему. Англия обеими руками ухватилась за представившийся ей случай, и сэр Риверс Уильсон получил двухгодичный отпуск для поездки в Египет. Но Франция немедленно вооружилась против этого. Попытка Англии всецело завладеть управлением Египта была большой наглостью, и Франция поэтому должна была получить место в министерстве, которое дало бы ей такой же решающий голос в египетских делах, какой приобретала Англия. Англия, захваченная врасплох, как школьник, воруящий яблоки, тотчас же принялась уверять, что она, право, не замышляла ничего дурного, и через Нубара-пашу предложила пост министра общественных работ «одному очень уважаемому и честному, но совершенно неизвестному французцу, без какой-либо определенной специальности, который занимал очень скромное место в учебном ведомстве и который, находясь накануне отставки, за две недели перед этим ходатайствовал перед одним из членов французского кабинета о предоставлении ему какого-нибудь скромного места, взамен занимаемой им в настоящее время должности»³⁾. Это было новым оскорблением и привело Францию в такое негодование, что она стала угрожать бойкотом всего соглашения с хедивом, если Англия откажется удовлетворить ее справедливые требования. Напрасно «Таймс» раздражался театральными громами по поводу этих французских «претензий» и оплакивал заранее крушение, которое потерпит святое дело египет-

1) «При этом известии,—писал александрийский корреспондент «Таймс» (10 июня 1875 г.),—бумаги объединенного и привилегированного долга поднялись самым поразительным образом, и Александрийская биржа, казалось, захлебывалась от восторга. За десять дней бумаги объединенного долга поднялись на 14 фунтов стерлингов». Странно, что история умалчивает о восторгах «бедного феллаха» при этом известии.

2) «Египет», № 2 (1879), стр. 288. Когда известие это достигло Лондона, сэр Стаффорд Норткот, канцлер казначейства, сейчас же телеграфировал сэру Риверсу Уильсону, поздравляя его в самых лестных выражениях с достигнутым им крупным успехом. («Таймс», 31 августа 1878 г.)

3) «Таймс», телеграмма из Парижа, 23 сентября 1878 г.

ских преобразований благодаря этому вечному «международному соперничеству» ¹⁾, — Англия должна была уступить, и Блиндер был назначен министром общественных работ с расширенной компетенцией, предоставлявшей в его ведение все железные дороги и почту, за исключением александрийской почты. И как бы для того, чтобы переполнить чашу унижения, Италия стала претендовать на пост министра юстиции, а Австрия — на пост министра народного образования. Был достигнут, однако, компромисс предоставлением итальянцу поста генерального контролера и назначением австрийца на пост товарища министра финансов ²⁾. Так Европа стала управлять Египтом.

Нетрудно представить себе, каково было это управление. Когда стало известно, что хедив согласился образовать европейское министерство, александрийский корреспондент «Таймс» писал: «Возврат к деспотическому произволу пока что совершенно невероятен. Но если уплата по вексельным долгам будет гарантирована, если проценты по государственным долгам будут аккуратно выплачиваться... то европейской публике будет очень мало дела до хорошего управления Египтом» ³⁾. Это кратко резюмировало все положение. Европа очень мало заботилась об управлении Египтом до тех пор, пока кредиторы удовлетворялись, и единственной задачей министерства Нубар—Уильсона было наблюдать за тем, чтобы это удовлетворение не нарушалось. Без сомнения, это было очень трудным делом. В промежуток времени между заключением соглашения Гошен—Жубера и образованием министерства Нубара, не менее 12.321.000 фунтов стерлингов было выкачано у египетского народа для уплаты долгов, помимо платежей по долгу Даира. Экономические ресурсы страны были в самом плачевном состоянии, и только при помощи чрезвычайных мер удавалось собирать суммы, необходимые для оплаты купонов. «Почти невероятно, — писал корреспондент «Таймс» ⁴⁾, — и тем не менее это факт, что, несмотря на наличие всех наших европейских контролеров, в то время когда лондонские газеты праздновали спасение Египта (образование министерства Нубара—Уильсона), те же самые крестьяне, которые потеряли свои жилища, вследствие недавнего наводнения, у которых скот, орудия и дома были смыты водой, преследовались за недоимки в налогах». Каким образом могла при существующих условиях все еще производиться эксплуатация народа? Тем не менее, министерство решило, что эксплуатация должна продолжаться во имя охраны интересов кредиторов. Прежде, чем занять свой новый пост, Уильсон отправился в Париж для переговоров с Ротшильдом по вопросу о новом займе в размере 8.500.000 фунтов стерлингов под обеспечение земель Даиры, и там было решено, что не будет сделано никаких попыток к уменьшению процентов по долговым обязательствам, но, наоборот, будут приложены все усилия, чтобы проценты эти были оплачены во всяком случае до конца года, когда держателям бумаг удастся, быть

¹⁾ «Таймс», 15 октября 1878 г.

²⁾ Там же, телеграмма из Парижа, 14 октября 1878 г.

³⁾ Там же, 16 сентября 1878 г.

⁴⁾ Там же, 5 декабря 1878 г.

может, сплавить публике хотя бы часть своих портфелей¹⁾. Как сэр Джордж Кэмпбл «смело и определенно» заявлял впоследствии в палате общин, эта попытка, «как будто бы имевшая целью установить хорошее управление в Египте, была не чем иным, как крупной биржевой операцией, предпринятой с целью поднять курс египетских бумаг и дать возможность лицам, заинтересованным в этих бумагах, сплавить их публике»²⁾. Сэр Риверс Уильсон лояльно выполнил это обязательство. Когда наступил срок ноябрьского купона объединенного долга, и не хватило свыше миллиона с четвертью до требуемой суммы, эта недостача была пополнена из суммы ротшильдовского займа, предназначенного для погашения вексельного долга, и бонодержателям было сполна уплачено по купонам. Другой миллион был отчислен в фонд погашения, несколько сот тысяч ушло на уплату дани Турции и на другие государственные нужды, так что в течение короткого времени большая часть средств этого займа испарилась, и для удовлетворения держателей вексельного долга осталось всего 2.300.000 фунтов стерлингов³⁾, которые, сверх всего, Ротшильды отказались выплатить, если владения Даиры, в виде обеспечения по заключенному в Европе займу, не будут освобождены от земельного налога⁴⁾. Конечно, недоимки по уплате жалованья государственным служащим так и остались невыплаченными, и они продолжали находиться в бедственном состоянии; точно так же и частные кредиторы государства были оставлены без всякого внимания⁵⁾. В то же время налоги продолжали взыскиваться с крестьянства с неослабляемой энергией. «Лицами, живущими в Дельте, установлено, — писал корреспондент «Таймс» из Александрии в начале 1879 г.⁶⁾, — что сейчас собирается третья четверть годового налога, при чем применяются старые приемы сборов. Это представляется очень странным на-ряду с известиями о том, что люди умирают на больших дорогах, что большие пространства земли остаются необработанными, благодаря тяжелым казенным взысканиям, что крестьяне распродали свой скот, женщины — свои наряды и что ростовщики засыпают складные конторы своими квитанциями и наводняют суды своими взысканиями». Положение крестьян стало так невыносимо, что даже

1) Парижская корреспонденция «Таймс», 12 марта 1879 г. «Крупные финансовые учреждения, которые сосредоточивали в своих руках на огромные суммы египетские бумаги и которым Риверс Уильсон, заключая последний заем, кажется, обещал не уменьшать процентов с долга до конца года, упорно настаивали на выполнении этого обязательства, даже если бы Египту пришлось выплачивать эти проценты из капитальной суммы этого займа.» «Несомненно, — говорит лорд Кромер, — (т. I, стр. 71) министерство Нубара-паши защищало дело прогресса и цивилизации».

2) Hansard, «Парламентские отчеты», т. 244, 1879 г., стр. 831.

3) «Таймс», письмо из Александрии, 8 января 1880 г.

4) Там же, 20 марта 1880 г.

5) Некий Келлер, частный кредитор, не будучи удовлетворен, завладел казенным сундуком и отказался возвратить его, пока его требования не будут удовлетворены. Тем не менее он был принужден сделать это, ибо, как было официально заявлено, если бы его поступок остался без противодействия, то «это подорвало бы авторитет декретов, охраняющих интересы бонодержателей». «Египет», № 2, (1879 г.), стр. 100.

6) «Таймс», 31 марта 1879 г.

самые робкие среди них начали протестовать. «В Каире сейчас, — пишет тот же корреспондент ¹⁾, — буквально сотни шейхов из разных деревень, которые приехали с петициями об уменьшении налогов, и все они в один голос заявляют, что настоящие ставки налогов не могут быть оставлены в силе. Они толпятся у министерских под'ездов, поджидая министров, когда те входят или выходят, и их прошения валяются по полам присутственных мест» ¹⁾).

Было ясно, что такое положение вещей не могло продолжаться дольше и должно было скоро разрешиться скандалом. Повод к этому был вскоре подан действиями самих министров. Как-то в феврале, они решились на новую «реформу», с целью достать деньги для оплаты предстоявшего апрельского купона, а именно, распустить 2.500 офицеров армии, из которых «ни один не получал жалованья в течение полтора лет, а многие в течение даже в два раза большего срока ²⁾». Это произвело действие зажженного факела, брошенного в пороховой погреб. Со штатскими служащими можно было в течение долгого времени безнаказанно обращаться, как с людьми, не имеющими никакого значения; точно так же можно было долгое время эксплуатировать разбросанных по деревням и невежественных крестьян, не встречая активного сопротивления. Но было опасно оскорблять людей, которые сами привыкли повелевать, которые, кроме того, были тесно спаяны, хорошо вооружены и занимали выдающееся положение в обществе. Это показывает, до какого безумия и дерзости могли дойти европейские властители Египта, решившиеся — даже вопреки благоразумным советам такого человека, как Вивиян ³⁾ — на такой шаг, как на массовое увольнение офицеров, подавляющее большинство которых, кроме того, не получило следуемого им вознаграждения. 18 февраля 1879 г., когда Нубар-паша и сэр Риверс Уильсон направлялись к месту своих занятий, они были окружены толпой офицеров и в присутствии многочисленных зрителей вытащены из кареты, отведены в министерство финансов и там заперты, в ожидании решения всего офицерства. Хедив, однако, узнав о «насилии», немедленно прибыл, освободил пленников и приказал офицерам разойтись. Но так как эти последние отказались подчиниться, то Измаил приказал страже открыть по ним огонь, и, без сомнения, в течение нескольких минут его жизнь была на волоске от смерти. Однако в конце концов офицеры разошлись, получив обещание, что их жалобы будут внимательно рассмотрены ⁴⁾.

Этот случай произвел тогда большую сенсацию и, без сомнения, явился зловещим предзнаменованием грядущих событий. Он показал, что как бы беспомощен ни был египетский народ — а крестьянство, живущее обособленно друг от друга, всегда крайне беспомощно как против внутреннего, так и против иностранного деспотизма — существует, однако, египетская армия или, может быть, вернее сказать, египетское офицерство, способное оказать сопротивление европейскому вторжению

¹⁾ «Таймс», 23 января 1879 г.

²⁾ Там же, 3 марта 1879 г.

³⁾ Письмо из Каира в «Таймс» от 10 марта 1879 г.

⁴⁾ «Египет», № 5, (1879), стр. 24.

и готовое, будучи доведено до отчаяния, сделать это. Ошибочно рассматривать этот случай и последовавшие за ним другие подобные же случаи просто как военные бунты. То, что чувствовали офицеры, широко разделялось всем народом, который, однако, был неспособен ясно выразить это или проявить инициативу и действовать организованно. Был также слух, пущенный парижским корреспондентом «Таймс», состоявшим, как упоминалось, в тесном общении с французскими кредиторами и близким другом Нубара-паши и сэра Риверса Уильсона, что этот бунт на самом деле был подстроен самим хедивом. По его словам, он узнал это из зашифрованной телеграммы, полученной из Каира ¹⁾. Сэр Риверс Уильсон впоследствии подтвердил эту версию и сообщил Бланту подробности, которые и были напечатаны в книге последнего ²⁾. Однако нет никаких оснований для этой версии, кроме заявления сэра Риверса и таинственной телеграммы Бловица ³⁾. Наоборот, есть указание, опровергающее это, в официальном донесении Вивиана по этому делу и полная аналогия в донесениях хорошо осведомленного корреспондента «Таймс» ⁴⁾. Все данные того времени именно говорят о том, что этот бунт был такой же неожиданностью для Измаила, как и для самих жертв, и когда хедив приказал страже стрелять в офицеров, то он сделал это совершенно серьезно. Вероятно, и офицеры, непосредственно замешанные в этом деле, не действовали по заранее обдуманному плану, а под влиянием впечатления от лицезрения двух ненавидимых людей, приближавшихся к ним в экипажах.

Как бы то ни было, но непосредственным результатом этого возмущения было падение Нубара-паши. Нубар-паша был, конечно, еще

¹⁾ «Таймс», 21 января 1879 г.

²⁾ «Секретная история британской оккупации Египта», 2-е изд., стр. 45—47 и 615

³⁾ Блант (цит. соч., стр. 483 и 489) приводит в подтверждение отчета сэра Риверса свидетельства Араби-паши и шейха Мехмета-Абду; но Араби, по его собственным словам, был во время мятежа в провинции, а шейх только подтверждал справедливость заявления Араби. Оба, вероятно, только повторяли в то время пущенный слух, в который они готовы были охотно поверить из ненависти к Измаилу. С другой стороны, лорд Кромер, которого нельзя упрекнуть в излишней разборчивости в своих обвинениях Измаила, сам признает, что «всякое мнение, считающее Измаила-пашу причастным к мятежу, является только предположением». Единственно, в чем он решается обвинять Измаила, это в моральном сообщничестве. («Современный Египет», т. I, стр. 78—81).

⁴⁾ Лорд Вивиан писал: «Враги хедива утверждают, что он, без сомнения, замешан в заговоре, и это является настоящей разгадкой его терпимости по отношению к мятежникам. Если это правда, то он, без сомнения, затеял очень опасную игру, которая легко может стоить ему трона, но его поведение в первый день мятежа опровергает это обвинение, тогда как действительное бедствие и нужда, вызванные массовым увольнением офицеров, лишенных всяких средств к существованию, без уплаты полностью причитающегося им жалования, без сомнения, оправдывают их неудовольствие». («Египет», № 5, (1879), стр. 31.) Каирский корреспондент «Таймс» сообщал: «Несмотря на авторитетное заявление в прошлом месяце о том, что все недоимки в жалованьи должны быть уплачены, требования армии были оставлены совершенно без внимания, и самый опасный элемент в государстве был приведен в состояние недовольства, которое можно легко оправдать. Тщетно г. Вивиан указывал на опасное безумие распускать армию, не давая ей средств. К предостережению отнеслись с недоверием; жалованье не было выплачено, солдаты и офицеры были распущены. Тогда разразился мятеж 18 февраля» («Таймс», 10 марта 1879 г.).

более ненавистен хедиву, чем европейцы, и на следующий день после мятежа Измаил объявил, что он не считает себя больше ответственным за спокойствие и порядок, если Нубар не будет смещен со своего поста. После некоторого обсуждения, в этом пункте была сделана уступка, при чем Вивиан сообщил хедиву, «что отставка Нубара-паши... носит чисто персональный характер, но совершенно не имеет значения в смысле перемены в системе управления» ¹⁾).

Но некоторая перемена системы все-таки произошла. Когда образовалось «ответственное» министерство, было постановлено, что хедив не будет вмешиваться в управление и не будет даже присутствовать на заседаниях Совета. В то же время, однако, от него требовалось, чтобы он «помогал» ему. «Правительство ее величества желает, — объявлял тогда Вивиан Измаилу ²⁾, — чтобы вместо индифферентного отношения, холодности и даже антипатии к новому порядку управления, он делился с министерством всеми своими знаниями, влиянием и опытом и чистосердечно и лояльно сотрудничал с ним в пределах своих prerogativ». Другими словами, не имея никакого голоса в делах управления, Измаил, который, как было известно, имел большое влияние в среде своего народа, должен был своим именем прикрывать все махинации европейских министров и, таким образом, дать возможность кредиторам безнаказанно вести свою гнусную работу и сваливать все ее последствия на Измаила. Естественно, что Измаил не согласился на такие условия. «Если он правильно понимает, — заявил он ³⁾, — то основным принципом конституционного управления является то, что министры, а не глава государства, несут ответственность». Поэтому он держался в стороне, предоставив все поле действия министрам и делая их, в известном смысле, действительно ответственными перед общественным мнением страны. Мятеж 18 февраля показал министрам ошибку, которую они делали, пытаясь управлять страной без участия хедива. «Было большим заблуждением, — писал александрийский корреспондент «Таймс» вскоре после мятежа ⁴⁾, — пытаться управлять страной без хедива. Министры обращались с ним, как с простым регистратором их декретов... Вместо сотрудничества, они наткнулись на пассивное сопротивление, и работа всей государственной машины расстроилась». Поэтому, образовывая министерство после падения Нубара-паши, Вивиан и сэр Риверс Уильсон готовы были предоставить Измаилу действительную долю участия в управлении его страной при условии, что решения европейских членов Совета по-прежнему будут сохранять верховную силу. С этим Измаил не хотел согласиться, и в конце концов был достигнут компромисс назначением Тьюфика, наследника престола, совсем безличного юноши, председателем Совета, при чем Измаил остался по-прежнему в стороне. Преобразованное таким образом европейское министерство, снова принялось за работу.

¹⁾ «Египет», № 5* (1879 г.), стр. 34.

²⁾ Там же, стр. 3.

³⁾ Там же, № 5, стр. 3.

⁴⁾ «Таймс», 10 марта 1879 г.

ГЛАВА VI

СВЕРЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ

В предыдущей главе мы описали материальные результаты февральского мятежа, но моральные последствия его были значительно важнее. Замечание корреспондента «Таймс», что Европа очень мало заинтересована в том, хорошо или плохо управление в Египте, пока исправно оплачиваются купоны, было верно, но при условии, что египетский народ покорно будет покоряться своей участи. Однако, как только Египет показал, что он намерен терпеть притеснения иностранцев только до известного предела, Европе сразу стало ясно, что для нее имеет большое значение, хорошо или плохо управляется Египет, так как от этого зависит ее собственное благополучие. Мятеж показал Европе, что было опасно шутить с благосостоянием и чувствами египетского народа, и было ясно, что продолжение политики кредиторов медленно, но все же неминуемо приведет к катастрофе. Особенно в Англии, где публика до этого времени нисколько не интересовалась тем, что происходит на Ниле под мрачным покровом международных финансов, бунт офицеров произвел отрезвляющее впечатление и вызвал энергичный протест в рядах тех, кого партийные связи не принуждали встать на сторону правительственной политики. Либералов этого периода нельзя обвинять, на основании их поведения три года спустя, в лицемерии, потому что они почти все встали против дальнейшей безжалостной эксплуатации египетского крестьянства в интересах кредитора. Тот факт, что они в это время находились в оппозиции, без сомнения, способствовал силе их протеста, но, с другой стороны, именно эта свобода от ответственности позволяла им смотреть на вещи без предубеждения и откровенно высказывать свои чувства. Вполне вероятно, что если бы в оппозиции была тогда консервативная партия, то протесты с ее стороны раздались бы совершенно такие же, как и в лагере либералов, потому что факты были слишком вопиющие, чтобы их можно было игнорировать.

Повсюду раздавалось требование немедленного уменьшения процентов по долгам и восстановления власти хедива, как единственного способа уничтожить явное недовольство, господствующее среди египетского народа¹⁾. Газеты были полны описаниями бедственных усло-

¹⁾ Передовая статья в «Таймс», 26 марта 1879 г.

вий жизни феллахов, и хотя официальные донесения утверждали, что большинство «слухов» было грубым преувеличением, люди, побывавшие там, рисовали ужасные картины голодного вымирания деревень и заявляли, что люди выглядят там «живыми скелетами»¹⁾. Сэр Джулиан Гольдсмит, позднее защитник оккупации²⁾, в страстной речи, произнесенной в палате общин, заметил, что «займы, по которым этот джентльмен (сэр Риверс Уильсон) стремится заплатить 7%, не были заключены *à la pari*, и поэтому мы поддерживаем ростовщические проценты, которые правительство, будучи знакомо с крайне бедственным положением феллахов, скорее должно было стараться уменьшить». Со своей стороны александрийский корреспондент «Таймс», разбирая политику, проводившуюся сэром Риверсом Уильсоном и его коллегами, писал: «Совет министров правит без участия главы государства, который исключен из управления своей собственной страной. Управление переходит все больше и больше в руки европейцев, и туземцы отстранены от всех высоких постов. Но Египет, в конце концов, все-таки принадлежит египтянам, и господином, которому они служат и которого они боятся, является хедив»³⁾.

Но не только Европе, а и самому Египту смелый поступок офицеров открыл глаза. Он попал в атмосферу, насыщенную недовольством, как электрическая искра, и заставил все накопившееся недовольство разрядиться в ряде демонстраций и собраний шейхов, нотаблей и улемов, на которых выносились резолюции, требовавшие немедленного прекращения настоящего порядка управления, и избирались делегации к хедиву, обещающие ему поддержку в его борьбе с европейскими правителями и настаивающие на предоставлении народу права участия в управлении страной⁴⁾. Впоследствии в официальной версии инсинуировалось, что это движение было делом рук самого Исмаила, желавшего представить свой заранее задуманный *coup d'état*, как акт, который он принужден был совершить под натиском национального движения⁵⁾. Надо, однако отметить, что никаких указаний на это не было сделано ни со стороны официальных, ни со стороны неофициальных современников в течение первых трех месяцев 1879 г., когда это движение постепенно разрасталось. Обвинение это было впервые высказано новым лицом, занявшим в Каире место Вивиана, в момент, когда Исмаил уже осознал представившуюся ему возможность мобилизовать против своих врагов национальные силы, инстинктивно сплотившиеся вокруг него. В обвинении, что национальное движение было делом его рук, так же мало истины, как и в том, что он организовал мятеж 18 февраля. В обоих случаях он просто воспользовался уже совершившимися фактами, сделав то, что каждый сделал бы на его месте.

¹⁾ Полковник Александер в Палате Общин (Hansard, «Парламентские отчеты», т. 244, 1879 г., стр. 838).

²⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 244, стр. 841.

³⁾ «Таймс», 3 марта 1879 г.

⁴⁾ «Египет», № 5, (1879), стр. 70 и 85. Там же, «Таймс», письмо из Александрии, 31 марта, 1879 г.

⁵⁾ Лорд Кромер, «Современный Египет», т. I, стр. 85 и 86.

Если бы европейские руководители египетскими делами обладали хотя бы искрой, не гуманности, а просто государственного смысла, то национальное движение могло бы быть направлено в совершенно безобидное русло, и вся угрожающая от него «опасность» была бы избегнута. Для этого надо было сделать только одно — уменьшить проценты по долгам до резонабельных размеров и призвать представителей от народа принять участие в работе по финансовому и экономическому преобразованию страны. Это сразу поставило бы интересы самих кредиторов на неизменно более прочный фундамент и навсегда исключило бы возможность возвращения к деспотическому правлению хедива, которое считалось источником всех бед. Но европейские правители Египта не намеревались предпринимать ни того, ни другого. О союзе парламента не могло быть и речи, так как конституционный Египет решительно и навсегда положил бы конец политическим планам, которые Англия и Франция все еще тайно лелеяли. С другой стороны, вопрос о снижении процентов по купонам много раз обсуждался, и Вивиан особенно стоял за эту важную реформу¹⁾. Сама Международная Комиссия, которая после выпуска в свет первого отчета все еще продолжала свои заседания, поняла, что рано или поздно реформа эта должна будет осуществиться, и даже сэр Риверс Уильсон, говорили, создал проект снижения процентов по долгам до $5\frac{1}{2}\%$ до 1890 г. или до 5% до 1886 г.²⁾ Но из этих обсуждений и планов не вышло ничего, кроме нового и обширного проекта дальнейшего сокращения государственных расходов и установления новых налогов. Прежде всего, гражданский лист хедива и всей его семьи устанавливался в размере 300.000 фунтов стерлингов в год. Принимая во внимание то, что они были лишены всех своих огромных имуществ, до последней скотины и плуга, сумма, данная им теперь взамен всего этого, без сомнения, далеко не грешила, с точки зрения обычной практики, особой щедростью³⁾. Гораздо хуже был проект обложения земельным налогом так называемых земель «Ушури». Это были земли, первоначально пустыри, розданные прежними вице-королями их полуфеодалным подданным под условием их обработки и взамен освобождения их навсегда от налогов. Можно считать эту сделку мудрой или бессмысленной, справедливой или несправедливой, но она во всяком случае не могла быть отменена одним только декретом хедива, особенно если этот декрет диктовался иностранцами в интересах иностранных ростовщиков и во имя «священных» обязательств, принятых на себя государством. Без сомнения, было страшно наглостью предложить хедиву нарушить обещание, данное им своему народу, для того, чтобы сдержать слово, данное иностранцам, и каким еще иностранцам! В то время многими сознавалось, что это в действи-

1) «Таймс», корреспонденция из Александрии, от 31 марта 1879 г.

2) Телеграмма агентства Рейтера в «Таймс», от 10 марта 1879 г.

3) С характерным для нее лицемерием Анкетная Комиссия, предлагая эту сумму, добавляла: «несомненно, что в момент, когда от кредиторов требуются новые (!) жертвы, его высочество не будет требовать, чтобы его гражданский лист устанавливался в слишком высоких размерах». («Rapport concernant» etc. стр. 11).

тельности означало «конфискацию прав собственности» ¹⁾ теми, кто никогда не жалел голоса, когда дело касалось их собственных прав, и только позднее на этот вопрос стали смотреть иначе.

Тесно связана была с этой «реформой» предполагавшаяся отмена обязательств, вытекавших из закона Мукабала. Напомним, что согласно этому закону, земельный налог с тех землевладельцев, которые в течение известного времени внесли следуемый с них налог в шестикратном размере, на все последующее время уменьшался наполовину. Теперь было предложено отменить эту льготу. Оправданием было то, что из 17.000.000 фунтов стерлингов, которые значились в бюджете, как суммы, выплаченные землевладельцами на основании этого соглашения, около половины совсем не поступило в казначейство, и что, кроме того, сам-де хедив никогда не имел намерения относиться серьезно к этим обязательствам. Нет никакой возможности проверить теперь достоверность этих утверждений, исходивших от Международной Анкетной Комиссии. Интересно, однако, что много лет спустя, когда закон Мукабала был действительно отменен, лорд Эдмунд Фицморис, тогдашний товарищ министра иностранных дел, отвечая в палате на вопрос о том, какие основания имел сэр Риверс Уильсон заключать, что большая часть суммы в 17.000.000 фунтов стерлингов вовсе не была внесена, невинно ответил, что «нет никаких оснований предполагать, что были действительно произведены какие-либо платежи, приближающиеся к этой сумме» ²⁾. В то же время александрийский корреспондент «Таймс» писал в свою газету, что «огромные суммы были внесены землевладельцами вперед», и указывал на необходимость их щедрого за это вознаграждения ³⁾.

Наконец, был еще проект, хитроумным автором которого, по всей вероятности, являлся Блиньер, об освобождении за известную сумму денег от существовавшей трудовой повинности. Этот план, впоследствии проведенный в жизнь при лорде Кромере, заключался в том, чтобы вызывать на принудительные работы людей из зажиточных классов, независимо от того, была ли в этом надобность, и затем освобождать их за уплату денег. Это было не чем иным, как особой системой вымогательства, и превосходно характеризовало те способы, которыми министерство надеялось достичь своих целей.

Надо было ожидать, что весть об этих проектируемых реформах вызовет большое негодование среди зажиточных классов, интересы которых, таким образом, впервые совпали с интересами низших классов.

¹⁾ Термин этот употреблял каирский корреспондент «Таймса», (23 января 1879 г.)

²⁾ Hansard, «Парламентские отчеты», т. 276, 1883 г., стр. 1433.

³⁾ «Таймс», 21 января, 1880 г. Блант (цит. соч., стр. 44) говорит: «Проект... отмены соглашений по закону Мукабала, означавший конфискацию земельной собственности приблизительно на пятнадцать миллионов, привел в беспокойство всех помещиков и заставил думать, что от английского министра можно ожидать худших вещей, чем даже те, которые им приходилось переносить от его предшественников». Лорд Кромер не придает никакого значения решению отменить обязательства Мукабала. Интересно знать, держался ли бы он той же позиции, если бы дело шло о проведении подобной же меры в Англии.

Измаил понял, что настало время нанести удар, если он вообще собирался нанести его. В правление Мехмета-Али был учрежден и в 1866 г. был снова восстановлен самим Измаилом¹⁾ меджлис, совет шейхов и нотаблей, который собирался от времени до времени — при Измаиле всего только три раза, — чтобы давать советы хедиву по вопросам о новых налогах и т. д. Хотя делегаты номинально избирались населением, они на самом деле были ставленниками правительства и не обладали ни правами, ни достаточной смелостью, чтобы действовать в качестве представителей народа. Это учреждение Измаил решил теперь, действуя с согласия улемов и нотаблей, преобразовать в парламент, расширив его полномочия и увеличив число членов, а также введя нечто подобное всеобщему избирательному праву. Так как в течение как раз последних двух месяцев происходило заседание третьей сессии меджлиса, то ничего другого не требовалось для проведения в жизнь предполагаемого преобразования, как только издать соответствующую декларацию и назначить дополнительные выборы. Но парламент должен был только послужить базой для дальнейших действий. А эти последние заключались в замене европейского министерства туземным и ответственным кабинетом и в издании нового финансового закона взамен декрета Гошен — Жубера. Основными пунктами финансового закона должны были быть: снижение процентов по объединенному долгу с 7 % до 6 %, погашение наличными средствами 55 % вексельного долга, при чем остаток должен был быть выплачен в течение следующих двух с половиной лет, и ассигновка 4.000.000 фунтов стерлингов в год на расходы по управлению²⁾.

Этот проект был и в то же время и впоследствии предметом частых насмешек со стороны тех, чьи интересы он затрагивал. Подозревалось, что внезапный припадок конституционализма, охвативший Измаила, был не чем иным, как хитрым маневром для того, чтобы освободиться от министерства из европейцев и восстановить, выждав известный срок, прежнюю, неограниченную власть хедива. Что же касается финансового закона, то его считали нелепой фантазией, которая хотя и имела целью временное умиротворение кредиторов, но была совершенно неосуществимой в жизни³⁾.

Мы отнюдь не хотим приписывать монархам, дарующим конституцию, высокие и идеальные побуждения. Они вне таких подозрений, и со времен короля Иоанна Безземельного до наших дней, никогда не существовало монарха, который даровал бы конституцию своим подданным без принуждения и тайной надежды отнять ее в один прекрасный день обратно. Как «Таймс» писал об этом несколько месяцев спустя: «Много ли можно найти европейских принцев, рожденных с правами на неограниченную власть, которые были рады отказаться от таких прав и согласиться на более скромную роль? Многие обещали

¹⁾ «Потомство», — говорит барон фон Малорти (цит. соч., стр. 123), после описания реформы, — запишет золотыми буквами имя Измаила в первой хартии, дарованной современному Египту.

²⁾ «Таймс», корреспонденция из Александрии от 19 апреля 1879 г.

³⁾ Лорд Кромер, цит. соч. стр. 105 и след.

реформы, но едва ли найдется хоть один, кто честно выполнил их!» Обыкновенно бывает, однако, так: создав парламент с целью лишь выпутаться из возникших затруднений, монарх оказывается лицом к лицу с каким-нибудь Франкенштейном, который, после ряда перемен и тяжелой борьбы, в конце концов остается господином положения. Едва ли можно сомневаться, что и в данном случае дело обстоит бы именно так. Вскоре после созыва нового парламента александрийский корреспондент «Таймс» писал ¹⁾: «Номинально он является представительным органом, но французская система назначения официальных кандидатур действует так успешно, что не только официальные кандидаты всегда получают большинство голосов, но я не знаю случая, когда им была бы оказана оппозиция. Но, конечно, каждая система представительства должна иметь свое начало. Наш собственный парламент не был всегда таким же независимым, каким он является в наши дни. Египетская палата представителей уже проявляет свою полезную деятельность, обсуждая проекты улучшения сельского хозяйства и расширения общественных работ» ²⁾.

Вскоре после этого, перед самым *суп д'этат*, каирский корреспондент той же газеты сообщил, что парламент уже доказал свою полезную деятельность и в других направлениях. «Палата депутатов, — заявлял он ³⁾, — не может больше внушать презрения. Она проявила достаточно признаков жизнеспособности и независимости, и последнее происшествие занимает в ряду этих доказательств далеко не последнее место. Риаз-паша, министр финансов, несколько дней тому назад явился с намерением формально закрыть сессию. Он обратился к представителям в палате с вежливой и изящной речью об их заслугах и в то же время дал понять, что их обязанности вполне и окончательно прекращаются. Ему, однако, не удалось сыграть роль Оливера Кромвеля. Собрание отказалось разойтись, и один из нотаблей от имени собрания отказался принять прощальное приветствие. Наоборот, он заявил от лица парламента, что они еще ничего не сделали и что им предстоит многое сделать в области пересмотра деятельности министерства и что поэтому они отказываются разойтись. Его товарищи поддержали его так же единодушно, как поддержан был Мирабо во время знаменитого собрания в зале для игры в мяч в Версале. Египетский парламент продолжает свои занятия и теперь требует, чтобы все министры, как иностранные, так и туземные, подчинились его воле и были ответственны перед ним за свои действия. Они, в действительности, предлагают превратить фиктивную ответственность правительства в вполне реальную».

Отсюда ясно, что египетский парламент, созданный Измаилом, не был в конце концов таким нелепым предприятием, каким его изображали. Сам «Таймс» в передовице, напечатанной после произошедшего

¹⁾ «Таймс», 15 апреля 1879 г.

²⁾ Ср. Мак-Юен, «Современный Египет», стр. 118, примечание: «Депутаты стали более независимыми и теперь являются полезным фактором во внутренней политической жизни Египта».

³⁾ «Таймс», от 16 апреля 1879 г.

суп d'état, замечает ¹⁾: «Возможно, что многие из членов являются ставленниками хедива; но как бы собрание делегатов ни избиралось, оно неизменно проявит известную независимость, действуя совместно, и египетское собрание, кажется, не являлось исключением из этого правила». В действительности, это — искажение исторической правды, когда изображают, как это допускают официальные историки, нотаблей, улемов и других представителей высших классов Египта того времени как простые орудия в руках Измаила, готовые подчиняться его приказаниям и лишённые всякой независимости в образе действий и мыслей. Хотя они естественно были готовы последовать за ним и поддерживать его во всех его начинаниях в целях свержения европейского господства, они в то же время видели в нем источник разорения государства, и после суп d'état даже замыслили его низвержение ²⁾. Насколько Измаил был действительно непопулярен, видно из того факта, что, когда он был низложен и покинул страну, едва ли хоть один голос раздался в его защиту, и многие тайно радовались его низложению. Таким образом, казалось бы ясным, что всякое опасение, что Измаил воспользуется парламентом в своих собственных целях, могло бы быть легко предотвращено, если бы Европа стала на сторону народных представителей и воспользовалась своим влиянием для создания настоящего конституционного и парламентского правления. Это, однако, никогда не входило в ее расчеты, так как Европа ни о чем так мало не думала, как о благосостоянии египетского народа.

С меньшей уверенностью можно говорить о финансовом проекте Измаила. Обязательства, которые он собирался принять на себя, были, по всей вероятности, несмотря на предполагаемое уменьшение процентов, все еще чрезмерны, и хотя в руках Ротшильдов было все еще свыше двух миллионов, которые можно было употребить на погашение части вексельного долга, тем не менее казалось невероятным, что хедив будет в состоянии удовлетворить держателей этого долга в размере 55%. Вместе с тем мы знаем, что 12 месяцев спустя сами кредиторы и европейские великие державы снизили проценты на 1% и нашли возможным это осуществить. Что же касается вексельного долга, то мы знаем, что сумма в 300.000 фунтов стерлингов наличными была собрана по подписке более состоятельными землевладельцами и предложена Измаилу ³⁾, и что многие выразили свою готовность заложить свои имения ради реализации нового займа ⁴⁾. Вероятно, при некотором усилии план Измаила мог бы быть проведен в жизнь, при условии, что наблюдение над операциями принадлежало бы не хедиву, а парламенту. Мы имеем все основания думать, что раз высшие классы понесли такие жертвы с целью освобождения страны от гнета иностранного засилия, то они не позволили бы хедиву вернуться к старому порядку управления, а

¹⁾ «Таймс», от 16 апреля 1879 г. Передовая статья.

²⁾ Араби-паша признался Бланту, что не далее, как в феврале 1879 г., его намерением было низложить и даже убить Измаила («Секретная история», стр. 483).

³⁾ «Таймс», письмо из Александрии, 27 мая 1879 г.

⁴⁾ Там же, 16 апреля 1879 г.

твердо держали бы его в руках и позаботились бы о том, чтобы обязательства, принимаемые страной, были выполнены. Но это было как раз то, что Европа заранее отвергала. Было заявлено, что создать парламент невозможно и что весь финансовый план — настоящая утопия, и оба проекта поэтому были презрительно отвергнуты.

Здесь следует с некоторым уважением упомянуть о человеке, который, хотя и не намеревался поступиться интересами европейских финансистов, был тем не менее достаточно дальновиден и честен, чтобы понять, что политика сэра Риверса Уильсона должна была неминуемо привести страну к разорению и даже революции. Мы имеем в виду британского генерального консула Вивиана. В качестве слуги своего правительства, ему часто приходилось действовать и говорить как настоящему ростовщику и самому непримиримому противнику египетского правительства. Тем не менее, даже в этой роли он часто сопровождал свой официальный доклад предостережениями по адресу своего правительства — не натягивать чрезмерно тетивы, и указывал на невыносимое положение египетского правительства. Не далее как в апреле 1878 г. он протестовал против способа, каким собирались налоги с бедных крестьян для оплаты купонов, и не раз настаивал на необходимости отсрочить уплату и уменьшить проценты по долгам¹⁾. По той же причине он был глубоко антипатичен сэру Риверсу Уильсону и его коллегам, находившим, что в нем слишком много суетливости и донкихотства²⁾. Он был также ярким противником идеи, разделяемой европейскими министрами, о том, что они могут управлять Египтом без Измаила, и неизменно настаивал, чтобы хедиву дано было участие в управлении и он не был исключен из кабинета. Последний проект сэра Риверса Уильсона пришелся ему еще менее по вкусу, и между ними произошел ряд столкновений по поводу задуманного нарушения прав землевладельцев и настойчивого отказа от понижения процентов. Неизвестно, какими депешами обменялись Вивиан и сэр Риверс Уильсон, с одной стороны, и английское правительство — с другой. Достаточно будет сказать, что это последнее приняло сторону сэра Риверса Уильсона, и 20 апреля 1879 г. Вивиан был отозван³⁾. Его место было занято Франком Лассельсом, который был готов служить кредиторам с таким же рвением, как и сам Риверс Уильсон⁴⁾.

¹⁾ «Таймс», письмо из Александрии, 31 марта 1879 г.

²⁾ Лорд Кромер имеет в виду как раз Вивиана, когда говорит «о суетливом генеральном консуле», разлагольствующем на тему о притеснении феллахов в интересах кредиторов («Современный Египет» т. 1, стр. 84).

³⁾ Письмо сэра Риверса Уильсона к Бланту («Секретная история», стр. 48), в котором он описывает причины своего ухода, очень поучительно. «Вивиан», — пишет он, — «является главным виновником этого внезапного нарушения соглашения, которое ему было поручено всячески охранять. Отчасти из зависти, а главным образом, вследствие недостатка ума и большого тщеславия, он сразу перешел в лагерь хедива». Ср. также Hansard, «Парламентские отчеты», т. 244, 1879 г., стр. 523 и 1161.

⁴⁾ Лорд Кромер (цит. соч. стр. 96) указывает, что сэру Франку Лассельсу была дана инструкция «оказывать всяческую поддержку сэру Риверсу Уильсону в его делах с хедивом. В другом месте лорд Кромер, после пространных рассуждений о характере французской политики, действовавшей «усиленно в инте-

Но вот, в это самое время, когда британское правительство отозванием Вивиана снова показало свое намерение поддержать сэра Риверса Уильсона и его замыслы против всех на свете, этому великому финансисту внезапно пришла мысль объявить египетское государство несостоятельным и отложить на месяц оплату апрельского купона. Этот спаситель общества, явившийся навести порядок в египетских финансах, ограбивший и феллаха и хедива с его семьей, создавший новые долги и несколько не уменьшивший тяжести старых долгов, не сокративший ни одной статьи налогов ¹⁾, проникший во все секреты управления и выставивший на показ только все несовершенство туземного режима, — этот человек, управлявший страной в течение двух лет и истративший все ее ресурсы, объявил теперь, что Египет не в состоянии оплатить свои обязательства и должен быть привлечен к ответственности, как несостоятельный должник! Настоящее *testimonium paupertatis*! Какая провокация по отношению к египетскому народу, с которым обошлись как со стадом баранов, с величайшей наглостью и презрением! Неудивительно, что, когда распространилось известие об этом роковом признании несостоятельности, сделанном европейским министром финансов, негодование в Египте достигло высшей степени. Так вот результат европейского управления Египтом! Для этого вымогались деньги у народа? И что же в будущем? Ничего, кроме даль-

ресах иностранных кредиторов», отмечает, что «британское правительство стоит на страже интересов египетского крестьянства» (стр. 94).

¹⁾ Блант (цит. соч., стр. 44) совершенно справедливо указывает: «Девять миллионов, данные в долг Ротшильдами, пошли главным образом на оплату немедленных и неотложных нужд, ни один налог не был уменьшен, и ни одна просьба не удовлетворена. Наоборот, система плети продолжала действовать в деревнях еще беспощаднее, чем раньше, и новая угроза повисла над египетским хозяйством с введением переоценки доходов, которая рассматривалась, как предлог к новому увеличению земельного налога».

Шведский консул в Каире сделал в эти дни чрезвычайно интересный доклад своему правительству, в котором он говорит: «Приемы, применявшиеся до сих пор для урегулирования финансовых вопросов, напоминают скорее меры, к которым приходится прибегать в отношениях с частными должниками... Независимо от того, были ли заключены египетские долги ради блага страны и заслуживают ли симпатии кредиторы, давшие деньги в долг под растовщические проценты, или они извлекали слишком уж чрезмерную прибыль за счет страны, Египет все же обязан выполнить свои обязательства. Но от этого еще очень далеко до требования, чтобы страна и ее народ были окончательно разорены для удовлетворения кредиторов. Нельзя рассматривать население настолько тождественным с правительством, чтобы считать, что феллахи должны быть раздавлены налогами и что кредиторам должно быть предоставлено право распродавать все имущество и земли феллахов для удовлетворения своих требований. Египет напоминает теперь крупное имение, находящееся в администрации у кредиторов, но только с той большой разницей, что, в то время как кредиторы обычно понимают необходимость развития ресурсов имения, для того, чтобы извлекать из него доход, здесь думают только об извлечении средств, упуская совершенно из виду правило—что без труда нет плода... Под предлогом, что займы должны быть выплачены прежде всего, мы видим, что искли против правительства не получают движения, чиновники погружены в нищету и не получают жалованья в течение многих месяцев, вся продуктивная и полезная работа остановилась, и все управление повисло в воздухе». («Египет», № 2, (1879), стр. 179, 186 и след.) Такова была оценка положения иностранными наблюдателями.

нейшего увеличения налогов и усиления власти европейцев! Немедленно был составлен и подан хедиву национальный мемориал, требовавший удаления беззастенчивого иностранца. Он был подписан 70 улемами, включая шейха-ул-ислама, патриархом коптов и еврейским главным раввином от имени их общин, 60 пашами, 60 беями, 40 нотаблями и большим числом офицеров армии ¹⁾. С этим документом в руках Измаил собрал 7 апреля представителей иностранных держав и объявил им о своем намерении образовать туземное министерство и издать новый финансовый закон. В то же время были посланы извещения европейским министрам об отставке Тьюфика-паши и решении хедива отстранить их от службы, и Шерифу-паше, известному своими конституционными убеждениями, было официальным рескриптом поручено образовать новое министерство. «Предыдущий кабинет,—говорилось в рескрипте,—вызвал среди народа недовольство и волнение, охватившее все классы нашего общества, до этих пор всегда такого спокойного», и его финансовый план, «объявивший банкротство страны, нарушивший законы, почитающиеся священными в стране, подрывающий приобретенные права, привел к тому, что вызвал против себя взрыв национальных чувств» ²⁾. «Новый кабинет,—заклучал рескрипт,—должен быть действительно ответственным перед парламентом, избрание и полномочия которого будут урегулированы в соответствии с требованиями времени и национальными стремлениями».

Это был знаменитый «государственный переворот» — странное название ³⁾, данное акту, который был одобрен народом и имел целью замену иностранной камарильи национальным и парламентским министерством. Позднее историки посвятили много стараний достойной задаче — выставить в искаженном виде его истинный характер для того, чтобы оправдать действия Европы, отомстившей за это подлинным государственным переворотом; мы, однако, увидим, что современники судили иначе.

¹⁾ «Таймс», письмо из Александрии, от 19 апреля, 1879 г.

²⁾ «Таймс», 23 апреля 1879 г.

³⁾ Лорд Кромер, цит. соч., гл. VI.

ГЛАВА VII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

События, занимающие трехмесячный период времени от роспуска европейского министерства до низложения Измаила, открывают, может быть, самые поучительные страницы в истории Египта до момента оккупации его англичанами. К сожалению, они никогда не были изложены с достаточной полнотой, и доселе не хватает многих важных документов, что чрезвычайно затрудняет задачу беспристрастного изложения.

То, что придает пикантность этому периоду, — это возобновление пререканий между Англией и Францией, неизменно возникающих, когда египетские дела переживают кризис. Надо было ожидать, что «вероломный» поступок Измаила вызовет «дрожь ужаса» по всей Европе. Казалось, было достигнуто все в интересах международных финансов — европейское министерство, заботившееся о купонах, Международная Комиссия, вырабатывающая новый план грабежа, и видимое прекращение политического соперничества между Англией и Францией. И вдруг этот самовольный поступок хедива! Вначале это вызвало взрыв негодования. Правда, что согласно неоднократным заявлениям министров в парламенте, Измаил обладал полным правом увольнять своих европейских служащих в любой момент, когда он найдет это нужным¹⁾; но когда он действительно осмелился воспользоваться этим правом, то это показалось верхом дерзости. Тотчас же было объявлено нечто вроде всеобщей забастовки высшими европейскими чиновниками в Каире. Когда было образовано европейское министерство, то было решено, что должность генеральных контролеров будет уничтожена, и Ромейн и его французские коллеги получили, несмотря на плачевное положение казны, «утешение» в 4.000 фунтов стерлингов каждый²⁾. После образования нового министерства, Измаил по собственной инициативе пригласил сэра Эвелина Бэринга и французского члена Долговой Кассы принять на себя обязанности контролеров. В ответ последовал кате-

¹⁾ «Когда Уильсон отправился в Египет, — заявил канцлер казначейства, он отправился в качестве министра хедива, который имел право уволить его в любой момент, когда он найдет это нужным». (Hansard, «Парламентские отчеты», т. 244, 1879, стр. 851.

²⁾ «Египет», № 5, (1879 г.), стр. 17.

горический отказ. Этому примеру последовали и другие европейские государственные служащие, так что в конце концов только служащие Долговой Кассы остались на своем посту¹⁾. Но и они нашли случай высказать свое неудовольствие. Когда Шериф-паша заявил о своем намерении оплатить предстоящий майский купон в уменьшенном размере, 5%, то Долговая Касса объявила, что она не примет таких платежей, что оплата должна быть произведена сполна и что все недоимки по амортизационному фонду, начиная с прошлого ноября, (хотя эти последние были задержаны самим сэром Риверсом Уильсоном), должны быть покрыты, а также и апрельский купон по долгу 1864 г. (тоже оставшийся неоплаченным при предыдущем министерстве)²⁾. Нечего и говорить, что эти действия европейцев были вполне одобрены британским и французским правительствами, при чем первое обратилось к хедиву с протестом, требуя восстановления европейских министров и угрожая, в случае отказа, предпринять «самостоятельные действия в защиту своих интересов в Египте и восстановить порядки, рассчитанные на то, чтобы лучше всего обеспечить хорошее управление и процветание страны»³⁾.

На этом, однако, остановились все угрозы и протесты. Англия не только не предприняла никаких действий, когда Измаил решительно отказался восстановить европейское министерство, но она даже согласилась на назначение контролеров, хотя Франция и слышать не хотела о таком унижении. Франция хотела немедленного низложения Измаила и совместной оккупации страны. Но это было как раз то, на что дальновидная часть английской публики ни за что не соглашалась. С необычайным жаром она подняла свой голос против дальнейшего вмешательства в египетские дела, требуя, чтобы хедиву и его национальному министерству была предоставлена возможность самим найти способ спасти страну. «Правительство, — писал «Таймс» с удивительной прямоотой⁴⁾, — совершило бы печальную ошибку, если бы оно возложило на Англию новую ответственность, подобную той, которая была прекращена возвращением Уильсона на его прежнее место при управлении Государственного Долга. Никакое желание избежать разрыва с Францией не должно толкнуть нас на совершение такой ошибки путем совместной ноты или каким-либо другим способом... Страна совершенно не желает настаивать на агрессивных мерах против хедива. Совершенно ясно, что вопрос, в его настоящей фазе, касается исключительно кредиторов, и что никакие политические интересы, скольконибудь касающиеся Англии, не подверглись опасности от совершенно хедивом перемены министерства... До тех пор, пока не будет доказано, что под опасностью находятся действительные интересы нашей страны, долг правительства — отказаться от принятия на себя какой-либо ответственности, самостоятельно или в союзе с Францией, за финансовое управление Египтом. Принятие на себя этого бремени защищается

¹⁾ Лорд Кромер, «Современный Египет», т. I, стр. 103.

²⁾ «Таймс», письмо из Александрии, 5 мая 1879 г.

³⁾ «Египет», № 5, (1879), стр. 159.

⁴⁾ «Таймс», 28 апреля 1879 г.

только теми, кто считает делом Англии, среди других ее многочисленных обязанностей и задач, принятие на себя взимания процентов для кредиторов хедива». Это было замечательное заявление, почти циничное по своей откровенности, со стороны газеты, представлявшей главным образом интересы Сити. Она возвращается, однако, неоднократно к этой теме, высмеивая претензии кредиторов, разоблачая истинную подкладку постоянного вмешательства Европы в египетские дела и защищая хедива и египетское национальное движение от бессовестных нападок их противников. В передовой статье, касающейся вопроса о так называемых моральных правах кредиторов, она смело отрицает, что поведение хедива «разрушило управление и общественный порядок Египта», и добавляет: «Дело в том, что непростительной виной хедива в глазах тех, кто кричит о необходимости его свержения, является не притеснение феллахов, но вероломство по отношению к кредиторам, которое он действительно проявил или только угрожал проявить»¹⁾. Упоминание о феллахах было вызвано тем фактом, что консульские отчеты, с целью противодействовать впечатлению, которое могло бы произвести на публику успешное проведение в жизнь финансового закона, начали, по указанию кредиторов, рисовать в самых черных красках жестокие способы, применяемые новым правительством при сборе налогов²⁾, как будто бы это было нечто неведомое до сих пор и появившееся только со времени увольнения европейцев!³⁾. Мы будем иметь случай отметить применение этого хитроумного способа агитации и при различных других обстоятельствах; однако мы видим, что в данном случае он потерпел прискорбную неудачу. «В настоящее время, — писал «Таймс», снова насмехаясь над претензиями клики кредиторов⁴⁾, — кажется, одни только кредиторы Египта интересуются этой переменой. Правда, поступки Измаила приводятся в качестве оправдания; но те, кто больше

¹⁾ «Таймс», 18 апреля 1879 г.

²⁾ Лассельс распространяется о «бедствиях, вызванных жестокостью египетского правительства при взимании податей», а лорд Сольсбери утверждает, что «Измаил воспользовался передышкой лишь для того, чтобы возобновить вымогательства и жестокости, при помощи которых раньше наполнялась его казна». («Египет», № 5, (1879), стр. 162, и № 3 (1879 г.), стр. 10); см. также ряд отчетов консульских агентов в «Египте», № 1 (1888 г.), стр. 19—30. Некоторые из этих агентов не вполне поняли данные им инструкции и давали весьма благоприятные отзывы. Например, двое из них, уроженцы Египта, доносили из Верхнего Египта, что крестьянское население «благоденствует». К этому Боргом, вице-консулом в Каире, было прибавлено вразумительное примечание: «Оба агента нашего консульства в Верхнем Египте, к сожалению, безграмотны и всецело зависят от писцов, — поэтому следует, как мне кажется, осторожно относиться к их отчетам». Иными словами, если бы эти агенты были в состоянии прочесть преподанные им инструкции, то их отчеты были бы иными. Другой агент доносил, что при сборе налогов одинаково обращались как с бедными, так и с богатыми. И снова Борг делает оговорку, что «сведения, полученные им из других источников, говорят о том, что к богатым в общем относились более пристрастно». Эти отчеты — настоящая комедия.

³⁾ Лорд Кромер говорит: «злоупотребления старого порядка возвратились немедленно после того, как новое министерство стало у власти». («Современный Египет», т. 1, стр. 126).

⁴⁾ «Таймс», 24 июня 1879 г.

всего осуждает хедива и требует его изгнания, всего несколько недель тому назад говорили совсем другое. Они теперь требуют интервенции из высоко гуманитарных побуждений. Они говорят, что хотят спасти страну от жестокой расточительности ее правителя. Незадолго перед тем эти же лица, в своей ревностной защите интересов кредиторов Египта, отвергали всякую мысль о том, что феллах притеснен, что трудовая повинность, которую он несет, угнетает его и что страна обременена долгами. Жалость, которая теперь расточается подданным хедива, возникла слишком неожиданно, чтобы не возбуждать подозрения».

Эти откровенные заявления превосходно комментируют легенды, созданные впоследствии ревностными историками. Вместе с тем было бы, конечно, грубой ошибкой считать, что они возникли из искреннего желания, чтобы Египет сам нашел себе пути к спасению, и противопоставлять им агрессивную политику, которую проповедывала в это время Франция явно в интересах французских банкирских домов. Настоящее положение было скорее как раз обратное. Франция не имела никакой надежды стать хозяином Египта до тех пор, пока Англия будет стоять на ее пути. Самое большее, на что она могла надеяться, это помешать Англии занять такое положение, и поэтому она всегда предлагала совместные действия или совместную оккупацию, или, когда это не удавалось, оккупацию Египта турецким султаном. Непосвященной публике эта политика казалась явной агрессией; в действительности же, однако, она была продиктована очень тонким расчетом, что раз обе великие державы будут совместно управлять страной или эта последняя будет занята султаном, то опасность захвата Египта Англией фактически отпадет. Но именно по этим основаниям те представители Англии, которые лелеяли честолюбивые политические замыслы увидеть британский флаг развевающимся над Нилом, были неизменно против идеи совместного действия с Францией с целью воздействия на хедива. Они ясно видели, что, решившись действовать совместно с Францией, они уничтожили бы собственными руками всякую возможность добиться какого-либо господства над Египтом, и они скорее были согласны совсем оставить Египет в покое, чем пойти вместе с Францией. Египет не был бы тогда в руках их соперников, и всегда могли создаться условия, при которых он попал бы в руки Англии. Правда, до сих пор события были против них, благодаря настойчивым требованиям кредиторов, которым не в силах были противиться правительственные деятели. Но теперь представлялся случай исправить ошибку. Европейским министрам было указано на дверь. Египет решил идти своими собственным путем. Почему бы не остановиться на этом и не отказаться от опасного союза с Францией? Этот вопрос задавал «Таймс», выражая, без сомнения, взгляды хорошо осведомленных политических кругов. Долой кредиторов! Англия, благодаря им, запуталась в гибельной политике — теперь настало время стать на новый путь.

Вот каковы были истинные мотивы той по внешности анти-агрессивной политики, которая проповедывалась Англией и проводилась в жизнь правительством в течение первых месяцев после падения евро-

пейского министерства. Пресса была полна обвинениями против кредиторов и их правления, которые они осуществляли через своих агентов, и всячески доказывала, что хедив и его новое правительство смогут отлично вести египетские дела. В то время не было того издевательства над молодым национальным движением, которое стало обычным позднее. «Хедив,—было мнение александрийского корреспондента «Таймс»¹⁾,—хотя и является господином у себя дома, должен теперь считаться с так называемой национальной партией, влияние которой на своего правителя иногда, говорят, граничит с диктатурой. Армия, паши, улемы—все объединены в общем стремлении доказать, что Египет может сам управлять собою, и парламент, недавно увеличенный до 100 членов, проявил признаки жизненности, обещающие в будущем установление настоящих парламентских порядков». Каирский корреспондент той же газеты, не колеблясь и с видимым одобрением, дает отчет о своем интервью с хедивом, который, высказав все недовольство, накопившееся у него и у египетского народа против засилья кредиторов, закончил свою речь следующими замечательными и почти пророческими словами: «Вы можете легко и спокойно править Египтом через вице-короля А или вице-короля Б, опираясь на национальные чувства народа. Я не хочу сказать, что, действуя вопреки этим национальным настроениям, вы не сможете править Египтом через вице-короля А или вице-короля Б, но тогда вы должны будете прибегнуть к насилию и притеснениям»²⁾. Эти слова часто цитировались, и рекомендовалось обратить на них внимание, и, без сомнения, они так же справедливы теперь (1910 г.), как и тридцать лет тому назад.

Поэтому, принимая во внимание все эти обстоятельства, вполне возможно, что Египет после роспуска европейского министерства в начале апреля мог бы действительно быть предоставлен самому себе. Франция отлично знала, что она не может одна, против желания Англии, предпринять агрессивные действия против Измаила, и, может быть, имея в виду свою недавнюю неудачу в Мексике, о которой английская пресса была достаточно нелюбезна напоминать ей³⁾, у нее не было особого желания повторить эту попытку. Ее мысль отдать Египет султану также встретила решительную оппозицию со стороны английского общественного мнения, которое, несмотря на то, что оно в течение долгих лет настаивало на суверенных правах султана в Египте, внезапно отнеслось с большой щепетильностью к вопросу об его призвании для улажения египетских затруднений. «Мысль,—писал «Таймс»⁴⁾,—прибегнуть к вмешательству султана в дела Египта, вероятно, родилась в уме какого-нибудь жалкого существа с единственной целью поддержать курс завтрашнего дня». Но «Таймс», конечно,

¹⁾ «Таймс», 19 мая 1879 г.

²⁾ «Таймс», 28 апреля 1879 г. Ср. письмо того же корреспондента в той же газете от 30 августа 1879 г. В другом письме, напечатанном в «Таймс» 16 апреля 1879 г., каирский корреспондент описывает объединение конституционных элементов в национальную партию, лозунгом которой было: «Египет для египтян».

³⁾ См. передовую статью «Таймс», 10 апреля 1879 г.

⁴⁾ 14 апреля 1879 г.

знал, что дело не в одном только «курсе», и в другом месте он открыто объявил, что вмешательство султана «совершенно не в интересах великих держав Запада, и, главное, не в интересах Англии» ¹⁾.

Положение было спасено для Франции неожиданным вмешательством Германии. Мы имеем некоторые указания в словах сэра Риверса Уильсона, сказанных Бланту, что, вернувшись из Египта, он тотчас же отправился к парижским Ротшильдам, которых ему удалось встретить и убедить обратиться к Бисмарку с просьбой вступить за обремененных ²⁾. Сэр Риверс Уильсон, однако, не сообщил Бланту о тех средствах, к которым прибегли Ротшильды с целью повлиять на германского канцлера. Эти средства в высшей степени интересны. Читатель помнит, что Ротшильды все еще были должны сумму свыше двух миллионов в счет займа, заключенного сэром Риверсом Уильсоном, будто бы в целях расплаты с кредиторами вексельного долга. Мы говорим «будто бы», потому что ни одного гроша не было истрачено европейским министерством в этом направлении, и национальному правительству предоставлялось решить вопрос об удовлетворении этих кредиторов. Но когда Шериф-паша обратился теперь к Ротшильдам с просьбой выплатить остаток суммы, причитающейся с них, они наотрез отказались под предлогом, что министерство Уильсона уже раньше заложило те земли, которые должны были поступить к ним свободными от долгов ³⁾. Это было, однако, только предлогом. Ротшильды отлично знали, что деньги, которые требовал Шериф-паша, были необходимы для расплаты как раз с теми кредиторами, закладные которых стояли им поперек дороги, но они тонко рассчитали, — вероятно, не без участия сэра Риверса Уильсона, — что, если они откажутся уплатить весь заем, этим кредиторам не будет заплачено, а так как большинство из них были немцы или австрийцы, то их правительства не преминут вмешаться в дело. Этим путем они и побудили Бисмарка совершить свой выход на сцену, — выход, тем более желанный для него, что он знал, что он приведет к осложнениям, которые смогут поссорить Англию с Францией. Соответственно с этим 18 мая германское и австрийское правительства обратились к Измаилу с решительным протестом против способа действий, предположенных египетским правительством по отношению к держателям вексельного долга, и против промедления в удовлетворении их требований, и в то же время германское правительство послало ноту английскому и французскому правительствам, в которой заявлялось, что в намерения Германии «входит только защита финансовых интересов ее подданных, политические же вопросы она предоставляет решать Англии и Франции» ⁴⁾.

Оба правительства были захвачены совершенно врасплох — что было тем более неприятно, что требование полной уплаты держателям вексельного долга никогда не входило в расчеты английских и французских кредиторов, предпочитавших, чтобы пирог остался целиком за

¹⁾ «Таймс», 18 апреля 1879 г.

²⁾ «Секретная история британской оккупации Египта», стр. 65 и 68.

³⁾ См. письмо александрийского корреспондента «Таймс», 12 июня 1879 г.

⁴⁾ «Таймс», письмо из Александрии, 19 июня 1879 г.

ними. Корреспондент «Таймс» немедленно указал на то, что сама Международная Комиссия нашла, что полное удовлетворение кредиторов вексельного долга было бы невозможно¹⁾, и само английское правительство запротестовало против германского плана, «так как это было бы пагубно для других кредиторов»²⁾. Вследствие намеренного пропуска в официальных документах, трактующих об этом кризисе, впоследствии представленных Палате³⁾, невозможно проследить весь ход переговоров, имевших место между Англией и Германией по поводу этого дела. Мы знаем из других источников⁴⁾, что, будучи прижат к стене протестами Бисмарка, Шериф-паша послал 15 июня циркуляр великим державам с извещением, что финансовый декрет отменен, что держатели вексельного долга будут удовлетворены полностью и что вопрос о процентах по объединенному долгу будет представлен на разрешение самих великих держав. Эти уступки, однако, оказались бесполезными⁵⁾. Через три дня Лассельс получил распоряжение от лорда Сольсбери сделать предложение хедиву отречься от престола в пользу своего сына Тьюфика; в случае же отказа «западные державы будут вынуждены довести свои соображения (а именно, что «абсолютизм хедива явился главной причиной государственных беспорядков») до сведения султана, фирману которого хедив обязан своей властью»⁶⁾. Так как Измаил все еще колебался, то султана убедили послать ему 16 июня телеграмму, объявлявшую ему о необходимости отречения, и в тот же самый день Измаил, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, формально отрекся от власти в пользу своего сына в присутствии высших сановников государства. Четыре дня спустя он простился со своим народом и, покинув Каир, отправился в изгнание до конца своих дней. Он скончался в Константинополе 8 марта 1895 г., и его тело было перевезено в Александрию неделю спустя, как раз в тот день, когда в оперном театре в Каире давалась опера «Аида» — та самая опера, музыкой которой во время открытия Суэцкого канала Измаил угощал коронованных особ и высшую аристократию Европы. Было ли это случайным совпадением или демонстрацией наглой власти со стороны оккупации, но оно явилось превосходным символом не столько тщетности земной славы, сколько плутней и низости европейской дипломатии⁷⁾.

1) «Таймс», там же.

2) Телеграмма агентства Рейтера из Каира, «Таймс», 12 июня 1879 г.

3) См. «Египет», № 3 (1879 г.). Упомянутый пробел находится между 30 мая и 18 июня. В этот критический период правительство упорно отказывалось давать сведения о ведущихся переговорах, предпочитая преподнести парламенту уже совершившиеся факты. Со своей стороны, либеральная оппозиция не позаботилась выступить по этому поводу с интерpellацией.

4) Телеграмма агентства Рейтера в «Таймс», 16 июня 1879 г.

5) «Великие державы», — писал парижский корреспондент «Таймс» 20 июня 1879 г., — приняли уступки хедива в этом пункте, но объявили ему, что они не являются лекарством против дурного управления страной, расточения народных богатств и экзекуций по отношению к феллахам».

6) «Египет», № 3, (1879 г.), стр. 9.

7) Интересно упомянуть в связи с вышеуказанным, что 9 августа 1910 г. некий Магомед-Вахид-бей был приговорен египетским судом к двухмесячному за-

Невозможно, даже для человека, который, как автор настоящего труда, придает мало значения роли отдельной личности в истории, расстаться с этим человеком, не испытывая к нему нечто вроде симпатии. Несомненно, Измаил не был идеальным правителем, но таковых не много найдется; может быть, он и был немного хуже других. Одно только ясно среди всех тревожений его карьеры: если бы не отсутствие у него решимости в момент объявления своего первого банкротства, он смог бы сохранить не только свой престол и «незапятнанность» своего имени (которое надо было очернить, чтобы оправдать ряд агрессивных действий, предпринятых против него), но также и независимость своей страны¹⁾. В то же время его нельзя осуждать за эту первоначальную и роковую ошибку. Во-первых, потому, что он сам жестоко поплатился за нее. Во-вторых, если он должен быть осужден, какой же приговор будет вынесен дельцам и ростовщикам, запутавшим его в своих тенетах, и правительствам, помогавшим им поймать его? «Влияние кредиторов, — писал сэр Юлиан Гольдсмит через несколько месяцев после низложения Измаила²⁾, — проявилось во многих случаях. Одна комиссия за другой расследовала финансовое положение Египта. Печатались обширные отчеты. Давались советы, как оплатить тот или другой купон. Но действительным результатом всего этого было то, что бремя народа не уменьшалось, а, наоборот, всячески увеличивалось, и рост задолженности страны шел гигантскими шагами. Уильсон способствовал этому... Пусть кредиторы Египта не забывают, что если бы вместо стараний об оплате чрезмерных процентов по долгам, которые они сами же поощряли заключать, бывший хедив последовал примеру своего сюзерена и отказался платить, как это делал султан, то Измаил-паша все еще занимал бы египетский трон, и народ, без сомнения, был бы в более счастливом положении». Таков был приговор беспристрастных современников по делу хедива с его кредиторами — приговор тем более ценный, что впоследствии те же самые люди, которые произнесли его, оказались на стороне поборников оккупации. Когда насильственный акт, имевший место 26 июня, защищался в Палате сэром Стаффордом Норткотом, тогдашним канцлером казначейства, на том основании, что он был необходим «не для кредиторов, а ради спасения страны от анархии», то «Таймс», который обычно

ключению за статью, протестовавшую против намерения воздвигнуть памятник Измаилу-паше. Такой священной стала для оккупантов память хедива, которого они когда-то так тяжело оскорбили!

¹⁾ «Одно слово в защиту Египта и его финансов, — писал «Таймс» (2 февраля 1878 г.): Враждебно настроенные критики не должны забывать некоторых фактов. Изнурительная война тяжело отзывалась на ресурсах Египта; низкая цена на хлопок уменьшила его налоговую платежеспособность... свирепая эпидемия чумы на скоте чрезвычайно истощила его ресурсы, а низкая вода в Ниле явилась источником тяжелой нужды. Несмотря, однако, на все эти источники бедствий, вице-король с честью исполнял свои обязательства... хотя война в Турции давала полную возможность любому из оттоманских вассалов оправдывать невзнос платежей европейским кредиторам выполнением имперских обязательств». Ср. приговор лорда Кромера, цит. соч., стр. 144: «он пал жертвою брѣси, дерзкого злоупотребления властью» и т. д.

²⁾ «Таймс», 23 августа 1879 г.

венно держался совершенно другой точки зрения на этот вопрос, писал саркастически¹⁾: «Мы не видели ни малейших указаний на то, что стране грозила анархия даже в том случае, если бы с держателями египетских акций поступили так же, как с государственными кредиторами Греции, Турции, Испании и многих южно-американских республик». «Если мы спросим, — замечает он в другой раз²⁾, — как и почему это (насилие 26 июня) произошло, то мы можем дать только один ответ: это дань огромной и растущей власти денег». Эти заявления могут послужить хорошими комментариями к перевороту, совершенному великими державами актом низложения Измаила и ссылкой его в изгнание.

В течение последующих двух месяцев в правящих верхах Англии и Франции наблюдалось снова крайне нерешительное настроение. Первым импульсом обоих правительств, естественно, было восстановить *status quo ante* 7 апреля, но Тьюфик-паша решительно воспротивился этой мысли, и она была оставлена. Тогда было решено восстановить должность генеральных контролеров, но вопрос об их полномочиях был тесно связан с общей формой правления, которую предстояло установить в Египте. Если Египет будет управляться парламентом, полномочия контролеров, естественно, будут ограничены, и их положение будет подчинено воле народных представителей. Другими словами, их должность будет носить подчиненный характер, и их деятельность сведется, главным образом, к бумажному контролю. С другой стороны, если бы контролерам были предоставлены широкие полномочия и их сделали бы, как желали этого кредиторы, действительными распорядителями судеб Египта, тогда ясно, что парламент был бы совершенно неуместен и следовало восстановить абсолютизм хедива. Сам Тьюфик, который, будучи наследником престола, имел частые сношения с конституционалистами, теперь склонялся на сторону первой из этих альтернатив. Эту же позицию занимала и та часть английской публики, которая стояла за полное прекращение европейского вмешательства. «Англия, — заявляли они, — должна провозгласить принцип прекращения всякого иностранного вмешательства, включая сюда и ее собственное», так как эта политика невмешательства «лучше всего отвечает нашим интересам и лучше всего может способствовать развитию благосостояния Египта»³⁾. «Вмешательство, — пишет «Таймс», наш ценный и беспристрастный свидетель⁴⁾, — которое практиковалось до сих пор, не принесло добра, чтобы не сказать больше; его происхождение слишком подозрительно, чтобы относиться к нему с уважением. Египет оставляли в покое до тех пор, пока не возникли затруднения в связи с удовлетворением требований держателей египетских ценностей. Притеснение феллахов не увеличивалось заметно, исключая тех особых случаев, когда применялись суровые меры ради удовлетворения претензий кредиторов; и хотя мы настаивали на необходимой пунктуальности и

¹⁾ «Таймс», 12 августа 1879 г.

²⁾ Там же, 1 августа 1879.

³⁾ Там же, 27 сентября 1879 г.

⁴⁾ Там же, 20 августа 1879 г.

молчаливо санкционировали средства, к которым прибегали для обеспечения этой пунктуальности, мы никогда даже притворно не осуждали жестокого обращения. Недальновидное и расточительное управление было у нас на глазах и поощрялось европейскими чиновниками и авантюристами. Только опасение банкротства заставило западные державы прибегнуть к интервенции, и тогда она лицемерно оправдывалась бескорыстным желанием создать хорошее управление. Мы не можем сочувствовать злоупотреблению влиянием со стороны иностранного правительства в интересах частных кредиторов; и сейчас следовало бы воспользоваться случаем, чтобы вступить на новый путь, исходной точкой которого было бы предоставление Египту полной самостоятельности в деле своего устройства».

Но это было гласом вопиющего в пустыне в те дни, когда властные аппетиты среди кредиторов были возбуждены до крайности успехом насильственного акта 26 июня, и правительство снова очутилось в роли исполнителя их замыслов вместо того, чтобы преследовать более широкие политические цели. Известно, что даже Трику, французский генеральный консул в Каире, стоял за конституционное правление для Египта и всячески старался противодействовать губительному влиянию Лассельса и побудить свое правительство встать на сторону Шериф-паши и партии националистов. Но даже его усилия оказались безрезультатными. Оба правительства оказывали всяческое давление на слабовольного Тьюфика-пашу с целью заставить его распустить министерство и разделаться с парламентом, и 18 августа он категорически отказался подписать проект конституции, который Шериф-паша представил на его одобрение. Тогда Шериф-паша подал в отставку. В то же время Трику получил распоряжение от своего правительства вернуться во Францию, и прежний деспотизм хедива был восстановлен. В такую форму обыкновенно отливается реформаторское рвение Европы, когда оно действует под влиянием расчетов о прибылях.

Конечно, деспотизм хедива фактически сводился к деспотизму европейских финансистов ¹⁾. Сам Тьюфик, как мы уже сказали, был несамостоятелен; новое министерство должно было находиться в руках Риаса-паши, доказавшего уже во время министерства Нубара, что он может быть послушным орудием европейцев; и контролеры, хотя их функции и не простирались на самое управление государственными учреждениями, а ограничивались только «расследованием, контролем и надзором», не могли увольняться хедивом без согласия на то заинтересованных великих держав ²⁾. Это было введением впервые определенного совместного политического контроля над Египтом — мера, которую Франция все время так страстно желала и против которой так усиленно восставали более проницательные политики Англии. Как таковая, она означала политическую победу Франции, хотя на самом деле, благодаря умелому подбору лиц, предназначавшихся на посты

¹⁾ «Отречение Измаила-паши, — говорит лорд Кромер, (цит. соч., стр. 145), — прозвучало погребальным звоном для деспотического единоличного управления Египтом».

²⁾ «Таймс», письмо из Александрии от 19 ноября 1879 г.

контролеров — майор Бэринг, с одной стороны, и Блиньер — с другой, — преобладающее влияние, несомненно, было на стороне Англии. Возможно, что Франция мало заботилась о том, кто извлечет наибольшую материальную выгоду от эксплуатации Египта — она или Англия, — лишь бы ее политические интересы обеспечивались фактом совместного управления. И, наконец, с целью избежания дальнейших осложнений, султана принудили отменить фирман 1873 г. и выпустить новый, главными пунктами которого было сведение армии до ее прежних размеров в 18.000 человек и запрещение, иначе как только в целях ликвидации существующего положения и с согласия кредиторов заключать новые займы и уступать другим, даже временно, «какие-либо привилегии, дарованные Египту, или какие-либо части его территории». Надо сказать, что ограничения, касающиеся долгов, были обязаны своим происхождением настояниям со стороны Англии, тогда как ограничения, касающиеся привилегий и территории, были введены под давлением Франции. Каждая из сторон охраняла от другой то, что ей казалось самым важным.

ГЛАВА VIII

ЕГИПЕТ ПОД ДВОЙСТВЕННЫМ КОНТРОЛЕМ

Декрет о восстановлении генеральных контролеров был издан 4 сентября, но майор Бэринг и его коллега фактически заняли свои посты значительно позднее. Они оба были в Париже, совещаясь с кредиторами о плане своих действий.

В ряде других фактов египетской истории, носящих характер горькой иронии, следует отметить и то, что новые властители теперь решили действовать в том самом направлении, в котором пытался действовать Измаил, за что он поплатился своим престолом и был уничтожен конституционный режим. Было решено, что проценты по объединенному долгу будут снижены, что держателям вексельного долга будет заплачено только частью и что, если не окажется достаточно средств заплатить государственным служащим, то будет пожертвовано даже данью Порте¹⁾. То, что при Измаиле и его конституционном министерстве казалось актом недопустимого произвола, теперь считалось актом благоразумной государственной политики и здравого финансового смысла! Ноябрьский купон был оплачен только из 6%²⁾, дань была задержана, и сразу были начаты переговоры о тщательном пересмотре декрета Гошен — Жубера. Ротшильды также взяли назад свой прежний отказ выдать невыплаченный остаток по долгу 1878 г. Германия и Австрия отказались от своих возражений против частичного погашения вексельного долга, и в конце года 1.400.000 ф. стерлингов было выплачено держателям его, остаток же был взят египетским правительством, т.е. самими контролерами на другие нужды³⁾. Все это было теперь не только позволительно, но считалось даже похвальным!

Сверх того были предприняты и другие меры, с целью «урегулировать» финансовое положение, в ожидании Международной Комиссии, которая как раз должна была собраться по настоянию контролеров для

¹⁾ Лорд Кромер описывает эти решения в героических тонах: «Оно (египетское правительство) запросило нас, следует ли ему занять деньги для оплаты своих обязательств. Ответ не оставлял сомнения. Если дань не может быть выплачена, тем хуже для Турции. То же самое было сказано и о процентах по объединенному долгу». («Современный Египет», т. I, стр. 166).

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 167.

³⁾ «Таймс», 8 ноября 1879 г.

окончательной ликвидации. Первой явилась отмена закона Мукабала и наложение земельного налога на земли Ушура — две меры, приведшие к падению «ответственного» европейского министерства. Эти меры могли быть проведены безнаказанно, так как не было больше Измаила, который противился им. Пара газет осмелились протестовать против этих мер, но они были тотчас же прикрыты министром Риазом-пашою¹⁾. Было подано также несколько петиций, протестовавших против произвола нового режима, но податели петиций были арестованы и зачинщики сосланы на Белый Нил²⁾. Эти действия имели, несомненно, своей целью показать египетскому народу, что теперь царство деспотизма и произвола пришло к концу. Потом, двумя декретами 1880-го и следующего годов, излюбленный проект Блиньера о выкупе от трудовой повинности был проведен в жизнь. И, наконец—ограничиваясь перечислением лишь главных мер, — сокращено было содержание Халима-паши, дяди Измаила и претендента на престол, которым несколько раз пользовались в борьбе против прежнего хедива, с 60.000 фунтов стерлингов до 15.000 фунтов стерлингов в год³⁾. Надо сказать, что размер этого содержания в 60.000 фунтов стерлингов в год был результатом соглашения в 1870 г. между Халимом и Измаилом, согласно которому Халим должен был в течение 40 лет получать эту сумму взамен отказа с его стороны от всей своей земельной собственности, от всех своих привилегий и прав на престолонаследие и данного им обещания никогда не вступать на египетскую территорию. Измаил честно выполнял со своей стороны это соглашение, даже когда Халим позволял европейским интриганам пользоваться собою, как пугалом для утешения Измаила; но как только эти европейские покровители стали у власти, они тотчас же отменили это соглашение, — они, проявлявшие всегда такую щепетильность в отношении святости договоров между должниками и кредиторами и теперь владевшие теми землями, которые являлись основанием для прав Халима на содержание. Халим пытался протестовать перед несколькими европейскими правительствами, но, естественно, безуспешно. Он должен был покориться своей судьбе, памятуя, если он знал немецкий язык, классическое выражение Шиллера: «Der Moor hat seine Pflicht getan, der Moor kann geh'n».

Между тем, новая комиссия, состоявшая из членом Долговой Кассы, под председательством опять-таки сэра Риверса Уильсона, снова была занята обсуждением финансового положения Египта, при чем великие державы заранее обязались санкционировать все решения, которые она вынесет. Комиссия была учреждена в начале апреля, и через три месяца ее работа была окончена, и результаты ее вылились в форму закона, известного под названием Закона о Ликвидации, санкционированного декретом хедива от 17 июня 1880 г. Согласно этому закону, доходы Египта определялись в сумме 8.576.000 фунтов стерлингов. Ежегодный платеж по объединенному долгу устанавливался в 4%, что

¹⁾ «Таймс», письмо из Александрии, от 8 декабря 1879 г.

²⁾ Телеграмма агентства Рейтера в «Таймс», от 28 мая 1880 г.

³⁾ «Египет», № 1, (1881), стр. 10, 11.

составляло вместе с 1% по взносам в фонд погашения всего 5%, вместо прежних 7%. Это уменьшало расходы по долговым обязательствам приблизительно на два миллиона фунтов стерлингов в год. В виде компенсации за это снижение закон предусматривал, что во всех случаях излишки от выделенных для оплаты займов доходов должны употребляться исключительно на выкуп заемных бумаг, и что в некоторых случаях даже излишки от прочих доходов должны быть употреблены с той же целью для того, чтобы получилось годовичное погашение равное $\frac{1}{2}\%$ с номинального капитала объединенного долга (свыше 57.000.000 фунтов стерлингов). Затем предполагалось заключить новый заем в 5.600.000 фунтов стерлингов и присоединить его к привилегированному долгу с целью погасить вексельный долг. Привилегированный долг, таким образом, должен был увеличиться до 22.530.000 фунтов стерлингов, при обеспечении железными дорогами, гаванями, телеграфом, таможенными пошлинами и доходами с четырех провинций. Держатели вексельного долга были разделены на различные категории, из которых одни получали свои деньги сполна, другие же должны были согласиться на различные степени уменьшения своих требований. Общая сумма их претензий составляла свыше 12.000.000 фунтов стерлингов — красноречивый образчик финансового управления европейцев с того времени, как сэр Риверс Уильсон предпринял погашение вексельного долга в 9.000.000 фунтов стерлингов!

Из этого видно, что Закон о Ликвидации устанавливал более низкие проценты, чем предлагал даже сам Измаил. Действительно, когда некоторыми членами комиссии была впервые поднята мысль о снижении процента до шести, то александрийский корреспондент «Таймс», который, как читатель вспомнит, во время переговоров Гошен—Жубера горячо восставал против уменьшения процентов ниже 7, заявляя, что страна легко и с удовольствием будет платить 7%, теперь писал, что это было бы «жестокое и не политично»¹⁾. Несомненно, что будь этот размер установлен в 1876 г., как на этом настаивал Садых-паша, то Египту не пришлось бы переживать все те несчастья, которые ему выпали на долю за эти четыре года, и Измаил продолжал бы оставаться хедивом. Но шейлоки требовали своего фунта мяса и не хотели удовлетвориться меньшим, пока они не убедились в том, что они не смогут получить его и только успеют разорить страну и подорвать свои шансы в будущем.

Но в то время, как это, хотя и запоздалое, снижение процентов по долгам могло вызвать только чувство удовлетворения, постановление об излишках заслуживало полного осуждения. Было ясно, что доход намеренно определялся в низкой сумме, для того, чтобы получить излишки в пользу кредиторов и в ущерб нуждам управления. Даже в этом виде бюджет, составленный в согласии с Законом о Ликвидации, определял в 1880 г. сумму, необходимую для оплаты долговых обязательств, не менее чем в 4.350.000 фунтов ст., оставляя приблизительно столько же на управление страной минус дань Турции и проценты по

¹⁾ «Таймс», 5 мая 1880 г.

акциям Суэцкого канала, — в общей сумме, вместе с некоторыми другими мелкими платежами, равной одному миллиону ф. ст. Управлению предоставлялось, таким образом, около 34% с общих доходов на удовлетворение его бесчисленных нужд. Это было настоящим грабительством. Александрийский корреспондент «Таймс» указывал в это время, что даже «Кейв, Вилье, Гошен, Жубер и все прежние спасители Египта были более щедры», добавляя, что «в своем рвении угодить кредиторам они (контролеры), как ему кажется, обрекли управление на голодную смерть»¹⁾. Но вышеупомянутое постановление относительно употребления излишков на погашение долга еще ухудшало положение. Из него явствовало, что если бы и удалось стране оправиться от разорения, вызванного дурным управлением предыдущих лет, то как бы ни были велики усилия правительства сберечь финансовые ресурсы, какое бы облегчение ни было дано народу уменьшением номинальных расходов по долговым обязательствам, выгоду от этого извлекла бы не страна, а иностранные кредиторы. Это означало, что нужды народного образования, развитие ирригационного дела, интересы правосудия и бесчисленные другие потребности государства, остававшиеся без удовлетворения с 1875 г., будут попрежнему не удовлетворены, и экономическая, интеллектуальная и общественная разруха в стране будет попрежнему продолжаться. Можно ли было представить себе более варварскую политику? Однако это была политика, созданная коллективной мудростью Европы. Позднее, когда Англия взяла на себя ответственность за финансовое управление Египтом, т.-е. за оплату его долгов, лорд Кромер отлично понял убийственный характер этой политики, за что он и получил репутацию крупного государственного человека. Но в то время, о котором говорится, никто не заботился о том, что станет с Египтом, — лишь бы купоны оплачивались исправно. Это была политика отчаянных игроков, единственной целью которых было выиграть как можно больше, пока представлялась к этому еще возможность, предоставляя будущему позаботиться о самом себе. Если Египет каким-нибудь чудом окажется в состоянии выдержать это напряжение, тем лучше для него; если нет, его можно отбросить, как выжатый лимон.

Вместе с этим Закон о Ликвидации санкционировал отмену Мукабалы и обложение налогом земель Ушури. Что касается первого, то самими членами Комиссии было вычислено, что взносов было произведено на сумму свыше 9.000.000 фунтов стерлингов приблизительно пятьюстами лиц, и Комиссия решила дать им компенсацию в виде ежегодного распределения между ними *pro rata* суммы в 150.000 фунтов стерлингов, т.-е. приблизительно по 1½% с капитальной суммы, в течение пятидесяти лет. Налог, падающий на их земли, теперь, естественно, должен был собираться сполна. Таков был способ обращения с туземными кредиторами государства, большинство исков которых, достигающих суммы свыше 8.000.000 фунтов стерлингов, было отвергнуто на том основании, что их платежи были фиктивны. Как

1) «Таймс», 3 февраля 1880 г.

жаль, что та же самая мера не была применена к европейским ростовщикам, займы которых во многих случаях были также фиктивны¹⁾.

Двойственный контроль, настоящий, т.-е. *политический* двойственный контроль, продолжался вплоть до оккупации Египта Англией в сентябре 1882 г., но фактически его режим окончился за двенадцать месяцев раньше, вследствие восстановления конституции. С точки зрения интересов кредиторов этот режим был очень удачен. Исполнение бюджета за 1880 год дало излишек в ассигнованных (на платежи по долгам) доходах в 640.000 фунтов стерлингов и в не ассигнованных доходах в 602.000 фунтов стерлингов — всего свыше 1.200.000 фунтов стерлингов, которые, главным образом, пошли на выкуп облигаций. Результаты бюджета 1881 г. были тоже вполне удовлетворительны: ассигнованная часть доходов дала излишек приблизительно в 670.000 фунтов стерлингов, не ассигнованная — 200.000 фунтов стерлингов. Результаты были совершенно такие, какие и ожидала получить Международная Анкетная Комиссия, рассчитывавшая, что с 1900 г., но не ранее, «ресурсы Египта при надлежащем управлении обеспечат правильное развитие государственных расходов»²⁾. Настроение у всех поднялось, и уже в июне 1880 г., т.-е. через год после полных пессимизма консульских отчетов, представленных Лассельсом, последовал ряд новых консульских донесений, полученных в Лондоне, рисовавших в радужных красках положение государства и страны и успехи нового управления. «Эти отчеты,—говорил новый генеральный консул мистер (позднее сэр Эдуард) Малет в сопроводительном донесении³⁾, —заставляют думать, что условия жизни феллахов, наконец, навсегда изменились к лучшему... Феллах с готовностью внес налоги... и начинает заранее приготавливаться к следующим платежам». Отчеты сами говорят о том, что «реформы, введенные новым управлением, привели к более крупным и быстрым результатам, чем предсказывалось или ожидалось теми, кто рекомендовал или проводил их в жизнь», что «ростовщики не могут больше отдавать деньги в рост феллахам, и обычно цитируемый размер процентов от 8 до 30 можно считать только номинальной цифрой», и, что «вообще феллахи находятся в лучших и более спокойных условиях жизни, каких они не запомнят уже много лет». Для каких-нибудь шести месяцев это были поразительные результаты, но — увы! — ничто не вечно в этом бренном мире. Несколько лет спустя, как мы увидим, те же самые консульские агенты и их шефы видели все в другом свете, потому что политические требования момента стали другими. И даже еще в 1898 г. лорд Кромер, с целью доказать высокие преимущества своего нового проекта мелкого кредита через Национальный банк, говорит в своем годовом отчете «о чрезмерных процентах,

¹⁾ Лорд Кромер находит, *post factum*, конечно, достойным сожаления, что не были выплачены более высокие проценты тем, кто в действительности одолжил вперед средства согласно Мукабале. (цит соч. стр. 122).

²⁾ «Rapport préliminaire», стр. 49.

³⁾ «Египет», № 3, (1880), стр. 1—5.

достигающих 40% и выше», которые бедным феллахам приходилось выплачивать ростовщикам ¹⁾). Немного позднее упоминание о плети снова появилось на сцену, когда пришлось выставить перед публикой так называемую отмену «курбаша», в виде крупной и благотворительной реформы. Даже в тот момент, когда Малет и его подчиненные сочиняли свои прекрасные доклады, александрийский корреспондент «Таймс», критикуя отчет контролеров за 1880 г., указывал, что очень хорошо, конечно, стараться угодить комиссарам Долговой Кассы, из которых каждый получал содержание в 3.000 фунтов стерлингов в год, но было бы гораздо важнее, если бы контролеры обратили внимание на плачевное состояние народного образования и общественных работ. «Рассматривая отчет в целом, — заключает он, — мы видим, что контролеры с слишком большой уверенностью считают, что хорошее состояние финансов означает и хорошее управление» ²⁾). Месяц спустя тот же корреспондент, говоря о смете на 1881 г., указывал: «В заключение моего письма я должен сказать, что я счел бы более уместным поздравить государственных кредиторов, чем крестьян, с бюджетом на 1881 год» ³⁾). Мы имеем еще другого свидетеля — и очень интересного — в лице Вилльерса Стюарта, члена парламента, который всегда появлялся на сцену, как только представлялась необходимость «со стороны» дать «беспристрастную» оценку великих благодеяний, оказанных Египту европейским и особенно английским управлением. В письме в редакцию «Таймс» в дни мятежа Араби, когда было необходимо указать публике на великое бедствие, которое произошло бы для Египта от замены европейского управления туземным, он писал: «Под европейским контролем египетский народ впервые в новой истории освободился от жестоких вековых притеснений. Правосудие стало действительностью, окончилось царство палки и плети, и довольство и благосостояние деревенских округов быстро растет» ⁴⁾). Но европейский контроль в конце концов пришел к концу и сменился английским, и в 1895 г. Стюарт, имея основательные причины откровенно высказаться о прошлых событиях, писал ⁵⁾): «Я часто посещал Египет до Двойственного контроля и во время него и могу сказать, что все дефекты, потом исправленные нами, существовали во время Двойственного контроля. Несправедливые налоги, при взыскании которых прибегалось ко всяческим насилиям и притеснениям, злоупотребления и жестокость, связанная с трудовой повинностью (*corvée*), применение принудительного труда на сахарных заводах (одно из главных обвинений, предъявленных Измаилу Международной Анкетной Комиссией) для личных выгод богатых и влиятельных лиц, — все это зло и многое другое, о чем я мог бы сообщить, продолжало расти и процветать на-ряду с проводившимися в жизнь реформами». Мы предоставляем самому читателю решить, в каком из этих двух случаев Вилльерс Стюарт искажал

¹⁾ «Египет», № 3, (1839), стр. 17.

²⁾ «Таймс», 10 марта 1881 г.

³⁾ Там же, 27 апреля 1881 г.

⁴⁾ Там же, 8 марта 1882 г.

⁵⁾ «Египет», № 2, (1895 г.), стр. 3.

истину. Мы думаем, что он отнесется с меньшим недоверием к последнему заявлению¹⁾.

Дело в том, что, хотя, несомненно, бремя народа было до известной степени облегчено уменьшением платежей по долговым обязательствам, предшествовавшее дурное управление и вызванное им истощение народных средств сделали процесс возрождения чрезвычайно болезненным и медлительным, тем более, что все наличные излишки отнимались у администрации и ничем положительным нельзя было помочь этому процессу. Общественные работы приходили все в больший упадок, народное образование отходило в область воспоминаний, а ростовщичество и подкуп подрывали самые основы народной жизни. В частности, что касается ростовщичества, то надо сказать, что введение в 1876 г. смешанных судов явилось сильным орудием экономического порабощения крестьянства, так как они вводили частное европейское право в общину, которая все еще продолжала существовать в примитивно-патриархальных, полу-племенных условиях. Результат их работы был превосходно охарактеризован позднее лордом Дафферинем в следующих выражениях²⁾: «В прежние времена кредитор не обладал правом отбирать у должника его владения и, согласно магометанским законам, он не мог добиться этого и по суду в отсутствие должника, но совершенно так же, как и введение в Индии британского кодекса дало новые права кредиторам, так и в Египте смешанные суды, с одной стороны, стимулировали в феллахе стремление заключать займы, создав из его владений законное обеспечение для этих займов, с другой — вооружили кредиторов слишком уже обширными правами на продажу с молотка имущества несостоятельного должника». Получился тот же результат, какой бывал всегда, со времен римлян и до наших дней, когда право, основанное на частной собственности, вводилось среди народа, живущего в условиях, в которые идея частной собственности еще не вполне проникла. Уже в 1879 г. утверждали, что большинство феллахов не были больше собственниками земли, которую они обрабатывали, что девять десятых земли принадлежало другим классам³⁾. Это, может быть, было преувеличением, но мы имеем свидетельство лорда Дафферина, что между 1876 и 1882 г.г. сумма зарегистрированной в банках задолженности увеличилась в круглых цифрах с 500.000 фунтов стерлингов до 7.000.000 фунтов стерлингов, из которых на 5.000.000 ф. ст. значилось по задолженности феллахов. К этому надо еще прибавить задолженность у деревенских ростовщиков, кото-

1) «Двойственный контроль был занят только финансами и едва ли интересовался чем-либо другим. Феллахи попрежнему управлялись, главным образом, при помощи «курбаша» (плетки), в судах царя чудовищный подкуп, земледельцы были все в долгах, и их земли переходили к кредиторам. Не было никаких намеков в то время на какие-либо моральные перемены к лучшему, поддерживаемые правительством, или изменения в системе управления». Вильфред Блант, «Секретная история», стр. 128—129.

2) «Египет», № 6, (1883), стр. 60.

3) Это было мнение Piot'a, начальника ветеринарной части в государственных доменах, цитированное Рейэ, «Voyage agricole dans la vallée du Nil», стр. 46.

рую лорд Дафферин исчисляет в 3 — 4 миллиона фунтов стерлингов ¹⁾. Это было настоящим разорением и было вызвано, главным образом, ужасными поборами, которые стали производиться с феллахов с того самого момента, когда кредиторы водворили свои порядки. «Эта задолженность, — принужден признать лорд Дафферин, — недавнего происхождения и, как утверждают сами крестьяне, является последствием жестоких и незаконных поборов, производившихся прежним правительством, для оплаты которых им приходилось занимать деньги» ²⁾. Лорд Дафферин этими словами, конечно, хотел осудить порядок, господствовавший при Измаиле-паше, но он забыл, что в последние годы этот порядок мог быть только номинально приписан Измаилу-паше, и что в действительности его поддерживали европейские агенты кредиторов. Двойственный контроль, далекий от того, чтобы постараться облегчить тяжелые условия, в которых жило крестьянское население, поддерживал их, присваивая каждую копейку, которая могла бы пойти на экономические улучшения. «Не надо забывать, — писал александрийский корреспондент «Таймс» в августе 1881 г., — что задолженность феллаха сейчас гораздо больше, чем когда бы то ни было раньше. Недостаток воды в Ниле и неурожай хлебов... могут привести к широкому переходу земель в руки европейцев» ³⁾.

То же самое и с «взяточничеством». Оно стоит в тесной связи с системою занятия государственных должностей — как действительно существующих, так и фиктивных и созданных ad hoc — европейцами, обрекая туземных чиновников, занимавших в большинстве случаев низшие должности, на голодную смерть. Мы имели уже случай указывать на это; здесь мы только добавим, что в 1879 г. 208 европейцев было приглашено на государственные должности, в 1880 г. — 250, а в марте 1882 г. на египетской службе состояло 1.325 европейских чиновников, получавших — и притом своевременно и полностью — 379.056 фунтов стерлингов в год ⁴⁾. И это — в обедневшей стране, где администрации отказывали в каждой лишней копейке и иски туземных кредиторов или отвергались или урезывались! Позднее была сделана попытка (и не кем иным, как самим лордом Дафферином) оправдать кормление этих полчищ иностранной саранчи по двум основаниям: во-первых, потому, что они составляли только небольшую часть по сравнению с 53.000 туземных чиновников, получавших 1.648.000 фунтов стерлингов, и, во-вторых, потому, что без них «и египетское правительство превратилось бы быстро в добычу бесчестных спекулянтов, разорительных подрядов и сомнительных инженерных работ» ⁵⁾. Однако вскоре выяснилось, что туземных чиновников было далеко не 53.000, а всего только 9.200, так как лорд Дафферин, полагаясь на вычисления Малета, включил сюда туземную армию, полицию, рабочих таможен, железных

¹⁾ «Египет», № 6, (1883), стр. 61.

²⁾ Там же, стр. 62.

³⁾ «Таймс», письмо из Александрии, от 20 августа 1881 г.

⁴⁾ «Египет», № 4, (1882 г.), стр. 5.

⁵⁾ Там же, № 6, (1883 г.), стр. 67.

дорог и т. д.¹⁾. Таким образом оказалось, что европейский штат служащих составлял 10 % всех штатов и, кроме того, европейцы занимали высшие посты и получали свое жалованье своевременно, тогда как туземцам предоставлялись низшие должности и никогда не выплачивалось содержание два месяца сряду. Последствия этого можно выразить словами сэра Эвелина Бэринга, сказанными им несколько лет спустя, не забывая только, что хотя Беринг говорит о египетском правлении, в действительности, его слова следует отнести к правлению контролеров и европейскому министерству: «Всего несколько лет тому назад, — говорил он в одном из своих докладов, — египетское правительство своим образом действий положительно поощряло взяточничество. Нельзя было ожидать честности среди плохо оплачиваемых, необразованных чиновников, большинство которых имело большие семьи, когда их жалование иногда задерживалось на несколько месяцев»²⁾.

Что касается другого довода, на основании которого оправдывалось содержание такого большого количества европейских чиновников, то и в этом случае очень полезно процитировать показания такого беспристрастного свидетеля, как сэр Эвелин Бэринг. В 1886 г. он писал³⁾: «Одной из многих причин, вызвавших настоящие финансовые затруднения египетского правительства, является обычай, господствовавший в прежние годы, назначать большое число служащих на государственные посты». К этому, по обыкновению, он прибавляет *suggestio falsi*, замечая: «1879 год был первым годом, в котором европейский контроль над египетскими финансами начал серьезно чувствоваться, но прежде чем он смог достигнуть основательных результатов, разразились события, завершившиеся впоследствии мятежом Араби». Мы видели, что как раз в годы, когда европейский контроль «начал серьезно чувствоваться», имело место самое широкое наводнение Египта европейскими чиновниками, и сам сэр Эвелин Бэринг замечает: «отсутствие действительного контроля ясно сказывается на числе новых служащих, приглашенных в 1880, 1881 и 1882 г.г.». Надо заметить, что Бэринг благодушно воздерживается от упоминания, что эти новые служащие были все европейцами, но читатель не нуждается в толковании. Иностранные служащие были сами по себе источником разорения, независимо от того, что они делали для охраны интересов правительства против «бесчестных спекулянтов». Мы имеем основательные причины думать, что даже эта похвальная функция исполнялась ими совершенно иначе, чем это утверждал лорд Дафферин. Период Двойственного контроля был отмечен бесчисленными спекуляциями и сомнительными сделками между правительством и частными подрядчиками и финансовыми дельцами. Мы знаем об одной английской фирме, в которой участвовал герцог Сатерлендский. Она получила, несмотря на заявленные ею высокие цены, контракт на орошение провинций Бехеры паровыми помпами, хотя существовала большая Нильская плотина Мехмета-Али, которую

1) «Египет», № 14, (1883 г.), стр. 18.

2) Там же, № 15, (1885 г.), стр. 60.

3) Там же, № 11, (1887 г.), стр. 5 и 6.

можно было употребить с этой целью. Мы также знаем об установлении монополии на продажу соли и предоставлении этой монополии английской, а не французской компании, с целью охранить интересы британских импортеров соли из Индии. Другая французская фирма предложила обслуживать телеграф Египта вместе с телеграфом Туниса и Алжира, благодаря чему плата за слово понизилась бы с 2 франков до 25 сантимов. Однако правительство отказалось предоставить эту концессию, предпочтя поддерживать высокую плату, так как Восточная Телеграфная Компания извлекала из этого выгоду. Можно было бы привести бесконечное число подобного рода примеров ¹⁾, но и приведенных вполне достаточно для того, чтобы дать читателю представление о порядках, господствовавших во время Двойственного контроля, поскольку дело шло о «защите» египетского правительства от «разорительных подрядов» и т. д. Вероятно, лорд Дафферин не подозревал, какую нелепость он говорил, ходатайствуя о сохранении европейских чиновников именно на этом основании. Однако те, кто снабдил его этим аргументом, отлично знали о действительном положении вещей и, вероятно, тайно подсмеивались над наивностью великого дипломата.

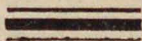
Может быть, в связи с этим уместно будет коснуться еще другого злоупотребления, возникшего из того же источника и носящего подобный же характер. Мы имеем в виду уже упомянутую раньше свободу европейских колонистов от уплаты прямых налогов. Порядок капитуляций предусматривал, что ни один европеец не может подвергнуться обложению без согласия его правительства, и это условие было использовано сполна. Измаил в свое время не раз пытался поднять этот вопрос, указывая на несправедливость того, что люди, приехавшие с целью обогащения под защитой египетских законов, никогда не платили ни гроша, за исключением косвенных налогов, за эту защиту, в то время как туземцы платили огромные земельные налоги. Великие державы любезно согласились, чтобы их подданные платили также земельный налог, но что касается городских налогов, как, например, профессиональный и жилищный налоги или гербовые сборы с коммерческих сделок, то они считали, что всеми этими налогами могут наслаждаться исключительно туземцы. Результатом этого было то, что европейцы, не будучи заняты в земледелии, не платили земельного налога, и в то же время, занимаясь обширными денежными и коммерческими делами, были свободны от всякого рода городских налогов. Египтяне же платили эти последние в размере 430.000 фунтов стерлингов в год и, таким образом, были поставлены в худшие условия при коммерческой конкуренции с европейцами ²⁾.

Таков был режим Двойственного контроля. Это было только продолжением правления кредиторов, введенного впервые в 1876 г., с той только существенной разницей, что оно теперь носило более законченный и определенно политический характер. Как писал позднее

¹⁾ Относительно этих и подобных им фактов см. «Documents et Extraits de journaux», 1881, (имеются в Британском музее).

²⁾ «Египет», № 6, (1883), стр. 76.

известный знаток международного права Мартенс¹⁾: «англо-французский контроль был политическим институтом, преследовавшим специальную цель расстроить государственную машину Египта, дискредитировать правительство хедива в глазах его собственных подданных и приостановить все законодательные и административные реформы, которые могли бы каким-нибудь путем повредить интересам иностранных кредиторов».

¹⁾ «La Question Egyptienne», стр. 371. В 1883 г. сэр Чарльз Дильк, занимавший пост товарища министра иностранных дел, сказал в палате общин: «Было два Двойственных контроля—первоначальный Двойственный контроль лорда Дерби и второй, установленный лордом Сольсбери. Двойственный контроль, единодушно осужденный либеральными ораторами, был вторым контролем... В 1879 г. египетское правительство было лишено права увольнять контролеров, и английское правительство совершило интервенцию в самое сердце Египта и установило политический контроль в самом настоящем смысле». (Hansard, «Парламентские отчеты», т. 276, 1883 г., стр. 223.) Ввиду того, что либералы осуждали политический Двойственный контроль, они захватили Египет целиком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОККУПАЦИЯ ЕГИПТА

ЕСЛИ МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ СОХРАНИТЬ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕГИПТЕ ИЗ-ЗА ТОГО ТОЛЬКО, ЧТО МЫ НЕ СМОЖЕМ ПРЕДСТАВИТЬ ОПРАВДАНИЙ НАШИХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРЕД СУДОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА, ТО НАМ ЛУЧШЕ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ВСЮ НАШУ ИСТОРИЮ...

ЕСЛИ ВЫ ЗАНЯТЫ В КАКОМ-НИБУДЬ КОММЕРЧЕСКОМ ДЕЛЕ И НЕ ЖЕЛАЕТЕ ВПАСТЬ В БАНКРОТСТВО, ТО ВЫ, КОНЕЧНО, НЕ БУДЕТЕ ВЕСТИ СВОИ ДЕЛА В ПОЛНОМ СОГЛАСИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПЕРВОБЫТНОГО ХРИСТИАНСТВА, А, ВЕДЬ, ИНТЕРЕСЫ АНГЛИИ НЕ ОГРАНИЧИВАЮТСЯ ТОЛЬКО КОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРОЙ.

ЭДУАРД ДАЙСИ, «Будущее Египта».

ГЛАВА IX

СЕНТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1881 ГОДА

Нельзя было ожидать после прецедента 1879 года, что положение вещей, описанное в предыдущей главе, сможет долго продолжаться без того, чтобы не вызвать протеста и, может быть, новой попытки свергнуть власть европейцев. Если бы новый хедив был, подобно своему отцу, человеком энергичным и честолюбивым, то, Египет, может быть, снова увидел бы правителя, который взял бы на себя инициативу какого-нибудь решительного действия против контроля и призвал бы народ к себе на помощь. Но Тьюфик-паша был слабый и трусливый правитель, и от него нельзя было ожидать инициативы ¹⁾. По вполне естественной логике вещей инициатива в мятеже против автократического режима контролеров исходила снова от армии, руководимой простым и полуобразованным феллахом, поднявшимся до ранга полковника, Ахметом Араби. После революции в Турции, произведенной ее армией, (1908 г.), нет оснований удивляться, что солдаты взяли на себя руководящую роль в национальном движении и выступили защитниками национальных прав и свободы. На Востоке до сих пор, как довольно правильно тогда указывалось ²⁾, «военные всегда были главным фактором политических движений; они одни обладают сплоченностью и смелостью проводить в жизнь свои требования; остальное население — точно стадо баранов, пассивно позволяющее стричь себя и превращать в мясо. По отношению к Египту конца 70-х и начала 80-х годов, это было вдвойне справедливо». «Не надо забывать, что армия — правильно отмечает «Таймс», — является единственным национальным учреждением, которым теперь обладает Египет. Все остальное наводнено, контролируется и преобразовывается уполномоченными представителями Англии и Франции» ³⁾. Таким образом именно армии суждено было

¹⁾ Тьюфик находился вначале под влиянием Шерифа-паши и был против возвращения Нубара-паши и вмешательства контролеров в вопросы о налогах. Впоследствии, как мы видели, он поддался влиянию консулов и согласился на отмену конституции. См. «Таймс» 20 августа и 12 сентября 1879 г. (телеграмма из Парижа) и 12 сентября 1879 г., письмо из Александрии, а также автобиографию Араби в «Секретной истории» Бланта, стр. 484.

²⁾ Сэр Уильям Грегори в «Таймс», 10 января 1882 г.

³⁾ «Таймс», 12 сентября 1881 г.

сыграть руководящую роль в национальном движении, если такому движению вообще суждено было возникнуть. Являясь единственным институтом, пока еще не зависевшим от контроля и обладавшим необходимой организацией и властью, армия, естественно, стала центром, вокруг которого народное недовольство должно было, рано или поздно, кристаллизироваться, чтобы найти себе должное выражение.

События развивались постепенно и, так сказать, автоматически. Армия начала с защиты своих профессиональных интересов и кончила тем, что встала на защиту национальных интересов. Уже в 1879 г. мы наблюдаем начало этого процесса в свержении министерства Нубара офицерами, которым была задержана выплата жалованья. Этот шаг был подсказан, главным образом, личными интересами, которые могли бы вызвать забастовку и среди гражданских служащих, если бы они были хоть сколько-нибудь организованы. До известной степени дело обстояло так же и в мае 1880 г., когда группа офицеров, среди которых был и Араби, обратилась к военному министру с протестом по поводу невыплаты жалованья и посылки солдат на принудительные работы. Жалоба эта была тотчас же расследована и найдена справедливой¹⁾. Но в этом начальном шаге проявились уже корпоративные интересы, в отличие от личных, поскольку петиция содержала некоторые намеки на несправедливую систему производства и, главным образом, на фаворитизм, господствовавший при тогдашнем военном министре Османе-Рифки, который принадлежал к высшему классу и оставлял большинство офицеров-феллахов в низших чинах. Эти корпоративные интересы легли в основу тех действий, которые Араби и его друзья предприняли в январе и феврале следующего года²⁾. Система фаворитизма, на которую было указано в первом протесте, не только продолжала существовать, но еще усилилась вследствие открытого преследования всех офицеров-феллахов и массового повышения в рангах офицеров из турок и черкесов.

Поэтому в середине января 1881 г. Араби и его друзья решили подать Риазу-паше, председателю совета министров, вторую петицию, но уже более резкого характера, требовавшую отставки военного министра и тщательного расследования практики офицерских производств. Это было равносильно бунту, и министры, после значительных колебаний, решили подавить его. Не осмеливаясь открыто арестовать виновных офицеров и предать их военному суду, они прибегли к уловке, обычной на Востоке. Они пригласили Араби и двух других офицеров, представивших петицию, в военное министерство, как бы для того, чтобы сделать распоряжение по поводу празднеств, связанных с предстоявшим венчанием одной из принцесс, но на самом деле с целью арестовать их на месте и отделаться от них каким-нибудь тайным образом. Силки были хитро расставлены, с одобрения самого Тьюфика, но птицы в них не попали. Они узнали о составленном против них плане от офицера, служившего во дворце, и не успели они быть арестованы,

¹⁾ Блант, цит. соч., стр. 133 и след.

²⁾ Там же, стр. 135—138.

как дворцовые солдаты, под начальством друга Араби, явились на сцену, выгнали министра и его генералов из помещения и, под предводительством освобожденных офицеров, победоносно вернулись в казармы. Прокламация, немедленно выпущенная офицерами, об'ясняла публике случившееся и вновь повторяла требование отставки военного министра. Осман-Рифки должен был уйти, и Махмуд-Сами, известный как конституционалист, занимавший в 1879 г. в министерстве Шерифа пост директора религиозных учреждений и продолжавший исполнять эту обязанность и при Риазе-паше, был назначен его преемником ¹⁾.

Эта маленькая революция произошла в феврале 1881 г. и явилась вторым успешным выступлением армии. Результаты ее были однако гораздо более значительными, чем последствия первого мятежа. Способ, которым весь совет министров пытался прикрыть военного министра, обвиненного в систематическом и тяжком злоупотреблении своею властью, и чисто восточный деспотический прием, которым они хотели уладить недоразумение, поставили армию лицом к лицу с политическим вопросом о безответственности правительства, образованного после свержения Измаила, и заставили подумать о том, что ни их собственная жизнь и карьера, ни благосостояние страны не могут быть в безопасности, пока продолжается абсолютистский режим Тьюфика и его европейских защитников.

С другой стороны, сам народ или, вернее, более просвещенные и конституционно настроенные буржуазные его элементы внезапно осознали, что они, в действительности, не так уж беспомощны, как они до сих пор считали, и что в лице армии они имеют сконцентрированную физическую силу, которая, если ее склонить на сторону конституционных реформ, может быстро прекратить давно испытываемые страдания и унижения страны. Смелый и удачный поступок Араби и его солдат сделали их сразу центром всех надежд и предметом всеобщего восхищения, и то, что было совершено только с целью военного протеста, превратилось в глазах националистов в акт гражданского патриотизма. Араби стал самым популярным человеком в Египте — «единственным», как его называли — и вскоре вступил в близкую связь с большинством политических лидеров того времени ²⁾.

Каждый мог предвидеть в то время, что если бы армии когда-либо представился случай выступить снова, она сделала бы это уже не в своих личных или корпоративных интересах, а в политических интересах страны. В течение короткого времени после февральского мятежа египетское правительство и его европейские «советники» понимали опасность дальнейшего провоцирования армии и сделали очень много для успокоения офицерства своевременной уплатой жалованья и повторным обещанием установить справедливый порядок в производстве. В мае месяце все было улажено до такой степени, что сэр Эдвард Малет, британский генеральный консул, был в состоянии донести

¹⁾ Официальный отчет о бунте содержится в «Египте», № 3, (1882 г.) стр. 27 и послед.

²⁾ Блант, цит. соч., стр. 143 и 144.

в Англию, что «у него есть основание думать, что доверие снова восстановлено»¹⁾. К счастью или несчастью, это доверие продолжалось не очень долго. Риаз, обеспечивший, как он думал, спокойствие среди офицерства, начал изобретать способы, как бы освободиться от Араби и его друзей для того, чтобы пресечь в самом зародыше растущее конституционное движение в армии. Шпионы стали следить за каждым их шагом, за их домами установлено было постоянное наблюдение, и стали циркулировать мрачные слухи о готовящихся замыслах убийства Араби и некоторых из его более выдающихся товарищей. Махмуд-Сами, известный как друг Араби и конституционалистов, сам подвергался мелким неприятностям, и часто его распоряжения отменялись хедивом и Риазом²⁾. Трудно сказать, насколько это все было обязано наущениям со стороны контролеров, которым, без сомнения, было ясно провокаторское поведение министров. Во всяком случае, они ничего не делали, чтобы прекратить его, и позволяли Риазу продолжать свою опасную тактику. Единственным человеком, протестовавшим против этой политики, был барон де-Рэн, французский генеральный консул, который настолько сочувствовал национальному движению, в котором он видел лучшую защиту против английской агрессии, что во время февральских событий стал на сторону Араби. Но именно благодаря этому хедив был принужден просить французское правительство отозвать его, и барон де-Рэн разделил участь Вивиана, будучи отозван в конце того же месяца³⁾. Риазу некого было больше бояться, кроме самих офицеров, и с целью сделать их как можно менее способными к сопротивлению ему в августе пришел в голову план отослать два полка под командой Араби и его лучшего друга Абделя-Али в провинцию — один в Александрию, а другой в Дамиетту.

Так как Махмуд-Сами был против этой меры, то его заставили подать в отставку, и пост военного министра был предоставлен зятю хедива, Дауду-паше, крайнему реакционеру, готовому делать все, что было в интересах правящей партии. Для Араби и его друзей это послужило сигналом к действию. 8 сентября Дауд-паша издал распоряжение об отправке полков. Араби решил не повиноваться и на следующее утро известил Тьюфика, находившегося во дворце Измаила, что он со своими войсками будет ждать его у Абдинского дворца и затем направился со своими полками и с полками своих заговорщиков — кавалерией и артиллерией — на Абдинский сквер и расположился перед дворцом. Туда же прибыл хедив около 4 часов пополудни, в сопровождении своих советников — Риаса, английского генерального контролера сэра Оклэнда Кольвина, американского генерала Стона и нескольких других офицеров, об'ехав перед тем, по совету Кольвина, несколько военных постов с целью убедиться в их лояльности. Встреча хедива с Араби, как она была впоследствии описана этим последним,

1) «Египет», № 3, (1882), стр. 28.

2) Блант, цит. соч., стр. 146.

3) См. вышеупомянутые документы: «Documents et Extraits». Ср. также лорда Кромера «Совр. Египет», т. I, стр. 180.

была чрезвычайно драматичной ¹⁾. Мы знаем из других источников ²⁾, что советники, и больше всего сэр Оклэнд Кольвин, убеждали хедива застрелить Араби тут же, на месте, в присутствии всех войск. Но у Тьюфика не хватило достаточной для этого храбрости и, выслушав Араби и обменявшись с ним несколькими вызывающими фразами, он вернулся во дворец и предоставил дальнейшие переговоры Куксону, генеральному консулу, который вел переговоры, по несколько раз отправляясь во дворец для передачи заявлений хедива и Араби. Результатом этих длительных переговоров явилась полная капитуляция хедива. Араби выставил три требования: отставка министерства, дарование конституции и увеличение армии до ее полных размеров в количестве 18.000 человек. Хедив согласился на все требования, и солдаты разошлись, среди криков «ура» и ликования народа, по своим казармам.

Это была революция, происшедшая без пролития единой капли крови ³⁾. Блант был в это время в Египте, и его описания радостных сцен в Каире и других местах ⁴⁾ совпадают во всех деталях с тем, что было в Турции после младотурецкого переворота. Вся нация была внезапно освобождена смелым ударом армии и поставлена на широкий путь настоящих конституционных реформ.

Как эта революция была встречена Европой? Сэр Уильям Грегори, один из немногих сторонников национального движения, в то время, в письме, посланном в «Таймс», очень удачно описывает прием, оказанный революции ⁵⁾: «Начало нового строя обычно возвещается трубными звуками, но национальное правительство Египта едва ли получило хоть одно благословение от свободных стран Европы, хотя все население Египта простирает руки к Аллаху, моля его о ниспослании долгих дней и успеха. Оно возвещено было миру с недовольным видом дипломатией, с громкими порицаниями со стороны чиновничества

¹⁾ Блант, цит. соч., стр. 148—150.

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 184—188.

³⁾ Чиновничий ум лорда Кромера отказывается видеть в событиях 9 сентября что-либо, кроме «мятежа». В конце второго тома его «Современного Египта» имеется хронологическая таблица, в которую революция 9 сентября занесена в следующих выражениях: «Египетская армия снова бунтует. Падение министерства Риаса. Шериф-паша становится премьером». Вероятно, и действия турецких войск в июле 1908 г. под предводительством Энвера-бея и Ниаса-бея были тоже только мятежом?

⁴⁾ Блант, цит. соч., стр. 152 и 153. Стоит взять несколько фраз из его описания. «Три месяца, следовавшие за этими достопримечательными событиями, были политически самыми счастливыми месяцами, которые когда-либо знал Египет. Я рад, что имел счастье видеть это собственными глазами, так что я знаю это не только по слухам; иначе я усомнился бы в реальности этого, так мало все это было похоже на то, что я до этого времени видел, и что мне, как я опасалось, не придется увидеть в будущем. Все национальные партии и, на время, все население Каира были объединены стремлением осуществить великую национальную идею, и хедив, кажется, не меньше других... Крик ликования пронесся над Египтом, какого не слыхали над Нилом в течение сотен лет, и я могу засвидетельствовать, как действительный факт, что на улицах Каира незнакомые люди останавливали друг друга и обнимались, радуясь вместе удивительному новому царству свободы, внезапно начавшемуся для них, «подобно утреннему рассвету после долгой страшной ночи».

⁵⁾ «Таймс», 16 марта 1882 г.

и с проклятиями биржи». Уже после февральского мятежа английская пресса забила тревогу по поводу появления на политической сцене новой силы. Было ясно, что с выступлением армии, подчинившей своей воле египетское правительство, в жизнь вкладывался новый фактор, который опрокидывал все прежние расчеты и вызывал неизбежную необходимость в новой ориентации. «Таймс» начинает смутно намекать «на высшие политические интересы Англии в Египте», которыми ни при каких обстоятельствах нельзя пренебречь, и в мае сэр Эдуард Малет отправляется с таинственной миссией в Константинополь — вероятно, с целью выяснить, готова ли Porta предпринять действия против Араби и для успокоения армии¹⁾. Вероятно, в это время происходили значительные дипломатические переговоры, которые не были опубликованы, так как уже в августе хорошо осведомленный александрийский корреспондент «Таймс» соглашался, что «вероятно, нет ни одного хорошо осведомленного туземца, который хоть сколько-нибудь сомневался бы в том, что Англия и Франция готовятся к бою, пока в перчатках, за фактическое обладание Египтом»²⁾.

Тем не менее, только революция 9 сентября подняла на ноги всю европейскую дипломатию и, главным образом, дипломатию Англии и Франции. Напрасно Араби в этот роковой день обратился с призывом к представителям великих держав, объясняя им мотивы, продиктовавшие действия армии, и уверяя их, что новый порядок «будет продолжать оказывать защиту интересам всех подданных дружественных держав»³⁾. Совершенно основательно чувствовалось, что даже при самых лучших намерениях национальное движение не сможет не нанести ущерба многообразным интересам европейцев, выражавшимся в институте контроля, в многочисленном европейском чиновничестве и в различных привилегиях, которыми пользовались европейцы, злоупотребляя капитуляциями. Европа отлично знала, что ее интересы в Египте были интересами хищников и должны будут рано или поздно, если Египет станет независимым и сильным, уступить место более высоким интересам египетского народа. «Нет смысла скрывать, — писал александрийский корреспондент «Таймс», — что это движение преследует единственную цель: уничтожить европейское вмешательство в египетское управление; и если две недели тому назад это намерение преследовалось только несколькими офицерами, то теперь это уже далеко не так. Гражданское население, по крайней мере, Александрии и Каира, всегда такое апатичное, вполне одобряет действия армии и смело выражает свои цели»⁴⁾. Конечно, это было преувеличением. «Уничтожение европейского вмешательства» никогда не могло быть само по себе целью национального движения, так как его прямой задачей было самоуправление.

Однако, поскольку европейское вмешательство стояло преградой на пути к этому достижению, оно, без сомнения, рассматривалось как

¹⁾ «Египет», № 3, (1882), стр. 24.

²⁾ «Таймс», 17 августа 1881 г.

³⁾ «Египет», № 3, (1882), стр. 4, 5.

⁴⁾ «Таймс», письмо из Александрии, 27 сентября 1881 г.

препятствие, которое следовало устранить как можно скорее. Туземная пресса, которая, как это бывает обыкновенно в первые дни свободы, достигла больших размеров, сразу начала критиковать различные меры и действия администрации за период контроля ¹⁾, и позднее парламент затребовал ряд отчетов от различных отделов управления с целью разоблачить бесчисленные злоупотребления, совершенные лицами, которым эти учреждения были поручены, и произвести необходимые реформы. В действительности, все это движение и сама революция не имели бы никакого смысла, если бы они не могли освободить страну от двойного ярма абсолютизма и европейского контроля, и, несомненно, парламент мог быть полезен только как таран против этих двух твердынь.

Поэтому неудивительно, что весть о революции вызвала замешательство во всей Европе, особенно же в Англии и Франции. Со времени свержения Измаила дипломатам и кредиторам никогда не приходило в голову, что Египет может им доставить какие-либо дальнейшие беспокойства. Все их тонкие расчеты, однако, разрушились одним ударом. Но что же было делать? Более решительные среди публики и даже некоторые из тех, кто всего два года тому назад громко осуждал низложение Измаила и вообще вмешательство Англии в египетские дела, стояли теперь за немедленную оккупацию этой страны ²⁾, так как общественное мнение за эти два года, протекавшие с момента совершения этого непростительного акта интервенции и учреждения политического контроля, так свыклось с идеей, что Египет не является больше независимым государством, что призыв к оккупации почти не встречал никаких принципиальных возражений. Главным возражением против этой идеи было то, что интервенция Англии неизбежно встретит оппозицию не только со стороны Франции, но, может быть, и всей Европы, и что это при существующих обстоятельствах было бы опасно. Вместе с тем и совместная интервенция военных сил Англии и Франции считалась также неприемлемой, так как это привело бы к постоянной оккупации Египта этими двумя державами и положило бы конец старым империалистическим замыслам Англии. Не оставалось ничего другого, как вернуться к плану турецкой интервенции, как самой без-

¹⁾ Блант, цит. соч., стр. 164. «Теперь, когда пресса сделалась свободной, стали разоблачаться различные вопиющие злоупотребления, несправедливые налоги, взимавшиеся во время иностранного финансового контроля, покровительство европейцам за счет туземного населения, ненужное увеличение числа высокооплачиваемых должностей, занимаемых иностранцами — французами и англичанами; захват ими железнодорожного управления и хозяйства доменов, перешедших в руки агентов Ротшильдов; позорная ассигновка 9.000 фунтов стерлингов в год европейской опере в Каире, несмотря на истощение средств страны... Был предпринят поход против публичных домов, пивных и сомнительных кафе-штантанов, которые под покровительством капитуляций наводнили Каир к прискорбию и неудовольствию благочестивых мусульман». Лорд Кромер по поводу этой кампании, предпринятой прессой (цит. соч., т. I, стр. 211) пишет: «Умы гражданского населения возбуждались туземной прессой, яростно нападавшей на европейцев и их систему управления и взывавшей к мусульманскому фанатизму».

²⁾ См. письмо сэра Юлиана Гольдсмита в «Тайме», 15 сентября 1881 г.

обидной для Англии, и выжидать, пока не представится более удобный случай для решительных действий ¹⁾).

Однако попытка провести в жизнь эту политику окончилась полной неудачей. Немедленно по получении известия о революции, лорд Гренвиль, министр иностранных дел, с целью предупредить возможные действия со стороны Франции, дал распоряжение британскому поверенному в делах в Париже повидать Бартеlemi Сент-Илера, тогдашнего французского министра иностранных дел, для того, чтобы обсудить с ним «откровенно» положение и дать ему понять всю «важность, которую правительство ее величества придает умиротворяющей и успокаивающей роли английского и французского правительств в настоящем египетском кризисе» ²⁾. Но Сент-Илер был так же хитер, как и лорд Гренвиль. «Его политика, — заявил он Адамсу, — по отношению к Египту хорошо известна и никогда не изменялась. Она заключалась в признании абсолютной необходимости, как в прошлом, так и в будущем, полной откровенности между двумя правительствами и совместных действий во всех случаях». «Он готов, — передавал Адамс в своем донесении о переговорах, — обсудить в должный момент все меры, какие следовало бы предпринять обоим правительствам; и он упомянул об учреждении соединенного англо-французского военного контроля над Египтом. Сент-Илер столь же решительно восставал против посылки в данный момент турецких войск в Египет. Он считает, что такой шаг укрепил бы власть султана над этой страной». Это было довольно-таки сильным щелчком, и в своем замешательстве лорд Гренвиль прибегнул к дипломатическому маневру. Он заявил, что якобы слышал, будто хедив обратился к Порте с просьбой вмешаться в затруднения, возникшие с турецкими войсками, и хотя британское правительство в настоящее время было против каких бы то ни было активных репрессий, оно, тем не менее, не видит «никаких возражений против посылки султаном, с согласия Англии и Франции, турецкого генерала». Но Сент-Илер не хотел слышать даже и об этом, предпочитая «соединенный военный контроль, состоящий из одного французского и одного английского генерала, которые были бы в состоянии ввести в египетскую армию порядок и дисциплину». «Посылка турецкого генерала, — добавляет он, — может повлечь за собой дальнейшие шаги, могущие привести к постоянной оккупации этой страны Турцией». Лорд Гренвиль был принужден отменить распоряжение, которое он уже дал лорду Дафферину, британскому послу в Константинополе, прося его «убедить султана не посылать генерала» и вообще «посоветовать Порте не предпринимать никаких поспешных действий».

Все это произошло в течение пяти дней после революции, и результаты показали, что Англия не сможет иначе уничтожить ее последствия, как только согласившись на совместную англо-французскую оккупацию и, таким образом, отказаться от возможности одной захва-

1) «Таймс» был особенно сторонником этой политики, хотя очень незадолго до этого он считал ее фантастической.

2) Полную историю этих переговоров можно найти в «Египте», № 3, (1882 г.).

тить Египет. Отвращение к этому положению нашло себе на время любопытное выражение в прессе. «Мы выпрямили, — писал александрийский корреспондент «Таймс»¹⁾, — в два года чрезмерную расточительность десяти лет, улучшили финансовое положение феллаха, мы защитили его от притеснений, — и в результате всего этого он считает, что с ним обращались более сурово, чем в дни Измаила-паши. Если вы прислушаетесь к тому, что он говорит, вы узнаете, что английским чиновникам платят лучше, чем египтянам, и что так как их задачей является реорганизация финансов, в которой только они (или иначе Англия) заинтересованы, то им бы следовало работать бесплатно или за счет своей страны... Внушая к себе ненависть и недоверие народа, будучи невольными виновниками беспорядков, мы, если только нашей целью является филантропия, хорошо сделали бы, если бы вообще отказались от всей этой затеи». Эта иеремиада напоминает нам лилицу в басне, с той только разницей, что в данном случае виноград сам по себе был бы доступен и только стараниями французской дипломатии был поднят слишком высоко. «Является ли это чувство (ненависть к англичанам) национальным или нет, — писал «Таймс», комментируя сам слова своего корреспондента²⁾, — но с ним приходится считаться. Наличие национального движения не облегчает ни одной стране (ни Англии, ни Франции) выступления в роли защитников египетской независимости. Если бы Англия встала на путь такой политики — которая, мы не будем отрицать, была бы, с идеальной точки зрения, самой лучшей, и во многих отношениях самой желательной — то мы взяли бы политический курс, который традиционно всегда ассоциировался с Францией и последним представителем которого был бывший французский агент барон де-Рэн».

Со стороны британского империалистического органа это было крайним пессимизмом, но надо признать, что было достаточно оснований для такого настроения. Произошла самая дерзкая революция, угрожавшая не только финансовым, но и политическим интересам Англии, и, тем не менее, вследствие занятой Францией позиции, не было действительных средств борьбы с ней. «Может быть, близок момент, — писал «Таймс»³⁾, — когда станет необходимым провозгласить принцип, что до тех пор, пока Англия является владелицей в Индии, ее политические интересы в Египте не могут быть подчинены интересам какой-либо другой державы». Это были смелые слова, но — увы! — совершенно бесплодные. Англия не могла вступить в войну со всем светом из-за Египта, и не оставалось ничего другого, как только покориться и ждать.

Однако, в этом положении оставался еще маленький проблеск надежды, на который указал в свое время в специальном меморандуме сэр Оклэнд Кольвин. Через десять дней после революции он писал⁴⁾:

¹⁾ «Таймс», 22 сентября 1881 г.

²⁾ Там же, 28 сентября 1881 г.

³⁾ Там же, 19 октября 1881 г.

⁴⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 206 и следующая. Этот документ нельзя найти в напечатанных парламентских отчетах. Очевидно, сочли более благоразумным уничтожить его!

«Что касается настоящего положения, то я считаю, что оно является по существу перемирием. Соглашение, к которому нам удалось прийти, дает нам немного времени для передышки, в течение которого мы можем учесть силы, действующие вокруг нас, и направить или подавить их... Армия гордится тем, что она совершила, и ее вожаки полны уверенности, что их миссией является освобождение Египта. Нотабли, которых теперь очень много в Каире, хотя они и присвоили себе исключительное право требовать расширения гражданских свобод и отказываются признать за военными право петиций и вмешательства в этот вопрос, действуют, однако, заодно с ними в стремлении добиться уступок. Все совершается методически и в образцовом порядке, но достижение конечного примирения зависит: 1) от рассылки армии по назначенным для нее местам, 2) от умеренности требований нотаблей и 3) от такта и твердости министров в их обращении с армией и нотаблями. В этом смысле я и предлагаю действовать и представить свои соображения Шерифу после, когда вопрос достаточно созреет. Суммируя вышесказанное, только при быстром выполнении всех необходимых мер по отношению к армии и при разумном обсуждении всех петиций, представляемых нотаблями, мы можем надеяться превратить нынешнее перемирие в прочный мир».

Мы увидим, что сэр Оклэнд Кольвин надеялся на то, что гражданские элементы национального движения окажутся более умеренными и покорными, чем армия, и что в таком случае, если бы тем или иным путем удалось избавиться от армии и ее вожakov, революцию можно было бы, в конце концов, обезвредить. По существу не было ничего невозможного в этом плане, так как две группы национального движения представляли по существу два различных и крайне антагонистических класса, из которых нотабли составляли класс богатых землевладельцев, принадлежавших, кроме того, в большинстве случаев к турецкой и черкесской расе, армия же набиралась из среды феллахов. Сам Шериф-паша был турком и одним из богатейших землевладельцев Египта и меньше всего имел желание стать защитником интересов феллахов. История знает немало примеров, когда революция отвергалась тем самым классом, которому она помогла добиться власти, и было некоторое основание думать, что и в Египте будет то же самое. Уже 21 сентября, т.-е. через два дня после того, как вышеупомянутый меморандум был послан в Лондон, Шериф-паша уверял сэра Эдуарда Малета, что «его намерением было созвать позднее палату нотаблей, которая, как он надеется, постепенно превратится в законную выразительницу нужд страны и этим лишит армию того характера, который она присвоила себе во время последнего движения» ¹⁾. Слово «присвоила», если Шериф-паша, действительно, употребил его, было очень удачно, потому что оно показывало, как легко люди забывают те пути, которые привели их к власти; вместе с тем все это показывало, что сэр Оклэнд Кольвин имел некоторые основания надеяться, что ему удастся воспользоваться

¹⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 206. Этот документ тоже не был опубликован тогдашним правительством.

нотаблями против армии, единственного и действительного оплота революции¹⁾).

Убедившись, таким образом, что при существующих обстоятельствах ничего нельзя сделать репрессиями, Англия на время решила ждать дальнейшего хода событий в надежде, что в будущем они окажутся более благоприятными. Без сомнения, это было слабой и крайне унижительной надеждой, но ничего не оставалось делать, а где ничего нет, там даже король теряет свою власть.

¹⁾ «В руках человека, обладающего государственным смыслом — говорит лорд Кромер — эта тенденция расхождения между обеими партиями, может быть, могла быть использована. Главное, нельзя было допустить их объединения».

ГЛАВА X

МИР ИЛИ ВОЙНА?

В течение последних трех месяцев 1881 г. дела в Египте шли довольно гладко и, повидимому, в согласии с желаниями сэра Оклэнда Кольвина. Араби был далек от того, чтобы проявлять какие-либо диктаторские наклонности и с самого начала показал, что он легко поддается убеждениям и готов подчиниться желаниям гражданской части национального движения. Он сам, немедленно после революции, собрал в Каире нотаблей для совещания о дальнейших мерах, и когда Шериф был назначен председателем Совета, он тотчас же выразил готовность покинуть со своим полком Каир, согласно распоряжению прежнего министерства. 6 октября он открыто покинул Каир, сопровождаемый до станции грандиозной толпой, к которой он обратился с речью по поводу их славной бескровной революции и «миссии армии, вполне объединенной, превосходно управляемой, великолепно дисциплинированной и стремящейся к единой цели — благосостоянию нации»¹⁾. Позднее он вместе с двумя начальниками других полков приехал в Каир специально для беседы с сэром Оклэндом Кольвином, и его речи, по свидетельству самого сэра Эдуарда Малета, «произвели самое благоприятное впечатление». Он отрицал (доносит сэр Эдуард Малет), «всякую враждебность к иностранцам, указывая на то, что всеми своими понятиями о свободе и многими из своих достижений в этом направлении египтяне обязаны иностранцам»²⁾. Сам сэр Оклэнд Кольвин был приятно удивлен этим заявлением, «Араби, говоривший с большой сдержанностью, спокойствием и дружелюбием, произвел на меня впечатление искреннего и решительного человека, но непрактичного»³⁾. Это было совершенно верно. Только в изображении позднейших апологетов оккупации этот простой феллах и горячий патриот фигурировал в качестве демагога, претендующего на роль Цезаря. На самом

¹⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 208. См. также Блант, цит. соч., стр. 170.

²⁾ «Египет», № 3, (1882), стр. 72.

³⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 210. Говоря о требованиях, выставленных Араби в это время, александрийский корреспондент «Таймс», 24 ноября 1881 г., замечает: «Их требования совершенно нереволюционны... Все, что они требуют, это—замена произвола правосудием и порядком». Он называет также Араби «ярким представителем арабского либерализма».

деле, как утверждают все знавшие его, Араби был гораздо больше философом и идеалистом, чем искателем приключений или даже революционером по темпераменту и по убеждениям»¹⁾. Он был по существу непрактичным, как отметил сэр Оклэнд Кольвин, но не в том смысле, в каком понимал термин «практичный» этот хитрый англо-индийский чиновник, а в том, в каком должен быть практичным каждый вождь революции. Последующие события показали, что он совершенно не подходил для той задачи, которую история, по странной случайности, возложила на него; и это только подтвердило мнение о нем людей знавших его, а именно, что он был мечтателем, с большой верой в людей, не имевшим другой цели, как только служить своей родине, но он не был человеком действия и твердой воли.

Было еще два случая, когда Араби показал себя далеко не тем опасным демагогом, который внушал сэру Оклэнду Кольвину такие опасения. В связи с изданием декрета о созыве парламента между Шерифом-пашою и Араби возникло большое разногласие во мнениях. Первый хотел созвать парламент на основании ограниченного избирательного закона 1866 г., в то время, как Араби настаивал на проведении в жизнь более демократического избирательного права, провозглашенного самим Шерифом в последние месяцы правления Измаила-паши, но не успевшего получить санкцию хедива, вследствие его низложения. Было совершенно естественно, чтобы новый порядок, установленный революцией 9 сентября, продолжал развитие политических учреждений как раз с той стадии, на которой оно было насильственно оборвано вмешательством Европы. Араби защищал свою точку зрения с большой твердостью и при поддержке нотаблей; но так как Шериф, действовавший, без сомнения, по директивам сэра Оклэнда Кольвина, упорствовал и даже угрожал выйти в отставку, то Араби, не желая играть роль военного диктатора и решать спор военной силой, в конце концов уступил и согласился на возобновление закона 1866 г.²⁾

Другой случай возник по поводу военной сметы на 1882 г. Согласно обещанию, данному хедивом 9 сентября, армия должна была увеличиться до 18.000, и Махмуд-Сами, военный министр, высчитал, что реформа обойдется в 600.000 фунтов стерлингов. Сэр Оклэнд Кольвин, однако, не соглашался. Состояние казны, заявил он, не позволяет истратить более 522.000 фунтов стерлингов, — суммы достаточной лишь для увеличения армии до 15.000. Между контролем и армией возник очень длинный и опасный спор. Здесь представлялся случай, когда Араби, если бы он действительно желал сыграть роль диктатора, мог настоять на своем, так как армия была его единственной поддержкой и главной опорой революции. После долгих и утомительных переговоров он согласился уступить, надеясь возместить нехватку экономией в других направлениях³⁾.

¹⁾ См. характеристику его у Бланта, близко знавшего его, в «Секретной истории», стр. 139 и 140.

²⁾ «Египет», № 5, (1882 г.), стр. 24.

³⁾ Блант, цит. соч., стр. 177. Блант был сам посредником в переговорах между сэром Оклэндом Кольвином и Араби.

Гражданские элементы национального движения также обнаруживали несомненные признаки склонности идти «умеренным» путем. В течение всей осени Шериф-паша работал над «органическим законом», определявшим полномочия парламента, который он хотел предложить палате, когда она соберется в конце декабря. После многих совещаний с контролерами он решил изъять из компетенции парламента дань Порте, государственный долг и все расходы казны, вытекавшие из Закона о Ликвидации и других международных контрактов. Эти суммы не должны были обсуждаться народными представителями, а всецело предоставляться ведению контролеров и министерств. Что касается другой части бюджета, то парламента мог только высказывать по поводу него свое мнение, но не имел решающего голоса. Только в вопросе о новом законодательстве и новых налогах парламента имел решающий голос, так что ни один закон и новый налог не мог войти в силу без утверждения парламента. Но даже и в этом случае парламента не имел инициативы; она принадлежала всецело министрам, которые должны были быть лишь отчасти ответственны перед парламентом¹⁾.

Таков был проект конституции Шерифа. Мы видим, что она была воплощенной умеренностью. Она была настолько умеренна, что граничила с отказом от основной задачи революции — установить самоуправление нации. Какое может быть самоуправление, если представители народа лишены всякого контроля над финансами страны? Даже русская Государственная Дума, самое иллюзорное из всех народных представительных собраний в мире, все же до известной степени обладает контролем над частью бюджета, и без ее утверждения бюджет оказывается недействительным. Здесь же было предположено изъять из ведения парламента целиком половину бюджета, а по отношению ко второй половине предоставить только право совещательного голоса. Неудивительно, что большая часть сторонников реформ была недовольна таким порядком и требовала полного контроля, по крайней мере, над той частью бюджета, которая не была предназначена для оплаты государственного долга и других международных обязательств. Тем не менее и тут не было никаких указаний на то, что они будут занимать непримиримую позицию. «Мы ждали свободы, — сказал шейх Махмед Абду, один из передовых вожakov националистов, — столько столетий, что вполне можем подождать еще несколько месяцев»²⁾. Ясно, что надо было выждать и вести переговоры и можно было надеяться, что в заключение будет достигнуто дружественное соглашение.

Таким образом все указывало на возможность удовлетворительного разрешения кризиса, как на это рассчитывал сэр Оклэнд Кольвин. 4 октября Сент-Илер снова говорил с лордом Лайонсом, британским послом в Париже, о том, что следовало бы послать в Египет двух генералов, «которые заняли бы такое же положение по отношению к армии, какое занимают английские и французские контролеры по отношению к финансам»³⁾. Но лорд Гренвиль был теперь меньше, чем

1) «Таймс», письмо из Александрии, от 26 января 1882 г.

2) Блант, цит. соч., стр. 180.

3) «Египет», № 3. (1882), стр. 37.

когда бы то ни было, склонен выслушивать такие предложения и не удостоил ответить. Наоборот, в тот же самый день, в разговоре с Мусурус-пашою, турецким послом в Лондоне, он уверял, что, «несмотря на всевозможные слухи, у нас нет никакого желания предпринять какие-либо шаги в смысле английской оккупации или аннексии страны, — и еще меньше мы желаем оккупации или аннексии ее какой-либо другой державой»¹⁾. Небольшой инцидент, происшедший в это время, прекрасно иллюстрировал те радужные надежды, которые британское правительство имело на «удовлетворительное» разрешение кризиса. Султан, хотя его и просили не вмешиваться в этот кризис, счел, однако, своевременным послать в Египет двух комиссаров с целью поддерживать суверенную власть Порты. Но не успели комиссары прибыть в Александрию, как лорд Гренвиль, который в другое время рассматривал бы это событие, как исполнение своих желаний, сам предложил Франции выразить протест против поступка султана. Сэр Эдуард Малет и его французский коллега должны были, согласно его предложению, «сделать совместное заявление хедиву и Шерифу-паше, о том, что им предписано помогать правительству его высочества поддерживать автономии Египта, установленную фирманом султана»²⁾.

Лорд Гренвиль пошел даже дальше. Еще 25 сентября сэр Эдуард Малет, только что вернувшийся из Константинополя, предложил своему правительству, ссылаясь на положение дел, создавшееся непосредственно после революции, послать военное судно в Александрию и оставить его там на зиму, для того, чтобы предотвратить «возможность паники среди иностранного населения Каира и Александрии, которую могло вызвать отсутствие убежища в случае беспорядков». Это было, конечно, дипломатическим намеком на то, что было бы хорошо иметь под руками кой-какие средства для вмешательства, в случае, если бы разразилась другая революция. Лорд Гренвиль понял намек и одновременно с вышеупомянутым предложением, сделанным Сент-Илеру о «защите» автономии Египта против попытки к захвату со стороны султана, предложил послать два военных судна, по одному от каждой державы, для того, чтобы предотвратить «возможность паники». Сент-Илер был рад воспользоваться этим случаем для совместных действий, и, таким образом, двум судам было дано приказание отправиться в Александрию. Результат воспоследовал немедленно. Население Каира и Александрии было охвачено беспокойством, и из обоих городов последовали тревожные телеграфные запросы о значении этой неожиданной демонстрации морских сил. Сам сэр Эдуард Малет, очевидно, забывший о своей собственной инициативе в этом деле, телеграфировал лорду Гренвиллю, запрашивая, как ему об'яснить этот агрессивный акт хедиву и националистам. Лорд Гренвиль, который больше думал о впечатлении, которое эта демонстрация произведет в Константинополе, а не в Каире, где его тактикой было щадить, насколько возможно, чувства народа, очутился в довольно затруднительном положении, пока

1) «Египет», № 3, (1882 г.), стр. 34.

2) Там же, стр. 37.

его не спасло предложение лорда Дафферина—сообщить султану, что суда будт отозваны, если комиссары вернутся в Константинополь. Это предложение было принято, и накануне прибытия судов, комиссары принуждены были сесть на пароход и вернуться к своему повелителю, не успев сделать ничего сколько-нибудь достойного упоминания. Военные суда также отправились обратно на место своих стоянок, через двадцать четыре часа по прибытии в Александрию ¹⁾.

Этот инцидент доказывает всю неуклюжесть дипломатического искусства тогдашнего британского министра иностранных дел, но в то же время свидетельствует о принятой тогда политике, допускавшей развиваться событиям в Египте без всякого вмешательства, в надежде, что при помощи искусного управления закулисными нитями агентам на местах, Малету и Кольвину, удастся направить революцию в безопасное русло. В конце концов, удовольствие по поводу создавшегося положения достигло таких размеров, что было решено выразить его громогласно и в то же время заверить лиц, заинтересованных в этом, что если они будут продолжать в том же духе, как начали, то удовольствие безусловно превратится в благосклонность. 4 ноября лорд Гренвиль отправляет сэру Эдуарду Малету депешу, приобретшую с тех пор историческую известность. Говоря о революции 9 сентября и замене министерства Риаса национальным кабинетом, лорд Гренвиль пишет ²⁾: «Вы говорите, что царило мнение, будто Риас-паша пользовался особой поддержкой со стороны Англии, и что хедив не увольнял его, дабы не нанести оскорбления правительству ее величества. Против этого необходимо заявить, что Англия не ищет в Египте министерства с предвзятыми симпатиями. По мнению правительства ее величества, такое министерство, базирующееся на поддержке иностранной державы или на личном влиянии иностранного дипломатического агента, не принесет никакой пользы ни стране, которой оно управляет, ни той, в интересах которой оно поддерживается. Правительство Англии действовало бы наперекор самым ценным традициям своей национальной истории, если бы оно проявило желание ограничить эту свободу или подрывать те установления, которые в первую очередь были созданы им самим... Единственное обстоятельство, которое могло бы заставить нас отказаться от этого образа действия, это—возникновение анархии в Египте». Здесь в этой телеграмме, как это видно самому читателю, дошедшему до этих страниц нашего повествования, каждое слово—удивительный образчик лицемерия. Не только в последнем инциденте свержения министерства Риаса, но и во всех других случаях со времен, когда был устранен старый Садык, для того чтобы дать возможность провести соглашение Гошен—Жубера, Англия неизменно желала министерства «с предвзятыми симпатиями», послушного кредиторам и ее собственным политическим целям; и, далекая от того, чтобы не вмешиваться «в египетскую свободу и подрывать установления, которые» и т. д., она свергла хедива за то, что он распустил министерство Уильсона

¹⁾ «Египет», № 3, (1882 г.), стр. 57—9.

²⁾ Там же, № 1, (1882 г.).

и учредил национальное министерство, ответственное перед парламентом, и установила политический контроль над управлением Египта. Успех самой революции 9 сентября был достигнут уж никак не по вине британского правительства, представители которого настаивали на расстреле революционеров и покорились только *fait accompli*, как передышке для совещания о дальнейших мерах. Вся история Египта, начиная с 1876 г., является живым опровержением лицемерных слов лорда Гренвиля, и их ценность заключалась единственно и всецело в указании, что, по крайней мере сейчас, Англия не думает вмешиваться в работу национального министерства, если оно будет действовать в таком направлении, которое предотвратило бы новую «анархию», т.е. будет вести себя спокойно и умеренно и держать революционную армию крепко в своих руках.

Любопытно, однако, как мысль сама по себе хорошая, если к ней отнестись не серьезно, может быть утрирована. В первой половине декабря, вместо Бартелеми, Сент-Илера, пост министра иностранных дел во Франции занял Леон Гамбетта, немедленно возобновивший переговоры об интервенции, заглушенные при его предшественнике. Он ясно видел, как опасно было бы спокойное созерцание того, как распалось старое *status quo*, при котором оба государства действовали совместно, и 14 декабря, в беседе с лордом Лайонсом, он обратил его внимание на близкий созыв палаты нотаблей¹⁾. Невозможно предвидеть заранее, сказал он, какую линию поведения выберут нотабли. Возможно, что они будут умеренны и поддержат авторитет хедива, но возможно также, что они примкнут к армии и станут настаивать на принятии анти-европейской программы национальной партии. Они могут также допустить или даже способствовать интервенции султана, как средству борьбы против Англии и Франции. Не следует ли в таком случае обоим правительствам выработать совместную линию поведения ввиду некоторых весьма вероятных событий? «Первое и самое важное,— говорил Гамбетта,— это то, чтобы оба правительства были не только тесно объединены, но чтобы их союз был вполне очевиден, как для их друзей, так и для их противников в Египте». Кроме того, было бы чрезвычайно важно укрепить авторитет Тьюфика-паши, «чтобы внушить ему доверие к поддержке Франции и Англии и вдохнуть в него твердость и энергию. И, наконец, следовало бы также прекратить все интриги в Константинополе и дать понять Порте, что не будет допущено никакого неподобающего вмешательства с ее стороны».

На это предложение, вполне естественное с французской точки зрения, но в высшей степени неуместное с британской, лорд Гренвиль ответил только спустя четыре дня. В это самое время Араби и контролеры торговались между собою из-за военного бюджета, и английская пресса была полна тревожных слухов относительно положения дел в Египте. Говорилось о том, что министерство Шерифа накануне падения, что на место Шерифа будет назначен Махмуд-Сами и что Араби намерен, если палата не поддержит его требований, произвести вторую

1) «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 21.

революцию¹⁾. Все это было вздорными слухами, но лорд Гренвиль обратил на них внимание и, получив предложение Гамбетты, счел своим долгом запросить сэра Эдуарда Малета о действительном положении вещей. Ответ британского агента был в высшей степени неудачен. Он объяснил характер требований Араби, но отнесся скорее с насмешкой к мысли о возможной отставке Шерифа-паши и занятии его поста Махмудом-Сами. «Шериф-паша, — заявил он, — как известно, пользуется слишком большим влиянием в стране, чтобы военные начальники осмелились прибегнуть к силе для смещения его. Кроме того, они должны теперь видеть, что всякие действия подобного рода приведут к интервенции»²⁾. Это, по всей вероятности, было вполне справедливо, хотя последнее замечание плохо согласовалось с недавними уверениями о том, что Англия не желает министерства с предвзятыми симпатиями. Но затем сэр Эдуард Малет все же выразил мнение, что, несмотря на все это, положение не может считаться удовлетворительным. Араби был в Каире под предлогом болезни своей жены, на самом же деле для того, чтобы встретиться с нотаблями, когда они соберутся к открытию парламента. «Неизвестно, — заключал сэр Эдуард Малет, — как долго Шериф сможет или захочет остаться во главе правительства, если Араби-бей будет продолжать играть роль арбитра в решении судеб своей страны».

Ясно, что депеша эта была написана под впечатлением временных затруднений, возникших в связи с вопросом о военном бюджете, но, попав в руки лорда Гренвиля как раз в то время, когда он обдумывал ответ, который следовало дать на предложение Гамбетты, она оказалась решающее действие. Лорд Гренвиль нашел, что теперь настал как раз подходящий момент для обоих заинтересованных правительств обратиться с предостережением к националистам, чтобы подчеркнуть заключительную фразу его телеграммы от 4 ноября, и на следующий день он дал распоряжение лорду Лайонсу довести до сведения Гамбетты, что «правительство ее величества вполне согласно, что настало время для обоих правительств выработать совместную линию поведения»³⁾. Это был роковой шаг и тем более скороспелый, что через два дня после этого сэр Эдуард Малет смог сообщить своему шефу, что вопрос о военном бюджете получил удовлетворительное разрешение, так как Араби уступил требованиям контролеров. Но теперь было уже слишком поздно отступать. 24 декабря лорд Лайонс имел вторую беседу с Гамбеттой, во время которой последний высказал мнение, что «лучшее средство прекратить дальнейшие волнения в Египте, это — показать, что Франция и Англия твердо решили не допускать их», и предложил послать идентичную ноту, составленную в таком духе, «чтобы она ясно указывала на союз между Францией и Англией, упрочила положение Тьюфика-паши и обескуражила виновников беспорядков»⁴⁾. Лорд Гренвиль согласился на это предложение, и 31 декабря лорд Лайонс

1) «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 22.

2) Там же, стр. 22.

3) Там же, стр. 25.

4) Там же, стр. 25.

переслал ему текст ноты, составленный Гамбеттой, которую предполагалось послать представителям обоих правительств в Каире с целью довести ее до сведения хедива и министерства. В этой ноте заявлялось, что «английское и французское правительства считают сохранение за его высочеством престола на условиях, установленных фирманом султана и официально признанных обеими державами, единственной гарантией настоящего и будущего благоустройства Египта и развития его общего благосостояния, в котором Франция и Великобритания одинаково заинтересованы. Оба правительства, — продолжала нота, — твердо решившись защищать соединенными усилиями существующий в Египте порядок против всех внутренних и внешних осложнений, могущих угрожать ему, не сомневаются, что публично данное ими заявление об их намерениях в этом направлении предотвратит опасность, которой могло бы подвергнуться правительство хедива и против которой Англия и Франция будут несомненно бороться. Они убеждены, — говорила в заключение нота, — что его высочество почерпнет из этого уверения доверие и силу, необходимые ему для руководства судьбами Египта и своего народа»¹⁾.

Трудно себе представить более злостную ноту. Это непростительное вмешательство в данный момент было само по себе актом неслыханной провокации, имевшим целью напомнить египетскому народу, что каковы бы ни были его усилия достигнуть самоуправления, над ним стояли две западные державы, зорко следившие за его действиями и готовые накинуться на него, когда найдут это нужным. И, кроме того, настаивая со странным ударением на авторитете хедива, которому никто не угрожал, и намекая на какие-то таинственные осложнения «внутренние и внешние», против которых оба правительства будут бороться совместными усилиями, нота являлась почти прямым требованием хедиву произвести переворот, распустив парламент и восстановив прежнюю автократию, «установленную фирманами султана». Нота эта явно расходилась с депешей лорда Гренвиля от 4 ноября, в которой говорилось о «состоянии анархии» только в весьма проблематической форме и высказывалось полное одобрение новому порядку. Она противоречила также сообщениям сэра Эдуарда Малета, который, видимо, освободившись от своих недавних опасений, писал 30 декабря лорду Гренвиллю, что «не следует поддерживать в хедиве надежду, что мы станем на его сторону в его недоверчивом отношении к парламенту», так как враждебное отношение к парламенту «было бы на руку Порте, увеличило бы значение армии и уменьшило бы то влияние, которое мы теперь приобретаем, относясь сочувственно к проведению умеренных реформ»²⁾.

При таких обстоятельствах можно было ожидать, что лорд Гренвиль откажется санкционировать такую ноту. Мы знаем, однако, что в тот самый день, когда он получил текст ноты через лорда Лайонса,

¹⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 35.

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. I. стр. 218. Нет среди опубликованных официальных бумаг.

он получил также длинный меморандум от сэра Оклэнда Кольвина, в котором последний, подробно описав все опасности, которые угрожают европейскому контролю со стороны парламента, получившего право решающего голоса по бюджету, а также европейским чиновникам в случае контроля парламента над администрацией, в следующих словах излагает свою точку зрения: «Таким образом тактика, которую я предлагаю, заключается в открытом и твердом признании державами через своих дипломатических агентов в этот критический момент, когда Египет занят преобразованием своего внутреннего строя, материального интереса, который они имеют и намерены поддерживать в управлении, предоставив египтянам полную свободу прибегать к каким угодно мерам в вопросах своего внутреннего управления, поскольку эти меры не противоречат положению, установленному державами. В действительности, — с дерзкой самоуверенностью продолжает он далее, ясно показывая этим перемену, происшедшую в международном положении Египта с учреждением Двойственного контроля в 1879 г., — египетское управление является компанией из трех партнеров. Если державы не намерены сократить свою долю участия в управлении, то они должны обеспечить и укрепить себя именно теперь, когда Египет находится в состоянии неустойчивости и перемен. Они не могут относиться к этому безразлично и допускать, чтобы дела обсуждались и решались здесь без всякого внимания к их точке зрения. Если с самого начала не будет достигнуто ясного понимания, то возникнет много недоразумений, которые, я полагаю, испортят отношения между нами и Египтом гораздо больше, чем авторитетное заявление о намерениях держав, сделанное именно теперь, когда ожидается созыв парламента»¹⁾.

Этот крайне зловредный меморандум сэра Оклэнда Кольвина с его пагубной — как это показали события — теорией, изложенной во второй части донесения, и побудил лорда Гренвиля принять текст ноты Гамбетты, хотя она и противоречила его недавним заявлениям и заставляла Англию встать на путь совместных действий, чего так избегала ее традиционная политика. Единственная оговорка, которую он сделал, давая 6 января согласие на отправку ноты, заключалась в том, что «не следует считать, что британское правительство берет на себя этим обязательство выступать в известном направлении в случае, если возникнет необходимость перейти к действиям». На это торжествовавший победу Гамбетта «с удовольствием» ответил, что эту оговорку разделяет и французское правительство²⁾.

Впоследствии историки сильно осуждали лорда Гренвиля за то, что он согласился на эту ноту, разумеется, не потому, что она принесла вред Египту, а потому, что она нанесла двойной ущерб интересам Англии, принудив ее снова к совместным действиям с Францией и прервав мирную эволюцию национальной партии, которая, повидимому,

¹⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 218—220. Этот документ также сохранился в тайне правительством того времени.

²⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), (стр. 5—6.).

обещала аннулировать многое из того, что было достигнуто революцией. В этом критика была совершенно права. Впечатление, произведенное этой нотой в Каире, где она была вручена 8 января, было, можно сказать, самое молниеносное. Положение в то время было как раз совершенно обратное тому, каким его изобразил в своем меморандуме сэр Оклэнд Кольвин. Парламент был открыт хедивом 26 декабря, и он был так доволен ответными речами председателя парламента Султана-паши, одного из самых видных членов, что вскоре после этого сэр Эдуард Малет был в состоянии сделать нижеследующее донесение: «Во время своей беседы с хедивом 31 числа прошлого месяца, я впервые после своего возвращения в сентябре нашел его высочество в хорошем настроении, рассматривающим политическое положение весьма оптимистично. Он говорил с большим удовлетворением о явно умеренных тенденциях депутатов и выразил уверенность, что страна встанет теперь на путь мирного развития»¹⁾. Правда, существовал еще старый пункт разногласий — об'ем полномочий парламента в вопросе о бюджете, и многие нотабли все еще требовали, чтобы парламент имел решающий голос по бюджету в части, не касающейся специальных расходов по государственному долгу. Насколько мало, однако, было оснований отчаиваться в удовлетворительном разрешении этих разногласий, видно из того, что накануне получения идентичной ноты агентство Рейтера могло сообщить публике, что «нет оснований думать, чтобы парламент стал на своем требовании настаивать»²⁾. Пред'явление ноты произвело, однако, перемену с волшебной быстротою. 9 января сэр Эдуард Малет доносил своему шефу, что «полученное сообщение подорвало к нам всякое доверие. Все шло прекрасно,—продолжал он,—на Англию смотрели, как на искреннюю доброжелательницу и защитницу интересов страны. Теперь считают, что Англия решительно объединилась с Францией, а Франция из-за расчетов, связанных с туниской кампанией, решила, в конце концов, произвести здесь интервенцию»³⁾. Ссылку на кампанию в Тунисе, которую вела в то время Франция, надо понимать в том смысле, что Франция боялась, как бы естественные симпатии магометанского мира к тунисам не вызвали панисламистского движения и войны полумесяца с крестом. Мы не очень склонны доверять этому мнению. Гамбетта был слишком практичным политиком, чтобы бояться химер. Тем не менее очень возможно, что многие в Египте думали, что он боялся этого, и объясняли его инициативу в последнем акте интервенции именно этим мотивом.

¹⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 42.

²⁾ «Таймс», 8 января 1882 г.

³⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. I, стр. 228. Сэр Эдуард Малет в это время много раз выражал то же мнение, но оно всегда оставалось без внимания. (Блант, цит. соч., стр. 188). Лорд Кромер имел доступ ко всем хранилищам министерства иностранных дел и извлек этот и другие цитированные выше документы. Это является интересной иллюстрацией тех средств, к которым прибегает современная дипломатия с целью оказать влияние на общественное мнение. Если бы привилегии, данные лорду Кромеру, были предоставлены и другим, не заинтересованным в такой мере в сокрытии проступков тогдашнего либерального правительства, какие поучительные документы были бы извлечены из архива!

По свидетельству Бланта, который был в это время в Каире, сэр Эдуард Малет был сам застигнут врасплох этой совместной нотой¹⁾. Он, сам советовавший «не подавать хедиву надежду, что мы станем на его сторону в его недоверчивом отношении к парламенту», очутился теперь лицом к лицу с прямым приглашением Тьюфику совершенно не считаться с конституцией и напрасно старался уверить национальных лидеров через Бланта, что «смысл ноты заключается в том, что английское правительство не допустит никакого вмешательства султана в дела Египта и не позволит также хедиву отступить от своих обещаний или затронуть парламент». «Сэр Эдуард Малет, — ответил Араби на эти доводы в стиле *lucus a non lucendo*, — вероятно считает нас детьми, не понимающими значения слов»²⁾. Национальные лидеры отлично понимали, что эта нота явилась своего рода декларацией войны против тех, кто боролся за конституционные реформы, которые положили бы конец наглости европейских администраторов, и, как обычно бывает в таких случаях, более умеренно настроенные среди них элементы немедленно перешли на сторону радикалов³⁾. «Сейчас еще преждевременно судить, — писал сэр Эдуард Малет 10 января, — о конечных результатах совершившегося, но в данный момент оно создало более тесный союз между национальной партией и парламентом, объединив их в общей оппозиции против Англии и Франции и заставив их почувствовать сильнее, чем раньше, что узы, соединяющие Египет с Османской Империей, являются гарантией, которой они должны твердо держаться, чтобы спасти себя от нападения»⁴⁾.

Такой результат совершенно опровергал предсказания сэра Окленда Кольвина, который, как читатель вспомнит, уверял лорда Гренвиля, что «если с самого начала не будет достигнуто ясного понимания, то возникнет много недоразумений, которые испортят наши отношения с Египтом гораздо больше, чем это сделало бы авторитетное заявление о намерениях держав». Лорд Гренвиль увидел теперь сам, какую роковую ошибку он совершил, последовав совету английского контролера, и по настоянию Шерифа и сэра Эдуарда Малета предложил Гамбетте послать «сэру Эдуарду Малету объяснительную телеграмму о том, что характер совместной ноты был неверно понят». На это, однако, Гамбетта не согласился. «Он держался решительно того мнения, — доносил лорд Лайонс, — что ни в коем случае не следует посылать каких бы то ни было разъяснений этой ноты». На этом дело и кончилось⁵⁾.

Таким образом одним неосторожным актом лорд Гренвиль разрушил весь план, который одно время сулил предотвратить все опасности, угрожавшие замыслам Англии в Египте. Можно допустить, что он не предвидел последствий своего поступка. В день отправления ноты его посетил Мусурус-паша, пришедший проверить достоверность слухов

¹⁾ Блант, цит. соч., стр. 188.

²⁾ Там же, стр. 189.

³⁾ Интересное описание впечатлений, произведенных этой нотой, мы находим у Бланта, цит. соч., стр. 120.

⁴⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. I, стр. 229.

⁵⁾ Там же, стр. 287.

о предполагаемом совместном действии двух держав. Лорд Гренвиль сообщил ему текст ноты, сослался на свою собственную депешу от 4 ноября и уверил его, что «мы вполне согласны с этой программой (изложенной в депеше) и с отрицанием каких-либо честолюбивых замыслов с нашей стороны, содержащимся в депеше». Он также отрицал «сообщение газеты о том, что французское правительство уже предложило, а мы согласились обещать хедиву материальную поддержку»¹⁾. Принимая во внимание, что эти уверения совершенно расходились с текстом ноты, которую Мусурус-паша держал в своих руках, можно только заключить, что лорд Гренвиль действительно не понимал значения своего нового поступка. Может показаться странным, но, тем не менее, вполне естественно, что обеим державам, так много раз вмешивавшимся раньше в дела Египта, могло не казаться таким важным, будет ли случаев вмешательства несколько больше или меньше. Даже депеша от 4 ноября, как бы благожелательна она ни была, по своему существу являлась актом присвоения такой власти, которая была бы недопустимой, если бы дело шло не об Египте, а о каком-нибудь другом самостоятельном государстве. Египет же совершенно серьезно считался «компанией трех партнеров», и все степени вмешательства, исключая фактическую оккупацию и аннексию, считались одинаково допустимыми и равноценными.

Надо отметить, что Порты не приняла успокоительных разъяснений, представленных лордом Гренвилем по поводу ноты, и послала великим державам циркуляр, протестовавший против действий Англии и Франции. Ответ держав был весьма достопримечателен: «Они считают, что *status quo* (в Египте) может быть изменен только путем соглашения между великими державами и сюзеренной державой»²⁾. Эти слова, которые никогда не были взяты назад и с которыми Англия в то время была вполне солидарна, следует запомнить как характеристику того положения, которое заняла Англия, оккупировав Египет, с точки зрения международного права.

¹⁾ «Египет», № 5 (1882), стр. 43.

²⁾ Там же, стр. 80.

ГЛАВА XI

ИНТРИГИ В ПОЛЬЗУ ИНТЕРВЕНЦИИ

Внешним и видимым выражением, которое немедленно нашло себе влияние обеих фракций национальной партии в результате опубликования совместной ноты, было сильное сопротивление, которое парламент ныне стал оказывать проекту «органического закона», предложенного Шерифом, и особенно той части его, которая касалась бюджета. «Англо-французская коллективная нота, — доносило агентство Рейтера¹⁾, — несомненно вызвала боле непримиримое отношение палаты депутатов к правительству». «Была возможность, — писал также сэр Эдуард Малет, касаясь спорного вопроса о контроле над бюджетом, — прийти к известному соглашению, но теперь эта возможность, видимо, утеряна»²⁾. Парламент единодушно заявил теперь, что он не примет органического закона, выработанного Шерифом, но разработает свой собственный проект, который, между прочим, обеспечит полный контроль парламента над той частью бюджета, которая не была предназначена на уплату государственного долга. Будучи извещен об этом, лорд Гренвиль тотчас же ответил, что «правительство ее величества не хочет полного и постоянного отстранения парламента в вопросах бюджета; но к этому следует отнестись с осторожностью, не забывая о тех денежных интересах, во имя которых действует правительство ее величества»³⁾. Это была очаровательная откровенность, которую с тех пор редко проявляло британское правительство, и как будто для того, чтобы подчеркнуть, что он весь поглощен заботами об охране «денежных интересов» кредиторов, лорд Гренвиль в той же самой депеше просит сэра Эдуарда Малета сообщить ему «каковы в точности будут результаты от того, что нотабли добьются контроля над финансами, которого они требуют». На это сэр Эдуард Малет ответил, что парламента не будет иметь права касаться дани Порте, вопросов, связанных с государственными долгами, или каких-либо других расходов, вытекающих из Закона о Ликвидации, или международных конвенций, но «жалованье чиновникам, не установленное контрактами, будет находиться под контролем

¹⁾ «Таймс», 17 января 1882 г.

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., стр. 288.

³⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 44.

парламента, так что последний будет в состоянии уничтожить земельный кадастр и уволить из состава администрации многих европейцев»¹). Этого было достаточно для лорда Гренвиля. Правда, кредиторы будут в безопасности, но бесчисленные кузены, братья, сыновья и приятели будут, может быть, лишены своего содержания, а это едва ли возможно было допустить.

В тот же самый день, когда был послан запрос сэру Эдуарду Малету, лорд Гренвиль отдал распоряжение лорду Лайонсу узнать мнение Гамбетты по этому вопросу, на что последовал быстрый ответ, что Гамбетта «решительно протестует против всякого вмешательства парламента в бюджет». По мнению Гамбетты, «Франции и Англии следует быть очень твердыми, так как всякий признак колебания с их стороны поощрит претензии нотаблей наложить свою руку на бюджет», и он утверждал, что «их вмешательство в бюджет неминуемо приведет к отмене соглашения, установленного ликвидационной комиссией, к уничтожению французского и английского контроля и разорению египетских финансов»²). По этому последнему пункту сэр Эдуард Малет, ясно видевший зло, причиненное совместной нотой, и стремившийся исправить его тем или иным путем, всего за несколько дней перед тем писал лорду Гренвиллю: «Парламент существует и будет продолжать существовать до тех пор, пока он не будет уничтожен силой, что может быть сделано только при помощи интервенции, а это последнее средство ни в коей мере не может быть оправдано гипотезой о возможном нарушении закона о ликвидации... Признаюсь, что я предпочел бы предоставить парламенту это право и ждать, пока он не злоупотребит им, прежде чем произвести интервенцию. Не надо забывать, что египтяне, худо ли, хорошо ли, но решительно вступили на конституционный путь, и что органический закон парламента является их хартией вольностей»³). Это были справедливые слова и в устах такого типичного бюрократа, каким являлся сэр Эдуард Малет, имели большое значение; но лорд Гренвиль не обратил на них внимания и дал распоряжение лорду Лайонсу сообщить Гамбетте, что британское правительство разделяет его точку зрения...

Надо сказать к чести сэра Эдуарда Малета, что, предвидя гибельные последствия, к которым привел бы конфликт именно по вопросу о бюджете, и стремясь избежать их, он сделал все, что было в его власти, чтобы найти компромисс, способный удовлетворить обе стороны. Узнав через посредство Бланта, что националисты никогда не откажутся целиком от своих требований⁴), он телеграфировал 11 января лорду Гренвиллю, что «ему пришло в голову, что в виде компромисса это право может быть предоставлено и войти как часть в органический закон, под условием, что депутаты добровольно откажутся пользоваться им в течение трех лет»⁵). Через две недели он снова телеграфирует лорду

¹) «Египет», № 5, стр. 45.

²) Там же.

³) «Египет», № 5, стр. 50.

⁴) Блант, цит. соч., стр. 194—195.

⁵) «Египет», № 5, (1882 г.), стр. 50.

Гренвилю, спрашивая, «может ли он обсуждать предложения, сделанные ему неофициально председателем парламента, с целью притти к соглашению, которое дало бы делегации парламента право рассматривать и вотировать бюджет вместе с министрами»¹⁾. Прибегая к последней мере, он снова телеграфирует своему шефу, высказывая мнение, «что парламента внял бы убеждениям, если бы великие державы отказались предоставить полномочия парламента, но объявил бы, что, подерживая в других отношениях status quo, они гарантируют конституцию, отвечающую международным обязательствам, и сделают с своей стороны шаги к тому, чтобы достигнуть соглашения по этому вопросу»²⁾. Но ни на одно из этих предложений лорд Гренвиль не удостоил дать ответа. Напрасно сэр Эдуард Малет добавил к только что цитированной телеграмме предостерегающие слова: «Я думаю, что это является единственным выходом из положения, которое усиленно толкает нас и египтян на крайности». Напрасно предостерегал он лорда Гренвиля, что «вооруженная интервенция станет необходимостью, если мы будем настаивать на отказе в праве парламента вотировать бюджет; между тем все государства заинтересованы в том, чтобы предотвратить необходимость такой интервенции, которая, если она будет произведена только двумя державами, вероятно, приведет здесь к тяжелым бедствиям»³⁾. Лорд Гренвиль, очевидно, решил, что следует совершить вооруженную интервенцию, если парламента будет настаивать на своих правах, и дал своему подчиненному распоряжение действовать соответствующим образом.

Это было поистине началом конца. Нельзя было ожидать, чтобы национальная партия, которая теперь выражала собою всю нацию, поскольку эта последняя вообще имела голос, беспрекословно сдала достижения сентябрьской революции, и вследствие этого оккупация стала неизбежной. С этого времени даже сэр Эдуард Малет, как подобает лояльному чиновнику, не имеющему собственного мнения, начал работать в пользу военной интервенции, в то время, как сэр Оклэнд Кольвин решил действовать в пользу аннексии Египта Англией⁴⁾.

20 января сэр Эдуард Малет и его французский коллега официально объявили египетскому правительству от имени обеих держав, что парламента не сможет вотировать бюджета, не нарушая декретов, устанавливающих контроль»⁵⁾. Так как Шериф-паша в то же время продолжал настаивать на своем проекте органического закона, депутация от парламента была отправлена 2 февраля к хедиву, прося его распустить министерство Шерифа и назначить вместо него другое, более соответствующее желаниям парламента. Хедив сделал вид, что он протестует, согласно заранее принятому плану, но, в конце концов, он дал согласие. Вопрос теперь был в том, кому поручить образование нового министер-

1) «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 54.

2) Там же, стр. 52.

3) Там же, стр. 52.

4) См. беседу, которую Блант имел с ним в это время («Секретная оккупация», стр. 199—200).

5) «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 71.

ства. Депутация признала, что это прерогатива хедива. Однако хедив, действуя под руководством своих английских советников, потребовал, чтобы парламент представил своего кандидата. Полагали, что таким образом ответственность за дальнейшее развитие политических событий падет на парламент, и хедив этим сохранит свободу действий. Это едва ли могло быть признано конституционной процедурой, и оно явилось дурным предзнаменованием для будущего поведения хедива. Тем не менее, парламент принял на себя эту ответственность и предложил военного министра Махмуда-Сами.

Следует отметить, что парламентом не был предложен Араби, хотя он тогда уже был членом министерства, будучи назначен 5 января товарищем военного министра на том основании, как объяснили это «контрлеры, что будет «лучше, если он будет принадлежать к правительству, чем стоять вне его»¹⁾. Араби принял в новом кабинете только портфель военного министра, что, однако, не помешало сторонникам оккупации объявить новое министерство началом военного диктаторства. Министерство Сами вступило в исполнение своих обязанностей 5 февраля. Его программа, как она была изложена в письме к хедиву новым председателем совета министров при его назначении²⁾, заключала в себе ряд внутренних реформ, как реорганизацию трибуналов, реформу администрации, улучшения в народном образовании и т. д., но прежде всего санкции органического закона, выработанного палатой. «Этот закон, — говорил Махмуд-Сами в своем письме, — признает все права как частного, так и международного характера и все обязательства, имеющие отношение к государственному долгу и к расходам, которые этот последний возлагает на государственный бюджет. Он в разумных пределах установит ответственность министров перед парламентом и способ обсуждения законов». Согласно 34-ой статье органического закона ни дань Порте, ни расходы по государственному долгу, ни какие-либо другие расходы, относящиеся к государственному долгу и вытекающие из закона о ликвидации или международных конвенций, не могли «ни под каким видом» стать предметом обсуждения в парламенте. Остальная часть бюджета должна была обсуждаться и вотироваться в комитете, состоящем из совета министров и столько же депутатов, назначенных парламентом. Права частных кредиторов были, таким образом, вполне обеспечены, в то время, как право контроля самого парламента над неассигнованной частью бюджета было сведено до минимума. Но органический закон содержал другую — 20-ю статью, которая была очень не по вкусу европейским «компаньонам» фирмы. Она гласила, что «депутаты имеют право контролировать действия государственных служащих в течение сессии и через председателя парламента доводить до сведения соответствующего министра о всех злоупотреблениях, неправильностях или упущениях, вменяемых в вину какому-нибудь чиновнику при исполнении его обязанностей». Эта статья,

¹⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 35.

²⁾ Письмо в английском переводе (с арабского), цитируется Блантом, цит. соч., стр. 561.

на-ряду с другой, гласящей, что никакой договор или контракт между государством и третьими лицами и никакая аренда земли или какие-либо другие концессии не могут считаться действительными без утверждения палаты, была равносильна разорению для многих европейских чиновников и подрядчиков, которые смотрели на Египет только с точки зрения извлечения доходов. Не удивительно поэтому, что, когда парламент, как мы скоро увидим, начал действовать согласно этим статьям органического закона, консульские донесения начали говорить о «растущей необеспеченности положения» во всей стране, и сэр Эдуард Малет заявил, что политика национального правительства носит «анти-европейский» характер.

Хедив санкционировал органический закон 6 февраля¹⁾, и парламент продолжал заседать до конца сессии — до 26 марта. За этот короткий период времени едва ли можно было ожидать, что будет много сделано в области законодательства, за исключением устранения некоторых, самых вопиющих злоупотреблений прошлого. Различные министерства усиленно работали над проектами реформ, которые предполагалось представить парламенту во время следующей сессии. Они разрабатывали новый избирательный закон, закон об уничтожении трудовой повинности, проект реформы смешанных трибуналов, которые приносили столько зла феллахам в прошлом, проект сельско-хозяйственного банка и т. д.²⁾. Араби, в частности, был занят реформой своего департамента, который находился в состоянии крайнего упадка, для того, чтобы быть готовым ко всяким случайностям. Он проявил большую энергию для того, чтобы привести береговые крепости в надлежащее состояние и реорганизовать артиллерийские запасные части, разместивши их по этим крепостям³⁾. Парламент, с своей стороны, был занят рассмотрением текста всех государственных и частных договоров и контрактов, заключенных между государством и иностранными правительствами и их подданными, и интерpellированием министров по вопросам о различных злоупотреблениях, дошедших до него. Самая существенная интерpellация была связана с земельным кадастром, предпринятым три года тому назад под эгидой английских чиновников и не принесшим до того времени никаких видимых результатов, кроме огромных расходов на жалованье, взятки, поездки и т. д. Парламент учредил в конце концов особую следственную комиссию для расследования этого вопроса, к великой тревоге «землемеров», заинтересованных в этом деле⁴⁾.

Легко себе представить, как эти события оценивались «людьми на местах». Падение министерства Шерифа было объяснено за границей, официально Малетом и неофициально корреспондентами газет⁵⁾, прямым влиянием со стороны Араби, который будто бы угрожал также и

¹⁾ Читатель найдет полный текст закона в «Таймс», 23 февраля 1882 г. там же у Бланта, цит. соч., стр. 564—570.

²⁾ Блант, цит. соч., стр. 210.

³⁾ Египет № 5 (1882 г.), стр. 82.

⁴⁾ Там же № 7 (1882 г.), стр. 50 и 64.

⁵⁾ Блант, цит. соч., стр. 203 и след.

Султану-паше, если тот не подаст в отставку. Напрасно сам Султан-паша публично опровергал эту версию—сэр Эдуард Малет не признавал никаких возражений. Сэр Оклэнд Кольвин изображал новый порядок «всцело находящимся под влиянием мятежной и победоносной армии»¹⁾. Куксон, в течение некоторого времени замещавший Малета, когда этот последний путешествовал по Нилу с детьми принца Уэльского, доносил, что²⁾ «все мнимые стремления к законности и конституционной свободе окончились заменой всех законных властей непрерываемой волей армии». Араби, доносил он, производит много незаконных повышений в армии, а хедив из боязни бунта вынужден санкционировать их. Совет министров опубликовал свой новый избирательный закон, вводивший двухстепенные выборы депутатов. Куксон видит в этом дьявольский план усиления военного режима. «Закон этот, — говорит он, — рассчитан на то, чтобы передать все избирательные права в стране в руки ставленников власти, которая в данный момент будет самой сильной; а в настоящее время такой властью является армия». В ряде дальнейших докладов он говорит о «дезорганизованном и тревожном состоянии провинций» и подобающим образом сообщает своему шефу, что «многие нотабли, имеющие собственность в стране, начинают порывать свой успешно заключенный союз с военной партией». Другие же просто обвиняли Араби в том, что он подкуплен султаном³⁾, а сэр Эдуард Малет сильно сомневался «следует ли поддерживать контроль теперь, когда он существует только номинально»⁴⁾. Чтобы еще увеличить ворох обвинений, сэр Эдуард Малет прибегнул к старинному способу, заставляя говорить своих консульских агентов и сообщая лорду Гренвиллю массу докладов с «мест», имевших целью показать, до какой ужасной анархии была доведена страна за несколько месяцев господства национального министерства⁵⁾. Оказалось, что отмена знаменитого курбаша (плетки) — акт, который впоследствии явился таким драгоценным украшением в короне лорда Кромера — свела на-нет всю законную власть и привела класс феллахов в состояние постоянного возмущения против сильных мира сего. «Лишенный курбаша и права заключать в тюрьму, — пишет Роузель, управляющий доменами⁶⁾, — губернатор восточной провинции может сделать очень мало с населением, привыкшим в течение столетий к сильному, единоличному, прямому управлению... Тенденция движения последнего года была внушить крестьянину идею, что он может достигнуть одним скачком так называемой свободы; к этому прибавилось вступление во власть непрактичных идеалистов, которое оказало на авторитет власти такое же действие, какое оказывает вода на кусок сахара». Это было удивительное повествование — тем более поразительное, что автор его, оплакивая сокращение произвола провин-

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 80.

²⁾ Там же.

³⁾ Письмо сэра Уильяма Грегори в «Таймс», 21 декабря 1881 г., содержащее отчет об интервью с Араби.

⁴⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 46.

⁵⁾ Там же, стр. 40 и след.

⁶⁾ Там же, стр. 42.

циальных губернаторов «непрактичными идеалистами», ясно показал истинную сущность оппозиции европейцев новому порядку. С своей стороны, сэр Эдуард Малет, комментируя этот и другие отчеты, пересылаемые им, в своей заключительной депеше указывает: «Первое из этих писем говорит о растущей неуверенности в положении, причиной чего является неуважительное отношение туземцев к гражданской власти. Это приписывается (!) влиянию армии, которая относится к своим гражданским коллегам без всякого уважения, столь необходимого по отношению к провинциальной администрации. Подкуп среди служащих достигает прежней силы и поощряется частой сменой высших должностных лиц»... Второе письмо останавливается на тех трудностях, с которыми сопряжено теперь для феллаха получение денег. «Землевладельцы приписывают этот недостаток капитала и свою нужду политике недоверия, господствующей при современном правительстве, и они смело заявляют, что министерство ответственно за то, что они не в состоянии платить земельного налога» ¹⁾.

Излишне говорить, что большинство этих ужасных вещей и обвинений против министерства являлось просто продуктом официальной фантазии. Это было предвосхищением методов агитации желтой прессы, с которыми в наши дни мы так хорошо знакомы. Время, когда Египет управлялся национальным министерством, принадлежало, несомненно, к лучшим временам, когда-либо переживавшимся этой страной, и не только было чуждо военного засилья, но явилось во всех отношениях периодом, в котором меньше всего проявлялся терроризм сверху. Армия, несомненно, принимала участие, но как часть, и весьма жизненная, конституционного движения. То, что сэр Уильям Грегори написал два месяца перед тем, остается справедливым и для рассматриваемого периода. Говоря о выступлении армии 9 сентября, он писал ²⁾: «Оно усилило общественное мнение в Египте, и я твердо надеюсь на то, что все вопиющие злоупотребления, которыми все еще кишмя-кишит страна, будут постепенно устранены. Конечно, очень мало что было бы сделано, если бы не сильное вмешательство. Здесь, как и в Турции, много говорилось о реформах, но все кончалось одними только разговорами... Теперь, однако, на очереди полезные реформы, благодаря сознанию, что существует сильная организация, которая будет настаивать на проведении их в жизнь». Что же касается утверждений о злоупотреблениях, якобы постоянно совершаемых армией ³⁾, то он пишет длинное письмо в «Таймс», отвергая все пункты обвинения и заканчивая нижеследующими словами: «Я беру на себя смелость утверждать, что несравненно больше военных скандалов происходит за один месяц в одном только Лондоне, чем во всем Египте с знаменитой даты 9 сен-

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 111.

²⁾ «Таймс», 10 января 1882 г.

³⁾ Ужасные рассказы о недисциплинированности армии, циркулировавшие в это время, нашли себе отклик в книге лорда Кромера. Он рассказывает нам об отсутствии дисциплины в некоторых полках вследствие убийства солдата каким-то итальянцем и об одном полковом оркестре, отказавшемся играть в театре! («Современный Египет», т. I, стр. 210).

тября, дня захвата власти военными, и все же никто не скажет, что английская армия находится в состоянии неповиновения... Я утверждаю, что существует национальная партия, которая объединяет в себе всю египетскую нацию, за исключением, конечно, правительственных и советских кругов¹⁾.

Не может быть никакого сомнения в том, что господа Малеты и Кольвины все это отлично знали, но, однажды уразумев, что британское правительство желает интервенции, они употребляли все свои усилия для достижения этой похвальной цели. Весь этот эпизод явился показательным примером «традиционного» отрицательного отношения британского правительства к министерству «с предвзятыми симпатиями» в Египте, потому что, как только у власти становилось министерство, которое было ему не по вкусу, оно начинало интриговать и действовать против него всеми средствами, которыми оно располагало.

Британская дипломатия, между тем, усиленно работала над тем, чтобы провести в жизнь решение правительства совершить военную интервенцию. 1 февраля, накануне отставки министерства Шерифа, сэр Эдуард Малет, предвосхищая будущее, посылает своему шефу телеграмму, передающую сущность разговора, который он имел с одним из уходящих министров²⁾. Вероятно, весь разговор был чистой выдумкой: во всяком случае упомянутый министр был не кто иной, как сам Шериф, авторитет сомнительной беспристрастности³⁾. Основная мысль этого разговора заключалась в том, «что единственным выходом из создавшегося положения является немедленная отправка в Египет комиссара от Порты, в сопровождении турецких войск». Это было, как мы знаем, как раз тем, что лорд Гренвиль незадолго перед тем предложил французскому правительству, как альтернативу совместной оккупации, и совпадение его мысли с мнением анонимного египетского министра было поистине удивительно. Затем министр сказал, если верить сэру Эдуарду Малету, что «нельзя ни угрожать, ни произвести вооруженную интервенцию с нашей (британской) стороны без серьезной опасности для европейского населения и риска вызвать сопротивление, которое повлечет за собой длительное кровопролитие. Он (министр) думает, что, действуя с тактом и принимая любое министерство, которого потребует парламент, нам удастся пережить это время без народных волнений, но он считает, что так как армия снова проявила диктаторские наклонности (!), то нет никаких надежд на будущее, если она не будет обезврежена силой».

Немедленно по получении этого сообщения «из туземных кругов», так поразительно совпавшего с его собственными идеями, лорд Гренвиль передал его французскому правительству, спрашивая его мнения. Но во Франции только что пал Гамбетта, и министром иностранных дел стал Фрейсинэ, державшийся совершенно иного мнения о политике, которую следует вести Франции по отношению к Египту. Он считал,

¹⁾ «Таймс», 16 марта 1882 г.

²⁾ «Египет» № 5 (1882 г.), стр. 73.

³⁾ Наша догадка оправдалась. Лорд Кромер называет Шерифа-пашу автором этих сентенций («Совр. Египт.», т. I, стр. 244).

что лучшим выходом из создавшегося в Египте трудного положения будет невмешательство в дела Египта какой бы то ни было державы и в предоставлении ему полной свободы решать собственную судьбу. Действуя таким образом, он, конечно, исходил не из интересов Египта, а скорее руководствовался здравым расчетом, что если Египет будет предоставлен самому себе, то он никогда не превратится в собственность Англии, а это при существовавших обстоятельствах было единственное, что Франции нужно было. Но он допустил, однако, ошибку, предположив, что Англия согласится на политику бездействия и не совершит интервенции одна, если Франция откажется от дальнейшего вмешательства. Это впоследствии оказалось заблуждением, возможно по вине самого Фрейсинэ, не обладавшего достаточной силой, чтобы последовательно проводить свою политику.

Однако немедленный ответ, который он дал лорду Гренвиллю на его предложение от 2 февраля, гласил ¹⁾, что, приняв недавно свой пост, он еще не в состоянии высказать какое-либо определенное мнение по данному вопросу, но что в двух пунктах он совершенно уверен: «он весьма не склонен к какой-либо вооруженной интервенции в Египте как со стороны Франции и Англии совместно, так и каждой из них отдельно; он также решительно против какой-либо интервенции со стороны Порты». С целью подчеркнуть свою мысль, он, кроме того, попросил лорда Лайонса об'яснить ему точный смысл оговорки, которую сделал лорд Гренвиль, соглашаясь на совместную ноту, а именно, что «не следует считать, что британское правительство берет на себя этим обязательство действовать определенным образом, — если признано будет необходимым начать действия». Существует предположение, — говорил Фрейсинэ, — что принципиально правительство ее величества решило действовать и только отказалось брать на себя заранее обязательства по отношению к какой-либо определенной форме действия. На это лорду Лайонсу пришлось дать ответ, говоря, что британское правительство сохранило за собой право не только определять свой способ действия, если в таковом возникнет необходимость, но и решать вопрос о необходимости активного выступления вообще.

Трудно сказать, понимал ли лорд Гренвиль в это время, какие новые возможности внезапно открыло изменившееся отношение Франции к египетскому вопросу для британской дипломатии и британской «предприимчивости». На основании авторитетных источников утверждали, что к этому времени британскому военному министру впервые пришла мысль захватить Египет, и он начал составлять план кампании ²⁾. Как бы то ни было, но лорд Гренвиль ответил Фрейсинэ, что он вполне понимает его затруднение выразить определенное мнение по египетскому вопросу, и уверил его, под влиянием депеши, только что полученной им от сэра Эдуарда Малета о программе нового министерства, что «правительство ее величества не считает, что в настоящее время возник

¹⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 81.

²⁾ См. отчет об интересном разговоре Бланка (цит. соч., стр. 227) с лордом Уолслей.

повод для интервенции, раз со стороны нотаблей и нового правительства выражено намерение соблюдать международные обязательства». Он добавлял, однако, что, «если бы возникла необходимость, правительство желало бы, чтобы такая интервенция явилась совместным авторитетным выступлением всей Европы. В таком случае, — по его мнению, — следовало бы также, чтобы султан принял участие во всех действиях или обсуждениях, которые могут произойти». И он спросил Фрейсинэ, будет ли он иметь что-нибудь против приглашения европейских держав высказать свое мнение по этому вопросу ¹⁾.

Фрейсинэ с радостью принял заверения лорда Гренвилля и не нашел никаких возражений против того, чтобы опросить великие державы, согласны ли они на общую политику по отношению к Египту, если возникнет необходимость в таковой... «Я являюсь решительным противником всякой военной интервенции», — заявил он лорду Лайонсу позднее ²⁾; ... «и целью великих держав, которые должны обмениваться мнениями по египетскому вопросу, должно быть устранение необходимости насильственной интервенции». И он добавил, что, «он надеется, что того же мнения держится и правительство ее величества».

Конечно, британское правительство не разделяло такого взгляда. Но лорд Гренвиль не считал необходимым разъяснить Фрейсинэ этот вопрос, и 11 февраля совместный циркуляр был послан державам от имени обоих правительств, приглашающий их «обмениваться мнениями по поводу положения в Египте». Оба правительства, гласил циркуляр ³⁾, не считают, что «в настоящее время возникла необходимость обсудить целесообразность интервенции», но если бы такая необходимость возникла, то «они желали бы, чтобы всякая такая интервенция являлась объединенным авторитетным выступлением всей Европы, и чтобы султан принял участие во всех действиях или обсуждениях, которые могут произойти». Державы, спустя некоторое время, все выразили согласие принять участие в таких действиях, в случае, если представится для того надобность.

Мы яснее увидим, как мало было искренности у британского правительства в его намерении передать вопрос об Египте в руки Европы или султана, когда оно дойдет до бомбардировки Александрии. Но не надо забывать, что даже в это время сэр Эдуард Малет и его подчиненные усиленно работали над тем, чтобы восстановить общественное мнение Англии против национального министерства и склонить его в пользу интервенции. Несколько недель спустя, 29 марта, лорд Гренвиль, забыв о том, что вопрос был фактически передан Европе, совершенно неожиданно предложил сам Фрейсинэ послать в Египет двух «технических советников», с целью «помочь» министерству в управлении страной ⁴⁾. Фрейсинэ, однако, решительно отклонил это, говоря, что «он не чувствует никакой необходимости посылать специальное лицо в Египет, чтобы снабжать его дальнейшими докладами»... Поведение французского

¹⁾ «Египет», № 5 (1882 г.), стр. 84.

²⁾ Там же, № 7 (1882 г.), стр. 34.

³⁾ Там же, стр. 10.

⁴⁾ Там же, стр. 81.

правительства было в то время достойно похвалы и резко отличалось от тайных интриг лорда Гренвиля и его подчиненных. Так, 11 марта Сенкевич, французский генеральный консул в Каире, доносил своему шефу о том, что разрабатывается проект образования министерства, в состав которого должны войти крупные чиновники или члены парламента с Араби во главе, и учреждения государственного совета, в котором европейские элементы должны получить широкое представительство. Сенкевич не указывал, откуда исходил этот проект, но в ответ Фрейсинэ предписал своему агенту воздержаться от каких бы то ни было действий в связи с предложенной комбинацией и, «соблюдая сдержанность, относиться дружественно ко всякому правительству в Египте, которое поддерживало бы международные обязательства и сохраняло бы порядок». Фрейсинэ хотел также, чтобы британское правительство разослало подобные же инструкции своим агентам, и лорд Гренвиль, «основательно обдумав этот вопрос», послал аналогичное распоряжение воздерживаться от вмешательства Куксону, стоявшему тогда во главе британского агентства ¹⁾.

Фрейсинэ пошел даже дальше этого. Хорошо зная характер и взгляды Блиньера, занимавшего все время пост французского генерального комиссара, он решил отозвать его. Услыхав об этом, лорд Гренвиль поспешил выразить надежду, что этот акт не означает какой-либо перемены политики со стороны Франции. На это Фрейсинэ ответил, что «пришло время, когда, по его мнению, стало желательным заменить Блиньера человеком менее привыкшим оказывать политическое воздействие на египетские дела»... «Вмешательство,—продолжает он,—французского комиссара в политические дела очень часто вызывало осложнения в его отношениях к генеральному консулу, а такого рода осложнения могут причинить очень серьезное зло при существующем положении вещей» ²⁾.

Это было очень откровенным изложением своей политики со стороны Фрейсинэ, и если бы британское правительство стало действовать в том же духе, то последующие события приняли бы другой оборот. Но британское правительство не обращало внимания на намек, заключающийся в словах Фрейсинэ, и Кольвин и Малет продолжали стараться на пользу интервенции. Британская дипломатия была, без сомнения, поставлена этим в очень неловкое положение, так как с момента откровенного заявления Франции о своем нейтралитете, всему миру стало ясно, кто в действительности являлся творцом агрессивной политики. Можно было надеяться — и Фрейсинэ, без сомнения, питал эту надежду, — что Европа при таких обстоятельствах не позволит Англии выполнить свои тайные намерения. К несчастью, оказалось иначе. Англия вскоре нашла повод выйти из своей изолированности и обмануть не только Францию, но и всю Европу.

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 58, 62.

²⁾ Там же, стр. 62.

ГЛАВА XII

ДИПЛОМАТЫ В РОЛИ АГЕНТОВ-ПРОВОКАТОРОВ

Случай, которого лорд Гренвиль и его агенты в Каире ждали как предлога для активных выступлений, представился в конце апреля в виде заговора, открытого египетским правительством среди некоторых офицеров армии против Араби и его коллег. Читатель помнит, что в течение нескольких месяцев, когда Араби занимал свой пост, имело место большое число производств. Приверженцами министерства утверждалось в то время, что производства стали необходимы вследствие действия нового военного закона, который требовал выхода в отставку офицеров, достигших предельного возраста¹⁾. Без сомнения, это было совершенно верно, поскольку дело шло о формальном соблюдении закона. Однако можно предположить, что желание очистить армию от ненадежных элементов в лице противников национального управления — в большинстве случаев турок и черкесов — сыграло также не малую роль при увольнении в отставку старых и производстве новых офицеров. Никто не станет отрицать, после французского опыта в связи с делом Дрейфуса и последних мер нового турецкого правительства, что это было вполне законным действием. Однако по отношению к Египту точка зрения, усвоенная официальными представителями британского правительства, была, как мы видели, иная, и производства толковались ими, как акты военного произвола и свидетельство растущей анархии.

Не может быть сомнения в том, что это положение сильно способствовало росту недовольства среди уволенных офицеров, чувствовавших за собой поддержку представителей Европы, и укрепило их надежду, что если им удастся совершить переворот, то, свергнув национальное правительство, они заслужат этим благодарность со стороны держав.

Говорят, что заговор²⁾ был построен агентами Измаила-паши, который жил тогда в Неаполе, но секретарь которого, Ратиб-паша, незадолго перед тем приехал в Египет. Ратиб был зятем Шерифа-паши, и, повидимому, в доме последнего и был составлен заговор. План заключался в том, чтобы убить Араби и некоторых из его сторонников и затем объявить о восстановлении абсолютистского режима; но прежде,

¹⁾ См. письмо шейха Махомета-Абду к Бланту («Секретная история», стр. 250).

²⁾ Блант, цит. соч., стр. 252.

чем этот план удалось выполнить, он был выдан одним из заговорщиков, в результате чего большое число офицеров, принадлежавших к черкесскому племени, включая Османа-Ривки, бывшего военного министра, было арестовано, предано военному суду и приговорено к лишению чинов и ссылке на Белый Нил. Впоследствии была создана легенда, переданная корреспондентом «Таймс», о которой упоминает сэр Эдуард Малет в одном из своих официальных отчетов, что Араби посетил осужденных в тюрьме и подверг их жесточайшим пыткам¹⁾. Излишне говорить, что все это было чистейшим вымыслом, аналогичным с рассказами о жестокостях президента Крюгера, распространявшимися в наше время желтой прессой.

Заговор был раскрыт 11 апреля, а приговор был вынесен 2 мая. В промежуток времени между этими двумя датами сэр Эдуард Малет решил, что этим случаем можно недурно воспользоваться, как предлогом для свержения ненавистного министерства, а в случае необходимости и для интервенции. До этого момента вмешательство с его стороны и со стороны его коллег во внутренние дела Египта производилось на формальном основании международных соглашений. Теперь это основание было оставлено и принято новое — «гуманность» и «справедливость». Создана была версия, что аресты и заговор были актами политической мести; суд происходил при закрытых дверях, и хедив, прочтя показания, нашел, якобы, что «они доказывали не что иное, как намерения обвиняемых обратиться с петицией, и что их умысел совершить убийства не доказан»²⁾. Поэтому хедив не должен подписывать приговора, а потребовать нового суда. Таков был совет сэра Эдуарда Малета, являвшийся вопиющим актом вмешательства, совершенно не предусмотренным никаким законом. Все военные суды Египта, даже во время Двойственного Контроля, были закрытыми, и хедив не имел никакого права вмешиваться в их решения, так как на них не было права апелляции. Все, что он мог сделать, это — воспользоваться своей королевской прерогативой и смягчить наказание, предварительно утвердив его. Как раз это и посоветовал сделать Тьюфику-паше коллега сэра Эдуарда Малета, Сенкевич. Но это не отвечало намерениям сэра Эдуарда Малета. Он хотел возбудить ссору между хедивом и его конституционными министрами и настаивал на том, чтобы приговор был отменен. Так как хедив, повидимому, колебался, отлично сознавая, что его поступок будет сочтен министрами за прямой вызов, то сэр Эдуард Малет посоветовал ему обратиться за советом к представителям четырех других европейских держав; но так как эти последние, за исключением представителя Италии, отказались дать совет, то хедив, по внушению сэра Эдуарда Малета, обратился со всем этим вопросом к Порте.

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.). стр. 255.

²⁾ Там же. Все факты, имеющие отношение к этому, так называемому черкесскому заговору, о котором упоминается в тексте, можно найти в парламентском отчете. Мы рекомендуем, однако, читателю ознакомиться с весьма интересной главой XI в книге Бланта, в которой дается много любопытных подробностей.

Это была ошибка со стороны сэра Эдуарда Малета. Порта не имела *locus standi* в этом деле, за исключением только того, что Осман-Ривки имел турецкий титул ферики (фельдмаршала) и поэтому не мог быть формально лишен его без согласия султана. Кроме того, призыв к Порте в этот момент означал отклонение от прежней политики, которое едва ли пришлось бы по вкусу обеим державам, особенно Франции. Результатом этого было то, что сам лорд Гренвиль счел нужным предписать своему излишне ретивому агенту «действовать, на сколько возможно, в согласии с французским генеральным консулом», т.е. отказаться от своего первоначального плана и разрешить хедиву санкционировать приговор с целью немедленного смягчения наказания. Это предписание, вероятно, оказало очень дурное действие на сэра Эдуарда Малета, планы которого были, таким образом, уничтожены одним ударом, тем более, что сами министры, стремясь покончить с случаем, угрожавшим осложнениями, представили 6 мая петицию хедиву, в качестве его политических советников, прося его, в силу своей королевской прерогативы, смягчить приговор военного суда до простого изгнания из Египта, без разжалования или лишения орденов, но с исключением имен осужденных из списков египетской армии. Это было, несомненно, жестом примирения и признанием со стороны министров своего поражения. Но оно означало вместе с тем конец маленькой дипломатической игры сэра Эдуарда Малета, а с этим он не мог так легко примириться.

Вследствие этого он, вместо того, чтобы немедленно выполнить инструкции, вдруг стал сомневаться, какие советы ему следует дать хедиву, и запросил у лорда Гренвиля дальнейших инструкций. В то же самое время он добавил нижеследующие прекрасные размышления: «Беру на себя смелость заметить, что, рассматривая вопрос о том, как следует отнестись хедиву к приговору военного суда, надо принять во внимание общее положение. Не надо забывать, что настоящее министерство до сих пор явно стремилось уменьшить англо-французский протекторат (контроль превратился в *протекторат!*) и что, несомненно, наше влияние уменьшается со дня на день. Мы не сможем достигнуть снова власти (значит, не восстановления авторитета хедива!) до тех пор, пока военное господство, которое в настоящее время тяготеет над страной, не будет сломлено... Мне кажется, что некоторые осложнения острого характера должны произойти прежде, чем будет достигнуто какое бы то ни было удовлетворительное разрешение египетского вопроса, и что было бы разумнее ускорить их, чем стараться задержать»... ¹⁾ (Курсив наш.)

То, что лорд Гренвиль допустил напечатать это замечательное донесение сэра Эдуарда Малета среди других бумаг, представленных им в 1882 г. палате ²⁾, конечно, не говорит в пользу его «государственной мудрости». В этих рассуждениях сэр Эдуард Малет просто-напросто,

¹⁾ «Египет», № 7, (1882 г.) стр. 107

²⁾ Лорд Кромер поступил осторожнее: он этой депеши в своей книге не печатал.

как говорится, открыл все свои карты. Не авторитет хедива, не фирманы султана, как утверждалось до и после этого, интересовали тех, кто постоянно вмешивался в дела Египта и в конце концов оккупировал страну, но «наша власть» и «наше влияние», которым так сильно повредило «военное господство». И последняя фраза ясно показывает подлую игру, которую вел сэр Эдуард Малет с того самого момента, когда он понял, что британское правительство стоит за интервенцию, — а именно: «ускорение» наступления «некоторых осложнений острого характера», которые можно было искусственно вызвать, опираясь на приговор по делу о черкесском заговоре¹⁾.

Однако лорд Гренвиль, хотя он, по всей вероятности, отлично понял намеки, не мог отказаться от своего прежнего решения и вместе с Фрейсинэ повторил свое предписание держаться компромисса. В отчаянии сэр Эдуард Малет решил на новый план. Он убедил хедива смягчить приговор до простого изгнания без исключения имен осужденных из офицерских списков и, хорошо зная неустойчивость Тьюфика, закрыл двери для всех возможных посетителей и вместе с Сенкевичем остался взаперти с хедивом, пока этот последний подписывал документ. Это был, действительно, поступок агента-provokatora. Это было самым дерзким оскорблением министров, особенно Араби, человека, ответственного за армию, и актом вмешательства, который, можно было сказать с уверенностью, приведет в бешенство все министерство. Так оно и случилось. Министерство немедленно потребовало, чтобы декрет был взят обратно и был издан другой, в согласии с петицией. Но сэр Эдуард Малет знал, что он держит птичку крепко в силках, и посоветовал хедиву не уступать. Министры увидели теперь, что все попытки к примирению были тщетны, и что настал момент сделать выбор между ними, представителями народа, и хедивом, представителем интересов иностранных захватчиков. Здесь представился случай, когда, будь Египет действительно, как утверждалось, военной диктатурой, вмешательство армии могло быть вполне оправдано. Восстание — последнее прибежище угнетаемых граждан, и не может быть сомнения, что если бы армия взяла на себя инициативу, как она уже это сделала 9 сентября, и объявила низложение Тьюфика, то египетский народ подписался бы под этим актом. Но так как военная диктатура была только мифом, выду-

¹⁾ Позднее, после бомбардировки Александрии, лорд Сольсбери высказал правильные суждения об этой интриге сэра Эдуарда Малета. «Решающим фактом в этом кризисе, — сказал он — был суд над черкесскими офицерами. Я не сомневался, что черкесские офицеры были невиновны... но это вопрос, по поводу которого нам не следовало вмешиваться в отношения между восточным властителем и его подданными». (Hansard, «Парламентские отчеты», т. 272, 1882 г., стр. 1500). Последующая судьба этих «невинных» офицеров достойна того, чтобы о ней упомянуть. 20 мая они покинули Египет. «Твердость хедива, — доносит сэр Эдуард Малет, — свела их наказание до минимума, и дает возможность его высочеству, если он снова станет свободным лицом, с министерством, полным чувства справедливости, вернуть их обратно к их семьям и домашним очагам». («Египет», № 8 (1882 г.), стр. 46). 30 мая лорд Дафферин сообщает своему шефу, что офицеры прибыли в Константинополь и устроены на квартирах за счет государства («Египет», № 1 (1882 г.), стр. 16). 25 июля после бомбардировки офицеры эти вернулись в Египет. Ясно, что эти «невинные» офицеры были агентами англичан.

манным теми, кто горел нетерпением «ускорить» осложнения, то министерство, включая Араби, решило созвать парламент и передать решение спора между ним и хедивом на суд парламента. «Хедив, — объявили они, — действовал так, чтобы уменьшить автономию Египта, во многих случаях не советуясь с министрами». Они также решили не вести больше никаких переговоров с хедивом до решений парламента, но в то же время гарантировали как его личную безопасность, так и публичную безопасность вообще.

Сэр Эдуард Малет, вероятно, чувствовал себя очень гордо в это время. Самым бессовестным дипломатическим дерганьем закулисных нитей ему удалось вызвать министров на открытое возмущение против хедива — возмущение, которое легко можно было изобразить для посторонней публики, не знакомой с тайной махинацией, предшествовавшей ему, как проявление настоящей анархии. Разве самовольный созыв парламента министрами не являлся нарушением органического закона, требовавшего санкции хедива для подобного акта? И разве кабинет не был обязан, как только он оказался в оппозиции к хедиву, немедленно подать в отставку? Было много людей, которые рассуждали так в это время, и никто не делал этого с таким упорством, как сэр Эдуард Малет, сам главный заговорщик. Но это были суждения людей, которые не знали ничего или знали слишком много. Было бы актом измены со стороны министерства, если бы оно слепо держалось конституционных законов в то время, как неприятель замыслил свержение конституции вообще, — они просто играли бы в руку Малету и его соучастникам и доставили бы им желанную победу без всякой борьбы.

Разрыв между министрами и хедивом, естественно, вызвал большую тревогу как в Англии, так и во Франции. Ожидали, что парламент немедленно объявит о низложении хедива, и это могло создать положение, угрожающее не только его жизни, но и существованию многих европейцев, включая дипломатических представителей самих держав. Сэр Эдуард Малет откровенно писал, что «на данные министрами гарантии безопасности хедива и европейцев едва ли можно полагаться, как на что-то солидное» ¹⁾, и он сообщал, что «везде было очень тревожное настроение и много людей уезжало». Ясно, что приближался решительный момент, когда обе западные державы должны были начать активные действия. Общественное мнение во Франции было очень возбуждено и требовало интервенции. Тем не менее, Фрейсинэ продолжал сохранять хладнокровие. 7 мая он телеграфировал Сенкевичу, прося его быть осторожным в своем поведении, действовать, где только возможно, вместе с Малетом, обращаться в Париж в случае несогласия со своим коллегой, и быть на стороне хедива, «который является единственной законной властью, — действуя, однако, с тактом и осторожностью, необходимой, чтобы можно было избежать создания или усиления конфликтов в самом правительстве» ²⁾. Это несколько отличалось от того,

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 17.

²⁾ Там же, стр. 107.

что лорд Гренвиль позволял в этот момент делать своим агентам. Одновременно, услышав, что дело о черкесских заговорщиках передано хедивом султану, Фрейсинэ подал протест против вмешательства Порты, требуя, чтобы лорд Гренвиль тоже открыто высказался против этого. «Воздерживаясь от немедленного решительного протеста против какой бы то ни было турецкой интервенции, — говорил он лорду Лайонсу, — правительство ее величества делает такую интервенцию неизбежной» ¹⁾.

Однако Фрейсинэ, должно быть, сознавал, что ему не удастся долго сохранить чисто отрицательную позицию и что скоро придется, наоборот, сделать выбор между англо-французской интервенцией, которой уже требовала часть публики, руководимая Гамбеттой, и интервенцией султана. Действительно, лорд Гренвиль уже настаивал на том, чтобы он принял ту или иную альтернативу. Отвечая 8 мая на вышеупомянутый упрек Фрейсинэ, лорд Гренвиль, отрицая с своей стороны какое-либо пристрастие к турецкой интервенции, добавлял: «Но мы желаем сохранить за собой свободу, в случае необходимости, обсудить всевозможные формы интервенции и выбрать ту, которая будет сопряжена с наименьшими неудобствами и риском» ²⁾. Это было равносильно заявлению о том, что Англия не будет больше руководиться желаниями французского правительства, если это последнее будет настаивать на политике невмешательства, и в случае необходимости будет действовать самостоятельно. И, действительно, три дня спустя лорд Гренвиль, возвращаясь снова к предложению, «пришедшему ему в голову» как-то однажды в начале кризиса, предложил Фрейсинэ попросить Порту послать в Египет генерала, «уполномоченного восстановить дисциплину в египетской армии», при чем этого генерала должны сопровождать двое других генералов, английский и французский, советам которых он должен подчиняться, а вся эта миссия должна была поддерживаться угрозой турецкой интервенции ³⁾. Фрейсинэ увидел, что нельзя избежать дилеммы — либо принять турецкую интервенцию, либо предпринять какие-нибудь совместные с Англией действия, и он решил на последнее, как на меньшее из двух зол. Французские радикалы того времени сильно осуждали его за это отступление от своей прежней позиции и возвращение к тому, что очень напоминало политику Гамбетты. Нет сомнения, что последующие события оправдали их. Поворот политики Фрейсинэ не спас ни французские интересы, ни Египет, и в конце концов ему самому пришлось вернуться к своей прежней позиции. Тем не менее Фрейсинэ имел в это время полное право надеяться, что если интервенция со стороны Англии, открытая или замаскированная турецкой интервенцией, была неизбежна, так как вся ее дипломатия сознательно работала в этом направлении, то Франции, присоединившейся к ней, все же удастся придать совместному акту сравнительно безобидную форму. В этом — думал Фрейсинэ — будет заключаться ко-

¹⁾ «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 109.

²⁾ Там же, стр. 110.

³⁾ Там же, стр. 119.

ренная разница между его политикой и политикой Гамбетты, который фактически стремился к англо-французской оккупации ¹⁾.

«Сравнительно безобидная форма», которую Фрейсинэ определял для англо-французской интервенции, состояла в посылке в Александрию обеими державами трех военных судов от каждой державы, под предлогом охраны жизни их подданных, но на самом деле с целью угрозы принудить египетское министерство к повиновению и этим покончить с кризисом и сделать дальнейшие действия ненужными. Фрейсинэ, конечно, отлично знал, кто был прав и кто виноват в споре хедива с министрами, и в душе, несомненно, сочувствовал последним. Но здесь был случай, когда правая сторона должна была быть принесена в жертву для избежания большей опасности. Поэтому 12 мая, отвечая на предложение лорда Гренвиля о посылке трех генералов, Фрейсинэ предложил вместо этого послать суда в Александрию. Это укрепит, говорил он, положение хедива, и турецкая интервенция станет излишней. Конечно, эта мера может оказаться недостаточной, и оба правительства могут впоследствии найти нужным высадить войска. Если, однако, дело дойдет до этого, то он готов к тому, чтобы «турецкие войска были перевезены в Египет и действовали там под английским и французским контролем с намерением и под условиями, определенными самой Францией и Англией». Но ни в каком случае, писал он, не согласится он, чтобы были пущены в ход французские или английские войска ²⁾.

В донесении, в котором лорд Лайонс сообщает об этом предложении, не говорится, в связи с чем это последнее предложение было сделано Фрейсинэ; однако, не может быть сомнения, что оно не было произвольно сделано им, а явилось ответом на вопрос лорда Лайонса о том, каковы были бы последствия в случае, если бы посылка военных судов оказалась недостаточной. Лорд Гренвиль, с своей стороны, приняв предложение о морской демонстрации, был, повидимому, не очень доволен тем, что его проект был отвергнут, и предложил, чтобы Порте, по крайней мере, было сообщено «в осторожных выражениях, что очень возможно, что ей будут после этого сделаны дальнейшие предложения». Фрейсинэ, однако, не имел никакого желания обязать себя действовать в направлении, которое он считал вполне проблематическим и по существу нежелательным, и не согласился на предложение лорда Гренвиля.

Каждое правительство распорядилось тогда немедленно отправить в Александрию по три военных судна. В связи с этим необходимо припомнить случай, бросающий дальнейший свет на политику сэра Эдуарда Малета и его шефа. Читатель помнит, что дважды раньше сэр Эдуард

¹⁾ «Мы заботимся и всегда заботились о двух вещах, — заявил Фрейсинэ во французской палате 11 мая 1882 г., — во-первых, сохранить за Францией ее особое привилегированное, и по справедливости привилегированное, положение в Египте; к этому надо добавить, — и это вторая задача нашей политики, — что мы желаем сохранить независимость Египта, как она была установлена фирманами, признанными европейскими державами. Мы не потерпим, поскольку это будет зависеть от нас, никаких посягательств на эти фирмы. Мы не потерпим, чтобы Египет вышел из какого бы то ни было кризиса, могущего произойти, менее независимым, чем теперь». («Египет», № 7 (1882 г.), стр. 125).

²⁾ Там же, стр. 128.

Малет предостерегал лорда Гренвиля против какой-либо интервенции, кроме турецкой, на том основании, что в промежуток времени между объявлением такой интервенции и прибытием войск жизнь европейцев подвергнется серьезной опасности. Фрейсинэ также, прежде чем сделать свое предложение, запросил своего представителя в Каире, поставит ли посылка флота в опасное положение британских и французских граждан в Египте. Неизвестно в точности, что Сенкевич ответил на этот запрос; но на подобный же запрос лорда Гренвиля сэр Эдуард Малет ответил следующей телеграммой¹⁾. «Имею честь сообщить, что я и мои французские коллеги считаем, что политические выгоды от прибытия эскадры в Александрию так велики, что они заставляют не считаться с опасностью, которую они могут принести европейцам в Каире». Независимо от того, разделял ли действительно Сенкевич этот взгляд, высказанный его английским коллегой, это сообщение показывает нам гуманность и политику сэра Эдуарда Малета. Несомненно, телеграмма эта не была рассчитана на оглашение, и позднее опубликование ее является другим крупным пробелом в «государственной мудрости» лорда Гренвиля²⁾. Тем яснее, однако, она показывает, что вся прежняя тревога по поводу опасности, которой подвергались будто бы европейцы вследствие «военного господства», была пустыми словами, имевшими только целью вызвать вооруженную интервенцию. Эта тревога была или ложной, — и тогда мы имеем образчик дипломатии сэра Эдуарда Малета, или она имела серьезное основание, — и тогда мы имеем образчик его гуманности. В обоих случаях сэр Эдуард Малет заклеял, на основании его же собственных слов, как дипломатический интриган низшего сорта.

Но и лорд Гренвиль был немногим лучше. Согласиться с мнением, что человеческие жизни, об угрожавшей опасности которым так много сообщалось в депешах и газетах, не следует принимать во внимание, когда дело идет о политической выгоде и интересах кредиторов, было во всех отношениях достаточно скверно. Но что мы должны подумать об английском министре, который, решившись однажды пожертвовать жизнью британских граждан, в то же самое время дает распоряжение своему агенту сообщить египетским министрам, и главным образом Араби, что они будут лично ответственны за всякое нарушение порядка? Однако именно это и сделал лорд Гренвиль 14 мая, в тот самый день, когда он получил телеграмму сэра Эдуарда Малета. Не довольствуясь избранным способом действия, который, несомненно, подвергал опасности жизнь европейцев, лорд Гренвиль в то же время предупредил тех, против кого были направлены эти действия, что им придется отвечать за жизнь европейцев! Араби, конечно, ответил, что «будет в состоянии гарантировать общественный порядок и личную безопасность хедива до тех пор, пока будет находиться на посту министра, но с прибытием англо-французских войск он не в состоянии более га-

1) «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 132.

2) Лорд Кромер и в этом случае действовал разумнее своего прежнего шефа, скрыв компрометирующую телеграмму.

рантировать общественную безопасность»¹⁾. Это заявление, конечно, не приняли во внимание, и когда несколько недель спустя европейцы погибли во время беспорядков, которые даже и не были вызваны националистами, вся ответственность за это была возложена на Араби и его сторонников. Вот путь правды и правосудия, по которому шла дипломатия Гренвиля и Малета.

Между тем нотабли уже заседали и озабоченно обсуждали положение. Негодование против хедива было очень сильно, и несомненно, если бы не страх возмездия со стороны обеих держав, то Тьюфика давно бы сместили. Фактически многие нотабли и были против принятия такого шага, и мнения разделились²⁾. Султан-паша, председатель палаты, перешел на сторону врагов и проектировал низвержение министерства. Другие, наоборот, склонялись в пользу новой попытки пойти на примирение и хотели предотвратить кризис какими-нибудь уступками. 15 мая прибыли французские суда, и в тот же день лорд Гренвиль телеграфировал Малету, что, помимо морских демонстраций, «мы оставляем за собой право употребить те средства, которые нам покажутся необходимыми для сохранения порядка и поддержания авторитета хедива»³⁾. Араби и его сторонники решили последовать совету тех, кто склонялся в пользу новой попытки примирения⁴⁾, и отправились *in cogroge* к хедиву и «совершенно подчинились». Они также отправились к Малету и уверили его, что сделают все, что в их власти, чтобы обеспечить общественное спокойствие⁵⁾. Это «полное подчинение» было весьма печальным и даже, может быть, недостойным зрелищем; самым худшим, однако, было то, что оно не дало совершенно никаких результатов. Малет не допустил хедива принять уверения в лояльности со стороны министров, и ни Гренвиль, ни даже Фрейсинэ, желавший окончательного разрешения кризиса, не были удовлетворены. Фрейсинэ немедленно известил Сенкевича, что хедив должен воспользоваться прибытием флота для того, чтобы распустить министерство и назначить взамен его другое, напр., с Шерифом во главе. Потом, вероятно, будет объявлена общая амнистия, и Араби и его сторонники будут только лишены своих постов, но не военного звания. Лорд Гренвиль повторил те же инструкции Малету, прибавив, с типичной для него уловкой, что он не «сможет впоследствии помешать приказу Араби и его сообщникам покинуть страну, если того пожелает новое министерство»⁶⁾.

Согласно с этим, Малет принял за дело, чтобы заставить Махмуда-Сами, Араби и еще троих «опасных генералов» согласиться по доброй воле покинуть Египет, получив за это пенсию и сохранение чинов. Монж, чиновник французского консульства, говоривший по-араб-

1) «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 140.

2) Блант, цит. соч., стр. 268—269.

3) «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 136.

4) 13 мая Блант отправил Араби телеграмму, прося его иметь терпение и не спешить с действиями против хедива. (Блант, цит. соч., стр. 267.)

5) «Египет», № 7 (1882 г.), стр. 143.

6) Там же, № 8 (1882 г.), стр. 7.

ски, должен был взять на себя эту щекотливую миссию: предложить Араби и его сторонникам указанный способ для разрешения кризиса. Монж, однако, отказался. Тогда это затруднительное поручение было возложено на Султана-пашу, но результат оказался неудачным: Араби не захотел даже и выслушать это предложение. Малет тогда предложил Гренвилю, чтобы его и его французского коллегу уполномочили официально потребовать отставки министерства Сами, при условии, однако, чтобы «он был в состоянии объявить, каковы будут последствия отказа». Министры и публика, говорил он, «глубоко убеждены, что обе державы не отправят войск, и что оппозиция Франции делает невозможной турецкую интервенцию»¹⁾. Это равносильно было тому, чтобы сбросить маску и выступить открыто. Лорд Гренвиль на это согласился. 25 мая оба генеральных консула представили идентичную ноту с требованием отставки министерства, отъезда Араби из Египта и удаления внутрь страны двух других генералов-националистов—Али-Фехми и Абдула-Али. Это было исполнением заверений лорда Гренвиля, что Англия не желает министерства с предвзятыми симпатиями, и в то же самое время оно было победным венцом дипломатии сэра Эдуарда Малета.

Министерству, ввиду такой *force majeure*, не было иного выбора, как подать в отставку. На следующий день министры подали в отставку, заявив в то же время протест, что, допустив вмешательство со стороны иностранных держав, хедив нарушал суверенные права султана. Но хедив, по совету Малета, возразил, что он действовал согласно с «желаниями народа» и сумеет держать ответ перед султаном. Немедленно были отправлены циркуляры провинциальным губернаторам, поставившие их в известность о падении министерства и возлагавшие на них обязанность следить за общественным порядком. Им предписывалось также объявить резервным войскам, что их услуги более не потребуются, и прекратить дальнейший рекрутский набор. Иностранные флотилии, указывалось им, «пришли с дружескими намерениями». Эти меры, однако, были приняты слишком поспешно. Не успело это известие достигнуть Александрии, как гарнизон и полиция были охвачены сильным возбуждением и немедленно заявили хедиву, что если через 12 часов министерство не будет восстановлено, то они не отвечают за общественное спокойствие. Это выступление немедленно нашло отклик в каирском населении, и на следующий день депутация, в составе представителей различных вероисповеданий — улема, патриарха и еврейского раввина — предстала перед хедивом и потребовала немедленного возвращения Араби и его товарищей по министерству. Это было совершенно неожиданным проявлением «воли народа», и когда Султан-паша, перепуганный до смерти, прибежал к хедиву, умоляя его вернуть министерство, так как иначе его жизни грозит опасность, то Тьюфику и его превосходным советникам пришлось уступить. Министерство было восстановлено, и тотчас же были посланы приказы в провинции, отменявшие предыдущие распоряжения о разоружении²⁾.

1) «Египет», № 8 (1882 г.), стр. 28—29.

2) Описание всех вышеприведенных событий можно найти в «Египте», № 8 (1882 г.), стр. 38—49.

Вся эта трагикомедия продолжалась только три дня, но ее было достаточно, чтобы показать, каковы были истинные национальные симпатии Египта. Поспешность, с какой были отправлены приказы провинциальным губернаторам прекратить все мероприятия по организации обороны, также обнаружила силу той ненависти, с какой относились британские дипломаты к Араби и его коллегам: до тех пор, пока они оставались во главе правления, Египет едва ли мог бы стать легкой добычей захватчиков.

ГЛАВА XIII

ПОГРОМ В АЛЕКСАНДРИИ

Неудачная попытка отделаться от министерства Сами была горькой пилюлей для сэра Эдуарда Малета, и если бы он обладал чувством собственного достоинства, он подал бы тогда же в отставку. Но, конечно, вопрос тут был не в собственном достоинстве, а в осуществлении вооруженной интервенции, и раз один дипломатический шаг оказался неудачным, могли быть испробованы другие с большим успехом. Встреченный им отпор только увеличил его рвение. «Восстановление министерства, — доносил он своему начальнику 30 мая, — рассматривается туземцами как предзнаменование, что христиане будут изгнаны из Египта, что земля, купленная европейцами или заложенная им, будет получена обратно туземцами, и что государственный долг будет аннулирован»¹⁾. Его друг Куксон, консул в Александрии, также писал в таком же встревоженном тоне и переслал петицию от нескольких английских коммерсантов, просивших «действительных средств для защиты своей жизни»²⁾. На следующий день Малет писал снова, передавая, что все европейское население находится в состоянии ужасной паники, и просил об усилении флота. Это последнее желание было тотчас же исполнено, но было ясно, что этого было недостаточно. Существовали ли на самом деле паника или ее не было, это безразлично — лорд Гренвиль был достаточно опытен, чтобы знать, что рассказы, передаваемые ему его подчиненными, были сущей ложью — вопрос был в том, как реализовать те угрозы, которыми 25 мая сэр Эдуард Малет сопровождал свое формальное требование роспуска министерства Сами.

Здесь, однако, возникло затруднение. Султан, услышав об отправке соединенной эскадры в Александрию, тотчас же выразил протест против такого нарушения его суверенных прав. Он собирался сам послать комиссара по просьбе хедива, и ему казалось противоречием, «с одной стороны, объявить, что суверенные права султана не должны быть затрагиваемы, а с другой — запретить ему всякое вмешательство»³⁾. Гренвиль, однако, заверил его, что правительство, посылая флоты,

¹⁾ «Египет», № 8 (1882 г.), стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 54.

³⁾ Там же, стр. 5.

не имело в виду совершить акт узурпации и что, «если бы явилась необходимость в каком-либо действии, заключающем в себе проявление суверенной власти, то мы обратились бы, конечно, к Порте»¹⁾. Великие державы также были уведомлены циркулярной нотой, в которой указывалось, что отправка военных судов «имела целью не узко-эгоистическую политику, но охрану, без различия национальностей, интересов европейских держав в этой стране и поддержку авторитета хедива». Британское правительство, — продолжала нота, — «никогда не предполагало высадить войска или прибегнуть к военной оккупации страны. Правительство ее величества намеревается, когда снова будет восстановлено спокойствие и обеспечено будущее, предоставить Египет самому себе и отозвать эскадру. Если же, вопреки его ожиданиям, мирное решение не сможет быть достигнуто, то оно обсудит вместе с великими державами и Турцией те меры, которые покажутся ему и французскому правительству наиболее подходящими»²⁾.

При свете прошлых и будущих актов британского правительства, эта лицемерная нота имеет огромное значение. Нота была послана 23 мая, а мы знаем, что уже 8 и 11 мая лорд Гренвиль предлагал пригрозить египетскому правительству вооруженной интервенцией и вел переговоры с Фрейсинэ насчет высадки турецких войск. Мы также впоследствии увидим, как было выполнено обещание обсудить вместе с державами и Турцией активные меры, когда пришло время открытой вражды и позднее в период занятия Египта войсками.

Давая великим державам эти пустые обещания, Гренвиль в то же время навязывал Франции проект отправки турецких войск под контролем двух держав, как было уже сказано выше. 24 мая он сделал Фрейсинэ формальное предложение по этому поводу и, не получив никакого ответа, повторил его через три дня. Фрейсинэ дал довольно таки невежливый ответ. Ссылаясь на объявленную отставку министерства Сами, он заявил, что нет никакой причины вмешиваться именно в этот момент. «Фрейсинэ кажется невозможным, — писал лорду Гренвиллю Тиссо, французский посол в Лондоне, в защиту своего начальника, — чтобы вы не согласились с справедливостью этого соображения и, с своей стороны, не признали бесполезности шага, ранее вами предложенного»³⁾. Это рассердило Гренвиля. Так называемое общественное мнение в Англии давно уже было раздражено этим, как они называли, прислуживанием его Франции и склонялось в пользу независимых действий. «Если Египет, — писал «Таймс»⁴⁾, — не будет переустроен согласно с нашими интересами, то, конечно, в нем произойдут те перемены, которые выдвинут интересы враждебные нам». Гренвиль решил тогда действовать. 28 мая, в день восстановления министерства, он дает инструкцию лорду Дафферину посоветовать султану встать на сторону хедива и вызвать в Константинополь трех генералов-националистов, включая Араби, а также и самого Сами, и в то же время он пишет Малету,

¹⁾ «Египет», № 8 (1882 г.), стр. 17.

²⁾ Там же, стр. 27.

³⁾ Там же, стр. 37.

⁴⁾ «Таймс», 15 мая 1882 г.

чтобы тот посоветовал хедиву обратиться с просьбой о присылке турецкого комиссара «для своей охраны». Об этом он сообщил Фрейсинэ, как о «fait accompli»¹⁾.

Давно задуманный шаг был, таким образом, сделан, и теперь Франции оставалось или присоединиться к нему, или же разорвать с политической сотрудничества с Англией. Последнее представляло серьезную опасность не только для Египта, но также и для Франции, тогда как первое принуждало Францию принять бесповоротно политику вооруженной интервенции. Как и в деле посылки флота и по тем же, вероятно, причинам, Фрейсинэ, после совещания со своими коллегами, решил в пользу первой альтернативы. Какой бы риск ни заключался в этом соглашении на интервенцию Турции, тут все-таки была надежда, что, следуя за Англией по пятам, можно будет предотвратить окончательную катастрофу. Согласно с этим, 29 мая Фрейсинэ дает французскому послу в Константинополе и Сенкевичу такие же инструкции, какие были даны Гренвилем. В то же время он предлагает Гренвиллю созвать, согласно недавним обещаниям, европейскую конференцию.

Известие о том, что султан был приглашен обеими державами и хедивом вмешаться в ссору между этим последним и народом, довело начавшееся брожение в Каире до настоящей бури. Араби прямо заявил, что не будет повиноваться приказаниям султана и окажет вооруженное сопротивление при всяких попытках к интервенции. Духовенство и нотабли, за немногими исключениями, встали на сторону министерства и открыто требовали низложения Тьюфика. Главный шейх Аль-Азхарского университета издал «фетву», в которой указывалось, что хедив, продавший страну чужеземцам, не годится более для управления, и весь университет поддержал его. Ораторы отправились в Александрию и там обратились к десятитысячной толпе с воззваниями в пользу национального дела. Когда 7 июня прибыл турецкий комиссар Дервиш-паша, то главные шейхи Азхара, в сопровождении двадцати двух нотаблей, явились к нему с петицией, подписанной 10.000 лиц, прося его принять сторону народа против держав и сместить Тьюфика. Такие же петиции подписывались и посылались из разных местностей, а женщины и дети бегали по улицам, требуя отказа притязаниям держав²⁾.

Турецкая миссия, с точки зрения сеятелей раздора, потерпела совершенную неудачу. Дервиш-паша был одним из самых беспринципных людей из свиты султана, и от него ожидали, что он сможет запугать Араби и его сотрудников и заставит их согласиться подать в отставку и добровольно последовать в изгнание в Константинополь, или же распорядится с ними таким способом, какой сэр Оклэнд Кольвин в одном достопамятном случае предложил хедиву³⁾. Чтобы сделать его

¹⁾ «Египет», № 8 (1882 г.), стр. 42.

²⁾ Полный отчет о событиях за этот критический период можно найти в «Секретной Истории» Бланта, стр. 305 и след.

³⁾ Блант в «Секретной Истории», стр. 302—303, приводит для иллюстрации этих тайных мотивов миссии Дервиш-паши интересные цитаты из «Паль-Маль Газет», которая тогда издавалась мистером (впоследствии лордом) Морлеем (ныне умершим).

более податливым, хедив дал ему огромный бакшиш в размере 50.000 ф. стерл.¹⁾ Но Дервиш-паша был, очевидно, не глуп. Он принял подарок и сказал несколько алармистских слов Араби и улемам. Он понимал, что здесь было нечто большее, чем только «военное неповиновение», которое он призван был подавить, и его храбрая душа испугалась тех деяний, которых от него ожидали. В субботу 10 июня он решил созвать на понедельник собрание консулов и хедива, чтобы обсудить положение, предупредив в то же время Араби, чтобы он был готов подать в отставку.

Однако в промежутке, в воскресенье, произошло нечто, что разрушило все планы, задуманные в связи с миссией Дервиш-паши. В этот день в Александрии произошло избиение христиан, организованное хедивом и гражданским губернатором Омаром-Лутфи-пашой и приведенное в исполнение наемными хулиганами и полицией — истинный прототип организованных «погромов» нашего времени²⁾.

Хедив прекрасно понимал, что маленький мятеж будет очень на-руку британской дипломатии, не перестававшей предсказывать самые ужасные несчастья европейцам в том случае, если будет допущено продолжение «анархии, поощряемой «военным» господством партии Сами и Араби». Еще 31 мая Малет доносил Гренвиллю, что «в любой момент может произойти столкновение между мусульманами и христианами»³⁾. Результатом этого, как мы видели, было усиление флота. Хедив, однако, решил, с ведома или без ведома европейских советчиков, что желанное событие, если оно не произойдет само собой, может быть ускорено при помощи каких-нибудь ловких махинаций. В самом Каире это могло быть чересчур опасным. Араби и его друзья были на месте, и тут была армия, которая в мгновение ока могла бы подавить мятеж. В Александрии дело обстояло иначе. Гражданским губернатором там был Омар-Лутфи-паша, обнаруживавший одно время национальные симпатии, но который после падения министерства Сами, в один из дней междоусобицы, был назначен хедивом на пост военного министра и, поэтому, был всячески заинтересован, чтобы содействовать падению Араби. К тому же, как начальник города, он мог просто не вызывать гарнизона и таким образом не допустить его вмешательства в мятеж и легко мог устроить так, чтобы не было отправлено в министерство никаких телеграмм из Александрии. Согласно с этим, хедив снесся с ним 3 июня посредством шифрованной телеграммы, которая гласила: «Араби гарантировал общественную безопасность, опубликовал это в газетах и взял на себя эту ответственность перед консулами; если ему удастся выполнить это, державы станут ему верить, и наше положение

¹⁾ Блант, цит. соч., стр. 307.

²⁾ Полный отчет о мятеже в Александрии имеется у Бланта, цит. соч., стр. 310—315, в особенности прил. 2, стр. 497—534, где собраны все нужные показания. Лорд Кромер (Современный Египет, т. I, стр. 287) говорит в примечании: «После тщательного исследования всех фактов, я пришел к выводу, что все эти показания не имеют цены. Я считаю поэтому ненужным приводить в заключение свои доводы». Может быть, «считаю неудобным» в данном случае было бы более подходящим выражением, чем «считаю ненужным».

³⁾ «Египет», № 8, (1882 г.), стр. 60.

ухудшится. К тому же, флоты держав стоят в александрийских водах, население волнуется, и недалеко до столкновения с европейцами. Поэтому выбирайте, будете ли вы служить Араби и поддерживать принятую им на себя гарантию, или нам». Неизвестно, была ли эта телеграмма только одной из целого ряда, или же она именно дала толчок всему делу. Во всяком случае она повела к дальнейшим переговорам через посредство двоюродного брата Тьюфика, Гайдар-паши, который несколько раз ездил в Александрию с посланиями обоих заговорщиков, а 9 июня Омар-Лутфи сам приехал в Каир, чтобы лично обсудить положение. По всей вероятности, во время этого свидания мятеж был окончательно назначен на следующее воскресенье, 11 июня. Все необходимые приготовления были уже сделаны заранее. Шайка наемных бандитов была введена в город и снабжена «набутами» (дубинками), а полиция получила секретный приказ наблюдать, но не вмешиваться.

«Мятеж» начался около часу и продолжался приблизительно до пяти. Один мальтиец, погонщик мулов, поссорился с мусульманином, собралась толпа, несколько выстрелов было сделано из дома, в котором жил мальтиец, на сцену появились бедуины, и после общей свалки мятеж перешел в избиение европейцев, во время которого несколько сот человек было убито и столько же было ранено, в том числе Куксон и несколько других консулов. В течение всего этого времени полиция или бездействовала, или же принимала участие в избиении, между тем как Омар-Лутфи монополизировал телеграф для своих сношений с хедивом. Комендант гарнизона, Сулиман-Сами, был извещен о мятеже только после четырех часов, и даже тогда он получил приказ только явиться с невооруженными войсками. Он, однако, решил действовать по своему усмотрению и, явившись в 5 часов, скоро прекратил погром.

Как мы уже сказали, для того чтобы найти аналогичные этому дьявольскому заговору и кровопролитию факты, мы должны обратиться к недавним временам в России, к владычеству Крушевана и других главварей «Черной Сотни»¹⁾. Одной из наиболее поразительных сторон этого дела было то, что впоследствии была сделана попытка запутать в эту историю Араби, человека наиболее пострадавшего от всего этого. Говорили, будто Араби организовал весь заговор, руководил избиением и дал гарнизону приказ не вмешиваться. Обвинение потерпело, однако, плачевную неудачу, как только увидели, что слишком тщательные расследования этого дела могут вывести на свет истинных виновников этого неслыханного насилия. Тайна, однако, довольно скоро раскрылась, благодаря усилиям Бланта, и лорд Рандольф Черчилль представил все это дело в парламент в 1883 году²⁾.

В то время, однако, ничего не было известно о таинственных сторонах этого дела. Сам Араби ничего не подозревал, а Омар-Лутфи, который в качестве александрийского губернатора был во всяком случае по закону ответственен за беспорядки, не только был оставлен на своем посту, но был назначен даже председателем следственной комиссии по

¹⁾ Писано в 1909 г.

²⁾ «Египет», № 4, 1884 г.

этому делу. Спустя некоторое время Омар-Лутфи получил отпуск, но остался в Египте, пока не разразилась война, по окончании которой он был назначен военным министром. Это опять-таки напоминает нам о том, как поступали в подобных случаях в царской России: люди, которые организовывали погромы, немедленно получали назначение на высшие посты¹⁾.

В данный момент, однако, результат избиения был совершенно не тот, какого ожидали заговорщики. Европейская колония, которая с большой тревогой следила за махинациями Малета, опасаясь, что они могут вызвать негодование среди туземцев и привести к возмущению, увидела в избиении естественный результат этой политики и стала требовать отозвания британского агента и удаления флота. В то же самое время европейцы поняли, что единственной гарантией их безопасности было примирение хедива с его министрами и особенно с Араби, который один только, как популярный глава армии, был в состоянии обеспечить порядок и общественное спокойствие. Было очевидно, что ссориться с националистами было не шуточное дело, что на их стороне были народные массы, которые останутся спокойными только в том случае, если их вожди будут допущены к управлению страной. Поэтому не только французский, но и германский и австрийский генеральные консулы, позволявшие до сих пор Малету поступать так, как ему хотелось, но у которых политические соображения не вытеснили сознания об опасностях, угрожавших жизни их соотечественников, немедленно потребовали от хедива, чтобы он примирился с Араби, и настаивали на том, чтобы он в их присутствии и в присутствии Дервиша-паши формально облек его всей полнотой власти для поддержания порядка и общественной безопасности²⁾. Хедив, хотя и очень неохотно, был вынужден сделать это, и Араби неожиданно сделался фактически диктатором Египта. Он выпустил прокламацию, призывавшую население сохранять общественный порядок и повиноваться законам, и послал приказы командующим различных воинских частей, возлагая на них ответственность за состояние общественной безопасности в их округах. Такое же обращение к народу по его примеру было выпущено Шейх-Уль-Исламом и подписано главным улемом Азхара³⁾. Таким образом в какие-нибудь два дня Араби, который должен был или погибнуть от выстрела Дервиша, или пасть жертвой ненависти, вызванной избиениями, неожиданно превратился в «спасителя общества» — перемена настолько же поразительная, как и неприятная для тех, кто замыслил иное.

Некоторое время Малет чувствовал себя совершенно уничтоженным. Появление на сцену двух европейских консулов было непредвиденным для него фактом. В депеше, датированной 14 июня, он жалуется

¹⁾ Б л а н т, цит. соч., стр. 314.

²⁾ Из депеши лорда Дафферина, посланной из Константинополя и датированной 16 июня, может показаться, что султан сам дал первый толчок к примирению. Он не желал допустить ни малейшего прешлога для европейского вмешательства. (Египет, № 11 (1882 г.), стр. 87.)

³⁾ Б л а н т, цит. соч., стр. 343.

своему шефу, что его германский и австрийский коллеги телеграфировали своим правительствам, выражая уверенность в том, что «единственным средством для избежания самых серьезных несчастий будет его отъезд и отбытие флота из Александрии»¹⁾. На следующий день он телеграфирует в еще более мрачном тоне: «Положение здесь такое напряженное, что совершенно необходимо предпринять что-нибудь. Повидимому в ближайшем будущем не предвидится отправки турецких войск в Александрию. Французское правительство сделает все, что в его власти, чтобы воспрепятствовать этому, а взгляды моих германского и австрийского коллег будут иметь огромное влияние на их правительства в отказе на получение от них согласия». При таком положении, он, доблестный герой, доселе считавший, что вся игра находится в его руках, сделал предложение хедиву: «созвать палату нотаблей и запросить у них о желаниях страны». Об этом он беседовал с его высочеством, и «его высочество оказывается не несклонным пойти на этот шаг»²⁾.

Это было окончательным крушением политики сэра Эдуарда Малета. Было очевидно, что он дошел до последнего предела и уже считал свое дело проигранным. Он хотел теперь найти какой-нибудь способ, чтобы выпутаться из этого затруднительного положения, которое сам создал, и в созыве палаты видел золотой мост для отступления. Лорд Гренвиль, вероятно, проклинал малодушие своего ставленника и в краткой телеграмме на следующий день предписал ему «воздержаться от советов созывать палату при настоящем положении»³⁾. И хедив сам едва ли был очень доволен поведением своего советника, в такой критический момент оказавшегося столь несостоятельным. Два консула не только реабилитировали Араби, не взирая на оппозицию Малета, но, с целью покончить с кризисом и раз навсегда развязаться с необходимостью внешней интервенции, настаивали на составлении хедивом нового министерства, не узко-национального, но в котором Араби занял бы пост военного министра, — в некотором роде компромисс между обеими враждующими партиями. И хедив, вопреки собственному нерасположению к этому и не взирая на недовольство Малета, должен был пойти на это, и 17 июня вступило в управление новое министерство с Рагемом-пашой, незначительным лицом, в качестве председателя совета, и Араби — военным министром. В своем донесении об этой новой победе своих соперников, Малет мог лишь констатировать тот факт, что хедив действовал по принуждению, так как германский и австрийский консулы дали ему 24 часа на выполнение их требования⁴⁾.

¹⁾ «Египет», № 11 (1882 г.), стр. 65.

²⁾ Там же, стр. 74.

³⁾ Там же, стр. 82.

⁴⁾ Там же, стр. 91. Эта депеша датирована 17-м июня. В тот же день Малет, покинув Каир, сел на судно в Александрии и пробыл на нем некоторое время. Это совпадение весьма любопытно. В своей книге (стр. 336—337) Блант рассказывает, что 15 июня он получил от своего агента в Каире, Сабунджи, телеграмму, с просьбой «ради бога» удалить сэра Эдуарда Малета. «Все проклинали его и убьют, если он останется», прибавлял Сабунджи. Блант тогда отправился в министерство иностранных дел и «стал упрямничать, чтобы Малету дано было распоряжение сесть на корабль». «Это было сделано», — отмечает Блант в своем

Менее чем в недельный срок дело националистов, находившееся на краю гибели, было не только спасено, благодаря интервенции обоих консулов, но и значительно окрепло. Дервиш-паша увидел, что ему больше нечего делать в Египте, и сообщил своему правительству, что всякая опасность анархии миновала. Фрейсинэ, с своей стороны, выразил уверенность, что теперь представляется «возможность уладить египетский вопрос, вступив в соглашение с Араби»¹⁾.

Созыв европейской конференции, уже назначенной, как мы видели, на конец мая, теперь казался как будто излишним. Султан с очевидной справедливостью доказывал, что *status quo* теперь восстановлено, и что, следовательно, нет надобности созывать державы для выработки плана интервенции. Казалось, что игра могла окончиться вничью. Но так только казалось. Британское правительство твердо решило разрубить Гордиев узел мечом и только ждало удобного случая, чтобы возобновить наступление. В ответ на запрос Фрейсинэ, как «уладить египетский вопрос», оно прямо заявило: «что никакое прочное и удовлетворительное положение не может быть достигнуто до тех пор, пока не будут свергнуты Араби-паша и военная партия в Египте»²⁾. В то же самое время агенты британского правительства продолжали посылать донесения, описывая ненадежность положения в стране и то негодование, которое вызывает среди туземного населения военный терроризм Араби³⁾. 20 июня лорд Гренвиль формально поставляет в известность Бисмарка через лорда Амтхилля, британского посла в Берлине, что «правительство ее величества не принимало участия в установлении настоящего положения в Египте (т.-е. в образовании министерства Ратеба-Араби) и хотя оно допускает, что такой порядок может быть полезен, как временная мера для защиты от насилия над жизнью и имуществом европейцев, но оно не считает, чтобы этим путем могло быть достигнуто в какой-либо мере разрешение политического вопроса»⁴⁾.

Однако, к разрешению «политического вопроса» в том направлении, как того желала Англия, были большие препятствия. Еще недавно были даны весьма связывающие обещания, что Европа и Турция войдут в соглашение с двумя западными державами для выработки необходимых мер

отчете, помещенном в его книге. На это замечание сэр Эдуард Малет, незадолго до своей смерти, очень обиделся. В письме в «Таймс» он утверждал, что сел на корабль не потому, что получил приказание так поступить от своего начальства, но потому, что внезапно захворал какой-то лихорадкой, от которой чуть было не умер. Теперь, узнав из книги Бланта содержание телеграммы Сабунджи, он приходит к убеждению, что в действительности он был отравлен. Такое предположение мы считаем чересчур невероятным. Если привять во внимание его большие дипломатические неудачи как раз около этого времени, то кажется более правдоподобным, что он просто свалился от своих неудач и разочарований.

¹⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. 7, стр. 293.

²⁾ «Египет». № 11 (1882 г.)

³⁾ Там же, стр. 81—88.

⁴⁾ Там же, стр. 118. Для того, чтобы допрекпить свой довод, лорд Гренвиль отдал приказ, чтобы контролеры более не посещали заседаний совета министров (стр. 131), а ведь контролеры считались чиновниками, состоящими на службе египетского правительства. Жаль, что они не были привлечены к суду за нарушениями служебной дисциплины.

воздействия, и тогда же будут приглашены на соединенную конференцию, созванную в исполнение этого обещания. Нетрудно проследить по депешам лорда Гренвиля от начала июня, как докучали ему эти обещания, и как он был бы рад уклониться от них. Уже 1 июня, т.-е. на следующий день после того, как были разосланы приглашения на конференцию, Гренвиль снова высказывает Фрейсинэ предположение, что следовало бы великим державам обратиться к султану с просьбой послать войска в Египет. На это Фрейсинэ, естественно, ответил, что прежде, чем делать это, лучше было бы сначала удостовериться, согласны ли вообще державы собраться на конференцию. Лорд Гренвиль предложил тогда, по крайней мере, включить в инструкции, которые должны были быть посланы лорду Дафферину для ведения конференции, проект обращения к султану о посылке войск в Египет. На это Фрейсинэ также не пошел, поставив и этот шаг в зависимость от получения ответов от держав. Но с ответами не спешили, так как султан все еще упорно отвергал мысль о конференции, пока не будет закончена миссия Дервиша. Тогда Гренвиль снова решил действовать за свой страх. В циркулярной депеше от 13 июня он дал инструкции британским послам, аккредитованным при дворах великих держав, попросить их правительства предложить султану «быть готовым послать хедиву достаточную военную силу, чтобы дать возможность его высочеству поддержать свой авторитет», при условии, однако, что эти войска пробудут там не более одного месяца, что никакого вмешательства в оводобы Египта не будет допущено и что вообще status quo будет сохранен, пока Европа будет занята выработкой плана реформ¹⁾. Вторично Фрейсинэ был поставлен перед fait accompli и ему предстоял выбор—принять его или отвергнуть. 14 июня Фрейсинэ сообщил лорду Лайонсу, что он очень не одобряет поступка лорда Гренвиля, так как предложение об активном вмешательстве султана непременно дойдет до сведения Порты и усилит ее нерешительность и нежелание принять участие в конференции; вместе с тем он выразил большое неудовольствие по поводу того, что опущен параграф, который обуславливал бы, что турецкие войска будут действовать в Египте под верховным начальством хедива²⁾. Для того, чтобы смягчить обиду француза, лорд Гренвиль сделал вид, что принимает во внимание его возражения, и в повторной инструкции Дафферину разрешил ему вставить соответствующий параграф, если тот сочтет это нужным. Фрейсинэ же «не желая, — как он выразился, — при таких обстоятельствах отделяться от английского кабинета», после некоторого колебания, повторил инструкции лорда Гренвиля своим послам, поместив в них в категорической форме вызвавший разногласия параграф³⁾.

Все это, надо заметить, произошло до образования министерства Рагеба, которое, с английской точки зрения, оставляло «политический вопрос» все еще неразрешенным, и единоличное выступление лорда Гренвиля 13 июня было следствием извещения об александрийском погроме.

¹⁾ «Египет», № 11 (1882 г.), стр. 59.

²⁾ Там же, стр. 68.

³⁾ Там же, стр. 73 и 79.

Нетрудно понять, что лорд Гренвиль без всякого удовольствия ожидал предстоящую конференцию и делал всевозможные усилия, чтобы предопределить ее решения, осуществляя заранее различные пункты ее программы. С своей стороны, Фрейсинэ делал все, что было в его власти, чтобы разрушить планы британского правительства, которые были настолько явны, что большинство держав заранее сомневалось в практической пользе конференции, и, говоря словами Гренвиля: «не было видно, чтобы они были очень уверены в благоразумии и целесообразности такого шага»¹⁾. 14 июня, в целях дальнейших гарантий, Фрейсинэ предложил, чтобы державы, прежде чем явиться на конференцию, подписали «самоограничительный» протокол (подобный тому, какой был подписан ими в сентябре 1880 г. относительно черногорского и греческого вопросов), в котором должно быть сформулировано обязательство «не искать в Египте никакого прибавления территории или исключительных выгод»²⁾. Лорд Гренвиль, глубоко оскорбленный таким подозрением по отношению к английским планам, сухо ответил, что он согласен. Фрейсинэ тогда принялся за работу, чтобы возможно скорее устроить конференцию. Он видел всю опасность, которая грозила в промедлении поставить Англию под контроль держав, и старался удалить все препятствия, стоявшие на пути к устройству конференции. Так как лорд Гренвиль отказался вторично предложить державам, чтобы они склонили султана согласиться на конференцию, то Фрейсинэ устроил так, чтобы, по крайней мере, попросить державы дать свое согласие собраться вместе с Турцией или без нее, и, в предупреждение другого возражения лорда Гренвиля, настоял на том, чтобы конференция собралась, если понадобится, в каком-нибудь другом месте, а не в Константинополе³⁾. Наконец, так как Бисмарк высказался против предложенного ограничения действий турецкой армии одним месяцем, то Фрейсинэ согласился на то, чтобы решение этого вопроса было предоставлено самой конференции, и только инструктировал маркиза де-Ноайля, французского посла при Порте, в том смысле, что «если произойдет турецкая интервенция, он должен войти в соглашение со своими коллегами насчет принятия мер для предотвращения перехода этой интервенции в пагубную для автономии Египта оккупацию»⁴⁾. Этот последний акт Фрейсинэ имел место 17 июня, в тот самый день, когда было восстановлено национальное министерство, и Англии не оставалось другого выбора, как отправиться на эту конференцию для разрешения «политического вопроса», причинявшего ей столько беспокойства.

¹⁾ «Египет, № 11 (1882 г.), стр. 46.

²⁾ Там же, стр. 68.

³⁾ Там же, стр. 82, 84.

⁴⁾ Там же, стр. 111.

ДИПЛОМАТИЯ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Конференция, которой предстояло окончательно разрешить египетский вопрос,—вопрос, возникший только благодаря агрессивным намерениям Англии,—собралась 23 июня 1882 г. в Константинополе, столице верховного правителя Египта, который отвергал всю эту затею, как ограничение своих прав. Нет никакого сомнения, что, по крайней мере, одна из великих держав, принимавших в ней участие, считала это дело очень серьезным. Русский министр иностранных дел Гирс в инструкциях, данных им своим уполномоченным по поводу конференции, подчеркнул необходимость при принятии решения относительно Египта поддержать европейский концерт, указав, что только так может быть разрешен этот вопрос, и что если нравственного воздействия окажется недостаточно, чтобы уладить затруднения, то концерт держав в целом должен будет решить относительно дальнейших мер. Если в этих мерах явится необходимость, продолжал Гирс, Турция будет самой подходящей державой для восстановления status quo ante в Египте, а если она откажется, то можно будет передать мандат Англии и Франции, но их войска должны будут сопровождать комиссары великих держав. После восстановления порядка, все международные обязательства Египта необходимо будет пересмотреть с целью уничтожения «Двойственного Контроля» и установления международной системы, которая давала бы гарантию против личных злоупотреблений агентов и сделала бы невозможным дальнейшее вмешательство во внутренние дела Египта¹⁾.

Излишне говорить, что Англия отправлялась на конференцию вовсе не с такими планами или намерениями. Из всех различных способов, при помощи которых можно было бы ликвидировать ненавистное национальное министерство, соединенные действия Европы были для нее менее всего приятными, так как допущение вмешательства Европы в это дело сопряжено было с опасностью для Англии потерять свое исключительное положение в Египте и навсегда лишиться возможности осуществить свои давнишние честолюбивые замыслы. Именно с целью избежать такого рокового исхода она все время старалась заставить Турцию вмешаться в дела Египта, не без основания надеясь, что сможет

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 78.

руководить действиями Турции согласно с своими интересами. Теперь, когда Англия потерпела неудачу, и конференция великих держав собралась, для нее стало ясно, что раз она не желает покорно подчиниться своей судьбе, то должна быть готова действовать за свой страх в том случае, если Турция все еще будет упорно отказываться от интервенции, или если политика великих держав примет направление, несогласное с ее планами¹⁾. Это означало бы, конечно, ссору с Францией, а, может быть, и с европейским концертом; но она надеялась, что, может быть, дело не дойдет до открытого разрыва, а во всем остальном полагалась на всеисцеляющую силу времени и способности своей дипломатии.

Но события так обернулись, что опасность и наполовину не была такой, как она казалась. Англия неожиданно нашла себе союзника в лице Бисмарка, который усматривал в этом деле самый подходящий повод, чтобы вызвать смертельную вражду между Англией и Францией, изолируя таким путем эту последнюю и получая на свою сторону первую, а для Германии обеспечивая неоспоримую политическую гегемонию в Европе. Одной из самых пагубных сторон агрессивной политики Англии относительно Египта было то, что она привела к раз'единению — в лице двух наиболее прогрессивных государств того времени — Англии и Франции, к раз'единению, которое, продолжаясь более двадцати лет, доставило Пруссии, наиболее могущественной реакционной державе в мире, преобладание в европейском концерте, и, наконец, бросила Францию в объятия России, к несчастью для народов обеих этих стран. Все это было выполнено британской дипломатией в июле и августе 1882 г. — в те роковые месяцы, когда заседала конференция.

До своего окончательного торжества, однако, Англии суждено было подвергнуться некоторому унижению, так как даже Бисмарк не желал видеть Египет всецело захваченным Англией в ущерб другим великим державам. На самом первом заседании конференции был поднят вопрос об ограничительном протоколе, а два дня спустя, на втором заседании, он был подписан всеми присутствовавшими уполномоченными. Этот протокол гласил: «Правительства, представленные нижеподписавшимися, обязуются в тех мерах, которые могут быть приняты в результате их соглашения для урегулирования дел Египта, не искать никаких территориальных приобретений или концессий с исключительными правами и никаких коммерческих преимуществ для своих подданных, которые в равной степени не могли бы получить другие госу-

¹⁾ Когда нота, содержащая вышеизложенные взгляды Гирса, была передана князем Лобановым лорду Гренвиллю, этот последний заверил посла в том, что «в политике Англии относительно Египта нет никакой заней мысли и никаких эгоистических замыслов». Он также выразил желание, чтобы «всякое действие, которое будет предпринято, имело санкцию Европы». Он не скрыл, впрочем, что «Англия делала приготовления для того, чтобы быть в состоянии действовать так, как окажется необходимым». («Египет», № 17 (1882 г.), стр. 82.) Между тем, всего за две недели перед тем Гренвиль в ответ на вопрос германского посла в Лондоне, правдоподобно ли сообщение, что делаются приготовления для отправки британских войск в Египет, заверил его, что эти сообщения «лишены основания». («Египет», № 11, 1882 г., стр. 90).

дарства»¹⁾. Это была декларация первейшей важности. Присоединяясь к ней, Англия (она-то и имелась в виду в этой декларации) обязывалась не только не аннексировать, но даже и не оккупировать Египта, хотя бы наподобие того, как в берлинском трактате это было предусмотрено в отношении Австрии к Боснии-Герцеговине, но действовать только как одна из держав, заинтересованных в разрешении египетского вопроса для общей выгоды и пользы. То, как Англия выполнила это обязательство, представляет один из величайших скандалов в истории международных отношений. Неудивительно, что историки-апологеты тщательно воздерживаются от упоминания об этом компрометирующем документе²⁾.

Конференция сделала еще одну попытку, чтобы помешать агрессивной политике Англии. 27 июня, на третьем заседании конференции, итальянский уполномоченный внес предложение, «чтобы было принято постановление о том, что, пока продолжается конференция, державы должны воздерживаться от всяких изолированных действий в Египте». Это опять-таки имело в виду Англию, которая, как было известно, делала военные приготовления. Это предложение было принято, но с оговоркой, сделанной лордом Дафферином и маркизом де-Ноайлем, о *force majeure*, в случае, например, необходимости защищать жизнь своих подданных. Эта оговорка, — доносил лорд Дафферин своему шефу, — «была прибавлена с целью предоставления полной свободы действий нашим правительствам в случае какой-нибудь крайности... Мы не придаем, — дополняет хитрый дипломат, — большого значения предложению итальянского посла после того, как оно подверглось изменению от внесения этой оговорки»³⁾. Гренвиль, однако, не удовлетворился этим толкованием, которое явно брало на себя слишком много. Он телеграфировал поэтому лорду Дафферину, инструктируя его при случае заметить своим коллегам, что он понимает термин «*force majeure*» в более широком смысле, чем просто необходимость защиты жизни английских подданных⁴⁾. Лорд Дафферин немедленно исполнил это на четвертом заседании конференции. Возник вопрос о том, как быть, если султан, игнорируя конференцию, по собственной инициативе пошлет войска в Египет. Один из делегатов заметил, что английская и французская эскадры в Александрии легко могли бы помешать таким действиям со стороны султана, воспрепятствовав высадке турецких войск. На это маркиз де-Ноайль заметил, что «так как конференция собралась, то подобное вмешательство английского и французского флотов исключается». Лорд Дафферин немедленно воспользовался представившимся случаем. Такой шаг со стороны султана, заявил он, как раз был бы одним из тех случаев *force majeure*, которые имелись в виду в оговорке, прибавленной к итальянской резолюции, «как это было бы, если бы грозила опасность Суэцкому каналу или произошла какая-нибудь дру-

¹⁾ «Египет», № 17, (1882 г.), стр. 33.

²⁾ В «беспристрастном» повествовании лорда Кромера ни одним словом не упоминается об этом протоколе.

³⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 47 и 48.

⁴⁾ Там же, стр. 49.

тая неожиданная или опасная перемена в политическом положении, угрожающая специальным интересам»¹⁾. Такое толкование лишало резолюцию всякого значения, но делегаты, по невниманию или потому, что получили соответствующие указания со стороны Бисмарка, позволили замечанию Дафферина пройти без возражений. Лорд Дафферин выиграл свое дело.

Между тем, главный вопрос, ради которого была созвана конференция, также весьма старательно обсуждался. Лорд Дафферин неизменно открывал заседания чтением многочисленных депеш из Каира, описывавших тревожное положение там, скандальное поведение «комедиантского министерства», как он называл кабинет Рагеба, наглость военной партии, которая, «переходя от насилия к насилию», дошла до мятежей, возмущений и узурпаций, растущую анархию и разруху, неминуемое нарушение международных обязательств и пр., в обще-принятом стиле дипломатии нашего времени. Его коллеги обычно слушали с плохо-скрываемым скептицизмом, некоторые даже замечали, что не могут согласиться с такой оценкой²⁾. Однако они вскоре приняли предложение лорда Дафферина, от которого, надо заметить, маркиз де-Ноайль открыто отделился³⁾, потребовать у султана военной интервенции, так как они прекрасно видели, что Англия упорно стоит на своем желании добиться изменения положения в Египте. Вопрос был только в том, каким путем лишить такую интервенцию возможности превратиться в узурпацию со стороны султана или Англии. Дафферин доказывал, что это весьма просто. Хедиву лишь стоило распустить настоящее министерство, назначить Дервиша-пашу военным министром, поставить турецкие войска под начальство этого последнего, восстановить «Двойственный Контроль», и дело будет сделано. Делегаты, однако, не согласились на это предложение и справедливо указывали, что султан никогда не согласится одолжить свои войска на таких унижительных условиях. Предложения маркиза де-Ноайля встретили более сочувствия. Французский посол предложил следующие условия в связи с отправкой турецких войск в Египет: формальное требование об этом великих держав, обращенное к султану, обязательство этого последнего восстановить status quo, никакого вмешательства в фирманы и привилегии Египта, никакого определенного ограничения времени оккупации, никакого вмешательства, в продолжение ее, во внутренние дела Египта и никакого ограничения прав и авторитета хедива⁴⁾. Делегаты согласились с этими условиями, кроме срока оккупации и обращения с «требованием» к султану. Указывалось на то, что Порта не примет «требования», а неограниченная временем оккупация будет представлять слишком большую опасность для Египта. Лорд Дафферин также яростно выступил против последнего пункта. Наконец, получила одобрение мысль о такой идентичной ноте, которая бы приглашала султана отправить

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 57.

²⁾ Там же, стр. 31—32.

³⁾ Там же, стр. 56. Маркиз де-Ноайль ясно установил, что это предложение исходило от британского правительства и отнюдь не было англо-французским.

⁴⁾ Там же, стр. 56.

войска в Египет и в вежливой форме перечисляла те условия, при соблюдении которых великие державы полагали, что он выполнит возложенную на него задачу. Точная формулировка этих условий была установлена на седьмом заседании конференции 6 июля ¹⁾. «Великие державы вполне уверены, что во время пребывания оттоманских войск в Египте нормальный status quo будет поддерживаться и что не будет никакого вмешательства в иммунитет и привилегии Египта, гарантированные предшествующими фирманами, ни в регулярные действия администрации, ни во внутренние порядки и отношения, проистекающие отсюда. Пребывание имперских войск в Египте, начальники над которыми будут действовать в согласии с хедивом, ограничивается трехмесячным периодом, в том случае, если хедив не потребует, чтобы срок был назначен соглашением с Турцией и великими державами. Расходы по оккупации возлагаются на Египет... Если султан, как надеются державы, примет обращение к нему великих держав, применение статей и условий, перечисленных выше, составит предмет последующего соглашения между шестью державами и Турцией».

Это «обращение» было подписано всеми делегатами и послано ими на утверждение их правительствам. Ясно, что перечисленные в нем условия, на которых должна была произойти оккупация Египта Турцией, были не таковы, чтобы получить одобрение британского правительства. Англия, первенствующая держава, подготовившая весь этот план интервенции, была совершенно унижена этим включением в число «шести держав», а замена британского правительства европейским концертом, в качестве договаривающейся стороны с Турцией по вопросу об определении подробностей применения статей ноты, делала всякую манипуляцию действий Турции в интересах Англии делом чрезвычайной трудности. В то же время не могло быть никакого сомнения в том, что Турция примет условия ноты, во-первых, потому, что ее самолюбие, суверенные права над Египтом были вполне ограждены, а во-вторых, потому, что всем было ясно, что в случае ее отказа великие державы наверняка будут действовать без нее. И действительно, конференция уже обсуждала такую возможность, но окончательное решение было отложено из уважения к Порте ²⁾.

При таких обстоятельствах Англия решила действовать раньше, чем последует ратификация ноты правительствами и вручение ее султану. В опубликованных официальных документах нет никакого указания на то, чтобы британское правительство было уже в то время в тайном соглашении с князем Бисмарком. По всей вероятности, они существовали, но, как неудобные документы, остались в тайниках канцелярий. Во всяком случае было очевидно, что Англия решила поставить великие державы перед таким совершившимся фактом, который превратил бы принятую ими ноту в простой клочок бумаги, и показать им, что во всех мерах, которые могут быть приняты для разрешения египетского вопроса, Англии должна быть предоставлена первенствующая

1) «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 94.

2) Там же, стр. 68—69.

щая роль. Это, конечно, был рискованный шаг с ее стороны, но он удался, как удаются вообще все смелые предприятия могущественных держав.

Таким действием Англии было не что иное, как бомбардировка Александрии. Предлогом для этого была использована постройка фортов, которая угрожала иностранному флоту, — предлогом, который так остроумно был высмеян Ричардсом в парламенте. «Положим, я вижу, — сказал он, — какого-нибудь подозрительного человека, который бродит вокруг моего дома с явно злостными намерениями. Я спешу запереться от него на замки и засовы и забаррикадировать свои окна, а он, этот злоумышленник, усматривает в этом оскорбление и угрозы по своему адресу, выламывает мои двери и заявляет, что поступает так только в интересах самозащиты»¹⁾. И действительно, не было ничего явно лицемернее того предлога, который был найден англичанами для бомбардировки Александрии, — города, имеющего огромное коммерческое значение, с населением, превышавшим сто тысяч человек. Еще 29 мая сэр Бичам Сеймур (впоследствии получивший за свои заслуги титул лорда Олвестра) сообщил в адмиралтейство, что египтяне воздвигают укрепления в александрийском порту. Тотчас же, 3 июня лорд Гренвиль сделал из этого совершенно законного действия независимого государства, которому к тому же угрожал иностранный флот, предмет для запроса Порте, которая через три дня прислала ответ, что никакой постройки новых укреплений, ни их вооружений не производилось, что вопрос был только об их ремонте, но и он, по приказанию Порты, приостановлен. В то же время Порта выразила надежду, что «командующие англо-французским флотом будут тщательно избегать всего, что может вызвать хотя бы самый незначительный конфликт»²⁾. Целый месяц прошел после этого. 1 июля работы на укреплениях возобновились, и были сделаны приготовления, чтобы запереть фарватер. Гренвиль тотчас же телеграфирует Дафферину, выражая большое неудовольствие по поводу медленного хода работ конференции³⁾ и указывая, что державы должны предъявить султану ультиматум или войти в обсуждение других решительных мер, и в то же время посылает адмиралу Сеймуру приказ поставить в известность военного губернатора Александрии, что «всякая попытка загородить фарватер будет рассматриваться, как враждебный акт», который приведет к бомбардировке фортов⁴⁾. Таким образом британское правительство одновременно проявило самостоятельность действий и понуждало конференцию, чтобы она воздействовала на активность Порты. Как бы для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность задуманного акта, Гренвиль в своей депеше к адмиралу Сеймуру указал также на необходимость, прежде чем начинать враждебные действия, пригласить к совместным действиям французского адмирала; но, прибавляя он, «вы не должны откладывать открытия действий согласно этой инструкции из-за того, что французы откажутся присоеди-

¹⁾ Hansard. «Парл. отчеты», т. 272, 1882 г., стр. 1778.

²⁾ «Египет», № 11 (1882 г.), стр. 22.

³⁾ Там же, № 17 (1882 г.), стр. 70.

⁴⁾ Там же., стр. 74.

ниться»¹⁾. Французы отказались присоединиться. Как раз за несколько дней перед этим Фрейсинэ, отвечая на интерпелляцию в палате относительно пребывания французского флота в водах Александрии, объяснил, что флот находится там исключительно для защиты интересов «наших националов», и, отказываясь входить в какие-либо подробности относительно задуманных мероприятий, прибавил: «но есть мероприятие, которое я исключаю, это — французская военная интервенция в Египте»²⁾. Согласно с этим, он заявил лорду Лайонсу, что французский адмирал «никоим образом не может присоединиться к английскому адмиралу, чтобы силой остановить сооружение батарей и установку орудий в Александрии»³⁾. С своей стороны, военный губернатор энергично отрицал принятие мер для ограждения фарватера. Но адмирал Сеймур, подобно волку в басне, не хотел позволить своей жертве избежать уготованной ей судьбы. 6 июля он посылает военному губернатору другую ноту с кратким требованием прекратить военные приготовления, а через четыре дня предъявляет ему ультиматум, предоставляя ему двадцать четыре часа на подчинение поставленным требованиям.

Здесь надо отметить один важный факт. Так как в то время конференция обсуждала меры для понуждения султана к интервенции, — в действительности решение уже было достигнуто, и только ожидалась ратификация правительствами, — этот неслыханный акт вторжения со стороны британского правительства мог быть оправдан только доводами *force majeure*. Но нельзя было выставить, в качестве оправдания, опасность, угрожавшую жизни и имуществу британских подданных, по той простой причине, что таковой опасности не существовало. С начала июня и в продолжение всего этого месяца британские консульские агенты, действовавшие по соглашению с адмиралом Сеймуром, высылали британских подданных из Египта, а те или укрывались на кораблях, или уезжали в Англию⁴⁾. Этим вместе с тем подтверждается и то свидетельство, которое мы имеем из непосредственного источника, что бомбардировка Александрии была решена еще в начале июня⁵⁾. Вот при каких обстоятельствах, как мы сказали, была выдвинута как в официальных депешах, так и в парламенте, доводом в защиту произведенных наступательных действий необходимость самозащиты. «Шаг, принятый нашим адмиралом, — писал в циркулярной депеше от 10 июня лорд Гренвиль британским послам за границей, — является не чем иным, как только актом простой и законной самозащиты, и он будет выполнен именно с этой целью и без каких либо других скрытых целей с нашей стороны»⁶⁾. Чтобы получить, однако, правильное понятие об истинности этого довода, а также о фактическом обосновании его, стоит только обратиться к телеграмме, отправленной 8 июля лордом Даффе-

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 74.

²⁾ Там же, стр. 8. «Mais il y a un moyen que j'exclus, — ce moyen c'est une intervention militaire française en Egypte».

³⁾ Там же, стр. 83.

⁴⁾ Там же, стр. 98, 101, 110.

⁵⁾ Блант, цит. соч., стр. 364.

⁶⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 114.

рином своему начальству, в которой посол передавал свою беседу с турецким министром иностранных дел. Министр обратился к нему с настоятельной просьбой убедить лорда Гренвиля отдать приказ адмиралу Сеймуру не предпринимать ничего опрометчивого в Александрии, а лорд Дафферин, обернув оружие против него, спросил: «Почему же там нет султана с его войсками, чтобы поддержать порядок?» — «Я тогда заметил ему, — сообщает лорд Дафферин, — что если он может дать какую-нибудь гарантию в том, что султан будет действовать согласно с нашими желаниями, то мое представление вам в желательном для него смысле, вероятно, найдет благосклонное отношение, но что простое, ни на чем не основанное требование не будет очень веским»¹⁾. Другими словами, необходимость самозащиты была такой настоятельной, опасность, угрожавшая флоту от орудий на александрийских фортах была так велика и неизбежна, что лорд Дафферин был готов, — и он имел основание говорить так — предложить задержать исполнение отданных генералу Сеймуру приказаний бомбардировать форты, если только Турция согласится играть ту роль, какую от нее требовала Англия! Едва ли можно желать более убедительного доказательства, что бомбардировка Александрии не имела иной цели, как только спровоцировать и поставить великие державы перед новым «свершившимся фактом».

Не мешает обратить внимание еще на один факт. В то время как британское правительство плело свою сеть интриг, Египет, насколько это было возможно, мирным образом управлялся национальным министерством, в дела которого уже не вмешивались со стороны, так как Малет, как упомянуто выше, находился на корабле адмирала Сеймура, а оба контролера, по совету Малета и с согласия лорда Гренвиля, прекратили свою деятельность 22 июня. Правда, в самом начале июня была сделана попытка подкупить Араби, чтобы он покинул Египет²⁾, но так как она потерпела неудачу, то министерство уже более не беспокоилось самозванными советчиками и контролерами. Хедив, однако, остался в Каире, продолжая свои тайные сношения с англичанами, и когда был пред'явлен ультиматум адмиралом Сеймуром, он был одним из наиболее решительных сторонников сопротивления³⁾. Весьма вероятно, даже вполне очевидно, что если бы даже он оказался склонным подчиниться требованиям Сеймура, то министерство все равно решило бы оказать сопротивление англичанам. Это, однако, не изменяет того факта, что он играл в то время роль провокатора и что последовавшее обвинение националистов в восстании против хедива было совершенно ложным⁴⁾.

19 июня произошла бомбардировка Александрии. Она началась рано утром и продолжалась почти десять часов. Египетские орудия смолкли, и после полудня гарнизон оставил укрепления. Через два дня

¹⁾ «Египет», стр. 104.

²⁾ Блант, цит. соч., стр. 331. Одно предложение о получении 4.000 ф. ст. в год исходило от Рогшильдов, другое — в размере 6.070 ф. ст. в год — от французского правительства. Конечно, практика подкупов известна только одному Востоку!

³⁾ Там же, стр. 379.

⁴⁾ Там же, стр. 381.

✓ произошла высадка британских матросов, а 15-го город был формально в руках победителей. В эти дни в городе начался пожар, — одни говорят, от снарядов британского флота, что более вероятно, или, как говорят другие, от поджога, произведенного отступавшими египетскими войсками, что менее правдоподобно. Это не столь важно, как и то, что во время следовавших беспорядков произошли грабежи и несколько человек было убито и ранено. Важен тот явный факт, что Англия совершила не имеющий себе прецедента варварский акт и нарушение международного права, за что дорого поплатилась бы более слабая держава.

Как бы то ни было, но результат этого акта был именно тот, на какой рассчитывала Англия. Весь мир признал, что вторжение англичан в Египет было неизбежным, и это еще более было подкреплено тем взрывом энтузиазма, с каким все классы британского населения встретили мысль о военной экспедиции в Египет. Либералы, радикалы, нонконформисты и квакеры, все наперерыв требовали немедленной войны с «мятежной» военной кликой Каира, тогда как тори, как это и подобает оппозиции, присоединили к ним свои сдержанные, но не менее сочувственные голоса. Только небольшая группа честных людей различных политических взглядов, как Блант, с одной стороны, и Фредерик Гаррисон, с другой, осмелились выступить против этого джингоистского духа, но, естественно, без результата. Джон Брайт вышел из кабинета в виде протеста против бомбардировки Александрии, но лица, имевшие репутацию радикалов, как мистер (потом лорд) Морлей, бывший тогда редактором «Паль-Маль Газет», и сэр Чарльз Дильк, тогда товарищ министра иностранных дел, все стояли за войну. Это было плачевное крушение репутаций и убеждений, еще более поразительное, чем это было в эпоху бурской войны. Тотчас же после бомбардировки парламент вотировал, при несочувствии лишь небольшой группы благородных лиц, возглавлявшейся сэром Вильфридом Лоусоном и сэром Джорджем Кэмпбеллем, необходимость военных кредитов, и немедленно были отправлены в Египет войска с Мальты, из Индии и других мест.

Конечно, основная причина всех этих волнений и настоящая цель, ради которой должна была вестись война, — т.-е. интересы держателей бонов, — были в данный момент позабыты, а те, кому надлежало сие ведать, находили лучшим скрыть их. Стали кричать, что честь Англии связана с поддержкой авторитета хедива и с охраной международных обязательств Египта, и хотя в действительности ни тому, ни другому ничто не угрожало, кроме как со стороны самих же англичан, и хотя широкой публики и тот и другой «ужасные» вопросы столь же мало касались, как и подвиги китайских мандаринов, эти лозунги, тем не менее, перешли (как это обычно бывает с такими бессмысленными лозунгами) к невежественным толпам на улицах.

Подобие правды этим притворным претензиям придал тот факт, что как только Александрия попала в руки англичан, хедив, который сам же подстрекал к сопротивлению, постарался при помощи хитрости убежать из Рамлейского дворца и присоединиться к адмиралу Сеймуру. В своем убежище, Раз-эль-Тинском дворце в Александрии, он даже имел

смелость потребовать к себе Араби, якобы для переговоров о сдаче Александрии англичанам, на самом же деле, как доносил Картрайт, заместитель сэра Эдуарда Малета, для того, чтобы арестовать его в случае его прихода, или объявить вне закона в случае его неявки¹). Конечно, Араби не явился на этот вероломный зов. Немедленно после бегства Тьюфика, хотя Араби все еще пребывал в Александрии, все нотабли государства, князья, провинциальные губернаторы и представители всех религиозных общин, включая коптскую и израелитскую, собрались и образовали национальный совет для управления страной; Араби был поставлен во главе военного дела, в качестве военного министра и главнокомандующего²). 22 июля хедив издал декрет, в котором Араби отрешался от должности и назначалось новое министерство со старыми сторонниками англичан, Шерифом, в качестве председателя кабинета, и Риазом, в должности министра внутренних дел. На этот декрет, однако, не было обращено никакого внимания. Национальный совет объявил хедива, оставившего свой народ и перешедшего на сторону врага, лишенным престола. Араби и его товарищи были теперь представлены как настоящие «мятежники» против своего законного повелителя, хотя никто не задавался вопросом, может ли законный повелитель покинуть свой народ в такой критический момент.

Теперь остается только посмотреть, какое впечатление произвела бомбардировка Александрии на так называемый концерт европейских держав, и выяснить те средства, при помощи которых Англии удалось устранить их контроль и достигнуть главной цели своих стремлений — единоличной оккупации Египта.

¹) Блант, цит. соч., стр. 388 и 392—393.

²) Там же, стр. 383.

ГЛАВА XV

ЗАХВАТ ЕГИПТА

Немедленно по получении телеграммы от адмирала Сеймура, в которой он извещал о начале бомбардировки Александрии, Гренвиль отправил Дафферину для сообщения его коллегам длинное exposé с подробным изложением событий, приведших к настоящему акту, которое заканчивалось следующими многозначительными словами: «Правительство ее величества не имеет другого выбора, как прибегнуть к силе для того, чтобы положить конец положению, ставшему невыносимым. По его мнению, было бы наиболее удобным и вполне согласным с общими принципами международного права и обычая, чтобы такой силой явилась суверенная держава. Если такой способ действия окажется неисполнимым, вследствие нежелания султана, то станет необходимым прибегнуть к другим мерам. Правительство ее величества продолжает держаться того взгляда, который был выражен в его циркуляре от 11 февраля, что всякая интервенция в Египте должна быть коллективным актом и проявлением авторитета Европы» ¹⁾).

Это обращение к принципам международного права и обычая, так же как и повторенное желание о совместных европейских действиях в Египте, особенно интересны при свете деяний адмирала Сеймура. Мы скоро также увидим, какая цена была этому высказанному беспокойству, возьмет ли Турция на себя обязанность покарать мятежных египетских националистов. Значение вышеприведенных слов — не в лицемерных заявлениях и ссылках, а в указании, что война с Египтом теперь стала неизбежной, и что если Турция откажется вести ее, то необходимо будет найти «другие меры». Каковы эти меры, оставалось нераскрытым, но в виду акта 11 июля и последовавших вслед за этим военных приготовлений не оставалось никакого сомнения в том, что Англия намеревалась настаивать или на получении ею особого мандата, или, по крайней мере, на таком акте, который обеспечил бы для нее первенствующую роль в надвигающихся событиях.

Россия отнеслась очень серьезно к самовольным действиям Англии. Что пользы в конференции, раз Англия ставит себя на место европейского концерта? Россия послала своим делегатам приказ оставить кон-

¹⁾ «Египет», № 10 (1882 г.), стр. 173.

ференцию, заявив, что «его императорское величество согласен принимать участие в конференции, доколе ее решения будут приниматься самостоятельно, но не желает просто соглашаться с совершившимися фактами»¹⁾. Другие державы, однако, придерживались, под влиянием Бисмарка, более снисходительного взгляда на вещи. По некоторым соображениям они не желали дать Англии формального мандата. Во-первых, в таком случае, такой же мандат пришлось бы выдать и Франции, что нарушило бы политические расчеты Бисмарка, а во-вторых, гораздо выгоднее было не брать на себя ответственности за те действия, которые могла бы совершить Англия, так как это оставило бы за великими державами право обуздать ее, когда явится в том необходимость. Не желая дать Англии формального мандата, Бисмарк в то же время уже вел с ней переговоры насчет того, чтобы предоставить ей право действовать на свой страх, и 20 июля лорд Дафферин имел возможность донести своему шефу о своем разговоре с германским уполномоченным насчет того, «что северные державы никогда не дадут своего согласия на мандат, что для нас было бы лучше сразу начать действовать самостоятельно, и что все понимают, что под условие, которое мы обозначили термином *forse majeure*, подойдут все действия, которые мы будем вынуждены предпринять в Египте»²⁾. В том же смысле высказался также граф Кальноки, австрийский министр иностранных дел, заявив, что ничего не будет иметь против того, чтобы Англия или Франция начали действия, при условии только, что они будут действовать не по мандату от Европы. «Англия и Франция,—добавил он,—придерживались по отношению к Египту такой политики, которую он не всегда был в состоянии одобрить, и она-то привела к настоящим затруднениям, от вмешательства в которые он желал бы, поскольку это возможно, воздержаться»³⁾.

Это было даже больше того, чего домогалась Англия. Она, конечно, предпочла бы отправиться в Египет с формальной санкцией великих держав, как это сделала несколько лет тому назад Австрия в Боснии и Герцеговине. Свободу ее действий это не ограничило бы, а оккупацию страны сделало бы более надежной. Но так как это было невозможно, то британское правительство собралось с духом и решило действовать за свой страх. Приведенные выше беседы имели место 20 и 21 июля, а на следующий за ними день правительство внесло билль о военных кредитах, которые были немедленно даны.

Оставался, однако, как и прежде, турецкий вопрос. 15 июня делегаты конференции получили ратификацию идентичной ноты, и в тот же день нота была представлена Порте. Несмотря на явную опасность, которая угрожала от действий Англии, Порта все еще колебалась, и 19 июля Гренвилль телеграфировал Дафферину, инструктируя его предложить конференции дать султану двенадцать часов на размышление, в противном случае приступить к рассмотрению других способов действий⁴⁾. Но Порте уже стало известно о переговорах, которые велись

¹⁾ «Египет», стр. 259—260.

²⁾ Там же, стр. 216.

³⁾ Там же, стр. 202.

⁴⁾ Там же, стр. 165.

между Англией и Германией, и в тот же самый день она поставила в известность послов, что принимает ноту и пришлет своего представителя на следующее заседание конференции.

Упорство Турции было, наконец, сломлено, и теперь дела могли идти гладко, согласно программе, намеченной конференцией. Войска могли теперь быть мобилизованы, и великие державы могли притти к соглашению с Турцией относительно детального применения статей идентичной ноты. 24 июля турецкие делегаты впервые появились на конференции и сделали формальное заявление о принятии предложения отпустить войска в Египет, а два дня спустя, на следующем заседании конференции, они сообщили, что войска готовы к отплытию.

Но Турция производила расчет без хозяина. Англия имела согласие Бисмарка и Кальноки и вовсе не хотела, чтобы Турция вытеснила ее из долины Нила; 15.000 английских войск были уже в пути в Александрию, и несколько дней спустя произошла высадка первых отрядов. Тон британского правительства внезапно претерпел изменение. Узнав о принятии Турцией идентичной ноты, Гренвиль телеграфировал Дафферину, что султан мог бы рассчитывать «вернуть себе доверие правительства ее величества, только немедленно высказавшись в пользу хедива и об'явив Араби-пашу мятежником» ¹⁾. Концерт европейских держав, как договаривающаяся сторона, был, таким образом, внезапно устранен, покровительственный тон занял место прежнего признания неоспоримого авторитета Порты, и самовольно было введено новое условие, которое совершенно отсутствовало в ноте, выработанной конференцией. Султан, конечно, возмутился, но его протесты не находили отголоска среди делегатов великих держав. Их правительства, в том числе и русское, уже порешили предоставить Англии действовать, как ей заблагорассудится, под ее ответственностью, но не давая ей требуемого мандата на охрану Суэцкого канала. 27 июля Гренвиль поставил в известность Фрейсинэ, что «правительство ее величества, принимая сотрудничество Турции, будет продолжать, однако, уже начатые действия» ²⁾. Это было равносильно об'явлению, что британское правительство предлагает ни во что не ставить решения конференции, выраженные в идентичной ноте, что Англия сама возьмет на себя обязанность, которая была поручена Турции, и что в лучшем случае этой последней будет разрешено только «сотрудничать». То же самое было высказано Гренвилем и в депеше от 28 июля, адресованной лорду Дафферину, как бы в продолжение депеши от 11 июля, в которой он после обзора событий, имевших место со времени бомбардировки, заявляет, что, сохраняя за собой свободу действий, которые под давлением событий могут оказаться необходимыми и целесообразными, правительство ее величества в то же время будет радо сотрудничеству любой державы, которая будет готова его предложить» ³⁾. Тут слово «Турция» даже и не упоминалось—она включалась в общий термин «любая держава», «сотрудничество» которой

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 188.

²⁾ Там же, стр. 234.

³⁾ Там же, стр. 240.

будет во всякое время желательно британскому правительству. На самом деле, в то время Англия уже вела переговоры с Италией по поводу ее «сотрудничества» на Ниле. 22 июля Гренвиль, прекрасно знавший отношение французского правительства к вопросу о военной интервенции, предложил Фрейсинэ в том случае, если Турция откажется подчиниться условиям, поставленным Англией, выступить на конференции с общей декларацией, что «так как они находят необходимым немедленные действия для предотвращения дальнейшей потери жизней (!) и прекращения анархии (!), то они намерены в том случае, если у конференции нет иного плана, вступить в обсуждение с третьей державой, если то будет возможно, военных средств для разрешения вопроса»¹⁾. Фрейсинэ, конечно, отказался «переступить пределы сотрудничества, ограниченного защитой Суэцкого канала», но не возражал против того, чтобы Англия обратилась к Италии (это и была третья держава, о которой Гренвиль упоминал в своей депеше) для привлечения к участию в военной интервенции²⁾. Теперь, имея все козыри в руках, британское правительство обратилось к Италии с настоятельным предложением отправить войска совместно с британской оккупационной армией, без сомнения полагая, что разделенная вина будет виной наполовину. Но заполучить итальянское правительство для такой цели оказалось невозможным. «Я не могу, — ответил 30 июля Маннини, итальянский министр иностранных дел, — не рискуя быть непоследовательным, при настоящих условиях вступать помимо конференции в переговоры об интервенции, о которой та даже не была поставлена в известность»³⁾. Указанный предлог был, конечно, формальным, так как конференция прекрасно знала, что происходит, но ввиду того, что действия Англии были неофициальными, Италия, равно как и союзницы ее, Германия и Австрия, тщательно избегали всякого подобия официального согласия для того, чтобы ответственность падала всецело на Англию. На этом и прекратились переговоры с Италией.

Между тем переговоры с Турцией все еще продолжались. Британскому правительству неудобно было прекратить их без благовидного предлога, — особенно еще и потому, что надо было выиграть время для того, чтобы прибыли все войска и начались военные операции. К тому же — и это, по всей вероятности, было главнейшим соображением — Англии очень хотелось, чтобы Араби был объявлен мятежником самой Турцией, суверенной державой: это придало бы правдоподобие ее доводам, что ее вмешательство имеет целью защиту авторитета законного правителя Египта и самого султана. 28 июля Порта согласилась на предложение объявить Араби мятежником, но выразила в то же время надежду, что «настоящая оккупация Египта иностранцами прекратится, как только имперские оттоманские войска придут в Александрию»⁴⁾. Гренвиль, однако, не захотел согласиться с этим и потребовал ответа, согласна ли Порта действовать заодно с британскими войсками,

1) «Египет», № 17, (1882 г.), стр. 194.

2) Там же, стр. 211.

3) Там же, стр. 255.

4) Там же, стр. 247—248.

а также выпустить прокламацию против Араби еще до отправки оттоманских войск. Порта тогда дала согласие на то, чтобы английские войска оставались в Египте, но настаивала на том, чтобы, по восстановлении порядка, они удалились одновременно с турецкими. Что же касается прокламации против Араби, то Порта была готова издать ее до высадки оттоманских войск в Египте ¹⁾. Ничто не могло быть справедливее этого предложения, которое охраняло Египет от английской узурпации, но Гренвиль не хотел и слушать его. Прокламация против Араби должна быть выпущена немедленно, даже до посадки войск на суда; что же касается условий пребывания войск обеих держав, то они должны быть урегулированы специальным соглашением между ними ²⁾. Впрочем, Гренвиль предлагал своему послу (2 августа) поставить в известность конференцию, «что раз имевшаяся в виду военная цель достигнута, британское правительство обратится к содействию держав для поддержания на будущее время хорошего управления Египтом» ³⁾. Лорд Гренвиль полагал, что этого будет достаточно для того, чтобы рассеять опасения Турции относительно узурпации со стороны Англии. Но Турция не хотела принять таких пустых обещаний от державы, которая столько раз нарушала данное слово. И действительно, уже одно требование особого соглашения для определения характера и пределов сотрудничества между войсками обеих держав было новым нарушением соглашения европейского концерта, который в своей ноте имел в виду коллективный договор с Турцией всех шести великих держав. Англия узурпировала себе не только мандат, выданный на условиях, указанных в ноте, одной только Турции, но и присвоила себе права европейского концерта в его целом. Турецкие делегаты на конференции, однако, тщетно протестовали против этих самовольных требований. Лорд Дафферин сделал то заявление, о котором инструктировал его шеф, и конференция перешла к порядку дня, в котором заключался вопрос о Суэцком канале. «Так как со стороны великих держав и Турции, — доносил Дафферин в свое министерство, — по поводу этого заявления никакого несогласия не было выражено, то очевидно, что наши действия получили признание всех участников конференции» ⁴⁾. Эта интерпретация отношения великих держав и Порты к действиям Англии была таким же ловким ходом, как и жалоба, которую этот хитрый дипломат представил несколько дней спустя конференции по поводу того, что Порта, в сущности, еще не дала окончательного ответа на ноту держав! ⁵⁾.

В конце концов Порте пришлось уступить по всем спорным пунктам. 9 августа Порта представила через своего посла в Лондоне проект военного соглашения, в котором предусматривалось пребывание турецких войск в Египте в течение трех месяцев, ведение ими военных операций и оставление английских войск в Александрии. Все пленные подлежали передаче хедиву, а подробности кампании и дальнейшего управ-

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 262.

²⁾ Там же, стр. 265.

³⁾ Там же, стр. 260.

⁴⁾ Там же, стр. 328.

⁵⁾ Там же, стр. 234.

вления должны были установить совместно по соглашению турецкий и английский командующие войсками¹⁾). Конечно, этим притязаниям не придали никакого значения. В своем контр-проекте Гренвиль устанавливал, что турецкая армия, не свыше 5.000 человек, должна будет высадиться в определенном месте и оставаться под начальством своего собственного главнокомандующего, но при нем будет состоять английский комиссар; никакие передвижения и диспозиции ее не могут иметь места без согласия на то английского главнокомандующего, а эвакуация войск может произойти лишь одновременно с британскими войсками, только по выполнении возложенных задач²⁾). Другими словами, турецким войскам отводилась роль лишь вспомогательных войск, а ведение кампании, как и установление последующего распорядка, должно было находиться в руках англичан.

Нет надобности описывать нудные, лишенные смысла переговоры, последовавшие по поводу этих предложений. Мы называем их бессмысленными, потому что в то время, как они велись, английские войска уже были заняты операциями на Ниле; и обе стороны сознавали, что с каждым моментом цель, ради которой вырабатывалось соглашение, все более исчезала. Британское правительство не хотело поступиться ни одним из своих условий, тогда как Порта, желавшая сохранить свои суверенные права, делала все, чтобы понудить противника смягчить их. Переговоры тянулись целый месяц, и только 13 сентября лорд Дафферин получил инструкцию подписать соглашение. Но это произошло в день Тель-эль-кебирской битвы, которая положила конец египетскому вопросу! Гренвиль мог вполне резонно телеграфировать Дафферину с плохо скрываемой иронией, что он полагает, «что раз миновал критический момент, то его величество султан, пожалуй, не сочтет нужным посылать свои войска в Египет»³⁾).

Таким образом, переговоры окончились впустую. Султан хотел узаконить свое положение в Египте и отправить войска *post factum*, но британское правительство отказалось от этого предложения. Так как «надобность в предполагавшемся военном соглашении,—писал пять дней спустя после сражения при Тель-эль-Кебире⁴⁾ Гренвиль Дафферину,—между нами и Турцией миновало, то правительство ее величества выражает удовольствие, что более нет надобности обсуждать те затруднения, которые были выдвинуты султаном. Поэтому мы уполномочиваем Вас в самой вежливой форме сообщить султану о полученном Вами разрешении прекратить переговоры по этому вопросу».

Давно тянувшаяся комедия с турецкой интервенцией пришла к концу. Впоследствии появилось много всяких апологий, в которых старались снять с Англии обвинение в двуличности и всю вину возложить на Турцию, которая-де, благодаря упорству, утратила свое положение в Египте. Но совершенно незачем непременно становиться на сторону Турции для того, чтобы почувствовать презрение к поведению

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 316.

²⁾ Там же, стр. 310.

³⁾ Там же, стр. 67.

⁴⁾ Там же стр. 69.

британского правительства. Турция, без сомнения, совершила крупную ошибку с точки зрения ее собственных политических интересов, уклонившись на первых порах от вмешательства в дела Египта. Ту же ошибку совершила и Франция, когда заявила устами Фрейзинэ, что последним средством интервенции с ее стороны будет отправка войск в Египет. Когда, таким образом, обе главные заинтересованные державы сами добровольно себя устранили, то естественно, что восторжествовала Англия, не обладавшая такой разборчивостью в средствах. Но главное, надо помнить, что как только для Англии стало ясно, что Турция, в конце концов, согласится на вмешательство, она сама поспешила вмешаться при помощи беспримерно варварских и вероломных действий, после чего турецкая интервенция должна была свестись к простому содействию, без тех прав, которые принадлежали Турции, как суверенной державе по отношению к Египту. Нечего удивляться, что при таких условиях Порты колебалась действовать и не хотела подписывать соглашение, по которому ей только предоставлялась роль прислужницы Англии. Было бы лицемерием поэтому считать, что Турция потеряла преобладающее положение в Египте вследствие ошибок своей дипломатии. Она потеряла это положение 11 июля, когда английский флот занялся бомбардировкой Александрии.

Еще до шутовского окончания англо-турецких переговоров закончилась комедия константинопольской конференции. Ее занятия потеряли всякий смысл с того момента, как Бисмарк согласился предоставить Англии право действовать за своей ответственностью, и 11 августа австрийский поверенный в делах в Лондоне сообщил Гренвиллю мнение своего правительства, что, когда вопрос о соглашении с Турцией получит разрешение, то конференция «должна прервать свои заседания до окончания военных действий»¹⁾. Он предложил только, чтобы конференция до своего закрытия приняла декларацию в смысле заверений, высказанных 30 июля Дафферином, что «окончательное решение египетского вопроса должно быть представлено на обсуждение и решение Европы».

На это лорд Гренвиль охотно согласился, и 14 августа, на следующем заседании конференции, итальянский делегат заявил, что настало время приостановить занятия конференции. Все согласилось, за исключением турецких делегатов, которые протестовали против того, чтобы их оставили на мели в такой критический момент, и сохранили за собой право известить своих коллег о дне следующего заседания²⁾. Но это заседание так-таки и не состоялось больше. Была мысль созвать специальное заседание для того, чтобы включить в протокол декларацию о том, что «дружеское соглашение существует между европейскими кабинетами на тот предмет, что окончательное разрешение египетского вопроса не может быть достигнуто иначе, как при сотрудничестве всех великих держав»³⁾. Эта мысль, однако, не пришла

¹⁾ «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 321—322.

²⁾ Там же, стр. 335—336.

³⁾ Там же, № 18 (1882 г.), стр. 1.

по вкусу британскому правительству, которое обычно прибегало к услугам европейского концерта, когда оно не в состоянии бывало провести свои намерения, но чрезвычайно неохотно прибегало к ним, когда оказывалось хозяином положения. «Эти повторные декларации, — заметил Гренвиль, услышав о предложенном протоколе, — представляются излишними правительству ее величества»¹⁾, но так как граф Кальноки настаивал на этом и был даже готов взять на себя инициативу созыва заседания конференции, Гренвиль дал свое согласие под условием, чтобы слово «сотрудничество» было заменено «обменом мнений» или «консультацией»! ²⁾). Благородный лорд обнаруживал явное желание отделаться от прежних обещаний, но граф Кальноки, желавший достигнуть компромисса, предложил употребить слово «*consouirs*» (согласие). Это выражение опять-таки не понравилось Гренвилю. По его мнению, оно имело бы тот смысл, что «несогласие одной державы могло бы испортить все дело», и, подчеркивая, что он это делает «с одобрения кабинета», он официально предложил ранее употребленные им выражения: «обмен мнений» или «консультация». «Правительство ее величества, — заявил он, — не имеет намерения отказываться от ранее сделанных деклараций», и хотя настоящая декларация «представляется как-будто излишней, оно тем не менее готово пойти на нее, если будут приняты предложенные им выражения» ³⁾). Когда министр иностранных дел говорит: «с одобрения кабинета», это означает, что он ставит вам ультиматум, и Кальноки, обменявшись, без сомнения, мнениями с Бисмарком, решил прекратить это дело, предпочитая оставить его официально в том положении, как оно было 30 июля. Таким образом конференция закончилась на полуслове, и Англия избежала довольно-таки неприятной процедуры.

Естественно спросить: а что же Франция? Ответ на это очень прост: с того момента, как Франция решила не помогать Англии в применении силы для разрешения так называемого египетского вопроса, и ее флот в памятный день 11 июля ушел из Александрии, перед нею стояли два пути: или объявить войну Англии, или постараться помешать ей, чтобы Египет всецело не попал в ее руки к ущербу остальных великих держав и самой Франции. Она благоразумно выбрала этот последний путь, на котором, казалось, она нашла поддержку в Бисмарке. Вера либеральной Франции в правильность этого пути была настолько велика, что когда Фрейсинэ обратился в палату за кредитами для охраны Суэцкого канала, то палата отказалась выслушать его доводы, и предложение его было отвергнуто. После этого 1 августа он подал в отставку, и новое министерство образовалось во главе с Дюклерком.

Таким образом, в значительной степени благодаря Бисмарку, а также в меньшей степени благодаря собственному смелому дерзанию в поспориении всех международных прав и соглашений, Англии удалось завоевать свободное поле действий; за этим последовало быстро

1) «Египет», № 17 (1882 г.), стр. 321—322.

2) Там же.

3) Там же, № 18 (1882 г.), стр. 49.

и успешно проведенное вторжение, которому значительно содействовала «кавалерия св. Георгия» (т.-е. английские золотые соверены¹⁾), как их метко назвала французская пресса того времени, и 13 сентября сэр Гарнет Уолсли разбил у Тель-эль-Кебира дурно дисциплинированные, отчасти подкупленные и плохо руководимые войска Араби. Через два дня Каир был в руках англичан, — и независимости и свободе Египта настал конец.

Давно желанная мечта осуществилась. Можно согласиться с апологетами оккупации в том, что Египет попал в руки англичан скорее благодаря случайности, чем в результате какого-нибудь хорошо продуманного плана. Всякий, однако, кто внимательно следил за настоящим повествованием, согласится, что желание воспользоваться всяким удобным случаем, который отдал бы Египет во власть Англии, всегда было налицо у британских дипломатов и широкой публики, а если такого случая не представлялось, то его искусственно создавали. За все время своих сношений с Египтом Англия ни на минуту не выпускала его из рук, пыталась, наоборот, если возможно, зажать его в кулак и устранить свою соперницу — Францию. Враждебное отношение Англии к Измаилу-паше и впоследствии к Араби диктовалось основательной боязнью, что конституционный Египет может легко ускользнуть из ее рук, и только соображение, что всякая попытка аннексировать его может вызвать, если не войну, то, по крайней мере, значительные осложнения с Европой, удерживало ее от самостоятельных действий по отношению к Египту и заставляло искать содействия Порты. Конечно, для Англии было приятным сюрпризом узнать, что ее опасения на этот счет были неосновательны, но не следует забывать, что она при этом была не пассивной стороной, а активно содействовала этому «сюрпризу», решительно вступив в вооруженную борьбу и бросив вызов всей Европе бомбардировкой Александрии.

Нет нужды останавливаться на последующих событиях в Египте за этот год. После того, как сэр Гарнет Уолсли «восстановил» порядок в Каире, лорд Дафферин был отправлен из Константинополя, чтобы наладить политическое положение страны в согласии с английскими имперскими и финансовыми интересами. Первое, что он сделал, это — уничтожил Двойственный Контроль, — в нарушение всех недавних обещаний восстановить status quo и честно выполнить международные обязательства. Французское правительство энергично протестовало, но без всякого результата. Англия, как *beatus possidens* (счастливая обладательница), вовсе не заботилась о своей прежней сопернице: в виде компенсации Франции было предложено заместить пост председателя Долговой Кассы, но это предложение с презрением было отвергнуто. Одновременно были декретом аннулированы египетская конституция

¹⁾ Полное и авторитетное изложение хода этой весьма поучительной египетской кампании можно найти у Бланта, цит. соч., стр. 400—411. Эта кампания явилась подходящим заключительным актом многолетней агрессивной политики по отношению к Египту. Позорная с самого начала, позорная по тем средствам, которые были использованы, британская политика в Египте увенчалась позорно проведенной кампанией.

и парламент, а лорду Дафферину было поручено составить новый проект «представительных» учреждений, которые должны были служить фиговым листком для прикрытия восстановленного абсолютизма хедива, превратившегося теперь в абсолютизм англичан. Лорд Дафферин выполнил задание со свойственной ему ловкостью. «Мы имели намерение,—писал он впоследствии¹⁾,—установить с египтянами такие отношения, чтобы те смотрели на нас, как на своих лучших друзей и советников, но вовсе не имели в виду самовольно навязывать им свои взгляды или держать их под унижительной опекой. Мы хотели, чтобы египтяне жили собственной жизнью и управлялись собственным правительством, без внешних помех и вмешательств». Эта превосходная программа была выполнена основанием двух «представительных» учреждений — Законодательного Совета и Генерального Собрания, которые должны были служить целям самоуправления. Законодательный Совет должен был состоять из тридцати членов, из которых четырнадцать членов назначались, а остальные избирались провинциальными советами. Он назывался «законодательным», потому что не имел права провести ни одного закона, а мог только высказывать свои мнения по поводу законодательных предложений правительства, которому одному принадлежало право решать, надо ли проводить закон и следует ли принять или отвергнуть мнения Совета. Некоторые части бюджета, касающиеся прихода и расхода по международным обязательствам, были совершенно изъяты из-под контроля Совета. Генеральное Собрание состояло из восьмидесяти двух членов, из которых только сорок шесть выбиралось населением, избирательные права которого были очень ограничены, остальные же члены состояли из шести министров и тридцати членов Законодательного Совета. Никакие прямые налоги не могли быть установлены без согласия Собрания, но во всех других вопросах Собрание, как и Совет, имело только совещательный голос. Оно собиралось раз в два года, и его заседания, как и заседания Совета, должны были быть закрытыми.

Такова была новая «конституция», составленная лордом Дафферинем и предназначенная дать египетскому народу возможность «жить своей жизнью и управляться собственным правительством». Она была справедливо названа в палате общин «совершенной фальсификацией конституционного правления»²⁾, но была с полным сочувствием одобрена британским правительством. Вся власть в Египте перешла теперь в руки британского генерального консула, который все еще сохранял свое скромное наименование, а его подчиненные, в качестве «советников», были назначены в различные министерства. Не было никакого письменного обязательства со стороны хедива или его министров в том, что они будут повиноваться английскому агенту и его чиновникам³⁾, но подразумевалось, что от них ожидается такое повиновение, и на этом будут настаивать, хотя лорд Дафферин и отрицал такие

¹⁾ «Египет», № 2 (1882 г.), стр. 30.

²⁾ Лабушир. Hansard. «Парламент. отчеты», т. 276 (1883 г.), стр. 1310.

³⁾ См. ответ сэра Эдуарда Грея в палате общин на запрос Кеттля, 14 мая 1908 г.

намерения. «Если бы мне было поручено, — писал он с удивительным лицемерием, после того, как окончил возложенную на него задачу по реорганизации государственного устройства, — поставить дело в Египте аналогично с индийским вассальным государством, то картина была бы совершенно иной. Властная рука резидента быстро подчинила бы все своей воле, и в течение пяти лет мы многое сделали бы для материального развития и благосостояния страны, расширив ее обрабатываемую площадь и, следовательно, увеличив ее доходы. Но египтяне тогда имели бы право считать, что эти выгоды приобрели слишком дорогою ценою утраты своей внутренней независимости»¹⁾. Эти красивые слова, конечно, предназначались для британской и европейской публики. В действительности они рисовали как раз то положение вещей, которое они стремились отрицать. Британский генеральный консул сделался именно таким резидентом, каким был резидент в туземных государствах Индии, тогда как хедив, о чьем авторитете британское правительство так заботилось раньше, был теперь сведен на роль пешки, а его министры и вся администрация стали в полную зависимость от британских должностных лиц²⁾. Лорд Дафферин ввел не что иное, как замаскированный протекторат.

Необходимо было найти подходящего человека на пост резидента. Малет не годился во многих отношениях. Во-первых, его ненавидело египетское население, а во-вторых, ему не доставало силы воли и необходимых ресурсов. Сэр Оклэнд Кольвин был также исключен по первой из этих причин; к тому же его твердость легко могла перейти даже в жестокость. Из лиц, знакомых с египетскими финансовыми делами, оставались только сэр Риверс Уильсон и сэр Эвелин Беринг. Вероятно первый так же подходил для этого места, как и последний, но его близкая связь с французскими финансистами была неудобна. Выбор, таким образом, пал на сэра Эвелина Беринга. 11 сентября новый резидент вторично появился в Каире, и в продолжение двадцати шести лет Египет оставался в его властных руках безвольным объектом британского государственного управления.

1) Египет, № 6 (1883 г.), стр. 83.

2) «Вооруженная интервенция Англии», — замечает автор статьи «Была ли необходимость в Египетской войне» в «Quarterly Review», т. 155, 1883 г., стр. 233, — «должна была открыто восстановить авторитет хедива и status quo; между тем эта вооруженная интервенция уничтожила и то и другое так же основательно, как мог бы сделать это Араби, если бы он имел успех».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УПРАВЛЕНИЕ ЕГИПТОМ

ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ «ЕГИПЕТСКИЙ ВОПРОС» НЕ ОЗНАЧАЕТ, КАК ЭТО МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКУ, НЕ ПОСВЯЩЕННОМУ В СОВРЕМЕННЫЕ ФИКЦИИ, ЧТО ВОПРОС ИДЕТ О ТОМ, КАК СЛЕДУЕТ УПРАВЛЯТЬ ЕГИПТОМ В ЕГО СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ И РАДИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЕГО НАСЕЛЕНИЯ; ОНО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ИДЕТ ВОПРОС ЛИШЬ О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВПРЕДЬ ДОЛЖНО ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ, ИСХОДЯ ИЗ НАШИХ ИНТЕРЕСОВ И РАДИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАШЕГО НАРОДА.

Gladstone. «Aggression on Egypt and Freedom in the East».

ГЛАВА XVI

ФИНАНСОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЛОРДА КРОМЕРА

В наших земных делах успех, подобно милосердию, прощает множество грехов. Так и внешний блеск успеха англичан в Египте в значительной степени содействовал моральному успокоению тех, чья совесть сначала возмущалась против тех приемов, при помощи которых Англии удалось водвориться в этой стране. «Чего вы хотите? — таков обычный аргумент, — допустим, что мы достигли нашего положения в Египте не совсем честным путем. Но посмотрите на результаты! Разве не спасли мы Египет от разорения? Разве не улучшили мы блестяще его финансы? Разве Египет не сделал изумительного прогресса за эти двадцать шесть лет? Какое значение имеет, в конце концов, то, каким путем мы попали в Египет, раз наше пребывание там оказалось таким благотворным для египетского народа? Мы превратили Египет в одну из самых цветущих стран в мире, и этого должно быть достаточно для нашего оправдания». И эти рассуждения обычно подкрепляются цифрами, иллюстрирующими прогресс, который сделала страна в различных направлениях, — рост доходов и расходов, рост внешней торговли, рост сети железных дорог и телеграфа, расширение возделываемой площади, увеличение населения и т. д.¹⁾ В этих аргументах естественно отражается гордость творца своим делом, и вполне понятно, что это чувство перевешивает в нем другое, а именно, беспокойство по поводу начальных стадий британской оккупации.

То же самое было и со всей Европой. Без официального мандата и скорее вопреки всем своим обещаниям эвакуировать страну, как только будет восстановлен порядок, Англия пребывает в Египте вот уже более четверти века, тщательно, правда, стараясь не нарушать существенных прав великих держав, но все же почти неограниченно распоряжаясь им, в полном несоответствии с самоограничительным протоколом 1882 г. Каким же образом это было возможно? Только благодаря длительному использованию всего обаяния успеха. Так как Англии удалось привести в порядок финансовое и административное управление Египтом, то евро-

¹⁾ В тот же день (28 октября 1907 г.), когда лорд Кроммер получил почетное гражданство от лондонского Сити, «Таймс» напечатал эффектную диаграмму, показывавшую огромное увеличение египетских доходов и расходов, ввоза и вывоза, приращения капитала и даже почтового дела между 1884 и 1906 г.г.

пейские государства, чьи подданные были сильно заинтересованы в финансовых и коммерческих делах Египта, позволили ей сохранить ее незаконное положение на Ниле, закрывая глаза на все предыдущие соглашения. Фактически, как мы увидим, был момент, когда Англии прямо сказали, что если ей не удастся в короткий срок (который и был обозначен) привести в порядок финансы Египта, то ей придется очистить место и уступить его международной административной комиссии. Но Англия выполнила задачу, и ей разрешили остаться. То, что лорду Кромеру удалось избавить Англию от этого унижительного положения, в значительной степени дало ему право на благодарность официальной Англии и снискало ему репутацию великого государственного деятеля.

Анализ работы, произведенной англичанами, должен поэтому занимать весьма существенную часть во всякой истории современного Египта. Что они сделали и каким путем они этого достигли? На эти два вопроса необходимо предварительно ответить для того, чтобы дать полную картину той роли, которую играла Англия в Египте. А так как финансовые реформы, проведенные лордом Кромером, составляют наиболее важную часть этой работы, то мы поэтому прежде всего должны обратиться к ним.

Обычно, когда делают оценку работы лорда Кромера, то сравнивают положение Египта в конце царствования Измаила-паши с его настоящим состоянием, которое считается результатом двадцатилетнего управления всемогущего проконсула. Лорд Кромер был сам автором этого метода. «Степень успеха, — писал он еще в 1885 г.¹⁾, — который до сих пор сопутствовал всем попыткам реформировать египетскую администрацию, будет различно оцениваться в зависимости от того, какая мера будет принята для сравнения. Единственным справедливым мерилom, по моему мнению, будет сравнение настоящего положения Египта с тем, которое существовало там всего только несколько лет тому назад». В своих годовых отчетах он много раз делал сравнения по этому методу, а его примеру следовали и его подчиненные. «Для того, чтобы проследить происшедшие улучшения, — писал, например, Ф. С. Кларк в 1888 г., — я предлагаю рассмотреть положение крестьян в течение последних лет царствования Измаила-паши»²⁾.

На первый взгляд ничто не может показаться приемлемее сравнения, проведенного по таким принципам; но после некоторого размышления мы увидим, что такой метод крайне ошибочен. Что такое были последние годы царствования Измаила-паши? Они в сущности были не его царствованием, а царствованием агентов европейских кредиторов, чьи усилия были исключительно направлены на то, чтобы обеспечить своевременную и полную уплату ростовщических купонов, и которые приносили в жертву этой цели все другие отрасли управления. Поэтому брать этот период истории современного Египта, как мерилom для сра-

¹⁾ «Египет», № 15 (1885 г.), стр. 4.

²⁾ Там же, № 5 (1888 г.), стр. 2.

внения с последующими периодами, значит употреблять метод, который заведомо даст неправильные результаты. Надлежащее сравнение должно базироваться на других основаниях: или за мерило должен быть взят период времени до 1876 г., когда купон еще не господствовал над управлением Египта, или же тот краткий период между 1880—1882 г.г., когда жертвы, которых требовало господство купона, были уже, к счастью для администрации того времени и последующего управления лорда Кромера, значительно смягчены законом о ликвидации. Если мы применим эти мерки для сравнения, — а они, вопреки мнению лорда Кромера, представляются нам единственно правильными, — то результат окажется несколько иным. В одной из предыдущих глав (глава 3) мы видели, какого замечательного развития достиг Египет в царствование Измаила-паши. Нет надобности повторять приведенные нами цифры и свидетельские показания, но совершенно ясно, что при их свете прогресс, достигнутый Египтом во время правления лорда Кромера, является в лучшем случае только возобновлением и продолжением прежнего развития, которое было прервано хищнической интервенцией английского и французского правительств.

Таким же представляется финансовый прогресс, достигнутый Египтом во время управления лорда Кромера, и при сравнении с финансовым положением страны при Двойственном Контроле. Здесь мы также видели, как благодаря применению закона о ликвидации, — спасительной меры, о которой тщетно просил Измаил, — контролерам удалось установить равновесие бюджета настолько успешно, что 1881 год окончился излишком в 800.000 слишком фунтов. Бюджет 1882 г., одобренный министерством Шерифа, по вычислениям, должен был также дать излишек, хотя и не такой большой, как в предыдущем году. Приход исчислялся в 8.746.000 фунтов, а расходы не должны были превышать 8.463.000 фунтов¹⁾. Здесь опять-таки очевидно, что улучшения в финансовом управлении Египтом, проведенные лордом Кромером, были только продолжением улучшения, начатого при Двойственном Контроле. Отсюда следует, что исходная точка не находилась так низко, а последующее развитие не было так ново, как это привыкли думать лорд Кромер и широкая публика. И до Агамемнона были цари, и еще не такие плохие.

На самом деле, когда англичане впервые приняли на себя ответственность за управление страной, положение совсем не представлялось им таким мрачным, как впоследствии рисовал его лорд Кромер с целью увеличить свои заслуги. Побуждаемые, без сомнения, отчасти желанием уверить европейскую публику в предполагаемом успехе усилий англичан восстановить порядок и благосостояние, лорд Дафферин и лица, сопутствовавшие ему в миссии или следовавшие за ней, смотрели весьма оптимистически на положение, преуменьшая размеры разорения населения и тяжесть господствовавших налогов и стараясь, наоборот, показать, как относительно легко было бы исправить большую часть зол, применив необходимые административные меры. Лорд Даф-

¹⁾ «Египет», № 5 (1883 г.), стр. 79.

ферин, например, указывал¹⁾, что земельный налог, хотя и колебавшийся между 16 и 32 шиллингами с акра, не падал тяжелым бременем на землю, которая в Дельте приносила доход от 15 до 30 ф. ст. Плодородие земли в Верхнем Египте было значительно меньше, но даже и там зло налогов состояло не столько в фактическом бремени, которое они накладывали, сколько в полном отсутствии пропорциональности обложения и в устаревшем межевании земли, которое еще восходило ко временам Мехмета-Али. Вильерс Стюарт, который был в миссии вместе с Дафферином, также считал, что египетский крестьянин не был тяжело обложен — меньше, чем английские фермеры²⁾ — и с негодованием отвергал господствовавшее в Англии мнение, будто бы «налоги в Египте были значительно увеличены для того, чтобы удовлетворить требования кредиторов». «Все туземцы, доставлявшие мне сведения, — заявил он, — единогласно соглашались, что настоящие налоги были введены в начале царствования покойного хедива, т.-е. еще до того, как он создал иностранный долг»³⁾. Консул Куксон в своем отчете о торговле в Александрии за 1883 г. также уверял публику, что «положение феллахов... в общем значительно улучшилось, как это видно из достоверных фактов, что они стали выплачивать частным ростовщикам свои тяжелые долги»⁴⁾. Даже лорд Нортбрук, который двенадцать месяцев спустя был послан в качестве верховного комиссара для обследования финансового положения страны, не нашел, что там царит «крайняя нужда», понимая под этим «неимение достаточных средств существования». Население Египта — заявил он — было в целом гораздо лучше обеспечено, чем крестьяне в Индии, «и хотя оно было сильно обременено долгами, но это происходило не от чрезмерных налогов, а, главным образом, из-за неосмотрительности земледельцев по отношению к свадебным и другим расходам, а также той легкости, с которой они могли получать ссуды под залог своих земель благодаря наплыву европейского капитала»⁵⁾.

Без сомнения, эти утверждения были очень оптимистичны и, по всей вероятности, предназначались отчасти для европейской публики, которой очень хотелось узнать о судьбе драгоценного купона теперь, когда Англия взяла на себя ответственность за управление Египтом. Тем не менее, они показывают, как далеки были в течение первого года оккупации сами англичане от тех мрачных взглядов на положение дел в Египте, которых они потом, по своему прибытии, стали придерживаться из дипломатических соображений. Они явно думали, что после некоторых административных реформ египетские крестьяне прекрасно смогут нести налоги, возложенные на них законом о ликвидации, и рассчитывали, что чистые балансы 1880—1882 годов будут и далее продолжаться.

¹⁾ «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 62.

²⁾ Там же, № 7 (1883 г.), стр. 3.

³⁾ Там же, стр. 5.

⁴⁾ Парламентские отчеты. Коммерческий номер (1885 г.), стр. 13.

⁵⁾ «Египет», № 1 (1885 г.), стр. 87.

То, что они несколько ошиблись в своих надеждах и ожиданиях, произошло не по вине прежних туземных правителей Египта или Двойственного Контроля. В промежуток между министерством Шерифа и прибытием лорда Кромера разыгралась трагедия британской интервенции, и это обстоятельство принесло новые несчастья финансам страны. Крупных издержек, финансовых и других, вызванных сопротивлением, оказанным врагу, было вполне достаточно для того, чтобы на много лет вперед нарушить экономическое равновесие страны. Вдобавок англичане, согласно с предыдущим решением константинопольской конференции (единственным решением, к которому они отнеслись с уважением), возложили на египетское казначейство еще свои собственные расходы, связанные с войной, к которым они вскоре прибавили еще более значительные расходы, вызванные праздной попыткой отвоевать у «мятежников» Судан. Наконец, тут были еще вознаграждения в связи с пожаром и разрушениями, последовавшими за бомбардировкой Александрии. Англичане благородно заявили, что все пострадавшие от пожара должны получить немедленную полную компенсацию за понесенные убытки. Была учреждена комиссия для приема и рассмотрения разных требований, и она действовала так быстро, что в один день, например, было принято не менее 210 заявок¹⁾. В общей сложности пострадавшим от несчастья была назначена сумма в 3.950.000 фунт. ст.; но когда дошло дело до платежа, то британское правительство не только не приняло его на себя, как на виновника бомбардировки, и не возложило его на кредиторов, как на этом настаивали другие, но взвалило все на египетского плательщика податей! Трудно было придумать что-нибудь подлее, но это была не первая и не последняя подлость, сделанная тогдашним либеральным правительством в отношении Египта.

Это было новое и тяжелое бремя, которое должно было неблагоприятно отозваться на болезненно-чувствительном состоянии египетской страны. И на самом деле, бюджет 1883 г. окончился дефицитом, превышавшим 600.000 ф., а в перспективе 1884 г. был еще больший дефицит в 1.294.000 ф.²⁾. Лорд Кромер вычислил потом—в то время, когда еще продолжалась суданская кампания, — что к концу 1884 г. накопившиеся бюджетные дефициты, на-ряду с долгами, вызванными кампанией, содержанием оккупационной армии (что также было возложено на счет египетской казны), уплатой вознаграждений по александрийским искам об убытках и проч., составят новый вексельный долг в размере 7.800.000 ф.³⁾. Это означало новые финансовые осложнения и, может быть, новое банкротство.

Работа лорда Кромера шла поэтому не без затруднений, но они не могли сравниться с теми трудностями, с какими пришлось бороться Измаилу-паше и даже Двойственному Контролю до того, как начал действовать закон о ликвидации. Все-таки это было затруднительное положение, и интересно посмотреть, как выпутался из него лорд Кромер.

¹⁾ Сэр Джордж Кэмпбелль в палате общин (Hansard, Парл. отчеты, т. 277, (1883 г.), стр. 1489.

²⁾ «Египет», № 8 (1885 г.), стр. 3.

³⁾ Там же, № 28 (1884 г.), стр. 53.

Обычно думают, что тут совершены были какие-то чудеса. Исходя из ложного предположения, что лорд Кромер начал свою работу на том низком уровне, который (опять-таки ошибочно) ассоциируется с царствованием Измаила-паши, широкая публика твердо убеждена в том, что только выдающийся финансовый и административный гений лорда Кромера был в состоянии успешно бороться с затруднениями, перед которыми он был поставлен по своему прибытии в Египет. Лорд Кромер сам повторно распространял такое мнение. «Трудно преувеличить, — писал он много лет спустя, — то разорение, которое захватило бы не только население Египта, но и всех, заинтересованных в его делах, если бы еще в течение нескольких лет допустили продолжаться дореформенному режиму... Улучшения в ирригационной системе... значительная помощь фиску... и вообще замена обременительной и полуварварской политики цивилизованной административной политикой — все это, взятое вместе, дало возможность Египту выдержать напряжение. Я, не колеблясь, могу сказать, что не будь этих перемен, египетское казначейство было бы давным-давно безнадежно несостоятельно, и положение населения было бы плачевным во всех отношениях». Мы знаем теперь, сколько правды было в этих уверениях относительно «режима дореформенного времени». Существовавшая тогда разруха была не столько обязана самому режиму, сколько гнету со стороны бессовестных европейских цивилизаторов; к тому же в течение последних лет она, по крайней мере, в отношении финансов, почти совершенно исчезла. Если бы не насильственное вмешательство Англии и Франции в 1879 г., финансовое и экономическое положение Египта улучшилось бы само собой, даже без помощи Двойственного Контроля, а силами самого египетского народа; и если бы не было насильственного вмешательства Англии в 1882 г., то даже лорду Кромеру не нашлось бы там никакого дела.

Ниже мы увидим, что из себя представляла «цивилизованная административная политика» с ее помощью фиску и устранением гнета. Пока достаточно отметить те похвалы, которые лорд Кромер расточал своему гению, совершившему все эти замечательные перемены. Впоследствии он говорил в ином тоне и как будто с большей скромностью, но сказанное им опять-таки сводилось к прославлению своей гениальности. «Финансовый успех, — писал он накануне своего отъезда из Египта, описывая свое управление, — объясняется, конечно, главным образом, удивительными производительными силами страны и хозяйственной деятельностью населения. Единственную заслугу правительства составляет то, что оно, в противоположность прежним правителям, предоставляло возможность действовать природе и до известной степени способствовало ее действиям»¹⁾. Здесь отвергаются все заслуги, за исключением одной лишь отрицательной, — «предоставления природе возможности действовать», но эта негативного характера заслуга была представлена исключительным делом лорда Кромера. Какое удивительно глубокое проникновение в существо стоявшей задачи требовалось, чтобы понять, что стоит только природе предоставить возможность

¹⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 58.

действовать,—и вся задача будет разрешена. «Забывают,—пишет лорд Кромер по другому поводу,—что за весь долгий период египетской истории только в последнюю четверть столетия природа, при некоторой помощи со стороны человека, получила возможность выявить производительные силы страны... Не будет преувеличением сказать, что если бы правительственная деятельность была чисто отрицательного характера, другими словами,—если бы она ограничивалась устранением преград и помех, стоявших на пути деятельности населения, если бы правительство деятельность государства свело к его основной функции, то была бы достигнута высокая степень благосостояния»¹⁾. Какое удивительное дело было выполнено! В первый раз на протяжении египетской истории терзавшие население оковы были сброшены, а природа сделала остальное. Такого двойного благодеяния никогда не было оказано ни одним правительством ни в одной стране!

Жаль только, что все это лишь одна сказка. Уже через несколько месяцев своего пребывания в Египте лорд Кромер понял, что без основательной помощи природе ему не удастся справиться с новыми финансовыми затруднениями. Экономические ресурсы населения, после военных опустошений, находились в жалком состоянии; к этому скоро присоединился коммерческий и промышленный крах, который разорил большую часть мелкого крестьянства и тяжело отозвался на благосостоянии даже более крупных землевладельцев, так что казалась полной химерой всякая попытка увеличить налоги для уплаты по новым долгам. Правда, что ассигнованная для держателей бонов часть бюджета действовала даже и в эти неблагоприятные месяцы со значительным успехом, настолько даже, что бюджет 1884 г. обещал излишек приблизительно в 400.000 ф. ²⁾. Но этот излишек был бесполезен, так как он предназначался, согласно закону о ликвидации, для выкупных операций. Не представлялось иного выхода, как снова прибегнуть к доброму старому методу — сделать новый заем, дабы погасить накопившиеся текущие долги, а также произвести подходящие изменения в законе о ликвидации. Новая комиссия, членом которой состоял лорд Кромер, пришла именно к такому заключению и сделала целую серию чрезвычайно интересных предложений лорду Гренвиллю, с целью представить их новой европейской конференции³⁾. Первое заключалось в том, что Англия гарантирует заем в 8.000.000 ф. из 4½ %. Он предназначался на погашение вексельного долга, но вместе с тем создавал новое для казначейства бремя свыше 350.000 ф. Даже при самом бережливом обращении с финансовыми ресурсами бюджет должен был давать постоянный дефицит в 376.000 ф. При этом еще предполагалось, что не будет существовать различия между ассигнованными и неассигнованными доходами. «Мы предполагали,—говорится в отчете комиссии,—что прибыль с ассигнованных доходов пойдет на расходы по управлению, а не на скупку, как было доселе, на рынке долговых обязательств. В против-

1) «Египет», № 1 (1906 г.), стр. 18 и 20.

2) Там же, № 17 (1884 г.), стр. 13.

3) Там же, № 28 (1884 г.).

ном случае в результате явится сильное увеличение нормального дефицита, а также и вексельного долга к концу 1884 г.». И комиссия предлагает, чтобы не делалось такого различия! ¹⁾).

Другими словами, одно из самых главных условий закона 1880 г., которое вызвало протесты египетского народа, как варварская мера, рассчитанная на задержание материального и морального прогресса страны, с целью дать компенсацию держателям бумаг за потерю их ростовщических процентов, было теперь самими англичанами объявлено вредным, — конечно, не ради интересов египтян, а потому, что, очутившись в положении администраторов, они нашли его пагубным для своих собственных интересов. Будь это сделано в 1880 г., сколь многого можно было бы избежать! Тогда не было бы ни революции, ни интервенции, ни оккупации. Но и это не все. Как избежать дефицита в 376.000 ф., который был неминуем даже и при вышеуказанном изменении закона 1880 г.? Не иначе, заявила комиссия, как только уменьшив уплату по всем прежним долгам на полпроцента, — другими словами, вновь объявив себя банкротом! Снова был предложен тот же метод устранения финансовых затруднений, который раньше встречал одно осуждение, когда сами египтяне хотели применить его. Такое предложение со стороны Измаила привело к интервенции, которую поддержало британское правительство, Гошен и его французский коллега — Жубер, и явилось причиной всех последовавших за тем варварских актов. *No quod licet Jovi, non licet bovi.*

Британское правительство с большим вниманием отнеслось к этим предложениям комиссии, и в апреле 1884 г. Гренвиль пригласил великие державы отправить делегатов на конференцию для пересмотра закона о ликвидации согласно с новым проектом. С целью придать больше веса этому предложению и предупредить возможные возражения великих держав по поводу нового умаления интересов кредиторов, был снова пущен в ход, в резком расхождении с тем, что только несколько месяцев тому назад было рассказано всему миру, уже знакомый метод агитации: образ несчастного, голодающего и разоренного феллаха был снова выведен на сцену. «Во время моего путешествия по Верхнему Египту, — доносил мистер (впоследствии сэр) Эдгар Винсент, новый финансовый «советник», преемник подавшего в отставку сэра Оклэнда Кольвина, — я был поражен крайней бедностью феллахов... Бедственное положение тамошнего крестьянства... превосходит все, виденное мною в других странах». Так как крестьяне совершенно не в состоянии выдержать увеличение налогов, то крестьянский земельный налог в этих местностях «должен быть уменьшен, если его хотят собирать аккуратно» ²⁾). Султан-паша держался того же мнения. «Положение страны, — говорил он, согласно донесению, — никогда не было таким плохим, крестьянство, вследствие падения цен на продукты его производства и по причине долгов, находится в таком тяжелом положении, что нельзя рассчитывать больше чем на половину земельного налога в следующем

¹⁾ «Египет», № 28 (1884 г.), стр. 55.

²⁾ Там же, № 31 (1884 г.), стр. 20.

году»¹⁾. Он был того мнения, что земельный налог должен быть уменьшен в Нижнем Египте на 20, а в Верхнем Египте—на 25 процентов. Нубар-паша, бывший тогда премьером вместо Шерифа, также думал, что, по крайней мере, на 1.000.000 ф. ст. должен быть убавлен земельный налог. Менее радикальная помощь оставила бы крестьянство в когтях ростовщиков²⁾. Гибсон, стоявший во главе нового кадастрового обследования, сделал очень подробный расчет прихода и расхода среднего мелкого земледельца и пришел к тому заключению, что «некоторая помощь безотлагательно необходима»³⁾. Также полковник (впоследствии сэр) Скотт-Монкриеф, заведывавший департаментом общественных работ, доносил, что «состояние страны вызывает серьезные опасения», и что целый ряд причин, включая сюда падение цен, болезнь скота, появление хлопкового червя и т. д., «сделали население менее способным выносить тяжелое бремя налогов»⁴⁾. «Некоторые из наиболее дорогих отраслей администрации, — жаловался он, — существуют только ради интересов кредиторов, а не страны», и на этом основании указывал на необходимость уменьшения процентов по долгам⁵⁾.

Удивительно было видеть, как новые правители вдруг заметили несправедливость и тяжесть налогов, угнетавших несчастный египетский народ, которые сами они прежде или игнорировали, или даже вовсе отрицали. Не менее замечательно было подчеркивание причин, ухудшивших положение, как падение цен, болезнь скота и т. д.,—как будто бы все это было совершенно неизвестно в прежней истории Египта, — напр., в 1878 г. и 1879 г., когда тысячи и тысячи умирали с голоду, а тяжелые налоги продолжали собираться с крайней строгостью⁶⁾. Не мешает обратить также внимание на то, как тщательно эти филантропы избегали всяких намеков на первоначальную причину этих новых затруднений, т. е. на интервенцию Англии и на тот альтруизм, с которым она заставила египтян уплатить за свое порабощение. В довершение всего лорд Кромер посылает меморандум, в котором он, на основании «только что полученных донесений из Индии», вопреки своим патетическим уверениям, сделанным несколько лет назад, объявляет, что «средние египетские налоги с земель «караджи» далеко превышают налоги, собираемые с исключительно плодородных земель в Индии»!⁷⁾. Как удивительно меняются наши суждения при перемене наших интересов!

1) «Египет», № 25 (1884 г.), стр. 73—74.

2) Там же, № 31 (1884 г.), стр. 6.

3) Там же, № 25 (1884 г.), стр. 75.

4) Там же, № 31 (1884 г.), стр. 1.

5) Там же, стр. 4.

6) В № 17 (1885 г.) синей книги «Египет» помещено много меморандумов и специальных донесений, показывающих последствия недавнего падения цен на большинство предметов египетского вывоза. Лорд Кромер сам писал, что «сильное падение цен на зерновые хлеба в значительной степени разорило население Верхнего Египта... и делает совершенно необходимым уменьшение земельного налога в земледельческих районах» («Египет», № 15, 1885 г., стр. 41.) Как жаль, что он не видел этой необходимости в те годы, когда Измаил, основываясь на том же, просил о помощи, хотя бы в виде простой отсрочки оплаты купона на несколько месяцев.

7) «Египет», № 31 (1884 г.), стр. 21.

Но вся эта хитро задуманная агитация ни к чему не привела. Франция, которая была рада прижать Англию к стене, наотрез отказалась дать свое согласие на заем у Англии или на уменьшение процентов по долгам, справедливо указывая на то, что всего только несколько месяцев тому назад донесения британских должностных лиц в Египте были совершенно в ином тоне. Без сомнения, она также напонила лорду Гренвиллю об одной его депеше, датированной 23 июля 1882 г.¹⁾, в которой, чтобы оправдать свою настойчивость в связи с немедленным вторжением, он уверял Фрейсинэ, основываясь на полученных из первых рук данных, что «если порядок будет восстановлен до конца августа, то возрождение благосостояния Египта будет изумительным, но если допустят продолжение анархии в октябре и ноябре, то разорение страны будет, по всей вероятности, полным». Восстановление «порядка», правда, было закончено только во второй половине сентября, но зато и разорение, которое должно было наступить в октябре и ноябре, не могло быть тогда «полным». Конференция, собравшаяся в Лондоне в июне, раз'ехалась менее чем через два месяца, не придя ни к какому решению.

Тогда лорд Кромер, потерпев неудачу в одном направлении, решил последовать примеру Измаила и попытался произвести по собственной инициативе небольшой *coup d'état*, нарушив «священные» международные обязательства, наложенные на Египет. Он распорядился посредством декрета хедива, чтобы все доходы, предназначенные на погашение долгов, направлялись вместо Долговой Кассы в министерство финансов, и приостановил дальнейшее погашение долгов. Это был очень смелый шаг, но он закончился полным фиаско. Члены Долговой Кассы, следуя примеру их прежнего коллеги в 1879 г., возбудили перед смешанным судом иск против министра финансов, председателя совета и губернаторов тех провинций, доходы с которых предназначались для уплаты по долгам, и египетское правительство получило приказ обратно уплатить 27.000.000 франков. Англия сделала попытку оправдать свои действия, но все державы поддерживали Францию, и Англии пришлось подчиниться поражению²⁾.

¹⁾ Там же, № 17 (1882 г.), стр. 199.

²⁾ «Египет» № 36 (1884 г.), стр. 17—21. Любопытно отметить, что первоначально возникла мысль воспользоваться данью, выплачиваемой Порте, но так как дань эта обеспечивала интересы британских держателей оттоманских бумаг, то лорд Нортбрук решительно отказался сделать это. И тогда лорд Кромер и его коллеги решили захватить в свои руки Долговую Кассу.

ГЛАВА XVII

ФИНАНСОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЛОРДА КРОМЕРА

(Окончание)

Положение, после неудачной попытки получить санкцию Европы для нового финансового проекта, выглядело весьма неважным. В октябре лорд Кромер снова послал в Лондон одну из тех коллекций пресловутых консульских донесений об ужасном состоянии страны, которые уже стали к этому времени регулярным дипломатическим средством воздействия. «Крестьяне, — говорил лорд Кромер в сопроводительной депеше, — живут здесь в глиняных лачугах, ходят почти нагими и получают скудное пропитание, состоящее из маисового хлеба и лука; номинальной стоимости производимых ими продуктов едва хватит на то, чтобы уплатить налоги и обеспечить их жалкое существование»¹⁾. В своем желании доказать, что решительно ничего нельзя выжать из обедневшего феллаха, лорд Кромер не побоялся сообщить публике, что он прибегал к самым суровым мерам для взыскания налогов, оправдывая таким образом то, что служило пунктом обвинения против «тяжелого и полуварварского» режима «прежних правителей». Один из его консульских агентов заявил: «Правда, что в прежние годы налоги были тяжелее, но цены на продукты с.-х. производства были выше, и правительство обычно собирало, сколько могло, не прибегая к принудительным мерам, как в нынешнем году»²⁾. Гибсон описывает положение столь же определенными словами: «Очевидно, что положение феллахов стало еще хуже, чем было два года тому назад. Правда, что доходы прошлого года (1884 г.) были собраны, как обыкновенно, и кредиторами даже удалось получить долги, сделанные еще до войны 1882 г.; но не следует принимать это, как доказательство благоденствия, подобного тому, какое существовало в прежние годы. Потребовалось значительное принуждение для того, чтобы собрать часть суммы в уплату долгов, и большое количество земли было продано для того, чтобы удовлетворить требованиям правительства и уплатить проценты по частным долгам»³⁾.

¹⁾ «Египет», № 1 (1885 г.), стр. 48.

²⁾ Там же, стр. 49.

³⁾ Там же, № 15 (1885 г.), стр. 94.

Здесь также, надо заметить, ни одним словом не упоминалось о том факте, что финансовые затруднения были вызваны, главным образом, новым бременем, которое Англия взвалила на египетское казначейство. Все затруднения приписывались факторам, стоящим вне человеческого воздействия. Тем не менее верно, что по той или по иной причине египетское казначейство, по свидетельству сэра Эдуарда Винсента, дважды в 1884 г. было близко к приостановлению платежей из-за нехватки суммы в 5.000 ф. ст.¹⁾

Осенью 1884 г. британское правительство, совершенно отчаявшись, послало в Египет лорда Нортбрука для того, чтобы расследовать, действительно ли положение было так плохо, что только при помощи финансовой реформы, рекомендованной лордом Кромером, можно было бы выйти из затруднения. Лорд Нортбрук, сам из семьи Берингов, согласился с мнением лорда Кромера, с той только разницей, однако, что он не описывал положение в таких мрачных тонах, как это делал лорд Кромер²⁾. Это было более благоразумно, так как нет сомнения, что лорд Кромер зашел слишком далеко и своими мрачными картинами заставил публику думать, что положение было так плохо, что никакими реформами уже нельзя помочь делу. Лорд Кромер сам скоро понял свою тактическую ошибку и в обстоятельном отчете о «состоянии Египта и развитии административных реформ» в начале 1885 г. нарисовал гораздо более привлекательную картину положения, со специальным указанием на блестящие перспективы в будущем³⁾. «Но, — добавил он, — я повторяю, что говорю с такой уверенностью только в предположении, что быстрое и удовлетворительное разрешение финансовых осложнений, так долго обсуждаемых, будет скоро найдено»⁴⁾. В другом отчете он с особой настойчивостью утверждает, что «тут не надо решать, как в Индии, глубоких экономических проблем, на которые правительство может оказать только самое незначительное влияние»⁵⁾, отвечая этим на те возражения, которые были вызваны его предыдущими отчетами.

Эта тактика имела гораздо больше успеха, чем предыдущая. Тут было, кроме того, то соображение, что из-за недостатка денег не были еще выплачены вознаграждения европейцам, пострадавшим от пожара в Александрии, а интернациональный сброд, конечно, с нетерпением жаждал этого. В ноябре 1884 г. Гренвиль снова послал циркуляры всем правительствам, делая им, на основании отчета лорда Нортбрука, новый ряд предложений. Самые главные из них были: сделать заем в 5.000.000 ф. ст. чистых, из 3½ %, гарантированный британским правительством, убавив на ½ % платежи по объединенному долгу и даирским бумагам, задержать отчисления в амортизационные фонды, продать Даиру и домены (личные и удельные имения), обложить налогами иностранцев и уменьшить земельный налог на 450.000 ф. ст. На этот раз переговоры шли более гладко; самым спорным пунктом был вопрос

1) «Египет», № 17 (1885 г.), стр. 51—52.

2) Его отчет, см. «Египет», № 1 (1885 г.).

3) «Египет», № 15 (1885 г.).

4) Там же, стр. 45.

5) Там же, стр. 41.

о том, кто гарантирует заем. Рекомендую Англии взять гарантию на себя, лорд Нортбрук прямо говорил, что результатом как этого, так и других предложений, «будет, без сомнения, замена международного контроля финансовым контролем Англии»; он довольно наивно, однако, добавляет, что не видит, «какие возражения остальные европейские державы могут иметь против того, чтобы Англия приняла на себя этот контроль после тех жертв, которые она понесла для поддержания спокойствия и безопасности в Египте»¹⁾. «Остальные державы», однако, имели массу возражений против того, чтобы отдать Египет всецело в руки Англии, и требовали, чтобы заем был заключен с гарантией всех держав. Британскому правительству совсем не хотелось упускать такого прекрасного случая, и переговоры тянулись несколько месяцев. Наконец, 18 марта 1885 г. в Лондоне была подписана конвенция, согласно которой египетскому правительству оказывалась необходимая помощь, хотя и не на тех условиях, на которых настаивала Англия.

Эта конвенция имела огромное значение²⁾. Во-первых, она давала разрешение на заключение, при совместной гарантии всех держав, займа у банкирского дома Ротшильдов в 9.000.000 ф. ст. номинальных, из 3½ %. Полученные средства, в первую очередь, должны были пойти на уплату александрийских вознаграждений, затем на покрытие накопившихся дефицитов за два предыдущие года (2.600.000 ф. ст.), на покрытие ожидаемого дефицита за 1885 г. (1.200.000 ф. ст.), на сооружения по ирригации (1.000.000 ф. ст.) и для других целей. Затем устанавливался на два года налог в 5% с купонов, т.-е. уменьшалась на 5% уплата по долгам, и на такой же срок приостанавливалось погашение на большую часть долга. Далее, уничтожалось постановление закона о ликвидации относительно назначения остатков доходов и заменялось другим, согласно которому дефицит по неассигнованному бюджету должен покрываться ассигнованными доходами, а весь излишек должен делиться на две части, из которых одна идет в Долговую Кассу, а другая — египетскому правительству. Однако, с целью оградить этот параграф от возможных злоупотреблений, расходы по управлению, — по сумме, соответствовавшей неассигнованным доходам, — навсегда фиксировались в размере 5.237.000 ф. ст. Наконец, в качестве дальнейших мер финансовой помощи, египетскому правительству предоставлялось право продать Даиру и домены и приступить к обложению налогами иностранцев.

Из рассмотрения этих постановлений ясно видно, какую значительную помощь они предоставляли новым правителям Египта. Правда, тут не было постоянного снижения процента по долгам, но приостановка взносов по погашению долгов, пятипроцентный налог на купоны, новые постановления относительно остатков, право облагать налогами иностранцев и, наконец, последнее, но отнюдь не маловажное установление постоянного минимума административных доходов, — все это, вместе взятое, давало такое облегчение, которое далеко превосходило все

¹⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. 2, стр. 370.

²⁾ «Египет», № 7 (1885 г.) и № 17 (1885 г.), стр. 121 и след.

преимущества, которые могли быть достигнуты простым уменьшением процентов, как это было сделано в 1880 г. Египетское управление могло быть теперь уверено, что экономический прогресс страны отныне будет содействовать не только выгодам ростовщиков, но и его собственным, тогда как временные затруднения будут уничтожены чрезвычайными мерами — займом и временным налогом на купоны.

Но была еще одна очень существенная мера, имевшаяся в виду конвенцией, о которой мы еще до сих пор не упоминали. Из вышеприведенных заявлений можно видеть, что в то время сильно настаивали на необходимости уменьшения земельного налога для того, чтобы облегчить жалкое положение крестьянства. На этом справедливом требовании прямо настаивал лорд Нортбрук, и оно было включено в конвенцию. По исчислениям совещания, земельный налог определился в 4.668.800 ф. ст., вместо 5.118.000 ф. ст., как в 1884 г., и египетскому правительству было разрешено передать разницу в 450.000 ф. ст. крестьянству. Египетское правительство, иначе лорд Кромер, нашло, однако, способ захватить всю эту сумму для целей управления. Как только соответствующий хедивский декрет, санкционировавший уменьшение налогов, был выпущен, Кромер нашел, что в бюджетном балансе неизменно содержится огромное количество «non-valeurs», т.-е. фиктивных сумм земельного налога с беднейших областей, которые не собирались и, в действительности, были безнадежными недоимками. Эти «non-valeurs» в среднем составляли из года в год приблизительно сумму в 200.000 ф. ст. Тогда лорд Кромер счел, что он не только может, но и должен удерживать равную сумму, как возмещение за эти недособранные налоги, т.-е. взять 200.000 ф. ст. из 450.000 ф., дарованных крестьянам, взамен фиктивных сумм. Другими словами, вместо того, чтобы действительно уменьшить налоги на 200.000 ф., он только скинул со счетов земельного налога такие суммы, которые фактически не существовали, оставив собираемое на деле количество налогов таким же, как и прежде ¹⁾. Таким простым путем он достигал двух целей: во-первых, он не поступился ни одной копеейкой доходов с земельного налога, что при данных обстоятельствах означало прибыль в 200.000 ф. ст.; а во-вторых, он впоследствии имел возможность похвалиться, что под его управлением были облегчены налоги с крестьян, чего никогда не бывало при прежнем «тяжелом и полуварварском» режиме.

Но еще оставалось 250.000 ф. ст. Ими он распорядился так же ловко. Речь идет здесь о пресловутом «упразднении» трудовой повинности, составляющем одну из величайших реформ, проведенных лордом Кромером. Мы займемся обстоятельнее этой реформой в следующей главе, но здесь необходимо лишь отметить, что вся сумма в размере 250.000 ф. ст., вместо того, чтобы быть переданной крестьянству путем уменьшения земельного налога, пошла на наем свободного труда взамен принудительной трудовой повинности. Лорд Кромер и его сподвижники хитроумно доказывали, что так как проведение этой реформы вызовет необходимость в новых издержках, которые можно покрыть

¹⁾ «Египет», № 3 (1887 г.), стр. 20; № 11 (1887 г.), стр. 94.

только новым налогом, то с таким же успехом, вместо этого, можно просто воздержаться от передачи 250.000 ф. ст., предназначенных для облегчения плательщиков земельных налогов. Так и было сделано с согласия британского правительства, и феллахов обобрали еще на четверть миллиона ¹⁾. Французское правительство пыталось протестовать против такого нарушения соглашения, но, благодаря дипломатической интервенции со стороны России, дело было замято ²⁾.

Таким образом в руках лорда Кромера оказались весьма значительные средства для того, чтобы произвести коренные улучшения в финансовом управлении Египта. Читатель согласится, что эти средства представляли нечто большее, чем «некоторое содействие со стороны человека», как выражался потом лорд Кромер; на самом деле без этих средств лорду Кромеру не удалось бы выполнить своего задания, тогда как, будь они отданы в распоряжение египетского правительства несколько лет тому назад, они бы сделали благотворные усилия лорда Кромера совершенно излишними ³⁾.

Тем не менее большинство из этих средств должно было дать результаты только в будущем, тогда как в данный момент предстояло уплатить неуменьшенный размер процентов по еще более крупному купону. Положение было довольно затруднительно, и его еще более осложнило постановление, включенное конвенцией по настоятельному требованию Франции, что в случае, если лорду Кромеру не удастся в три года достигнуть финансового равновесия, то его заменит международная комиссия, которая примет на себя финансовое управление страной. Перед лордом Кромером стояла двойная задача — финансовая и политическая, и то, что он успешно разрешил ее, является явным доказательством его энергии и ловкости.

Конечно, нет возможности в деталях проследить те различные средства, при помощи которых был достигнут успех. Большинство из них относится к области административной, и об них или не существует никаких официальных документов, или же они похоронены в архивах. Не было никаких следственных комиссий для рассмотрения административной деятельности лорда Кромера, как это было во времена Измаил-паши, а сам лорд Кромер, конечно, умалчивал об этой теме. Тем не менее, даже из его собственных донесений можно получить некото-

¹⁾ «Египет», № 4 (1886 г.), стр. 40—42.

²⁾ Там же, № 11 (1887 г.), стр. 60—71.

³⁾ Для того, чтобы не испортить картины о самостоятельности природы, лорд Кромер посвящает этому чрезвычайно важному вопросу о лондонской конвенции несколько незначительных фраз. «Конференция великих держав, — говорит он (цит. соч., т. 2, стр. 366), — собралась летом 1884 г. в Лондоне для рассмотрения финансового положения, но раз'ехалась, не придя ни к какому практическому заключению». А в примечании он добавляет: «Потом были приняты некоторые решения относительно вопросов, обсуждавшихся на конференции. Они были выражены в соглашении, подписанном в Лондоне представителями всех великих держав 17 марта 1885 г.». Вот великолепный образчик правдивости и исторической беспристрастности лорда Кромера. В хронологической «Таблице событий» в конце второго тома 18 марта 1885 г. имеется следующая отметка: «Египетский заем в 9.000.000 ф. ст. гарантирован великими державами». И больше ничего! Вот на каком основании зиждется слава лорда Кромера.

рые сведения относительно различных отдельных мер, предпринятых им для сбалансирования бюджета, и нельзя сказать, чтобы полученное таким путем впечатление от его работы было благоприятным. Например, бюджет 1885 г. окончился с излишком в 500.000 ф. ст.¹⁾ Лорд Кромер в донесении лорду Розбери сам сознается, что «земельный налог собирався с большой строгостью»²⁾, т.-е. посредством таких мер, которые являются характерными только для «тяжелого и полуварварского режима» прошлого времени. Мы узнаем, что в 1885 г. началась варварская распродажа уделов и Даиры, которая, хотя и дала значительный доход на много лет вперед, вместе с тем лишила египетское государство значительного и постоянного источника богатства³⁾. Это была политика, похожая на ту, которой держался Измаил-паша в вопросе о Мукабале,—т.-е. жертвовать будущим ради кротковременного настоящего. В самый первый год, т.-е. в 1885 г., было продано земель не менее, чем на сумму в 437.000 ф. ст.; в течение следующих лет было продано значительно меньшее количество, но все-таки было реализовано земель на сумму в 118.000 ф. ст.⁴⁾

Через год был найден еще один замечательный источник дохода в виде платы за освобождение от военной службы. В июне 1886 г. был издан декрет, в силу которого лица, подлежащие рекрутскому набору, могли освободить себя от военной службы, уплатив известную сумму денег, которая колебалась между 40 ф. ст. до начала набора и 100 ф. ст. после призыва. «Декрет,—доносил лорд Кромер в министерство,—не только сделается популярным во всей стране, но благодаря ему прибавится значительная сумма к доходам страны»⁵⁾. Что касается надежды лорда Кромера на популярность его меры, то это только было *façon de parler*. И действительно, даже в Англии декрет был сурово раскритикован. Что же касается увеличения дохода, то в этом отношении его надежды вполне оправдались. Конечно, эта мера, имевшая только финансовую цель, была в сущности не чем иным, как средством вымогать деньги у египетского населения, согласно с менявшимися требованиями казначейства. В октябре 1886 г. было призвано на военную службу 262.000 человек. Из них 114.000 было признано годными, и 3.141 ч. заплатили выкуп. Вся полученная таким путем сумма равнялась 159.000 ф. ст.⁶⁾ В следующем году добытая таким способом сумма составляла 281.000 ф. ст.⁷⁾ Лорд Кромер пытался оправдать эту меру, указывая на то, что большинство лиц, покупавших себе освобождение

¹⁾ «Египет», № 4 (1886 г.), стр. 178.

²⁾ Там же, стр. 179.

³⁾ Там же, № 1 (1898 г.), стр. 53. Последние земли даирских поместий были проданы в 1908 г., и общая сумма, вырученная за них, составляет 3.200.000 егип. ф. ст. Большая часть домен также была продана приблизительно за 12.000.000 егип. ф. ст. Местное общественное мнение, однако, исчисляет настоящую стоимость проданных земель в 130.000.000 егип. ф. ст. («Аль-Арам», 5 июля 1907 г.).

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, № 2 (1887 г.), стр. 26.

⁶⁾ Там же, № 3 (1887 г.), стр. 108. В последующих отчетах эта самая сумма превратилась в 249.000 ф. ст.

⁷⁾ Там же, № 4 (1888 г.), стр. 5.

от военной службы, были сыновьями зажиточных людей. Так, он отмечает, что сумма, вырученная в 1886 г. в размере 95.000 ф. ст., была заплачена сыновьями шейхов и богатых землевладельцев¹⁾. Но помимо бесчестности вымогательства денег даже у зажиточных классов, имела сумма, превышавшая 60.000 ф. ст., которая была выплачена людьми класса феллахов. И нет никакого сомнения, насколько разорительной оказывалась уплата такой суммы для бедных крестьян, сыновья которых специально заносились в призывные списки для того, чтобы вынудить с них выкуп.

Кроме этих заprotoколированных мер, было много других, менее значительных и не сохранившихся в протокольных записях, которые помогли лорду Кроммеру благополучно прожить эти три роковых года—1885—1887. Мы не знаем, например, не была ли часть тех миллионов фунтов, которые по конвенции были ассигнованы на ирригацию, употреблена для других целей, так как видим в отчетах только упоминание о сравнительно незначительных суммах, затраченных на перестройку Нильской плотины и другие, менее крупные работы на каналах²⁾. Нет сомнения, что деньги были потом выплачены, но на время они, может быть, были употреблены — по всей вероятности так и было — на сбалансирование бюджета. Затем мы знаем, что крупные суммы денег время от времени занимались в Долговой Кассе; такой образ действий не был бы допущен при прежних правительствах. Декретом 22 июня 1886 г. комиссарам Долговой Кассы «разрешалось» ссужать правительству свободные средства под обеспечение³⁾, и в то же самое время началась кампания с целью совершенно убрать с дороги комиссаров. Сэр Генри Друммонд-Вольф, находившийся в то время в Египте, горько жаловался лорду Розбери на вмешательство Долговой Кассы в дела Египта: «она часто — утверждал он — действует совершенно вразрез с финансовой политикой правительства, направляемой финансовым советником. Ясно, что необходимо рассмотреть вопрос о том — продолжал он, кивая на других, — насколько уместно предоставлять такие полномочия группе иностранцев... Я предложил бы предпринять некоторые шаги для того, чтобы согласовать функции Долговой Кассы с общими интересами египетского народа»⁴⁾. Не странно ли, что англичане только в 1886 г. усмотрели несправедливость в том, что иностранцы вмешиваются во внутренние дела Египта? Цель всего этого заявления ясна, но оно ни к чему не привело. Французы не захотели допустить, чтобы египетское правительство захватило суммы, находившиеся в распоряжении Долговой Кассы, и лорду Кроммеру пришлось удовольствоваться займами «под обеспечение».

Вместе с тем, когда наступил 1887 г. все еще была перспектива, что бюджет может закончиться дефицитом. Между 1884 и 1887 г.г. доходы от прямых налогов возросли только с 5.407.000 до 5.468.000 ф. ст.,

¹⁾ «Египет», № 3 (1887 г.), стр. 108.

²⁾ Первый расход в сумме 470.300 ф. ст. был сделан только 11 января 1887 г. «Египет», № 11 (1887 г.), стр. 22.

³⁾ Там же, № 3 (1887 г.), стр. 47.

⁴⁾ Там же, № 5 (1887 г.), стр. 25.

несмотря на то, что в 1887 г. иностранцы впервые были обложены квартирным налогом. Доходы от косвенных налогов также возросли в очень незначительном размере, а именно — с 1.629.000 до 1.741.000 ф. ст. В то же время доходы, получаемые не с налогов, уменьшились за этот период с 1.865.000 до 1.788.000 ф. ст.¹⁾. Такой слабый подъем, без сомнения, обуславливался разорением страны, последовавшим за войной и общим падением цен. При таких обстоятельствах являлось необходимым предпринять целый ряд чрезвычайных мер для того, чтобы представить хороший финансовый баланс и, сверх того, выполнить обязательство, возложенное конвенцией относительно уплаты удержаний по купонам, которые к этому времени достигали 437.000 ф. ст. Лорд Кроммер решил прибегнуть к маленькому обману. До того времени жалование чиновникам выплачивалось в последний день месяца. Теперь вдруг решили им платить жалование первого числа следующего месяца. Результатом этой меры было то, что на бюджет 1887 г. легло только жалование за 11 месяцев, что временно давало выигрыш в 200.000 ф. ст.²⁾. Подобный же прием был применен по отношению к Даире и доменам. Их финансовые отчеты обычно сводились к 1 апреля. Теперь было решено заканчивать книги к концу декабря, а недочеты за три месяца, доходившие до 140.000 ф. ст., были перенесены в счета 1888 г.³⁾. Таким способом расходы за 1887 г. были снижены с 9.531.000 ф. ст. до 9.191.000 ф. ст., и в результате получился излишек в 450.000 ф. ст., при помощи которого были оплачены вычеты с купонов⁴⁾. 21 марта 1887 г. лорд Кроммер торжественно поставил в известность свое правительство, что египетское правительство выплатило Долговой Кассе все недоимки и не считает более нужным взимать пятипроцентный налог с купонов⁵⁾.

Так путем самых необычайных манипуляций, на-ряду с финансовыми мерами весьма сомнительного свойства, положение было спасено как для Англии, так и для самого лорда Кроммера. Конечно, составление бюджета 1888 г. представляло новые затруднения из-за того, что на него было перенесено некоторые платежи, которые по существу относились к предыдущему году. Но эти трудности были легко превзойдены. Под предлогом беспорядков на границе было призвано огромное количество рекрутов, и в то же время сумма выкупа была понижена с 40 ф. до 20 ф., чтобы таким путем сделать «привилегию» освобождения от военной службы «доступной» и для беднейших классов населения. В результате была выручена сумма в 159.000 ф. ст.⁶⁾. Затем был введен выкуп за освобождение от трудовой повинности на тех же принципах вымогательства в размере 30 пиастров в Верхнем и 40 — в Нижнем Египте, что дало блестящие результаты, обогатив за этот год казначейство на 88.000 ф. вместо 6.000 ф. ст. в 1887 г., которые были по-

1) «Египет», № 4 (1888 г.), стр. 3.

2) Там же, стр. 6.

3) Там же.

4) Там же.

5) Там же, № 11 (1887 г.), стр. 85.

6) Там же, № 4 (1889 г.), стр. 25.

лучены путем специального налога взамен трудовой повинности¹⁾. Наконец, новый источник дохода был установлен в этом году в виде акциза на туземный табак. На табак до сих пор существовал городской налог (октруа) в три пиастра за око ($2\frac{1}{3}$ ф.), а табачные плантации были обложены налогом в 250 пиастров с акра. Так как в среднем табачные плантации давали около 250 оков с одного акра, то туземный табак приносил казначейству 4 пиастра за око. Лорд Кромер нашел, что этот незначительный налог являлся «слишком высоким актом протекционизма», так как табак, ввозимый из Греции или Турции, оплачивался пошлиной в двенадцать с половиной пиастров за око. Как убежденный фритредер, он не мог этого долее терпеть. К тому же «довольно значительная часть таможенных доходов не попадала в казначейство, так как рост производства и потребления туземного табака, естественно, уменьшал ввоз иностранного табака»²⁾. Старый октруа на табак был уничтожен, а налог на табачные плантации был увеличен с 2 ф. 10 шиллингов до 30 ф. с акра! Результатом этого было то, что в 1888 г. 333.000 ф. ст. были выручены от пошлин на ввозной табак, тогда как доход с табачного акциза упал до 10.000 ф. ст.³⁾ Это была необычайная финансовая реформа. Впоследствии, в 1890 г., видя, что туземный табак все еще находится под «сильным покровительством», так как, несмотря на большие налоги, его все-таки продолжали разводить, лорд Кромер издал указ, которым вся площадь для возделывания табака ограничивалась 1.500 акрами⁴⁾, а несколько месяцев спустя разведение табака было окончательно запрещено под угрозой большого штрафа или конфискации урожая. В то же время ввозная пошлина была увеличена более, чем на 40%, так что таможенный сбор с табака составил в этом году 1.200.000 ф. ст.⁵⁾ Блестящий финансовый результат был, таким образом, достигнут весьма простой реформой; египтяне, однако, и по сегодняшний день оплачивают утрату одной из своих лучших отраслей промышленности.

Излишне описывать дальше те меры, при помощи которых лорд Кромер восстанавливал бюджетный баланс в критические годы 1885—1888. Вышеприведенные примеры достаточно вразумительны. Это были все такие меры, которых не допустила бы ни одна культурная страна и которые фигурировали в отчетах прежних международных анкетных комиссий в качестве ярких примеров анархического управления египетскими финансами расточительного Измаила-паши. То, что Египет вообще оказался в состоянии выдержать их, объясняется исключительной по своей мощности производительной силой страны, но так же верно и то, что египетский крестьянин — самый бедный на всем пространстве земли.

Теперь, когда временные затруднения были преодолены, все остальное было только тихим плаванием. В 1887 г. была еще раз сделана ре-

1) «Египет» № (1889 г.), стр. 25.

2) Там же, № 4 (1888 г.), стр. 19—20; № 3, (1888 г.), стр. 79—83.

3) Там же, № 4 (1889 г.), стр. 23.

4) Там же, № 1 (1890 г.), стр. 14.

5) Там же, № 2 (1890 г.), стр. 161—162.

шительная попытка добиться уменьшения процентов по долгам. Сэр Генри Друммонд-Вольф, к миссии которого мы обратимся впоследствии, написал в этом году длинный отчет о финансовой системе Египта, в котором он сожалел о тех «огромных лишениях, которые эта система причиняла населению страны». «Это ляжет позорным пятном, — продолжал он, — на правительство, если не будет сделано какой-нибудь попытки облегчить тяжелое бремя, лежащее на феллахх вследствие долгов, которые подрывают их стимул к труду и часто ведут к лишению имущества и средств к существованию». По его подсчету, не менее половины государственных доходов, «хотя и добытых обложением труда и имущества египетского народа, выплачивалась иностранцам и уходила за границу». «Если бы долг, — поясняет он, — был вызван войнами или чрезмерными расходами, одобренными народом, то, быть может, было бы некоторое основание заставить его нести непосильное бремя. Но он не имел голоса и был только пассивным орудием, как бы выучным животным в руках правителей, чьи пороки, честолюбие и расточительность создали этот огромный долг» ¹⁾.

Нет сомнения, что Вольф имел благие намерения и его заявления были вполне искренни. Но что замечательно, так это то, что эти заявления появились много лет спустя после того, как критикуемый порядок вещей был установлен ценой несказанных страданий и потери независимости! Мысль, которую проводил Вольф, сводилась просто к уменьшению процентов с долга для того, чтобы еще более облегчить работу лорда Кромера. При прежних условиях такая идея вызвала бы взрыв негодования со стороны Европы, которая увидела бы в этом попытку нарушить «международные обязательства». Теперь же это было только гуманностью, справедливостью и т. д. Но результатов от этого никаких не получилось. Европа осталась глухой к голосу гуманности и справедливости, и размер процентов остался на время таким же, каким был с 1880 г.

Лорд Кромер, впрочем, теперь не испытывал особенной нужды в таких реформах. Перечисленных выше мер вместе с облегчением бремени, оказанным конвенцией 1885 г., было достаточно, чтобы бюджет был поставлен на прочное основание, тем более, что вексельные долги уже были ликвидированы. В июле 1888 г. был учрежден общий резервный фонд, куда должны были поступить все сметные излишки и накапливаться до суммы в 2.000.000 ф. ст., после чего они должны были употребляться на погашение долга. Правительству, однако, предоставлялось право делать займы из этого фонда, к чему оно впоследствии нередко и прибегало ²⁾. В начале 1889 г. фонд уже достиг 600.000 ф. ст., а в течение

¹⁾ «Египет», № 7 (1887 г.), стр. 66 и 67.

²⁾ Там же, № 3 (1893 г.), стр. 6. До 1893 г. было занято более 750.000 ф. ст. — привилегия, какой не пользовалось ни одно из прежних правительств. Этот фонд находился в распоряжении Долговой Кассы. Другой, специальный резервный фонд был доверен египетскому правительству, главным образом, для производства общественных работ. Но в 1897 г. более 1.300.000 ф. ст. было тайно взято оттуда для Донгольской экспедиции, и британскому правительству пришлось вернуть эти деньги, когда это было раскрыто. Перед этим лорд Кромер убедил Долговую

этого года он еще возрос на 237.000 ф. ст. Бюджет этого года, как выразился лорд Кромер в своем отчете, «был, бесспорно, самым удовлетворительным в истории Египта»¹⁾. Ввозная пошлина на табак дала 442.000 ф. ст., выкуп от военной службы — 91.000 ф. ст., от продажи земель получилось 42.000 ф. ст., от выкупа по трудовой повинности — 123.000 ф. ст. и весь доход в целом составил 9.719.000 ф. ст., а расходы выразились в 9.523.000 ф. ст.²⁾ Следующие годы оказались еще более цветущими, так что, благодаря излишкам, расходы по управлению могли превысить размер, определенный лондонской конвенцией, на сумму свыше 100.000 ф. ст. в год³⁾. В этом и заключалось преимущество, которое имел, благодаря конвенции, лорд Кромер перед контролерами 1880—1882 г.г. С ростом доходов он всегда мог рассчитывать на половину излишков для целей управления, к которой прибавлялись еще суммы, вырученные от продажи земель и проценты с капиталов. В 1890 г. египетский кредит был настолько восстановлен, что великие державы разрешили конверсию старого привилегированного долга и долгов по земельным владениям Даиры, вследствие чего общий итог египетской задолженности номинально увеличился, но проценты с этих долгов были уменьшены до 3½%, и, кроме того, получилась сумма в 1.300.000 ф. на ирригацию и для других целей⁴⁾. В 1891 г. лорд Кромер имел уже возможность написать в Англию, «что финансовое равновесие теперь обеспечено. Можно с уверенностью сказать, что понадобился бы целый ряд несчастных событий... для того, чтобы состоятельность египетской казны подверглась опасности»⁵⁾. В следующем году, делая донесение об общем балансовом излишке в 951.000 ф. ст., он повторил те же самые уверения: «Я отнюдь не предаюсь излишнему оптимизму, утверждая, что настоящее состояние египетских финансов может, при осторожном управлении, рассматриваться как нормальное, и что это не следует приписывать исключительным причинам, находящимся вне человеческого контроля»⁶⁾. Так было выиграно знаменитое состязание в беге с банкротством⁷⁾.

В спорте принято правило, что все участники начинают с одного места, и добиваются успеха при одинаковых условиях и одинаковыми средствами. Область финансов едва ли является спортом, но, говоря о «состязании» применительно к достижениям лорда Кромера⁸⁾, его поклонники едва-ли сослужили ему хорошую службу. Какую бы мерку

Кассу дать ему из другого фонда аванс в 500.000 ф. для суданской кампании, но держатели бонн возбудили иск, и египетскому правительству пришлось возвратить деньги («Египет», № 1 (1897 г.), и № 1 (1898 г.), стр. 4).

¹⁾ Там же, № 1 (1890 г.), стр. 12.

²⁾ Там же, стр. 7.

³⁾ Там же, № 3 (1893 г.), стр. 5.

⁴⁾ Там же, № 2 (1891 г.), стр. 6—7.

⁵⁾ Там же, стр. 2.

⁶⁾ Там же, № 3 (1893 г.), стр. 5.

⁷⁾ «Борьба была продолжительной и упорной... Можно сказать, что период неуверенности продолжался до 1888 г. К этому времени состязание было выиграно» (лорд Кромер. Цит. соч., т. 2, стр. 444).

⁸⁾ Сравнение с состязанием в беге принадлежит лорду Мильнеру.

мы ни употребляли для сравнения его успеха с делом его предшественников, мы неизбежно придем к тому заключению, что состязание было выиграно им при исключительно благоприятных условиях. Он вступил в состязание не с того места, с которого начинали другие, а с места, которое было намного впереди и, следовательно, находилось ближе к цели. К тому же, кроме тех преимуществ, которые уже были предоставлены его непосредственным предшественникам и фактически облегчали ему приз, он получил еще целый ряд новых привилегий, которые, взятые вместе, дали ему огромное преимущество перед его соперниками. Наконец, ему дана была возможность для достижения успеха пользоваться средствами, из которых каждое, взятое отдельно, было бы достаточно, чтобы всякого другого на его месте арбитры прогнали с ристалища. Поэтому мы никак не можем сказать, что лорд Кромер заслуженно владеет призовым кубком. Даже и с половиной тех средств, которые были в его распоряжении, Измаил-паша легко выиграл бы состязание, а без них и сам лорд Кромер ничего не добился бы.

ГЛАВА XVIII

УНИЧТОЖЕНИЕ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ И КУРБАША

Лорд Кромер, мировая финансовая знаменитость, завоевал себе также репутацию просвещенного и гуманного администратора, явившего миру один из самых поразительных примеров того, какое огромное благотворное влияние цивилизованное управление может дать низшей и полуварварской расе. Фактически для большинства реформаторов, как в Англии, так и в других странах, не столько успех его финансового управления, сколько уничтожение некоторых наиболее ненавистных пережитков варварства, сохранившихся в Египте через все столетия его исторического существования, составляет главную заслугу кромеровского управления. Целые тысячелетия символом закона и справедливости в Египте был грозный «курбаш», — плеть, при помощи которой выколачивались налоги, добывались нужные показания, наказывались преступники и творился произвол и малых, и больших управителей. Это ужасное орудие власти исчезло с появлением лорда Кромера.

Еще более благотворным явилось уничтожение другого варварского института — системы трудовой повинности, приносившей несказанные страдания и полное разорение десяткам и тысячам феллахов, которых ежегодно отрывали от их хозяйств и пригоняли на Нил для очистки каналов и наблюдения на случай возможных наводнений. Не получая ни пищи, ни платы, ни подходящих орудий для работы, ни крова, несчастные крестьяне должны были работать день и ночь в продолжение недель и месяцев, под надзором надсмотрщиков, вооруженных палками, и сотнями умирали от истощения, жары и голода. Большинство государственных сооружений прошлого было построено этими подневольными работниками, и нередко под предлогом общественной необходимости, работы в частных поместьях и промышленных заведениях должностных лиц, начиная с вице-королей и кончая местными шейхами, производились этим обездоленным классом крестьян. Ни один феллах не мог считать себя свободным от призыва на трудовую повинность, и легко себе представить, к каким злоупотреблениям должна была привести такая система. Лорд Кромер уничтожил все это. Впервые на протяжении всей своей долгой истории египетский феллах сделался свободным человеком, и все признаки рабства его были уничтожены.

Одних этих двух реформ было бы достаточно, чтобы снискать лорду Кромеру репутацию крупного администратора. Но ему удалось провести еще целый ряд других реформ, как, например, искоренение подкупности среди чиновников и облегчение налогового бремени народных масс, что еще более увеличило ценность его управления. Египет сделался не только финансово-благополучной, но также и цивилизованной страной, где царило беспристрастие в судах, управление было свободно от продажности, а массы населения могли пользоваться мирно и полностью плодами своих трудов.

Вот что говорится о двадцатилетнем управлении лорда Кромера. Но нам, как беспристрастным историкам, следует отыскать правду, так как из того, что мы знаем об отношении между правдой и поэзией в повествованиях египетской истории, мы вправе заключить, что и в данном случае не все, что идет за чистую монету, свободно от примеси какой-нибудь лигатуры. Может быть, все это окажется не чем иным, как фальсификацией?

Рассмотрим сначала вопрос о трудовой повинности. Надо отметить, что этот институт не всегда оценивался так, как потом это сделалось обычным. Хотя путешественники часто описывали его с неподдельным ужасом, лица, более знакомые с положением страны, были склонны видеть в нем нечто неизбежное при данных обстоятельствах. «Если принять во внимание — писал еще в 1871 г. британский консул в Александрии, — что поддержание каналов на должном уровне является здесь необходимым условием, без которого страна превратилась бы в пустыню, то мне не кажется несправедливым заставлять жителей вкладывать свой труд в то, что так важно для благосостояния страны»¹⁾. Через два года, жалуясь на злоупотребления, которые часто вызывала система трудовой повинности, тот же консул писал: «так как сельско-хозяйственное благосостояние и даже существование населения страны всецело зависят от поддержания каналов на известном уровне, то я не вижу причины считать тяжелой повинностью то, что население заставляет под надлежащим и благоразумным руководством работать для этой цели»²⁾. Это принципиально вполне правильный взгляд. Как граждане, мы обязаны все вносить свою долю на поддержание условий, от которых зависит наше общественное существование, а будет ли эта доля вноситься деньгами, трудом или натурой, определяется господствующими экономическими условиями. В стране, как Египет, где до самого недавнего времени преобладало натуральное хозяйство, где испытывался недостаток в деньгах, а наемный труд был в сущности неизвестен, — натуральные налоги, до известной степени и трудовая повинность, были почти неизбежны, и хотя такая система оказания общественных услуг стоит гораздо ниже системы денежных налогов и свидетельствует об отсталости экономического развития, тем не менее только невежды могут осуждать ее, как простую разновидность рабства. На самом деле трудовая повинность в Египте является в той же мере рабством, как и

¹⁾ Ко н'с, донесения 563, (1872 г.), стр. 379.

²⁾ Там же, 1009 (1874 г.), стр. 728.

воинская повинность, которая сейчас принята на континенте в Европе, и лорд Дафферин был вполне прав, сравнивая ее с «levée en masse» для отражения неприятеля¹⁾. Конечно, бывали злоупотребления при этой системе; они неизбежны при неответственном правительстве, которое целиком базировалось на абсолютизме. Но если мы вспомним те злоупотребления, которые существуют в армиях многих цивилизованных стран нашего времени, то мы не очень-то должны возмущаться положением дел в стране, которая «только что выходит из состояния варварства». И действительно, такое возмущение выявлялось в британских общественных кругах только в последнее время царствования Измаила-паши, когда явилась необходимость склонить общественное мнение к оправданию сначала финансового, а потом политического вмешательства в дела Египта. Тогда такие люди, как Вильерс Стюарт, заполняли столбцы прессы описаниями разных ужасов трудовой повинности²⁾, совершенно забывая при этом те ужасы, которые были гораздо ближе к ним в самой Англии, на ланкаширских фабриках, на стеклянных заводах и в разных вертепах, где эксплуатируется труд.

Когда англичане захватили власть в Египте, все ожидали, что скоро будет положен конец этой варварской системе. Опыт прошлого, однако, не слишком-то вдохновлял к этому. Попытка борьбы с этим была сделана еще во времена Двойственного Контроля, когда было разрешено откупаться лицам, подлежащим трудовой повинности, и добытые таким путем средства употреблять на наем квалифицированных свободных рабочих и приобретение машин и инструментов³⁾. Опыт этот, однако, не удался, как объясняли, главным образом, благодаря устаревшему порядку сборов и недостатку сил и организованности в министерстве⁴⁾. Соображаясь с этим, даже лорд Дафферин, занимавшийся в 1883 г. этим вопросом, сомневался насчет результатов, которых можно было бы достигнуть при новых попытках уничтожить эту систему. «К несчастью, — говорит он, — это одно из тех зол, которые нельзя вполне уничтожить». Единственно, на что он надеялся, это — при умелой организации рабочей силы страны... уменьшить количество потребной принудительной работы до половины против настоящего⁵⁾. И вот, не прошло нескольких лет, как мир был поражен известием, что трудовая повинность уничтожена и более не существовала. Это было истинным торжеством управления лорда Кромера. Как же это было достигнуто?

Мы уже видели, что в 1886 г. вместо того, чтобы сократить налоговое бремя на сумму в 450.000 ф. ст., как было установлено лондонской конвенцией, часть этой суммы, а именно 250.000 ф. ст., была употреблена на наем свободного труда взамен принудительных работ. Полковник Скотт-Монкриеф высчитал, что в то время, как среднее число лиц, подлежащих трудовой повинности, за последние 4 года составляло

¹⁾ «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 67—68.

²⁾ Там же, № 7 (1883 г.), стр. 12, где тот же автор описывает эти ужасы.

³⁾ Там же, № 3 (1887 г.), стр. 68.

⁴⁾ Ровсэль, «Административный механизм Египта», в «Nineteenth Century», ноябрь, 1881 г.

⁵⁾ «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 68.

155.068 человек по 151 дню в году, или 234.153 чел. по 100 дней, число таких лиц в 1886 г., если 250.000 ф. ст. будут употреблены на наем свободного труда, уменьшится до 102.507 чел. на 100 дней, или иначе — на 56% ¹⁾. Однако количество людей, фактически призванных к трудовой повинности в 1886 г., было значительно меньше, а именно — 95.093 чел. ²⁾. Это было большим шагом вперед. Ясно, однако, что будь в распоряжении Двойственного Контроля или даже Измаила-паши ежегодно свободная сумма в 250.000 ф. ст., то они могли бы достигнуть того же успеха, как и лорд Кромер. Но, кроме обладания нужными средствами, был еще один факт, который сводит значение этой пресловутой реформы к еще более скромным размерам. Дело в том, что в то время трудовая повинность уничтожалась уже сама собой и исчезала без всякого содействия со стороны лорда Кромера и его помощников. Уже в 1883 г. Руссб-Бей, тогдашний министр общественных работ, доносил, что «принудительный набор ратников становится с каждым днем все более затруднительным, по мере роста идей, осуждающих применение принудительных мер и лишающих власть средств воздействия, без которых, к сожалению, нельзя обойтись» ³⁾. В начале 1886 г. полковник Скотт-Монкриеф, в специальном меморандуме по этому вопросу, также обращает внимание на тенденцию трудовой повинности к исчезновению, не столько благодаря прогрессу «нравственных идей», сколько благодаря росту латифундий, владельцы которых противились отпуску своих рабочих, а также благодаря уменьшению населения вследствие войн, обезлюдению деревень, образованию больших городов и т. д. В 1848 г., говорит он, население, подлежавшее трудовой повинности, достигало 634.000 чел.; в 1882 г. — только 376.029 чел.; и в то время как число принудительно призываемых работников за период 1879—1881 г.г. было в среднем 188.000 чел., фактически явившихся было только 112.000 в год. Описав все встреченные в этом отношении в 1884 г. затруднения, полковник Скотт-Монкриеф продолжал: «В начале 1885 г. затруднения с трудовой повинностью были еще значительнее... Ирригационный инспектор доносил, что принудительный призыв работников не удался, мудирь прямо заявили, что до тех пор, пока не будет снова введен курбаш, они не имеют никакой возможности принудить население к явке на работы... Я утверждаю самым категорическим образом, что вопроса о том, должна или нет работа в стране производиться принудительным трудом, более не существует. До известной степени она еще может производиться... но невозможно делать всю необходимую работу при помощи трудовой повинности, ибо областные чиновники говорят, что немыслимо увеличить принудительную работу без курбаша» ⁴⁾.

Ссылка на отсутствие курбаша могла быть сделана только с большой оговоркой. Как мы увидим, курбаш в то время был уничтожен толь-

¹⁾ «Египет», № 3 (1887 г.), стр. 49.

²⁾ Там же, № 3 (1888 г.), стр. 38.

³⁾ Там же, № 4 (1886 г.), стр. 135.

⁴⁾ Там же, стр. 135 и сл. Роусель в упомянутой выше статье также считает трудовую повинность «в том виде, как она существует», «одним из самых слабых и недостаточных общественных ресурсов».

ко на бумаге, и представлять себе, что постепенное падение трудовой повинности было вызвано исчезновением этого орудия принуждения — большое заблуждение. И действительно, полковник Скотт-Монкриеф упоминает, что это явление уже наблюдалось в 1879—1881 г.г., т.е. до оккупации, и его ссылки на рост крупных поместий и уменьшение деревенского населения были, конечно, ближе к истине. Тем не менее утверждение, что без применения принудительных мер нельзя было осуществлять трудовую повинность, вполне верно и является доказательством того, что эту систему уже тогда считали осужденной на исчезновение под влиянием факторов, стоявших вне человеческого воздействия.

Несколько месяцев спустя Нубар-паша высказал ту же мысль. Защищая перед Долговой Кассой непредусмотренное законом израсходование 250.000 ф. ст. на наем вольных рабочих на общественные работы, он сказал: «Правительство было убеждено, что совершает законный и справедливый акт, согласный с практикой хорошего управления. Кроме того (!), если бы оно не решилось на это, оно рисковало бы оставить страну без воды в сезон, когда в Ниле вода стоит низко, и подвергать ее наводнению во время половодья». Перечислив далее причины, которые, по его мнению, привели к падению трудовой повинности, — к чему мы обратимся позднее, — он продолжал: «Мобилизация на трудовую повинность при новых условиях сделалась почти невозможной. Совет общественных работ, будучи хорошо ознакомлен с положением дел, сам сократил количество работ за 1885 г. вследствие трудности призыва на трудовую повинность, и тем не менее вместо требовавшихся 116.607 чел., с огромными усилиями было набрано всего 83.346 чел. Следует далее отметить, что правительство, движимое теми же соображениями... приняло в 1885 г. меры по приведению в исполнение работ подрядным путем в двух наиболее важных провинциях Нижнего Египта».

В этих словах — все. Если бы не случайность, что лорду Кромеру и его подчиненным пришлось защищаться перед Долговой Кассой по поводу неправильного употребления 250.000 ф. ст., мы никогда не узнали бы истинных мотивов, приведших к осуществлению «великой реформы» — уничтожению трудовой повинности. Но теперь мы знаем, что такой реформы совсем и не было, что трудовая повинность к тому времени сама собой уничтожалась, и что 250.000 ф. ст. были употреблены не на замену трудовой повинности, а для заполнения пустого места, оставшегося после ее исчезновения. Никогда еще не создавалось такой великой добродетели из того, что составляло неизбежную необходимость. Пройди еще несколько лет, и такой трюк был бы невозможен. Лорду Кромеру, однако, посчастливилось не опоздать с своим появлением, и он пожал себе славу великого человека там, где не было никакой жатвы. Мимоходом перед нами вскрываются истинные мотивы сильной агитации, развившейся в период 1884—1885 г.г. в пользу уменьшения земельного налога. Лорд Кромер понимал, что необходимо найти средства для того, чтобы иметь возможность нанять рабочих для выполнения нужных общественных работ, от которых все зависело, а так как обложение новыми налогами было невозможно, то израсходование

на это части земельного налога, уже собранного для этой цели, сделалось совершенно необходимым. И вот разыграна была комедия гуманности, чтобы достигнуть намеченной важной цели.

Таковы были истинные размеры пресловутой реформы лорда Кромера. Другое, хотя и менее важное, мерило для оценки можно усмотреть в том факте, который может удивить некоторых читателей, а именно, что, несмотря на все хвастливые заявления, трудовая повинность существует и поныне. Из года в год работники в порядке принудительной повинности — в 1904 г. не менее 241.528 чел. на 100 дней, в 1903 г. — 11.244 чел., в 1900 г. — на этот же срок 15.439 чел. — вызываются в значительном количестве из деревень то для охраны нильских плотин и заграждений, то для борьбы с хлопковым вредителем и т. д.¹⁾

Подобно молоденькой женщине, которая в оправдание рождения ею незаконного ребенка говорила, что он совсем крошечный, лорд Кромер много раз отрицал эти остатки подневольного труда, как не имеющие большого значения. В годовом отчете за 1892 г., указывая в тексте на всю важность своей реформы, он бросает мимоходом в примечании такое замечание: «Для того, чтобы избежать всяких недоразумений, я хочу пояснить, что, говоря об уничтожении принудительной трудовой повинности, я имею в виду замену принудительного труда свободным в ежегодной работе по очистке каналов. Именно это и составляло в прежние годы такое тяжелое бремя для населения. Принудительный труд до сих пор существует, когда требуется избежать наводнения во время исключительного половодья Нила»²⁾. Вся недобросовестность такого приема: отметить лишь вскользь в примечании тот факт, что, несмотря на громкую рекламу, система принудительных работ существует, вполне очевидна. За пять лет перед этим лорд Сольсбери передал ему петицию «Британского и Иностранного О-ва борьбы с бедствием», указывая на необходимость «полного уничтожения пагубной системы принудительных работ». «Британская оккупация Египта, — говорилось в петиции, — делает очень мало в установлении вольностей народа, если она не освобождает народ совершенно от этого печального гнета»³⁾. На это лорд Кромер не ответил, что полная отмена трудовой повинности невозможна или нежелательна. Он просто выразил свое сожаление, что «при настоящем финансовом положении Египта нет достаточных фондов для полного уничтожения принудительного труда и замены его платным»⁴⁾. Он обещал, однако, что при более

¹⁾ В 1887 г. был даже издан декрет, уполномочивавший провинциальных губернаторов требовать услуг всех работоспособных жителей их областей в случае опасности наводнения («Египет», № 2 (1888 г.), стр. 78). В своем отчете за 1908 г. сэр Эльдон Горст, преемник лорда Кромера, объявил, что в виду опустошений, производимых хлопковыми вредителями, «на будущее время восстанавливается прежняя практика специальной службы для этой работы по борьбе с вредителями» («Египет», № 1 (1909 г.), стр. 21), и в 1909 г. было, действительно, реквизировано до 110.000 детей, «чтобы обрывать листья, поврежденные червем» («Египет», № 1 (1910 г.), стр. 18).

²⁾ Египет, № 3 (1893 г.), стр. 4.

³⁾ Там же, № 2 (1888 г.), стр. 43—44.

⁴⁾ Там же, стр. 58.

благоприятном состоянии финансов египетские феллахи в самом недалеком будущем «будут совершенно освобождены от угнетающего их бремени». Такое состояние скоро наступило. В 1890 г., как мы сказали, была совершена конверсия части государственного долга, и сумма в 1.300.000 ф. ст. была получена для задач управления. Франция согласилась, чтобы 150.000 ф. ст. из этой суммы в дополнение ко взятому уже 250.000 ф. пошли на увеличение ежегодного фонда на оплату общественных работ и употреблялись на наем свободных рабочих¹⁾. Впоследствии это дало лорду Кромеру возможность заявлять, что «уничтожение» трудовой повинности обходилось ему в 400.000 ф. ст. ежегодно. Но хотя теперь имелось уже достаточно денежных средств и египетское казначейство, благодаря финансовым успехам последних лет, все более обогащалось, обещание, данное О-ву борьбы с рабством, никогда не было исполнено. Напротив, после неоднократно повторенных заявлений, что эта позорная система должна быть и будет уничтожена, лорд Кромер в 1896 г. писал следующее: «Я сомневаюсь, представится ли когда-нибудь возможность совершенно уничтожить принудительный труд в его настоящем, весьма умеренном виде. Последствия сильного повреждения береговых сооружений во время нильского половодья окажутся настолько губельны, что, я думаю, никакое компетентное и хорошо осведомленное с фактами правительство не возьмет на себя ответственность за проведение таких мероприятий. К тому же,—прибавляет он,—работа, которая обычно производится дозорными, самая легкая»²⁾. Мы не знаем, насколько это последнее замечание верно, но если даже оно и справедливо, принудительный труд все же остается тем, что он есть — «одним из видов рабства». Ни О-во борьбы с рабством, ни сам лорд Кромер никогда не ограничивали себя только борьбой с злоупотреблениями, какие бывают при системе принудительного труда. Этот институт в целом был признан несовместимым с свободой египетского народа. Теперь же оказалось невозможным полное уничтожение его³⁾ по тем основаниям, которые дают возможность применять принудительный труд ко всем работам, касающимся Нила. Но все,

1) Франция была вынуждена дать свое согласие на такое использование 150.000 ф. угрозой, что в противном случае будет собираться добавочный земельный налог для того, чтобы иметь возможность нанимать вольных рабочих, за неимением подневольных («Египет», № 1 (1890 г.), стр. 13 и № 2 (1890 г.), стр. 80).

2) Лорд Кромер к этому времени сделал еще то открытие, что полное уничтожение принудительных работ «вовсе не будет популярно в стране» («Египет», № 2 (1897 г.), стр. 14), — мнение, которое было высказано Спюартом еще в 1883 г. в целях оправдания слишком снисходительного взгляда лорда Дафферина на этот вопрос. «Надо признать тот факт, что принудительные работы пользуются сочувствием всей массы населения Египта» («Египет», № 7 (1883 г.), стр. 12).

3) В 1893 г. была сделана попытка уничтожить принудительность работ даже по охране берегов Нила, и хотя надсмотрщики получали всего только по 20 коп. в день, этот опыт показался чересчур дорогим, и гуманности лорда Кромера не хватило на его повторение («Египет», № 1 (1894 г.), стр. 9). Несколько лет перед этим лорд Кромер сам писал лорду Сольсбери, «что уничтожение трудовой повинности является скорее финансовым и экономическим, чем гуманитарным вопросом» («Египет», № 11 (1887 г.), стр. 42—43).

повидимому, удовлетворились этими объяснениями и воздали лорду Кромеру хвалу за «уничтожение» принудительных работ!

Мы так подробно останавливались на истории этой «реформы» потому, что она представляет характерную иллюстрацию того, как возникли легенды о подвигах лорда Кромера, которые получили распространение благодаря, главным образом, самому же лорду Кромеру, при содействии раболопной прессы и невежественной публики. Мы не так подробно остановимся на истории другой «реформы» — уничтожения курбаша, потому что здесь сам лорд Кромер вскрыл лживость тех легенд, которые он сам и его сподвижники долгое время усиленно распространяли. Декрет, или вернее циркуляр, запрещающий применение курбаша, был одним из первых актов оккупации. Он был издан в 1883 г. по инициативе лорда Дафферина, который в своем донесении гордо заявил: «Я придаю этому акту огромное значение, как введению большей гуманности и культурности в гражданское управление страной»¹⁾. Все были в восторге и очень гордились. В октябре 1884 г. лорд Кромер отдал консульским агентам специальный приказ доносить о последствиях реформы и, отправляя эти документы, он писал: «Произошла уже огромная перемена, которая по существу вполне может быть оценена только людьми, которые, как я, в состоянии сравнить Египет в настоящий момент с тем, каким он был всего только несколько лет тому назад... Мало сказать, прежний произвол в управлении Египтом исчезает, он на самом деле уже исчез, и я смею усомниться в возможности его возрождения. Его исчезновение, к тому же, произошло с такой быстротой, какой, говоря по совести, я никогда не ожидал. Нарождается новая система управления с такой быстротой и с такими большими данными на успех, о каких может мечтать только крайний реформатор-утопист»²⁾.

Надо заметить, что это лирическое излияние было сделано только год спустя после издания приказа лорда Дафферина, запрещающего курбаш, и легко себе представить, какой живой отклик оно нашло в сердцах всех английских официальных и неофициальных патриотов, которые всего два года перед этим защищали или оправдывали войну! Но все это было только обманом и болтовней. Уже по одному тому приказ лорда Дафферина не может служить «вехой» для начала новой эры, что ему предшествовал в 1879 г., приказ Риаз-паши. «Употребление плетей,—писал Роусель, служивший в то время в управлении по доменам,—было запрещено, и наверно ни один европеец не захочет отменить этого приказа. Риазу-паше принадлежит честь отмены, вместе с другими утеснениями, массового и варварского применения плетей и палок»³⁾. И тут оказывается также, что были цари и до Агамемнона.

¹⁾ «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 36.

²⁾ Там же, № 1 (1885 г.), стр. 40.

³⁾ Роусель. Цит. соч. Читатель вспомнит (см. выше), что он же негодовал на Араби и остальных «идеалистов» за то, что они не применяли курбаша для поддержания авторитета губернаторов и землевладельцев. Мак-Кон («Egypt as it is», стр. 117) также указывает, что уже при Измаиле-паше была сделана попытка уничтожить курбаш.

Фактически вступительная часть декрета 1883 г. даже начинается с упоминания о «*les circulaires réitérées et précises*», которые были изданы прежде по этому вопросу¹⁾. Поэтому, если приказ лорда Дафферина действительно содействовал осуществлению указанной реформы, как об этом распространялся в своих хвalebных речах лорд Кромер, то он должен, по крайней мере, поделиться заслугами с Риаз-пашой, и часть лавров, венчающих оккупацию, должна быть уделена также Двойственному Контролю. Но произвел ли действительно приказ лорда Дафферина такую «огромную перемену», как утверждал лорд Кромер в 1884 г.? Никогда еще ни в одном официальном документе ответственного должностного лица не было столько обдуманной и поразительной лжи. Еще в 1891 г. лорду Кромеру в своем годовом отчете пришлось сознаться, что применение плетей было уничтожено только при сборе податей; что же касается применения их в целях вымогательства показаний на суде, то «я могу утверждать это с меньшей степенью уверенности». «Я не собираюсь утверждать, — продолжал он, — что применение курбаша и других видов пытки совершенно исчезло»²⁾. Вот что говорится после того, как семь лет назад объявлено, что «уже произошли громадные перемены», и что «прежний произвол в управлении Египтом фактически исчез» и т. д. Но лорд Кромер напрасно напускал на себя такую скромность, говоря о прекращении курбаша с «меньшей уверенностью», так как он прекрасно знал, что применение плетей и «других видов пытки» было тогда в полном ходу. В своей книге он много говорит о нем. «Это орудие, — пишет он, — было в широком употреблении в течение нескольких лет после издания сделавшего эпоху (!) циркуляра лорда Дафферина. В первые годы британской оккупации преступления возросли до такой степени, что Нубар-паша счел нужным учредить... комиссии по преследованию разбоев. Эти комиссии на деле заменили обычные судебные трибуналы. Снова прибегли к прежней системе пыток». И он по этому поводу приводит целую выдержку из отчета генерал-прокурора за 1889 г.³⁾.

Таким образом уничтожение курбаша является в значительной степени опять-таки легендой, пущенной лордом Кромером. Не раз и раньше эта реформа проводилась на бумаге и она оставалась долго на бумаге после того, как была декретирована британскими властями⁴⁾.

1) «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 36.

2) Там же, № 3 (1891 г.), стр. 4.

3) «Современный Египет», т. 2, стр. 404—405. Легкая ирония, с которой лорд Кромер говорит о наивности «отважного ирландца» (лорда Дафферина), когда тот издал свой циркуляр, очень поучительна при сравнении с его собственными рекламными приемами и тем, как он приветствовал этот акт в 1883 г.

4) «Курбаш», — писал Роу с е л ь (ц. соч.), — строго воспрещен, и есть основание думать, что его жестокое применение прекратилось. Но чтобы он совершенно вышел из употребления, так же сомнительно, как и предположение, что морской офицер никогда не ругается, потому что это запрещено регламентом королевцы. Сравните это с хитроумным способом, которым лорд Кромер признает неудачу циркуляра лорда Дафферина: «Главная причина, почему после циркуляра не погасла общественная жизнь в провинциях, заключалась в том, что этот циркуляр отчасти бездействовал». («Современный Египет», т. 2, стр. 404). Но тогда к чему

Окончательное исчезновение курбаша — хотя дело Деншаван показывает, что в исключительных случаях он и теперь применяется — обязательно, главным образом, исчезновению тех социальных условий, продуктом и, так сказать, символом которых он являлся. Как и все примитивные коммуны на востоке, египетское общество было организовано на патриархальном базисе, согласно которому всякая власть уподоблялась власти отца семейства, с его почти неограниченной potestas и исключительными обязанностями и правами представительства. В деревнях шейхи являлись представителями этой власти, и вся социальная жизнь деревни группировалась вокруг них. «Шейх, — писал Эдуард Дайси более 30 лет тому назад, — не является правительственным чиновником, а местным главой, ответственным перед общественным мнением общины и считающим себя защитником их интересов и прав. Во внешних сношениях шейх — представитель общины... Все внутреннее управление Египта основывается на принципе, что государство не имеет непосредственно дела с индивидами, но проявляет свою власть над ними через посредство шейхов. В отношениях между шейхом и индивидом произвольная власть шейха ограничивается авторитетом кади, который охраняет законы Корана» ¹⁾. Картина, знакомая всем, кто изучал примитивные общины Центральной Африки или остатки русского «мира». Patria potestas деревенских старост находит в ней свое собственное место, а вместе с ней и курбаш в его многообразных видах. Этот последний был не просто орудием физического воздействия, как палка современного полисмена. Его сила основывалась на нравственном авторитете шейхов, которые были живым воплощением воли общины.

Естественно, что с распадением деревенского общинного быта, явившимся последствием экономических перемен, и введением европейского индивидуалистического права власть шейхов тоже стала приходить в упадок, а вместе с ней падала и моральная санкция курбаша. Защищая перед Долговой Кассой неправильное присвоение 250.000 ф. ст., Нубар-паша вошел в рассмотрение причин, вызвавших исчезновение принудительных работ, и сказал: «По всем известным причинам узы, связывавшие феллаха с шейхом, а шейха с агентами правительства, за последние годы постепенно становились слабее. Организация судебных органов лишила шейхов, столпов прежнего правительства, той дискреционной власти, которой они свободно пользовались по отношению к крестьянам и которая делала возможными эти наборы en masse» ²⁾. Это была полная правда. Шейх и его палка, будучи лишены морального оправдания, не были более в состоянии требовать послушания и потеряли свою власть над феллахом. С этого времени курбаш мог оставаться только в качестве простого принудительного орудия и он, естественно, исчез. Его применение при собирании податей было еще обречено на исчезновение в 1875 г., когда Измаил-паша учредил новые трибуналы, которые ставили каждого крестьянина прямо перед лицом за-

же объявлять, что «лорд Дафферин нанес смертельный удар применению курбаша»? Такой же смертельный удар был нанесен и Измаилом-пашой и Риазом.

¹⁾ Э. Дайси. «Будущее Египта», Nineteenth Century, август 1877 г.

²⁾ «Египет», № 3 (1887 г.), стр. 63.

кона, без посредства шейхов. В области суда оно удержалось гораздо дольше, чем разрешало положение, но этим оно было обязано самим англичанам, которые, не различая социальной основы курбаша, продолжали применять его в качестве наказания и для получения показаний, в наивном убеждении, что примитивный народ доступен только таким доводам. Как только правительство само перестало искусственно его поддерживать, он немедленно исчез.

Отсюда видно, что в «уничтожении» курбаша заключалась такая же незначительная заслуга, как и в отмене трудовой повинности. Как реформа на бумаге, оно было проведено еще до циркуляра лорда Дафферина, а как реальная реформа оно осуществилось только много лет спустя. Когда, однако, исчезновение курбаша стало совершившимся фактом, это случилось не в силу бумажного декрета, а в результате социальной эволюции, которая сделала дальнейшее применение таких примитивных принудительных средств отчасти невозможным, а отчасти излишним. Курбаш уже исчез до известной степени и при прежнем порядке, а пережитки его сознательно сохранялись самими англичанами.

ГЛАВА XIX

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЛОРДА КРОМЕРА

В тесной связи с двумя «реформами», которые мы рассмотрели в предыдущей главе, стоит общий вопрос об экономическом прогрессе страны и, в частности, об улучшении положения египетского крестьянства. Его бедность до прихода англичан вошла в поговорку, и знаменитые письма леди Дафф Гордон, описывавшей бедственное положение феллахов в конце 60-х годов, доставляли богатый материал для проповедей тем лицам, которые равнодушно смотрели на нищету у себя под боком—в Ирландии и даже в самой Англии—и стремились дискредитировать правление Измаила в критический период второй половины 70-х годов¹⁾. Было, правда, не мало и таких, которые высмеивали, как пустые рассказы туристов, мрачные описания о бедственном положении феллахов и утверждали, что «общее положение феллахов, если сравнить, окажется много лучше положения крестьян почти в любой стране на Востоке»²⁾. Эти апологеты заходили даже так далеко, что указывали, превосхищая доводы лорда Кромера, на растущую внешнюю торговлю Египта и доказывали, что эти факты «показывают такую степень материального улучшения среди производительных классов, которую мы тщетно будем искать где-нибудь за пределами Европы»³⁾. Однако, несмотря на все эти свидетельства, не может быть никакого сомнения, что и при Измаиле, и при Двойственном финансовом Контроле положение феллахов было чрезвычайно бедственное и что впоследствии оно несколько улучшилось, благодаря снижению процентов по государственному долгу и уничтожению трудовой повинности.

Однако, чрезвычайно трудно установить, какой степени фактически достигло это улучшение за время 28-летнего управления англичан. От-

¹⁾ «Положение крестьянства, — говорил в то время Кэйв в палате общин, — в высшей степени неудовлетворительно, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было таким уж бедственным, как изображают это многие писатели... Однако, те лица среди нас, которые знакомы с отчетами различных комиссий о положении женщин и детей в нашей горной промышленности, на наших заводах и фабриках, в нашем сельском хозяйстве, согласятся, что мы не вправе слишком сурово осудить народ, только теперь выходящий из состояния варварства». (Hansard. Парл. отчеты, т. 231, 1876 г., стр. 625).

²⁾ Мак-Конн, цит. соч., стр. 25.

³⁾ Там же, стр. 26.

четы, которые дали нам официальные апологеты оккупации, — в особенности лорд Кромер, — повествовавшие о происшедшем большом прогрессе в этом отношении, так сильно преувеличены, что не внушают большого доверия, но за отсутствием систематического исследования этого вопроса трудно сказать что-нибудь определенное в противовес им. Все же всякий, кто берет на себя труд критически разобрать показания, на которых апологеты оккупации базируют свое утверждение о прогрессе египетского населения, может сказать, что они или вводят нас в заблуждение, или недостаточны, и что даже если допустить, что действительно был достигнут известный прогресс, то он мог бы быть значительно больше, если бы не односторонняя политика, подчинявшая все остальные соображения финансовым интересам, другими словами — интересам биржи.

Замечательно, что уже в 1888 г., т.-е. вскоре после большого кризиса 1885—1886 г.г., который был описан такими мрачными красками всеми британскими чиновниками, они же стали писать донесения, в которых давались самые оптимистические сведения о положении египетского крестьянства. Сэр Эдуард Винсент, например, доносил, что «нет причины сомневаться в том, что частичное уничтожение трудовой повинности улучшило положение производителей из беднейших классов», и приводил в доказательство «постепенное исчезновение деревенских ростовщиков»¹⁾. «Нет более убедительного признака, — продолжал он, — что положение в Египте улучшилось за последние годы, как тот факт, что феллахи выплатили большую часть своих долгов местным ростовщикам... Сведения, которые мне удалось собрать, заставляют меня исчислять общую сумму старой задолженности крестьян у ростовщиков всего в 3.000.000 ф. ст., и к этому прибавляются лишь весьма незначительные новые долги. Случаи, когда ростовщики продают земли феллахов за неплатеж, составляют ныне редкое исключение, да и то эти земли представляют только незначительную долю всей возделываемой площади». Кларк, секретарь дипломатического агентства, писал в том же духе: «Положение феллахов значительно улучшилось за последние годы. Феллах... лучше питается и лучше одевается. Он уже больше не боится курбаша, и ему нет основания бояться трудовой повинности или рекрутского набора. Он получил возможность в значительной степени откупиться от ростовщиков. Он действительно постепенно освобождается от гнета и нищеты, в которой находился с незапамятных времен»²⁾.

Принимая во внимание, как часто нам приходилось уже слышать такие разговоры, прикрашенные теми же иллюстрациями, эти оптимистические картины не могут внушить нам очень большого доверия³⁾.

¹⁾ «Египет», № 11 (1887 г.), стр. 10.

²⁾ Там же, № 6 (1888 г.), стр. 13.

³⁾ В том же году Порталь писал: «Наблюдается сильное уменьшение крестьян-землевладельцев. Земля все более и более поглощается крупными поместьями. Прежние владельцы, имевшие по одному или по два акра, работают теперь поденно в поместьях помещиков» («Египет», № 2 (1888 г.), стр. 83). Бесцеремонная ложь, которую распространяли британские чиновники в Египте, действительно

Невероятно, чтобы в двух- или трехлетний срок многомиллионный народ мог подняться из такой глубокой нищеты до такого благосостояния. Но мы уже знаем те трюки, которые британские дипломаты в Египте так любила преподносить легковой публике; и действительно, когда 7 лет спустя явилась необходимость защищать продолжение британской оккупации, ее оптимистический тон значительно понизился. Наш старый друг и «беспристрастный свидетель» Вильерс Стюарт, допуская, что зло ростовщичества уменьшилось, тем не менее утверждал, «что продолжают еще брать деньги в долг», что внутренний долг Египта все еще достигал 7 миллионов ф. ст., и что феллахи «все еще считают 12% баснословно низким процентом». Он зашел даже так далеко, что утверждал, что «понадобится два поколения для того, чтобы уже проведенные реформы пустили корни»¹⁾.

Эти слова являются иллюстрацией того, насколько можно верить утверждениям британских чиновников относительно прогресса, сделанного египетским народом во время их управления. Если мы от общего перейдем к более конкретному, то это едва ли изменит дело. Возьмем, например, часто повторявшиеся утверждения лорда Кромера, которые он также повторил и в своей книге²⁾, что между 1883 и 1905 г.г. общая сумма сокращения налогового бремени достигла 2.000.000 ф. ст. в год, из которых 1.000.000 ф. ст. составляют уменьшение прямых налогов. Эти цифры, конечно, очень значительны, но при внимательном рассмотрении мы увидим, что в них есть много фиктивного. Во-первых, сумма в 400.000 ф. ст., значащаяся под рубрикой «уничтожение трудовой повинности». Эта сумма составляется из двух частей — первоначальных 250.000 ф. ст. и 150.000 ф. ст., прибавленных из сумм займа 1890 г. Объяснение того, почему эти две суммы фигурируют под заголовком «уменьшение налогов», заключается в том, что если бы великие державы не согласились ассигновать их на «реформу», т.е. на наем вольного труда, то такие же суммы были бы собраны налогами, а так как это не произошло (тот факт, что это не могло быть сделано благодаря условиям, поставленным лондонской конвенцией, благоразумно не упоминается), то эти 400.000 ф. ст., очевидно, расцениваются как уменьшение налогов! Это очень хитроумное рассуждение, и его с таким же успехом можно применить ко многим другим реформам, которые стоили денег, как, напр., работы по ирригации, которые обошлись во много миллионов. Так как большая часть этих денег была занята, а не собрана налогами, лорд Кромер, если бы это только пришло ему в голову, мог бы назвать это «облегчением налогового бремени».

Кроме этого счета по найму вольного труда, названного «снижением налогов», мы находим сумму, немного менее 600.000 ф. ст., спи-

поразительна. «Недостаток точности—говорит лорд Кромер («Современный Египет», т. 2, стр. 146—47), который легко переходит в лживость, является характерной чертой ума восточных людей... Попытайтесь заставить обыкновенного египтянина просто рассказать вам какой-нибудь факт... Он, наверно, раз шесть будет противоречить себе, прежде чем закончит свой рассказ».

¹⁾ «Египет», № 2 (1895 г.), стр. 4.

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. 2, стр. 417.

санныю со счетов земельного налога. Она включает в себе сумму в 200.000 ф. ст., которая была ассигнована, как мы уже видели, согласно лондонской конвенции, на облегчение положения крестьян и была занесена в книги для балансирования «безнадежных недоимок». Никогда не собиравшаяся сумма была таким образом представлена как снижение налога! Сумма в 600.000 ф. ст. также включает в себе 130.000 ф. ст., которые были ассигнованы на облегчение земельного налога в 1891 г. В указанном году было сделано открытие, что упомянутых 200.000 ф. ст. не хватит на покрытие «безнадежных недоимок», ежегодно фигурировавших в бюджете и за десять лет достигших суммы в 1.400.000 ф. ст. Было решено поэтому списать один миллион, уменьшить налог на 130.000 ф. ст. ежегодно и оставить, таким образом, около 200.000 ф. ст., которые и следовало собирать. Эти 130.000 ф. ст., которые никогда не собирались, а фигурировали только по книгам, были теперь присоединены к 200.000 ф. ст., якобы аннулированным в 1885 г., и вся сумма целиком была названа «снижением налогов»¹⁾.

Указанные суммы относятся к прямым налогам. Для косвенных же налогов главным облегчением явилось уничтожение «промышленного налога» в размере, как говорилось, 180.000 ф. ст. ежегодно. Мы находим, однако, что большая часть этого налога, а именно 120.000 ф. ст., была списана в 1889 г., как дающая только недоимки и «ввиду трудностей сбора ее»²⁾. Остаток этого налога был списан через год, так как часто давал повод к значительным злоупотреблениям³⁾. В действительности так называемый промышленный налог был в сущности лишь налогом на уличных торговцев лимонами и другими мелочами — на беднейших из бедняков, которые не только не могли уплачивать, но которых нельзя было и заставить платить этот смехотворный налог. Приблизительно к тому же времени было уничтожено много еще других мелких сборов, как сбор за взвешивание и «октруа» на рис, доходы с которых все уходили на организацию по их сбору⁴⁾. «Октруа», однако, были оставлены в двух главнейших городах, — в Каире и в Александрии, — где они приносили значительный доход.

Мы видим, насколько большая часть так называемого налогового снижения была фиктивной. Сокращение налогов сводится на деле в большинстве случаев только к снижению недоимок, которые, при всем желании, нельзя было собрать. Остальные были уничтожены главным образом потому, что были слишком малы, и сбор их был чересчур дорог и причинял много беспокойства. Здесь опять оказывается, что добродетель была вызвана крайней необходимостью.

Ненадежность цифр лорда Кромера можно еще иллюстрировать ссылкой на таблицу задолженности Египта, которую он в 1895 г. отправил своему правительству для того, чтобы показать удовлетворительное положение народа, которым он правил. Согласно этой таблице⁵⁾, из

¹⁾ «Египет», № 2 (1891 г.), стр. 4; № 3 (1892 г.), стр. 7.

²⁾ Там же, № 2 (1890 г.), стр. 9.

³⁾ Там же, № 1 (1890 г.), стр. 13.

⁴⁾ Там же, № 2 (1891 г.), стр. 3.

⁵⁾ Там же, № 1 (1895 г.), стр. 30.

общей цифры 4.471.000 акров, принадлежавших 661.000 владельцам, только 395.000 акров было заложено на сумму, в целом достигавшую 7.323.000 ф. ст. Кроме того, из этой суммы свыше 71 % было задолжено лицами, владевшими более 50 акров, против 7,8 %, которые были задолжены лицами, владевшими пятью акрами и меньше, а из заложенных земель 14,6 % принадлежало лицам первой категории, против 2,2 %, принадлежавших лицам второй категории. Что могло быть удовлетворительнее этого? Однако в отчете за следующий год, после того, как приведенные цифры произвели уже должное впечатление, лорду Кромеру пришлось сознаться, что «кроме зарегистрированных долгов было, без сомнения, известное количество незарегистрированных долгов мелких собственников» ¹⁾. Лорд Кромер не делает никакой попытки, хотя бы приблизительно, вычислить это «известное» количество незарегистрированных долгов, и читатель остается под тем впечатлением, что они незначительны. Но из свидетельства Вильерс Стюарта, который говорил правду, когда этого требовали его политические цели, мы узнаем, что «земля постоянно переходит из рук в руки, вследствие смерти или продаж. Эти переходы из рук в руки — продолжает он — следовало бы регистрировать, но туземцы делают это очень неохотно; вследствие этого земельный налог платится от имени давно умерших людей или прежних владельцев, которые давно перестали владеть этой землей» ²⁾. Поэтому привлекательная таблица, показывавшая, как мало было задолжено египетским крестьянством, была по существу неверной. Такой же и по тем же причинам была таблица, показывавшая сравнительное распределение земельной собственности в 1896 и 1906 г.г., которую лорд Кромер напечатал в своем последнем отчете перед отъездом из Египта. Из этой таблицы следует ³⁾, что в то время, как количество акров возделываемой площади, находящейся в руках туземцев, увеличилось за это последнее десятилетие с 4.427.000 до 4.666.000, общее количество владельцев увеличилось с 760.000 до 1.147.000, и, хотя как число собственников от 5 до 50 акров, так и площадь их владений уменьшилась, число собственников меньше 5 акров увеличилось с 608.000, владевших 988.000 акрами, до 1.002.000, владеющих 1.259.000 акрами, тогда как число собственников более 50 акров с 10.000 чел., владевших землями в количестве 1.666.000 акров, возросло только на 300 чел., и все вместе владели 1.763.000 акрами. Опять-таки, что может быть более удовлетворительным? Правда, что средней величины поместья стали исчезать, но это не служило к выгоде только крупных собственников, так как количество мелких крестьян, владевших менее 5 акров, и площадь земли, находящейся в их владении, существенно увеличились. Но лорду Кромеру самому приходится обратить внимание публики на тот факт, что с 1896 г. было произведено новое обследование, которое выявило «известное» количество мелких собственников, прежде фигурировавших в качестве компаньонов, и что, благодаря понижению платы за реги-

¹⁾ «Египет», № 1 (1896 г.), стр. 7.

²⁾ Там же, № 2 (1895 г.), стр. 5.

³⁾ Там же, № 1 (1907 г.), стр. 50.

страцию, много мелких собственников впервые зарегистрировали свои купчие. И, чтобы читатель не счел это маловажным, мы с тех пор получили категорическое утверждение сэра Эльдона Горста¹⁾, что «недавнее видимое увеличение числа мелких владений является лишь результатом кадастровых методов, состоявших в том, что хозяйства были разделены между их настоящими владельцами, а также до известной степени и благодаря тому, что индивидуальные собственники, находясь в затруднительном положении, дробили свои поместья, с целью отдачи их под залог». Таблица лорда Кромера ввиду этого может только вводить в заблуждение. Не было никакого увеличения в числе собственников — по всей вероятности, произошло как раз обратное.

Вообще говоря, оспаривать утверждения противника, не имея ничего положительного, что бы предложить взамен их, — задача весьма неблагоприятная. В данном случае, однако, даже и такой отрицательный процесс весьма полезен, так как он показывает необоснованность данных, на которых базируются утверждения о материальном прогрессе народных масс, в отличие от финансового прогресса государства. О финансовом прогрессе у нас есть много неопровержимых доказательств; относительно улучшения в положении народа мы имеем целый ряд утверждений, которые рушатся при малейшем прикосновении. В таком случае разве не законно предположить, что материальное улучшение масс, вероятно, было очень незначительным?

Конечно, утверждать, что абсолютно не было никакого прогресса в материальном положении масс, было бы преувеличением. Лучшим доказательством того, что некоторый прогресс был достигнут, является тот факт, что государственные доходы продолжают увеличиваться, что налоги выплачиваются без каких-либо принудительных мер, бывших в ходу четверть века тому назад, что по земельному налогу (1905), дававшему 4.902.000 ф. ст., только 18.000 ф. ст. отнесено было к разряду недоимок²⁾ и что, как указал раз лорд Кромер, в то время как в 1883 г. с большим трудом был получен доход в 8.935.000 ф. ст., гораздо большие суммы, превышающие 12 и 13 миллионов, получаются

¹⁾ «Египет» № 1 (1910), стр. 12. Сэр Эльдон Горст (преемник Кромера) был вынужден сделать это компрометирующее признание, когда он разбирал операции Египетского Сельско-хозяйственного банка в 1909 г. Этот банк, основанный в 1902 г. сэром Эрнестом Касселем, при государственной гарантии всего капитала, находящегося в обороте, плюс 3%, был самым любимым проектом лорда Кромера, при помощи которого он начал создавать новый класс мелкого крестьянства в Египте. 17 декабря 1909 г. он говорил с большим увлечением на эту тему в Шеффилде. Описав колоссальное увеличение банковских операций, он спросил: «Что же было в результате? В результате было то, что за 10 лет количество мелких собственников... увеличилось не менее, чем на 400.000 чел., и теперь из населения, немного превышающего 11.000.000 чел. мужчин, женщин и детей, 1.200.000 чел. являются такими мелкими собственниками. Эта политика, значит, увенчалась блестящим успехом». Приведенное в тексте замечание Горста показывает, каким «блестящим» был этот успех, и к этому замечанию можно прибавить слова, которые непосредственно предшествуют ему: «Банк не дает денег под залог лицам, которые прежде не владели землей, поэтому он не может сделать новых индивидуальных владений». Спрашивается, почему британские агенты, прежде чем писать свои отчеты, не спрашивают о том, что наговорили их предшественники по разным вопросам?

²⁾ Там же, № 1 (1907 г.), стр. 61.

теперь совсем легко¹). Это означает, что положение народных масс улучшилось, по крайней мере, настолько, что они теперь в состоянии нести бремя налогов, чего, как мы знаем, они не могли раньше. Независимо, однако, от вопроса, не является ли это результатом простого уменьшения налогового бремени, вследствие неоднократного уменьшения процентов по государственному долгу, возникает спорный вопрос: превысило ли это улучшение фискальные пределы и дало ли оно феллаху больший избыток, чем какой нужен для своевременной уплаты налогов государству?..

В интервью с каирской газетой²) принц Гуссейн-паша-Камель (дядя хедива, впоследствии посаженный на престол англичанами с титулом султана), до последнего времени бывший председателем Законодательного Совета, не так еще давно изображал жизнь феллахов как одну сплошную нищету и темноту. «Феллах, — сказал он, — живет отягощенный долгами; его заработок не превышает суммы налогов и процентов по долгам. Он постоянно вынужден занимать деньги в долг по ростовщическим процентам для того, чтобы в нужный момент удовлетворить свои земледельческие потребности; и в результате этого тяжелого положения, недостатка денег и обремененности большой семьей, зависящей от него, крестьянин находится в таком затруднительном положении, из которого у него нет сил выбраться». Так говорит человек, который, как всем известно, был близко знаком с положением египетского крестьянства, и такие же показания дает большинство путешественников, имевших возможность посетить деревни. Сами англичане не закрывали глаза на этот факт и пытаются различными путями объяснить его. Как мы уже видели, прежде они объясняли нужду феллаха расточительностью (особенно в брачных делах) и его пристрастием занимать деньги, так что ответственность за его явную бедность падала на него же самого. Потом оказалось, что это объяснение не выдерживает критики. Всем слишком хорошо известны были простые привычки феллаха, чтобы можно было обвинять его в недостатке бережливости. Сообразно с этим приведенное объяснение было вывернуто наизнанку, и видимая бедность феллаха теперь объяснялась тем, что он был чересчур экономен и обладал зарытыми кладами. Уже в 1899 г. лорд Кромер писал, что «ошибочно думать, будто египетский феллах почти неизменно входит в долги до максимальной суммы своего кредита». «Много, — продолжал он, — писалось и говорилось о закоренелой непредусмотрительности феллахского населения... Не вижу причины утверждать, что, как класс, они безнадежно небережливы»³). То, что было здесь осторожно высказано, превратилось потом в категорическое утверждение, и лорд Кромер, не колеблясь, говорил о значительных сбережениях, которые феллахи прячут в чулок и зарывают в кубышки⁴). Жаль

¹) Там же (1896 г.), стр. 3.

²) Перепечатано «Египетским Стандартом» 20 октября 1908 г.

³) «Египет», № 1 (1900 г.), стр. 6.

⁴) Выступив в Гильдхолле 28 октября 1907 г. с речью, лорд сказал: «Зарывание кладов настолько распространено, что может показаться почти невероятным для европейцев. Я приведу несколько примеров. Недавно мне рассказали о смерти

только, что это об'яснение не ново, так как оно восходит к тому времени, когда апологеты Измаила-паши также старались всячески об'яснить явную бедность населения и опровергнуть об'яснение, будто население угнетается налогами¹⁾. Еще в 1888 г. англичане продолжали говорить о суммах, которые крестьянам удавалось накоплять даже при Измаиле и прятать в землю²⁾. Это утверждение, как теперь, так и тогда, было полнейшим абсурдом и только иллюстрирует ту растерянность, с какой апологеты старались и стараются скрасить факт, который слишком очевиден, чтобы его можно было прямо отрицать. Невольно приходишь к заключению, что, несмотря на финансовый прогресс страны за последние 25 лет, улучшение в материальном положении масс было очень невелико, — может быть, не больше, чем было необходимо в интересах фиска.

Что это действительно должно было быть так, станет вполне понятным для всякого, кто проникнет в сущность задачи, которую поставил себе лорд Кроммер с момента своего прибытия в Египет. Как мы уже видели, длительность пребывания англичан в Египте обуславливалась прежде всего возможностью сполна удовлетворить международные финансовые интересы, и поэтому лорд Кроммер, главным образом, сосредоточил свое внимание на финансовом управлении. С целью достигнуть наибольшего успеха в этом направлении, все, что не имело прямого отношения к этой проблеме, отбрасывалось в сторону, и, наоборот, все внимание обращалось на то, что могло содействовать ее разрешению. Поэтому лорда Кроммера интересовало благоденствие феллаха лишь постольку, поскольку этот феллах являлся главным источником государственных доходов, т.-е. плательщиком налогов³⁾, и согласно с этим лорд Кроммер старался сделать его только платежеспособным, а не поднять его общее материальное благосостояние. Нет сомнения, что обычно эти две вещи тесно связаны между собой. Народ тогда лучше всего способен выплачивать подати, когда заботятся и об его экономическом по-

одного египтянина, оставившего состояние в 80.000 ф., которое все было в золотой монете и находилось в его подвалах. Потом мне еще говорили об одном зажиточном крестьянине, который купил поместье за 25.000 ф. Полчаса после того, как был подписан контракт, он появился с целым караваном мулов, нагруженных деньгами, которые были у него зарыты в саду. Я также слышал, что по случаю пожара в одном провинциальном городе было найдено 5.000 ф. зарытыми в глиняных кубышках». («Таймс», 29 октября 1907 г.)

4) «Египетский крестьянин, — писал Мак-Конн, — всегда отличался, со времен Хеопса до Измаила, своей неохотой платить налоги. И действительно, для него является вопросом чести перенести любое количество палочных ударов, если таким путем он может избежать уплаты налога, или хотя части его». И он переходит к описанию того, как феллах извлекает золото, будучи доведен до крайности палочными ударами. («Современный Египет», стр. 28.)

2) Египет, № 6 (1888 г.), стр. 7.

3) В вышеприведенном интервью принц Гуссейн жаловался, что «никто не подает феллаху руку помощи, чтобы дать ему возможность подняться из того состояния нищеты и убожества, в котором он находится. Никто ничего не делает для улучшения его доли, просвещения его ума его и образования. Никто не подает ему советов... Он покинут, и правительство не делает никаких усилий для того, чтобы спасти феллаха по пути прогресса».

ложении. Однако возможно улучшить положение народа только до предела, необходимого фиску, и не дальше, как можно заботиться о стаде овец только постольку, поскольку это требуется, чтобы получать с него шерсть или мясо. И как раз по этой линии лорд Кромер с самого начала определил точные границы своих усилий. Много лет спустя он хвастал, что, «будучи комиссаром (Долговой Кассы), он всегда настаивал на том принципе, что интересы кредиторов и египетского народа тождественны»¹⁾. Это утверждение едва ли было справедливо для упомянутого периода, но оно стало справедливым после того, как лорд Кромер сделался единственным правителем Египта, с той только существенной оговоркой, что тождественность интересов обеих сторон понималась с точки зрения кредиторов, а не египетского народа. Экономические ресурсы страны тщательно развивались, но только в том направлении, которое приносило непосредственную пользу финансовому управлению; все, что выходило за пределы интересов фиска, или совершенно не развивалось, или безжалостно уничтожалось.

Мы можем проследить эту политику в той отрасли египетской промышленности, которая теперь занимает первое место в экономической жизни Египта и превышает почти все остальные. Мы имеем в виду хлопководство. Открытие, что из хлопка можно извлекать деньги, принадлежит, конечно, не англичанам. Уже Измаил-паша знал этот секрет и всеми средствами, находившимися в его распоряжении, поощрял разведение хлопка. За первые десять лет его правления вывоз хлопка увеличился с 815.000 центнеров, стоимостью в 6.503.000 ф. до 2.104.000 центнеров, стоимостью в 10.070.000 ф., и оставался до конца его правления в среднем на сумму между семью и восемью миллионами ф. ст. в год²⁾. Однако только лорд Кромер полностью оценил этот источник богатства с точки зрения фиска. Он совершенно правильно учел, что как бы ценны ни были все остальные источники дохода, как производство продуктов питания или сахара, эти производства, с точки зрения рынка, не могли сравняться с хлопком, на который всегда был огромный спрос. Первые, может быть, более ценны для самого производителя, который таким образом может производить необходимое для своего потребления, но они не столь ценны с коммерческой точки зрения как хлопок, экспорт которого вводит в оборот огромные капиталы и создает основу для развития важного коммерческого класса. Таким образом, все внимание было обращено на развитие хлопка, и для облегчения и поощрения его делалось все. Важнейшие мероприятия, которые принимались для того, чтобы повысить разведение этого ценного продукта, относились к области ирригации. Здесь также, как мы уже видели, англичане вовсе не были пионерами. Задолго до того, как они явились править Египтом, туземные вице-короли — Мехмет-Али, Саид-паша и особенно Измаил-паша — покрыли страну целой сетью каналов, ввели паровые насосы и другие машины, построили и проектировали некоторые из важ-

¹⁾ «Египет», № 1 (1902 г.), стр. 3.

²⁾ Там же, № 6 (1888 г.), стр. 7.

нейших сооружений нашего времени¹⁾. Собственными усилиями Измаилу-паше удалось значительно увеличить пространство возделываемой земли, отняв его у пустыни, и втрое, даже вчетверо увеличить урожай хлопка. Фактически Измаил-паша заложил фундамент, на котором впоследствии стали воздвигать свои сооружения англичане²⁾.

Тем не менее будет, конечно, абсурдом отрицать заслуги англичан в этом направлении. Истратив почти 2.000.000 ф. ст. занятого капитала и расходуя большую часть ежегодных доходов, составившую в совокупности много миллионов, англичанам удалось поднять ирригационную систему из того упадочного состояния, в котором она находилась в последние годы царствования Измаила-паши, когда все деньги и все усилия поглощались стараниями уплатить ростовщические купоны³⁾, и расширить ее в различных направлениях, включая сюда и постройку новых сооружений. Не следует думать, что все эти предприятия увенчались успехом. Далеко не так. Масса денег и усилий была затрачена в первые годы оккупации на безуспешные эксперименты, благодаря, главным образом, ошибочному представлению о задаче, перенесенному из Индии, где условия были совершенно иные. Вследствие этого произошло, между прочим, и падение цен на земли в некоторых из лучших частей Египта, достигавшее иногда до 50%⁴⁾. Да и теперь еще твердо не устано-

¹⁾ Говоря о постройке плотины в Дельте, Мак-Кон (цит. соч., стр. 250) сказал: «Результат будет вечным памятником как государю, так и инженеру (сэр Джон Ф. Оулер), соединенной энергии и умению которых будет обязано его выполнение».

²⁾ С удивительным невниманием к фактам, лорд Кромер в своем отчете за 1900 г. объявил, что «семя, из которого выросло настоящее материальное благосостояние Египта, было брошено в землю, можно сказать, лишь в 1884 г.» («Египет», № 1, 1901 г., стр. 20.)

³⁾ Описание жалкого состояния ирригационных сооружений той эпохи оккупации находится в отчете лорда Дафферина. (Египет, № 6 (1883 г.), стр. 52—53.) Лорд Дафферин, однако, не упоминает того факта, что это разрушение было делом рук кредиторов и Двойственного Контроля. Вместо этого он пытается взвалить всю вину на помещиков, из-за которых «несколько проектов расширения канализации потерпело крушение», так как они грозили вытеснить их систему насосов. В этом, конечно, быть может, есть и доля правды. Интересы капитала всюду одни и те же, как свидетельствует упадок системы каналов в Англии, вследствие обструкций со стороны железнодорожных компаний. В то же самое время не следует забывать, что, например, если дельтская плотина была запущена, то это произошло не по вине землевладельцев, а по вине Двойственного Контроля, который сдал в аренду ирригацию прилежащих областей английской компании во главе с герцогом Сутерлендским, которая как раз и намеревалась ввести обширную систему насосов. («Египет», № 2 (1890 г.), стр. 150 и след.)

⁴⁾ Полюю. «Египет и оккупация». 1889 г., стр. 179—181. Для оценки той расточительности, с которой, как утверждали, Измаил создавал свои государственные сооружения, следует обратить внимание на то, что стоимость большинства государственных сооружений во время оккупации значительно превышала первоначальные сметы. Починка дельтской плотины поглотила все ассигнованные на это деньги плюс еще 169.000 ф. («Египет», № 2 (1890 г.), стр. 39). Стоимость асуанской плотины первоначально исчислялась в 2.500.000 ф. Фактически она обошлась в 7.000.000 ф. Постройка родских мостов исчислялась в 285.000 ф., а обошлась в 400.000 ф. Точно так же стоимость зифтских мостов исчислялась в 450.000 ф., а фактически она достигла 700.000 ф. Сооружение хедивской библиотеки по смете исчислялось в 85.000 ф., а стоило 130.000 ф. Можно привести бесконечное количество таких примеров. Жаль, что нет какой-нибудь международной комиссии для проверки книг, как было при Измаиле.

влено, были ли действительно целесообразны все постройки, сооруженные англичанами. Важнейшее сооружение, воздвигнутое англичанами, — ассуанская плотина, — решительным образом была осуждена некоторыми современными инженерами, пользовавшимися большим авторитетом, которые в то же время, как всем известно, были горячими сторонниками оккупации¹⁾, а управление ирригационного департамента наталкивалось на критику даже британской прессы в Египте²⁾. Но вместе с тем внешний успех британских ирригационных сооружений и управления был очень велик, как это мы видим из следующих данных: площадь под хлопком расширилась в период времени между 1884 и 1908 г.г. приблизительно с 800.000 до 1.640.000 федданов (акров); урожай хлопка увеличился с 1.818.000 до 6.250.000 кантаров (99 ф.), а вывоз хлопка возрос с 244.000 ф. ст. до 17.091.000 ф. ст.

Но это громадное расширение хлопководства было более чем сомнительной ценности. Во-первых, оно было достигнуто за счет всей остальной сельско-хозяйственной продукции настолько, что Египет, бывший некогда житницей всего мира, стал зависеть в снабжении хлебом от других стран. За период времени, только что указанный, ввоз живого рогатого скота, мяса, рыбы, масла, сыра и т. д. увеличился с 314.000 ф. ст. до 1.162.000 ф. ст., ввоз зерна, овощей и мучных продуктов — с 510.000 ф. ст. до 3.785.000, а ввоз пшеницы, пшеничной муки и маиса увеличился с 50.864 тонн в 1899 г. до 209.597 тонн в 1908 г.³⁾.

¹⁾ В речи перед Хедивским Географическим О-вом в Каире о проектировавшемся поднятии ассуанской плотины на несколько метров, сэр Уильям Уилькокс, знаменитый инженер, сказал: «Египет вовлечен в расход более чем в 1.200.000 ф. только для одного этого добавочного сооружения, тогда как, будь плотина построена согласно с первоначальным планом, она обладала бы запасной водоемкостью в 2 миллиарда куб. метров и обошлась бы менее миллиона ф. ст. Возмутительная растрата общественных фондов является предметом негодования всех беспристрастных инженеров в Египте, которые знакомы со всеми данными истории сооружения ассуанской плотины». («Таймс», 22 янв. 1908 г.) Поднятие ассуанской плотины позлекло за собой затопление острова Филэ с его знаменитыми древними храмами. Трудно сказать, при каких обстоятельствах великие исторические памятники могут приноситься в жертву ради общественной пользы, но видя, какой крик поднимается в Англии каждый раз, когда швейцарцы предлагают проект новой железной дороги на какую-нибудь до сих пор недоступную горную вершину, нельзя не поражаться отсутствию действительного протеста против такого возмутительного оскорбления святых. Царь-хлопок, очевидно, имеет свои собственные законы эстетики.

²⁾ Вот, например, что говорится в передовой статье «Египетской Газеты» от 29 декабря 1909 г.: «Какими бы выдающимися в своей профессии ни были ирригационные инженеры, они все-таки не агрономы и, естественно, преследуют свою собственную политику, не принимая в должное внимание агрономических соображений. Можно привести один пример, в связи с которым раздаются частые жалобы. Благодаря своему невежеству в области агрономической ирригации, чиновники часто отдавали приказы чистить каналы и дренажи в такой момент, когда закрытие их, необходимое для описки, пагубно отзывалось на урожае. Ирригационный инженер с легким сердцем закроет канал в марте, а дренаж в июне, к колоссальному убытку соседних областей». Легко себе представить существующее положение, если даже такая лояльная газета, как «Египетская Газета», не может удержаться от таких жалоб.

³⁾ «Внешняя торговля Египта». 1834—1903 г.г. Таблица 2. Отчет о торговле и промышленности консульского округа Александрии за 1908 г., № 4324. Ежегодные сери, стр. 7 и 13.

Отсюда ясно, что все сельско-хозяйственное развитие Египта, под влиянием улучшенной ирригации и высоких налогов, было направлено к расширению хлопководства. Подобно тому, как в Страсбурге откармливают гусей, пока они не превращаются в одну печенку, так и Египет был насыщен ирригацией для того, чтобы превратиться в одну хлопковую плантацию. Это, без сомнения, оказалось очень выгодным для казны и для Ланкашира, но выгадал ли в одинаковой степени от этого египетский крестьянин, которому приходится платить за продукты питания цены, «которые значительно выше цен... в Европе»¹⁾, является весьма спорным.

Во-вторых, полная зависимость благополучия населения и финансов страны только от одного урожая представляет большую опасность, которую, к концу своего пребывания в Египте, был вынужден признать и лорд Кромер²⁾. Достаточно одного только неурожая, вследствие обмеления Нила, или заминки на международном хлопковом рынке, или опустошения, производимого хлопковыми вредителями, чтобы ввергнуть страну в нищету. Так, в 1904 г. было уничтожено хлопка вредителями на сумму в 2.000.000 ф. ст., и огромное количество мелких производителей разорилось и голодало со своими семьями³⁾. Такие же бедствия постигли население Египта в 1908 и 1909 г.г.⁴⁾. Потери за эти два года, говорят, равнялись 8.000.000 ф. ст.⁵⁾. Кроме того, теперь уже стало общеизвестным фактом, что урожай хлопка с акра постепенно уменьшается, что вызывает большую тревогу, и все хлопковое производство грозит исчезнуть в недалеком будущем⁶⁾. Так, на государственных владениях урожай с феддана уменьшился между 1895 и 1909 г.г. с 5,21 до 2,04 кантаров, т.е. на 50%, и анализ цифр показывает, что это уменьшение прогрессирует⁷⁾. Целый ряд полуофициальных и вполне официальных комиссий уже занимался исследованием этого вопроса⁸⁾, и нет почти никакого сомнения, что одну из важнейших причин ухудшения доселе баснословно плодородной почвы нильской долины следует искать⁹⁾ во все выше и выше поднимающемся уровне воды в результате неосторожного расширения ирригации без применения соответствующих дренажных мер. Благодаря высокому уровню каналов и задер-

1) «Внешняя торговля Египта». 1884—1903 г.г.

2) «Египет», № 1 (1903 г.), стр. 21.

3) Там же.

4) Там же (1909 г.), стр. 20, стр. 18 (1910 г.). В 1908 г. было уменьшение урожая хлопка на 100.000.000 фунтов (весом).

5) Это — мнение членов египетской делегации, которая представлялась сэру Эдуарду Грейу в 1908 г. (см. их отчет. Александрия 1909 г., стр. 33).

6) См., наприм., замечания сэра Эльдона Горста в «Египте», № 1 (1909 г.) стр. 20.

7) «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 12.

8) Комиссия Хедивского Сельско-хозяйственного О-ва произвела обследование в 1908—1909 г.г., и теперь две комиссии были назначены правительством, одна из представителей, заинтересованных в хлопководстве, а другая из ученых экспертов.

9) См. интересный доклад Лоуренса Боульса, который он прочел перед Каирским научным О-вом в Казр-эль-Аинском госпитале в ноябре прошлого года, подробно изложенный в «Египетской Газете» от 2 декабря и след., 1909 г. («Египет» № 1 1910 г.), стр. 13).

жанию воды многочисленными и несоразмерно высокими плотинами, вода просачивается в землю, заполняет подпочву, душит корни и препятствует необходимому развитию растений. Это предвидели, по крайней мере отчасти, некоторые из самих инженеров, напр., сэр Коллин Скотт Монкриеф и сэр Уильям Уилькоккс¹⁾, но власти были так увлечены ирригацией и так скупались на добавочные издержки, что дренажные работы были совершенно заброшены, в результате чего и получилось то, что мы имеем сейчас. В некоторых местах уже пришлось прибегнуть к удобрению для того, чтобы противодействовать растущему истощению земли, но хотя результаты и оказались удовлетворительными, тем не менее они не в состоянии уничтожить основное зло. Кроме того, искусственное удобрение, хотя и освобожденное от налогов, слишком дорого для феллаха, так как стоимость его приблизительно колеблется между 20 и 25 шиллингами с акра, а натурального удобрения не хватает, вследствие трудности прокорма скота по случаю высоких цен на корм²⁾.

Таким образом мы видим, что увеличение хлопководства, хотя и было чрезвычайно выгодно для казны, совсем не оказалось благотворным для египетского народа. Не следует также забывать, что другая отрасль земледелия, — разведение табака, — как мы видели, была сознательно уничтожена ради увеличения таможенных доходов, а уцелевшие остатки некогда цветущего сахарного производства³⁾, несмотря на его восстановление и расширение, явно недоступны мелкому крестьянству.

Тяжесть положения еще более усугубляется тем фактом, что за 28 лет управления страной англичанам не только не удалось создать никакого фабричного производства, но они убили все возможности для этого. Читатель уже знает, что вся земледельческая промышленность в Египте была основана и достигла высокой степени развития задолго до того, как англичане появились там в качестве правителей. Хлопок, сахар, пшеница, табак успешно разводились при собственном национальном режиме; лорду Кромеру же удалось только расширить одно из этих производств, уничтожив другие и сведя остальные к самым незначительным размерам. Но что касается фабричного производства, то работа лорда Кромера состояла исключительно в разрушении. Страна, у которой нет угля, понятно, испытывает затруднения для развития фабричного производства, а когда, кроме того, уголь обложен ввозной пошлиной в размере 8% его цены, как было в Египте до 1904 г.⁴⁾, то это затруднение становится еще более значительным. Тем не менее, и при указанных неблагоприятных условиях одно время существовала хлопчатопрядильная промышленность, которая, благодаря наличности сырья и дешевизне труда, имела большие шансы на дальнейшее развитие. Лорд Кромер, однако, ради выгоды ланкаширских хлопковых коро-

¹⁾ Доклад Боульса в «Египетской Газете», 2 декабря 1909 г.

²⁾ «Египет», № 1 (1909 г.), стр. 21 и 22.

³⁾ Между 1890 и 1908 г.г. — чтобы не заходить дальше — вывоз сахара упал с 26,8 милл. кило стоимостью в 338.425 егип. ф. до 3,9 милл. кило на сумму в 50.106 егип. ф.

⁴⁾ Она до сих пор достигает 40%.

лей обложил восьмипроцентным акцизом все хлопчатобумажные изделия и сразу убил производство. Это — единственное достижение британского управления в области промышленности. В оправдание этого варварского поступка приводится апологетами то соображение, что так как привозные хлопчатобумажные изделия оплачиваются в интересах фиска пошлиной в 8%, то туземные хлопчатобумажные изделия находились бы под слишком большим покровительством, если бы с них не взыскивался соответствующий акциз, а это грешило бы против принципов свободной торговли, верным рыцарем которой являлся лорд Кромер. Это — такое же своеобразное понижение свободы торговли, какое практиковалось в отношении Индии. Общепринятая фритредерская доктрина гласит, что нельзя повышать цену товаров для покупателя преграждением, при помощи таможенной пошлины, доступа в страну соответствующих иностранных товаров. Лорд Кромер перетолковал это учение в том смысле, что надо убить свое собственное производство для того, чтобы потребитель не мог получать более дешевых товаров, чем привозные. Жаль, что лорд Кромер не распространил этого своеобразного толкования на все другие области производства и не обложил акцизом, напр., хлопка-сырца, как он это сделал с табаком.

Нет надобности еще более углубляться в этот вопрос. Сказанного достаточно, чтобы читатель составил себе правильное понятие, на каком ложном пути шло и продолжает идти развитие Египта под английской эгидой, и как абсолютно отрицательны были результаты ее усилий на этом поприще, за исключением лишь финансовой сферы. Ради финансов, т.-е. интересов держателей египетских ценностей и биржи, как настоящее, так еще больше и будущее экономическое благосостояние Египта приносится в жертву, и открывается путь к неизбежному разорению страны. Пока есть еще место для дальнейшего расширения годной для возделывания площади, благодаря развитию ирригации, пока земля еще не окончательно истощена и мировое снабжение хлопком еще недостаточно, с представлением об Египте будет связываться призрачное экономическое благосостояние, и публика, вводимая в заблуждение растущими цифрами бюджета и экспорта, будет продолжать оставаться в невинном заблуждении, что Египет переживает изумительный прогресс. Но настанет время, когда все эти неблагоприятные обстоятельства, вместе взятые, приведут хлопководство в Египте к упадку, и тогда, если во-время не будут приняты меры для исправления ошибок и преступлений, историческая долина Нила снова превратится в пустыню. Тогда, быть может, сами англичане придут к убеждению, что для них нет интереса держать Египет под своей властью, и они эвакуируют его. Но разорение, которое они оставят после себя, навеки останется памятником их управления, во время которого были посеяны и тщательно взлелеяны семена разрушения.

ГЛАВА XX

МОРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БРИТАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Нам остается теперь еще только рассмотреть в нашем историческом обзоре прогресс, достигнутый Египтом в период британской оккупации в других направлениях, а именно, в моральном и в политическом отношениях. Это настолько обширная тема, что ее едва ли возможно в достаточной степени исчерпать в краткой главе, и поэтому нам придется ограничиться только рассмотрением двух или трех наиболее важных вопросов.

Наша задача значительно облегчается тем, что сами англичане едва ли претендуют на то, что они внесли какое-либо заметное нравственное улучшение в условия жизни египетского народа. В то время, как они подробно останавливаются на материальной стороне успеха своего продолжительного управления, они почти не пытаются выступать в качестве моралистов-реформаторов и, описывая подробно новый административный, судебный и образовательный механизм, который они ввели, они при этом ни словом не обмолвились о том, какое моральное влияние имели все эти учреждения на умы и привычки египетского народа. Они, конечно, понимают, что их влияние в этом отношении на самом деле было равно нулю, и, не зная как реабилитировать себя, сваливают всю вину на характер мусульманской религии и на прирожденную неподвижность Востока¹⁾. Это—чрезвычайно легкий способ объяснить явления, которые дискредитируют державу, ответственную за управление страной; увы—Восток и ислам еще недавно проявили примеры морального под'ема, совершенно разбивающие эту лицемерную теорию.

¹⁾ Ни один действительно образованный и культурный человек не сможет прочесть без отвращения 35 и 36 главы II тома «Современного Египта» лорда Кромера, в которых он пытается описать быт, нравы и религию египтян. В своей недавно изданной книге «Гибель Филеи» Пьер Лоти очень кстати цитирует из «Хади́ва»—священной книги законов мусульман, следующие слова: «Учиться—вог первейший долг всякого мусульманина. Ищущий знания более любим Богом, чем тот, кто сражается в священной войне. Человек, просвещающий невежду, подобен живому человеку среди мертвецов. Препятствовать науке есть богохульство. Знание есть жизнь Ислама, столп веры. Изучение предпочтительнее поклонения. Идите и ищите знания, даже если вам пришлось бы дойти до Китая».

Может быть, самой лучшей мерой нравственного «прогресса», достигнутого Египтом за 28-летний срок британского управления, является тот факт, что с самого момента прибытия лорда Кромера число преступлений не переставало возрастать. 30 лет тому назад Кэйв мог заявить в палате общин, как о бесспорном факте, что женщина одна, без всяких спутников, могла проехать через весь Египет, не будучи ни разу потревожена туземцами¹⁾. В 1906 г., за последний год пребывания лорда Кромера, было совершено 3201 уголовное преступление, включая сюда 741 убийство, 392 покушения на убийство, 497 грабежей, 521 поджог, и 63.853 мелких правонарушения, включая сюда 16.579 случаев кражи²⁾. Неудивительно, что самому лорду Кромеру приходится признать, что «рост преступлений... является наиболее тревожной стороной в положении Египта³⁾. Далее, правда, он говорит, что этот рост только «недавнее» явление, но это явно неверно. Еще в 1888 г. Порталь, его временный заместитель, доносил лорду Сольсбери, что преступления «скорее растут, чем уменьшаются»⁴⁾, а в 1884 г. сам лорд Кромер передал в министерство целую серию донесений от своих агентов, в которых обращалось внимание на сильный рост преступности⁵⁾. В 1885 г. он даже учредил особые «комиссии по борьбе с разбоем» — в сущности военные суды — для борьбы с преступлениями, и по прошествии их пятилетнего существования он должен был сознаться, что страна далеко еще не «успокоена»⁶⁾. За все время британской оккупации число преступлений все продолжало расти почти с равномерностью маятника, и в настоящий момент преступность является характерной чертой египетской жизни.

Лорд Кромер совершенно терялся, пытаясь объяснить это. В 1884 г., когда впервые было обращено внимание на это явление в вышеупомянутых донесениях, его приписывали «уничтожению» курбаша. «Полное уничтожение курбаша, — писал один из вице-консулов, — скорее способствует разбоям, которые иногда сопровождаются убийствами». «За отменой курбаша, — доносил другой вице-консул, — последовало значительное увеличение преступлений». «Быстрое уничтожение применения курбаша оказало очень дурное влияние на население, — писал третий агент⁷⁾. Теперь, когда мы знаем из уст самого лорда Кромера, что эта великая «реформа» долгое время оставалась без осуществления и курбаш очень широко применялся не только в качестве меры наказания, но и как средство воздействия при раскрытии преступлений,

¹⁾ «... страна, в которой жизнь и имущество находятся в наибольшей безопасности, и в которой предоставлена полная свобода терпимости, в которой европейские женщины, в сопровождении только туземцев, могут путешествовать в полной безопасности от Александрии до вторых порогов — о каких христианских странах можно сказать то же самое?» (Hansard. Парл. отчеты, т. 231, 1876 г., стр. 626).

²⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 85—86.

³⁾ Там же, стр. 85.

⁴⁾ Там же, № 2 (1888 г.), стр. 83.

⁵⁾ Там же, № 1 (1885 г.).

⁶⁾ Лорд Кромер. Цит. соч., т. 2, стр. 289.

⁷⁾ «Египет», указ. место, стр. 37 и 38.

практиковавшееся комиссиями по борьбе с разбоями и грабежами в 1885—1890 г.г., мы можем откинуть это об'яснение роста преступности, как совершенно фантастическое. Без сомнения, однако, оно в свое время достигло цели, успокоив публику тем соображением, что рост преступлений был только временной ценой, заплаченной за такую великую и постоянную реформу, как уничтожение курбаша. Но время шло, курбаш давно уже вышел из употребления, а преступления, однако, не только не исчезли, но возросли. Лорд Кромер внезапно нашел другое, довольно-таки поразительное, об'яснение. «Мы так привыкли в Европе, — писал он, — ассоциировать рост преступлений с ростом нищеты, что я должен сознаться, что за последние годы находился в затруднении об'яснить явную аномалию того, что заметный рост преступности наступил одновременно с необыкновенным увеличением общего благосостояния... Лицам, привыкшим иметь дело только с криминальной статистикой европейских стран, может показаться явным парадоксом предположение, что рост преступности до известной степени зависит от роста благосостояния». Однако, заявляет лорд Кромер, так именно дело и обстоит в Египте. «Огромное количество лиц, которое еще недавно были очень бедны, стали теперь относительно состоятельными. Отведав радостей от достатков, они хотят сделаться еще богаче и в своем желании достигнуть этой цели они гораздо чаще, чем прежде, входят в столкновение с другими, которые стремятся как раз к той же цели, как и они сами»¹). Это была удивительнейшая социологическая теория, и в следующем году ее подтвердил Мачель, бывший тогда советником в министерстве внутренних дел и написавший специальный меморандум на эту тему. «Необычайное благосостояние феллахов, — заявил он, — подстрекуло их аппетит и создало в них жажду наживы. Это порождает преступные намерения. Возросшее количество преступлений в Египте в наше время можно прямо отнести к этим причинам»²). Был, однако, один сомнительный пункт в этой хитроумной теории: она заставляла публику думать о том, что, может быть, одна из предпосылок, на которых она основывалась, была неправильна. Соединение преступности с благосостоянием было действительно «очевидным парадоксом», и простой здравомыслящий человек был бы склонен отказаться от него в пользу более естественного предположения, что утверждаемого благосостояния феллахов в действительности не существовало. Мы не беремся сказать, заметил ли сам лорд Кромер опасность, заключающуюся в его теории, или же другие лица обратили на это его внимание. Во всяком случае, после того, как в течение двух лет он усиленно распространял свое толкование, он вынужден был отказаться от него и придумать новую теорию. На этот раз его теория пришлось более по вкусу как ему самому, так и внимавшей ему публике. «Обычно, — пишет он в своем последнем отчете, — увеличивающаяся бедность порождает рост преступлений. И однако ни один человек, который имеет хоть малейшее представление об этой стране, не поду-

¹) «Египет», № 1 (1905 г.), стр. 44.

²) Там же, стр. 115.

мает, что рост преступлений в Египте происходит по причине обеднения... Причину увеличения преступности, мне кажется, следует искать в том, что закон не внушает достаточного страха злоумышленникам»¹⁾. Здесь лорд Кромер нашел свой настоящий путь. Причина роста преступлений лежит в слабости закона — ergo, увеличьте его строгость, восстановите, если надо, военный суд, и преступления исчезнут.

Излишне, на основании данных самого лорда Кромера, опровергать этот полицейский взгляд на рост преступлений в Египте. Корни этого явления лежат гораздо глубже, чем в сфере закона — они лежат в той экономической и социальной разрухе, которую создало британское управление за четверть века своего существования. Все туземные власти были уничтожены одним взмахом, а их места заняли иностранцы, не имевшие никакого понятия о нравах, обычаях и языке народа, которые умели только отдавать категорические приказания и сурово карать их нарушение. Однако террора, практиковавшегося с 1885 г., было достаточно, чтобы создать такую массу беззаконий, которую долгие годы терпеливых реформ не смогли бы уничтожить. Но вместо того, чтобы идти по пути реформ, оккупация продолжала заниматься исключительно финансами и всю работу социального переустройства предоставила вновь организованной полицейской системе, которая поставила между населением и традиционными администраторами — мудирами, омдахами и шейхами — английских полицейских чиновников, принесших с собой приемы Скотланд-Ярда и ирландских констеблей. Иных результатов и не могло быть, и напрасно было бы надеяться, что эти результаты исчезнут, благодаря усиленному применению тех самых мер, которые их вызвали²⁾.

Неудачная попытка успокоить страну стоит в тесной связи с неудачной попыткой просветить ее. Невнимательное отношение к нуждам народного образования является, конечно, одной из наиболее выдающихся черт управления лорда Кромера и ярко характеризует всю его политику. Заняв страну, англичане много говорили о так называемой неподготовленности египтян к самоуправлению, и в своем известном докладе лорд Дафферин обещал, что распространение просвещения будет одной из главнейших забот новых правителей, дабы лозунг «Египет для египтян» не был лишен содержания³⁾. Но слово и дело страшно расходятся во всем, что делают англичане в Египте, и ни в одной обла-

¹⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 85.

²⁾ В июле 1909 г. был издан суровый закон для борьбы с преступностью. Любопытно отметить, что взгляды, высказанные нами относительно истинных причин развития преступности в Египте, всецело разделяются Джеймсом Карри, министром просвещения в Хартуме, по отношению к Судану. «Карри, — пишет корреспондент «Таймс» 2 ноября 1909 г., — ссылаясь на антропологические данные о Судане, собранные недавно доктором Хогартом, считает, что все попытки к улучшению должны основываться на основательном знании местных условий, социальной организации, туземной юстиции, нравов и понятий в различных слоях населения. Туземные понятия об отношении человека к своему ближнему и к авторитету главы местного племени сильно отличаются от понятий европейцев, и поэтому поспешная ломка старого строя жизни туземного общества... привела бы к катастрофе».

³⁾ «Египет», № 6 (1883 г.), стр. 66.

сти это расхождение не было так велико, как в области просвещения. В главе, где отмечаются заслуги Измаила-паши, мы уже говорили о том, какое большое значение он придавал делу народного просвещения. Даже преследуемый кредиторами, он все-таки ухитрялся тратить ежегодно на просвещение 87.000 ф. ст., в том числе 23.000 ф. ст. из собственных средств. А через 25 лет, в 1888 г., бюджет народного просвещения достигал только 70.000 ф. ст.¹⁾ Причину такого невнимательного отношения к одной из первейших обязанностей всякого цивилизованного правительства не приходится далеко искать. «Недостаток денег, — говорит лорд Кромер, — был первым препятствием на пути быстрого прогресса»²⁾, — было бы правильное сказать — всякого прогресса. Как только европейцы захватили управление Египтом, все было принесено в жертву интересам кредиторов, и английские хозяева продолжали ту же политику. В 1877 г. и в следующем году расходы по образованию были убавлены до 29.000 ф. ст., а при Двойственном Контроле они едва достигали 70.000 ф. ст.³⁾ Эта цифра фактически не изменялась за все последующее десятилетие и начала увеличиваться только после 1890 г. В 1906 г. под влиянием общественного мнения как в Англии, так и в Египте эта цифра достигала 362.000 ф. ст.⁴⁾ В сравнении с 87.000 ф. ст. при Измаиле, эта сумма кажется вполне приличной, но не следует забывать, что с тех пор прошло более 30 лет, население увеличилось больше, чем вдвое, доходы возросли на 50%, и вместо гнетущего бремени долга уже в 1906 г. был накопившийся резервный фонд приблизительно в 16.000.000 ф. ст. Какой прогресс сделал за эти 30 лет школьный бюджет в Англии? Дело в том, что упомянутая сумма составляет только 3% всего расходного бюджета за этот год, тогда как Англия тратит свыше 7% своего бюджета, не считая местных сборов. Было высчитано, что за 25 лет британской оккупации было получено не менее 258.000.000 ф. ст. валового дохода. Из них только 2.801.000 было затрачено на народное образование, или иначе, только 1%⁵⁾. Бюджет 1909 г. был все еще меньше 500.000 ф. ст. и расходовался на содержание 50 правительственных школ и колледжей с 849 учителями, в которых было свыше 11.000 учеников, а также 144 правительственных кутаб (деревенских школ) с 412 учителями и 13.365 учениками. Кроме того, были выданы субсидии 3.582 кутабам с 6.358 учителями и 156.542 учениками⁶⁾. Существование этого последнего вида школ, которые только получают субсидии, само по себе является доказательством недостаточности правительственных расходов на народное образование; но даже если бы и они содержались на государственные средства, общее число детей, получающих начальное образование, все же достигало бы всего 165.000 чел. при населении

¹⁾ «Египет», № 4 (1889 г.), стр. 9.

²⁾ Лорд Кромер, цит. соч., т. 2, стр. 528.

³⁾ Там же, стр. 527.

⁴⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 34.

⁵⁾ См. речь Али-Камель-бея, брата покойного лидера националистов, произнесенную 14 мая в Александрии.

⁶⁾ «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 40 и след.

более чем в 12.000.000 чел. В 1873 г. британский консул в Александрии, описывая усилия вице-короля в области просвещения, замечает: «Образование в Египте все еще очень отстало и ограничено; число посещающих начальные школы составляет 90.000 чел., что, при населении в 5.250.000 чел., составляет 17 на 1000 — соотношение, меньшее, чем в любой европейской стране, за исключением России»¹⁾. Что можно сказать о состоянии народного образования и стараниях правителей Египта, когда за 30 лет, наряду с удивительным финансовым прогрессом, число посещающих начальные школы достигло только 16 на 1000, и это в то время, когда положение народного образования во всех других странах достигло значительного развития? ²⁾.

На все население Египта, достигающее теперь более 11.000.000 чел., насчитывается только немногим более 600.000 лиц, умеющих читать и писать, или, исключая иностранцев, 85 грамотных мужчин и 3 грамотных женщины на каждую 1000 чел. населения³⁾. Это — такой позор, который не могут оправдать никакие аргументы, если принять во внимание бесчисленные миллионы, затраченные на суданские железные дороги, мосты и другие такие же сооружения, которые приносят доход. Во время прежнего «варварского» порядка было по одной начальной школе в каждом провинциальном округе и по одной средней школе в каждом главном городе провинции. Кроме того, было шесть высших школ, не считая четырех военных. С тех пор большинство начальных школ было сведено до уровня кутаб; все средние школы, за исключением трех, были уничтожены, и не было основано ни одной высшей школы⁴⁾.

Мы читаем в последнем отчете сэра Эльдона Горста⁵⁾: «Мальчиков, посещающих начальные школы, числится 7.941 чел., — уменьшение на 223 против прошлого года... 80 кандидатам было отказано в приеме в школу в Каире из-за недостатка помещений». «Число учеников (в средних школах) возросло очень быстро... и не было возможности увеличить пропорционально с этим помещения... Комплект учащихся в некоторых классах превышает во много раз положенные границы. Чтобы уменьшить эти неудобства, были сделаны ограничения в приеме. «Нормальная школа, Nasrieh, предназначается для шейхов. В нем теперь 9 классов с 275 учениками против 10 классов с 303 учениками в 1908 г. Комплект был убавлен для того, чтобы число учителей не превышало спроса на них». Всюду ограничения и уменьшения из-за недостатка помещений, и это в период повсеместной оргии возведения инженерных и строительных сооружений!

¹⁾ С. 1009 (1874 г.), стр. 729.

²⁾ «Масса египетского населения, — говорил лорд Кромер в своей речи 16 декабря 1908 г., — все еще погружена в глубокое невежество, и это невежество будет естественно продолжаться, пока не вырастет новое поколение». Превосходное подтверждение благодеяний британской оккупации!

³⁾ «Египет», № 1 (1909 г.), стр. 8.

⁴⁾ Коллекция Магомета Фариды Бея. Собрание документов, прочитанных в Париже и др. (1910 г.), стр. 16—17.

⁵⁾ «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 42 и след.

Но это разрушение в деле образования было не только количественное. Школы превратились просто в семинарии для подготовки правительственных чиновников и в широкой мере употреблялись как орудие для «англизирования». Во всей стране только шесть высших правительственных школ, — главным образом для изучения права и инженерного искусства, — но их программа в сущности не выше программы средних школ и достаточна лишь для подготовки лиц на должности подчиненного характера. Благодаря жалким окладам, которые все еще получают мелкие чиновники, было невозможно заполучить на эти места европейцев; отсюда явилась необходимость сохранить прежние высшие школы для того, чтобы получить из среды туземцев необходимый контингент таких чиновников.

Мысль об университете долгое время отвергалась, и даже когда она сделалась популярной, благодаря пропаганде националистов, которые начали собирать деньги для основания университета по собственной инициативе, лорд Кромер, обнаружив к ней ничего не стоящую симпатию, высказал мнение, что «несомненно, еще несколько времени должно пройти, прежде чем этот проект может быть осуществлен». «Инициаторам этого движения, — советовал он, — следует прежде изучить историю университетов в других странах, а также им бы следовало дать египтянам общее интеллектуальное понимание тех истинных целей, которые они имеют в виду» ¹⁾. Но движение оказалось чересчур сильным даже и для него, и на следующий год его преемник, справедливо порешив, что лучше иметь университет под правительственным контролем, чем в руках националистов, согласился ассигновать необходимые суммы, и университет, без дальнейших отлагательств, был открыт к концу 1908 г. Но даже имея свой университет, египетской молодежи все-таки придется ездить в другие страны ²⁾, — главным образом во Францию и в Швейцарию, — как это обычно делалось за последние 20 лет, так как сомнительно, будет ли правительство проявлять серьезный интерес к этому учреждению и вести его в духе, приемлемом для народа. Тот способ действия, каким Хедивская Юридическая Школа, — бывшая некогда выдающимся институтом под руководством известных французских юристов, — была низведена до уровня незначительной средней школы, является предостережением относительно той судьбы, которая, возможно, постигнет университет. Прежний директор этой школы, Ламбер, был грубо удален с этого поста, чтобы дать место англичанину, только что получившему ученую степень, и в то время, как Ламбер был немедленно приглашен французским правительством, чтобы занять вакантную кафедру права в лионском университете, Хедивская Школа была отдана в руки человека (мистера Хилля), не имевшего никакого представления о кодексе законов, действующих в Египте ³⁾.

¹⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 95.

²⁾ Высчитано, что число молодых египтян, получающих высшее образование за границей равно 600 человек, из которых 300 учатся во Франции. (Коллекция Магомета-Бей-Фарида, стр. 21.)

³⁾ Этот эпизод полностью был передан самим Ламбером в «Тан». Он составил предмет многочисленных запросов в парламенте. Одним из главнейших обви-

Как в этой, так и в других высших и средних школах преподавание систематически велось на английском и отчасти на французском языках, исключая совершенно арабский язык из преподавания; и неизменным ответом на все жалобы было то, что арабский язык не научный, что нет подходящих учебников на этом языке, и что трудно найти профессоров, говорящих по-арабски¹⁾. При наличии великой истории арабской науки и культуры в средние века, такие утверждения, по крайней мере, в отношении самого языка и учебников, были верхом абсурда, и, благодаря настойчивости националистов и их сторонников, теперь делается попытка снова ввести в некоторых школах преподавание на арабском языке. С другой стороны, египетская и арабская истории до сих пор исключены из программы средних школ, так как этот предмет считается ненужным для экзаменов на так называемый «гимназический диплом», который один только открывал двери для официальной карьеры чиновника и учителя!

Что касается первоначального обучения, то достаточно знать, что оно не обязательно и не бесплатно и не идет дальше чтения, письма и арифметики²⁾. Учителя в начальных школах, содержащихся на общественные средства, — большей частью плохо обученные молодые люди, в то время как деревенские кутабы продолжают вестись на тех же самых патриархальных основаниях, как и в Англии до Акта об образовании 1870 г. Когда националисты начали свою агитацию в пользу университета, лорд Кромер, с целью прекратить поток подписок, повел контр-агитацию в пользу кутаб. Теперь, когда идея националистов восторжествовала, кутабам снова предоставили вариться в собственном соку, и многие из них, как говорят, превращены местными омдехами в хлева, сараи и т. п. деревенские служебные постройки. Удивительно, что, несмотря на то, что Египет преимущественно земледельческая страна, агрономические науки не преподаются ни в начальных, ни в средних школах, а единственной существующей Высшей Земледельческой Школы недостаточно, так что огромное количество молодых егип-

нений против Ламбера было то, что он подписал петицию об освобождении ден-шавайских узников. Что касается Хилля, то он был вывезен из Канады, чтобы преподавать историю в Хедивской Школе, а впоследствии был назначен профессором римского права. К этому времени, однако, Хилль еще не имел ученой степени, и должен был продолжать свои занятия в Ecole de droits. Потом он выдержал экзамен в Париже, провалившись, однако, в первый раз. Такие казусы с английскими «профессорами» в Египте не являются единичным случаем. Юнг, имевший диплом по литературе, был назначен на кафедру химии, а потом был переведен в управление по кадастру. Другой господин, имевший диплом об окончании естественного факультета, преподавал английскую литературу и был под конец переведен в министерство финансов. Подобные примеры, упомянутые в связи с делом Ламбера, можно найти в «Тан», 17 июля 1907 г.

¹⁾ Ответ сэра Эдуарда Грея на запрос, сделанный ему в парламенте 21 февраля 1907 г. Запрос был сделан Робертсоном, который указал, что предметные уроки и география преподавались в начальных школах по-английски; история, география, арифметика, алгебра и др. науки преподавались в средних школах только по-английски или по-французски, а все преподавание в технических школах и профессиональных колледжах велось только по-английски.

²⁾ Бесплатное обучение было уничтожено даже в религиозных школах (Wakf).

тян, стремящихся поступить тула, ежегодно получают отказ¹⁾. Ни в одном из современных государств еще не выросло представление о школе, как о самом высоком и самом важном учреждении, какое только может иметь нация, но ни в одной другой стране правительство не имеет такого низкого представления о школе, как в Египте. Там на нее смотрят, как на смиренную Золушку, годную только на черную работу оккупации.

Нет сомнения, что величайшим злом образовательной системы в Египте является обычай назначать на учительские должности приезжих англичан вместо туземцев. Кажется чудовищным, что горсть англичан, которые официально лишь «временно» оккупировали страну, старается навязать одиннадцатимиллионному народу чужой для него язык и чуждые ему взгляды. Но именно это и ставил своей задачей лорд Кромер в прошлом. Эта мысль может показаться химеричной, и она на самом деле оказалась химеричной; но ее усвоение указывает на то, с какими чувствами агент оккупации подошел к задаче осуществления лозунга: «Египет для египтян». Не имея даже такого мандата, каким располагала, напр., Австрия по отношению к Боснии и Герцеговине, англичане стараются превратить Египет тайком в британскую колонию и с этой целью используют школу, как средство для распространения своего языка и своих взглядов. Впервые начал эту политику англизирования в 1890 г. только что назначенный на должность школьного инспектора Данлоп, потом состоявший советником в министерстве просвещения, который ввел обычай конкурсных экзаменов на английском языке. Порталь сообщал тогда: «Данлоп докладывает мне, что, когда представляется возможность, мальчики выказывают большое желание учиться английскому языку, обнаруживая при этом удивительную способность к изучению его. Поэтому можно надеяться, что, увеличив число английских учителей как в начальных, так и в других школах, можно расширить возможность подрастающему египетскому поколению ознакомиться с нашим языком»²⁾. Забота о ново-открытых лингвистических способностях египтян была бы очень трогательной, если бы вопрос шел об арабском или каком-нибудь другом языке, а не английском. На самом деле, как мы видим, эта признанная способность молодых египтян к изучению английского языка была только употреблена как предлог, чтобы потребовать присылки английских учителей, которые повели бы преподавание на этом языке, и таким образом принудить всех, ищущих образования и государственной карьеры, изучать английский язык. При этом даже не ставился вопрос, должны ли власть имущие сами изучить язык страны;—сам лорд Кромер не научился ни одному слову по-арабски, и все его усилия сводились к тому, чтобы навязать собственный язык подчиненному народу. Что от таких приемов англизирования должно было пострадать усвоение знаний, их совершенно не касалось, но они

¹⁾ Надо отметить, что в то же самое время учащимся Земледельческой Школы предлагаются стипендии в размере 10 и 12 ф. ст. при известных условиях, чтобы процитировать их слушать курс на английском языке. (Запрос, сделанный в парламенте Робертсоном 15 августа 1907 г.)

²⁾ «Египет», № 2 (1890 г.), стр. 163.

с удовлетворением видели, что за 10 лет, с 1889 до 1898 г. число учеников в правительственных школах, изучающих английский язык, увеличилось с 1.063 до 3.859 чел., т.-е. с 26 % до 67 % всего числа учеников, тогда как количество изучающих французский, традиционный язык образованных классов, упало с 2.994 до 1.881 чел., или с 74 % до 33 % всего числа ¹⁾. Является, однако, вопрос, — не научится ли, при принудительном прохождении курса обучения на английском языке, египетский юноша в то же самое время ненавидеть англичан и их язык? ²⁾.

Однако довольно об образовании. На свете мало таких стран, в которых, по крайней мере, в среде буржуазных классов населения, есть такое тяготение к знанию, как в Египте. Нигде, однако, правительство не делало так мало, чтобы удовлетворить эту потребность. Народ молил о хлебе, а британские правители дали, можно сказать, даже не камень, а змею.

В уровень с этой работой по развитию образования можно поставить работу англичан по укреплению начал самоуправления. Мы помним торжественные заверения лорда Дафферина о том, что англичане хотят быть «лучшими друзьями и советниками» египетского народа, не навязывая ему своих взглядов и не удерживая его в «унизительной опеке», но позволяя ему, или, как сказано, «желая, чтобы египтяне жили собственной жизнью и управлялись собственным правительством». Практическое применение этой увлекательной доктрины выразилось в энергичном проведении политики назначения на все самые важные административные должности иностранцев — и, конечно, главным образом, англичан, — которая, как мы уже видели, была введена с установлением первого контроля над финансами Египта. Еще до британской оккупации эта политика, главным образом, имела в виду предоставить родственникам и друзьям тепленькие местечки за счет египетского правительства. При лорде Кромере прибавилась еще другая цель, а именно — отнять у египетского народа его долю в управлении страной и превратить его, поскольку это было возможно, в британское управление. Между 1896 и 1906 г.г. число чиновников на египетской гражданской службе увели-

¹⁾ «Египет», № 3 (1889 г.), стр. 42.

²⁾ Вот что пишет Жан Род, известный публицист в «Тан» (30 марта 1910 г.) после своего продолжительного путешествия по Востоку и Египту. «Бессилие Англии (навязать свою культуру Египту) особенно обнаруживается в области языка. После 30 лет оккупации, Англии не удалось распространить в Египте свой язык и цивилизацию, несмотря на то, что она обладала такими сильными средствами воздействия: в виде официального образования, университетских дипломов и правительственных должностей. С другой стороны, французский язык не только не теряет своей позиции, как мы могли бы опасаться из-за преобладания другой нации, но продолжает распространяться. Этим мы обязаны не только длительному сотрудничеству в прошлом и растущему значению наших интересов, но также той особенной связи, которая происходит из несомненного тяготения народов Средиземного моря к нашей культуре и нашим формам жизни. Возможно, что тут также действуют до известной степени анти-британские настроения, которые все еще находят неожиданные пути для своего выражения. Однако положение таково, что ни в одной отрасли управления, за исключением разве только железных дорог ни один английский чиновник не может, как следует, отправлять свои служебные обязанности, не зная нашего языка».

чилось с 9.134 до 13.279 чел., но в то время, как количество иностранцев возросло с 690 до 1.252 чел., другими словами, почти удвоилось, число туземных чиновников увеличилось с 8.444 до 12.207 чел., т.-е. увеличилось только на 50%. В 1896 г. из иностранцев только 286 чел. было англичан, но в 1906 г. этих последних насчитывалось 662 чел.¹⁾ Однако даже такая неравномерность в численном соотношении чиновников была бы и в половину не так плоха, если бы преобладающее большинство туземцев не занимало лишь самые низкие служебные должности, тогда как все лучшие и действительно важные должности были заняты иностранцами. В число 13.000 туземных служащих входят почтальоны, железнодорожники, телеграфисты и т. д., в то время как настоящая и ответственная сторона управления находится в руках европейцев, главным образом, англичан. Возьмем, напр., железные дороги²⁾. Из 36 начальников, с жалованьем 600 ф. ст. в год и больше, 32 европейца и только 4 египтянина. Из 93 инспекторов с жалованьем от 26 до 48 ф. в месяц: 74—европейца и только 19—египтяне. Из 276 помощников инспекторов с жалованьем от 16 до 25 ф. в месяц—147 европейцев и 129 египтян. Но из 5.428 железнодорожных рабочих, которые получают жалованье ниже 16 ф. в месяц: 5.230 чел. — туземцы и только 198 — иностранцы. Таким же образом распределяются должности и во всех остальных отраслях управления. Лучшие места отдаются иностранцам, худшие — туземцам, а промежуточные места распределяются согласно с той ответственностью и тем жалованьем, которые им присвоены: чем больше ответственность и жалованье, тем большее количество мест предоставляется иностранцам; чем они меньше, тем большее количество мест отдается туземцам.

Излишне распространяться о той возможности приобретения административного опыта, которую такая система назначения на правительственные должности предоставляет туземному населению. Постоянно слышатся голоса среди египтян о том, что англичане явились к ним, чтобы научить их наладить самоуправление, между тем как английские агенты делают все, чтобы удалить египтян с правительственных должностей. Как в деле образования, так и при распределении правительственных должностей, с туземцами обращаются, как с париями в их же собственной стране; их отстраняют от всех ответственных должностей и осуждают на унизительную роль исполнителей, за нищенские вознаграждения, приказаний своих чужеземных начальников. Лорд Кромер однажды сам указал на то, как маленькие должности и ничтожное жалованье, которые являются уделом туземных чиновников, неизбежно должны привести к взяточничеству. Человек не может существовать со своей семьей на жалованье в 6—7 ф. в месяц в Египте, и он вынужден пользоваться казенным добром или брать взятки. Еще в 1902 г. лорд Кромер должен был признать, что «все еще существует в значительной степени мелкое взяточничество, особенно в провинциях»³⁾, а сказанное им в 1901 г. истинно и по наши дни: «Я сомне-

¹⁾ «Египет», № 1 (1907 г.), стр. 36.

²⁾ Там же, стр. 40.

³⁾ Там же, № 1 (1903 г.), стр. 35.

ваюсь, чтобы даже и теперь некоторые из младших чиновников получали достаточно, чтобы быть в состоянии устоять против искушения увеличить свои доходы незаконными путями» ¹⁾. Замените «некоторые» «всеми» и не забывайте, что эти младшие чиновники главным образом — туземцы, и у вас получится представление о размерах унижения, которому подвергаются египтяне в своей собственной стране.

В противоположность туземцам, имеется высшая каста английских чиновников, которых приучили считать себя центром всего египетского населения. В последнем отчете, выпущенном лордом Кромером ²⁾, находится трогательное воззвание к английским чиновникам, не падать духом при виде «неблагодарности» египтян, которые не могут или не хотят ценить их усилий для пользы Египта, или же от недовольства и критики своих соотечественников, которые не знают об их заслугах, а итти дальше по священному пути долга, будучи уверенными в напrade со стороны собственной совести. Как, вероятно, смеялись исподтишка все чиновники при этих отеческих увещаниях! Не менее забавным должен был им показаться элегический тон, в котором лорд Кромер, в заключение своего воззвания, замечает об уменьшении симпатий, которое с недавних пор стало наблюдаться в английских официальных кругах по отношению к египтянам, — явление совершенно де небывалое в прежние времена! Эти увещания и жалобы были повторены, с удивительным отсутствием оригинальности, сэром Эльдоном Горстом ³⁾. В действительности, однако, ни лорд Кромер, ни его преемник, ни их чиновники никогда не питали ничего, кроме глубочайшего презрения к египтянам, тогда как себя они считали самым небом ниспосланными правителями и спасителями.

Знаменитое Деншавское дело может послужить примером тех настроений по отношению к египтянам, которые существуют в британском управлении ⁴⁾.

¹⁾ «Египет», № 3 (1891 г.), стр. 4; сравн. «Египет» № 15 (1885 г.), стр. 60.

²⁾ Там же, № 1 (1907 г.), стр. 101—102.

³⁾ Там же, № 1 (1910 г.), стр. 50—51.

⁴⁾ Не мешает напомнить главные обстоятельства этого ужасного дела. 13 июня 1906 г. пять английских офицеров отправились стрелять голубей в деревню Деншаван. Крестьяне и прежде недоброжелательно относились к этому спорту, но на этот раз это привело к нападению крестьянской толпы, так как было подожжено гумно и выстрелом ранена одна крестьянка. Подвергшиеся нападению офицеры стали защищаться из ружей и ранили в ноги четырех крестьян. Крестьяне были вооружены только палками. Из офицеров один получил удар по голове, а другому сломали руку. Тогда получивший удар по голове капитан Буль был послан своими товарищами в лагерь за пять миль за помощью, но так как стояла нестерпимая жара, то с ним сделался солнечный удар, он упал по дороге и умер в тот же вечер. Крестьяне были привлечены к суду за убийство и нападение, и четверо из них было повешено в вынужденном присутствии их осужденных товарищей, их семей и всех жителей деревни. Двое, в том числе один крестьянин, жена которого была ранена, были приговорены к пожизненным каторжным работам, один — к 15 годам, 6 — к 7 годам, 3 — к годичному заключению с принудительными работами, а 6 были приговорены к публичному наказанию 50-ю ударами плетью («Египет», №№ 3 и 4, 1906 г.). Следует заметить, что осуждение за убийство четырех обвиняемых, затем повешенных, было вынесено вопреки показанию доктора Нолана, который установил, что раны капитана Буля были причинены сильными ударами тупых орудий,

Другой подобный же случай произошел много лет тому назад, когда два английских офицера, охотясь около пирамид, вблизи деревни Куфры, случайно ранили ребенка, и в последовавшей ссоре с отцом этого ребенка один из офицеров нечаянно выстрелил из ружья и убил несчастного крестьянина. Офицеры были виновны в убийстве, но не они понесли наказание, а собравшаяся толпа, которая напала на них после убийства и была привлечена к особому суду трибунала. Двенадцать человек были приговорены к наказанию плетьюми в присутствии остальных крестьян и к тюремному заключению с принудительными работами на 6 месяцев. Это было удивительное проявление английского правосудия, которому придавал особое значение еще тот факт, что за два дня перед тем итальянский доктор, охотясь на хлебном поле в Шубре, подвергся нападению со стороны крестьян и в последующей борьбе также нечаянно был убит из ружья. В этом случае, однако, феллах был оправдан. Нечего и говорить, что ни в одном из этих судебных дел не было правосудия. Как в Деншавайском, так и в Куфрском деле кастовый дух английского чиновничества и английского господства обусловил требование «примерного» наказания дерзкого «туземца».

Говорить при таких обстоятельствах об «уменьшении» симпатии среди нового поколения английских чиновников по отношению к народу, которым они правят, будет только оскорбительной иронией. Английские правители Египта никогда не питали ни малейшей симпатии к египтянам и, далекие от того, чтобы «приобщать их к самоуправлению», постоянно стараются держать их подальше от образования и истребить в них чувство собственного достоинства и стремление сделаться сознательными гражданами.

но что прямой причиной смерти был солнечный удар. Благодаря сильному возбуждению как в Египте, так и в Англии, деншавайские заключенные были освобождены в начале 1908 г. В депешах с описанием этого дела Финдлей, бывший тогда временно исполняющим должность агента и генерального консула (лорд Кромер уехал в Англию), имел смелость говорить, что «суд был произведен с спокойствием и в полном согласии с законами, и не было ни малейшего следа ни паники, ни мстительности». И это несмотря на следующие факты: судебное разбирательство происходило в особом трибунале, оно продолжалось только 3 дня, между совершением преступления и казнью прошло только 2 недели; суд, не стесняясь, заявил, что офицеры «могли бы перестрелять нападавших, как голубей». Деревня Деншаван была лишена своих омдехов и была предоставлена исключительно надзору полиции, специально вызванной из Каира! Конечно, «можно смело сказать, — добавил лорд Кромер по поводу этого дела в меморандуме к депеше Финдлея, — что юридическая система в Египте, может быть, на полвека опередила идеи и уровень цивилизации этого народа».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ КРОМЕРА ДО НАШИХ ДНЕЙ

«Без сомнения, только оестоятельства, стоящие вне власти британского правительства, могут помешать британской оккупации в Египте стать постоянной. Когда британское правительство и британские войска вступают в чужую страну, они стремятся урезать самоуправление и даже подавить способность к самоуправлению. Все, что известно о самых недавних событиях в Египте, показывает... что британские интересы будут тщательно охраняться путем подавления всяких самостоятельных действий каких-либо национальных учреждений».

Из речи О'Доннелля в Палате Общин в 1883 г.

ГЛАВА XXI

ПОЛИТИКА ПОСУЛОВ

Теперь мы достигли поворотного пункта в нашем обзоре. Начиная с 1875 г., когда впервые возник так называемый египетский вопрос, мы рассмотрели всю длинную цепь событий, которые привели к оккупации Египта англичанами. Потом мы коснулись результатов, достигнутых оккупацией. Ни самое происхождение английской оккупации, ни ее результаты ничуть не оправдывают агрессивных действий Англии, и, как 30 лет тому назад, так и теперь англичане являются самозванными пришельцами в Египте. Но, как цинично рассуждал Дайси в самом начале англо-египетских отношений ¹⁾, «если мы не в состоянии сохранить свое положение в Египте из-за того, что мы не сможем представить оправдания наших действий перед судом юристов-международников, то нам придется похерить всю нашу историю. Если вы заняты в каком-нибудь деле и не желаете впасть в банкротство, то вы, конечно, не можете вести свои дела в полном согласии с требованиями первобытного христианства. Но интересы Англии не ограничиваются только деловой сферой». Это было если не установившимся взглядом, то, по крайней мере, установившейся практикой британского правительства с самого начала и до сегодняшнего дня. Правда, в первые годы оккупации неправомерность ее и насильственное происхождение все еще сильно чувствовались, и англичане делали многочисленные завоевания как публике, так и великим державам, что их пребывание в Египте будет очень кратковременным. Когда еще продолжалась война, Гладстон, в ответ на запрос, сделанный ему в парламенте, заявил: «Я могу дать ответ почтенному джентльмену, который спрашивает меня, не имеем ли мы в виду неограниченную временем оккупацию Египта. Вне сомнения, мы отнюдь не собираемся этого делать. Это совершенно расходилось бы с принципами и взглядами британского правительства и обещаниями, данными им Европе, и со взглядами, можно сказать, самой Европы» ²⁾. Месяц спустя, в разговоре с генералом Манабреа относительно слухов о предполагаемом объявлении британского протектората в Египте, лорд Гренвиль заверил его, что «ему следует выкинуть из головы всякую подобную мысль» ³⁾.

¹⁾ «Будущее Египта». «Nineteenth Century», август, 1877 г.

²⁾ Hansard. «Парламентские отчеты», т. 272 (1882 г.), стр. 1390.

³⁾ «Египет», № 2 (1883 г.), стр. 2.

В ноябре того же года Гладстон, снова отвечая на вопрос в парламенте, сравнил оккупацию Египта с занятием Франции четырьмя державами в 1815 г. и заверил, что британское правительство обусловит оккупацию соглашением с египетским правительством ¹⁾. В январе 1883 г. Гренвиль повторил эти заверения в депеше к великим державам, объявив, что «хотя в настоящий момент британские войска остаются в Египте для сохранения общественного спокойствия, правительство ее величества желает отозвать их, как только состояние страны и принятие соответствующих мер для поддержания авторитета хедива позволят это ²⁾. В 1884 г. сэр Эвелин Беринг в письме к своему начальству заметил, что «правительство ее величества, — весьма благоразумно, как я нахожу, — не собирается брать на себя управление Египтом, ни постоянное, в виде аннексии страны, ни временное, в виде протектората» ³⁾. Приблизительно в то же время Гренвиль говорил Ваддингтону, французскому послу, что «правительство ее величества согласно отозвать свои войска в начале 1888 г. при условии, если державы придут к убеждению, что можно отозвать войска, без опасности для спокойствия и порядка ⁴⁾. В 1886 г. лорд Сольсбери заявил, что Англия должна сдержать свои священные обещания и эвакуировать Египет ⁵⁾, а британский посол в Париже отрицал слухи, будто Англия навсегда собирается продлить свое пребывание в Египте, и заверил французское правительство в том, что «в политике Англии не произошло никаких изменений по отношению к Египту» ⁶⁾.

Можно было бы много еще привести таких заявлений и обещаний. Из них явствует, что вначале британское правительство само не знало, позволят ли ему и стоит ли вообще продолжать неограниченное время держать в своих руках Египет. Не следует забывать, что как раз в то время финансовое положение Египта было чрезвычайно плохо, и британское правительство, вероятно, думало, что лорд Кромер не сможет улучшить его, и англичанам придется удалиться из Египта даже против их воли. Летом 1885 г. лорд Сольсбери даже послал сэра Генри Драммонд-Вольфа, который критически относился к официальной политике в Египте, в Константинополь, чтобы урегулировать египетский вопрос. Через три месяца после его прибытия там была заключена конвенция, в которой предусматривалась командировка британского и турецкого верховных комиссаров в Египет для расследования и донесения о положении дел во всех отраслях управления, после чего оба правительства должны были «начать переговоры о заключении конвенции по вопросу об отзыве британских войск из Египта в соответствующий срок» ⁷⁾. Это казалось подтверждением желания британского правительства сдержать свои обещания. Но в последующие полтора года

¹⁾ Hansard. «Парл. отчеты», т. 274 (1882 г.), стр. 1407—1408.

²⁾ «Египет», № 1 (1883 г.), стр. 34.

³⁾ Там же, № 23 (1884 г.), стр. 9.

⁴⁾ Там же, стр. 13.

⁵⁾ На банкете в Гильдхолле 9 ноября 1886 г.

⁶⁾ «Египет», № 2 (1887 г.), стр. 110.

⁷⁾ Там же, № 1 (1886 г.), стр. 37—38.

финансовое положение в Египте значительно улучшилось, и опасность из-за финансового неустройства потерять Египет исчезла. Уже в конце 1886 г. лорд Кромер мог донести о значительных успехах, достигнутых в финансовом управлении страны, и он предусмотрительно прибавлял, что «работа, однако, только что началась» и что «продолжение ее зависит от сохранения преобладающего британского влияния, что в данный момент зависит от пребывания британских войск в Египте». «Неуместная поспешность с отзывом войск, — предостерегал он, — может разрушить все, что было сделано» ¹⁾. Такое заявление было необычайно приятно слышать, и британское правительство решило действовать, сообразуясь с ним. Когда пришло время заключать конвенцию об эвакуации, Англия предложила, что британские войска будут выведены из Египта по истечении трехлетнего срока со дня заключения соглашения, но в случае, если возникнет опасность изнутри или извне, включая непризнание какой-либо из держав Средиземного моря (имелась в виду, конечно, Франция), то британские войска будут иметь право остаться в Египте. Кроме того, — и это было еще более важно, — если в будущем возникнут какие-нибудь беспорядки в Египте после эвакуации или произойдет какое-либо нарушение международных обязательств Египта, то турецкому и британскому правительствам предоставляется право снова занять страну войсками, а в случае отказа Турции действовать совместно, это право предоставляется одному британскому правительству ²⁾. Это было поразительное условие для эвакуации страны, которая была незаконно оккупирована. Как заметил султан, это означало, что любая страна могла оккупировать ту или иную провинцию Османской империи — Россия могла занять Армению, а Франция — Сирию — и потом вести переговоры об эвакуации на условиях предоставления ей формального права на вторичное занятие ³⁾.

Понятно, что Франция была возмущена этим параграфом конвенции. На основании конвенции, заявила она, Англия становится соправительницей Египта, и вместо того, чтобы положить конец британскому господству, конвенция санкционирует его на вечные времена. Такая эвакуация будет только фиктивной. Вместо незаконного владения страной Англия делается ее законным хозяином, так как всякое сопротивление ее воле будет рассматриваться как «внутренняя» опасность и повлечет за собой возобновление оккупации.

Хотя Германия и ее союзники склонны были дать совет султану принять конвенцию, Франция и Россия советовали ему требовать ограничения права возобновления оккупации двухгодичным сроком, а в случае отказа — не подписывать договора. Французский посол зашел даже так далеко, что заявил султану, что в случае, если он откажется от ратификации конвенции, то он может дать ему от имени французского правительства «формальное и категорическое заверение в том, что его величество будет огражден и гарантирован от всяких послед-

¹⁾ «Египет», № 11 (1887 г.), стр. 7.

²⁾ Там же, № 7 (1887 г.).

³⁾ Там же, № 8 (1887 г.), стр. 5.

ствий, которые могут возникнуть из-за отказа дать ратификацию»¹⁾. Мы не знаем, придавал ли значение султан этим заверениям. По всей вероятности, он хорошо знал им цену. Он не мог, однако, согласиться на уступку Англии половины своих суверенных прав над Египтом и, после значительной отсрочки и колебаний, отказался подписать конвенцию.

Вероятно, англичане были несколько разочарованы неудачей при заключении конвенции, которая, хотя и вынуждала их в данный момент эвакуировать Египет, вместе с тем предоставляла им те права, которых они так давно домогались. В то же время они могли теперь со спокойной совестью отбросить свои прежние обещания и заявить, что они исполнили бы их, если бы не упорство султана. 1887 год поэтому может рассматриваться как поворотный пункт в позиции британского правительства по вопросу об эвакуации. Время от времени оно повторяло, что Англия скоро закончит свое пребывание в Египте, а в 1896 г. Гладстон, который живейшим образом чувствовал свои обязательства по отношению к мелким народностям, когда он находился в оппозиции, заявил в письме к одному египетскому патриоту, что, по его мнению, «время для эвакуации настало уже несколько лет тому назад»²⁾. Но такие заявления становились все реже и реже, а из Каира оказывалось всяческое давление, чтобы сделать это пребывание постоянным. В 1890 г. мистер (впоследствии сэр Эльдон) Горст, финансовый советник, донося о предполагавшихся финансовых мероприятиях, прибавлял: «чтобы выполнить такую программу, одно условие является совершенно необходимым... а именно, чтобы политическое положение Египта не подверглось никаким радикальным переменам, — другими словами, чтобы британская армия продолжала оккупировать страну и чтобы влияние британского правительства, которое в широкой степени зависит от пребывания оккупационной армии, продолжало преобладать»³⁾.

Та же мысль продолжала находить место, варьируясь на все лады, почти в каждом донесении лорда Кромера и его агентов, а в 1895 г. неизменный Вильерс Стюарт, посетив Египет, пришел к еще лучшему убеждению, а именно, что понадобятся два поколения для того, чтобы проведенные реформы прижились и стали постоянными, ибо «если предоставить страну самой себе, то она быстро придет в упадок, прежняя неурядица возвратится, старые злоупотребления появятся вновь, полученные уроки будут забыты, и ее новое положение может оказаться

¹⁾ Cocheris. Situation internationale de l'Egypte, p. 225.

²⁾ Письмо было написано молодому Мустафе Камелю из Биарица и было датировано 14 января 1896 г. «Я симпатизирую, — писал Гладстон, — вашим чувствам, как египтянина, но совершенно бессилён сделать что-либо. Мои взгляды оставались всегда одними и теми же, а именно, что мы должны покинуть Египет, исполнив задачу, ради которой мы туда прибыли, с честью и выгодой для этой страны. По моему мнению, это время настало уже несколько лет тому назад». Честь и выгода, полученные Египтом, были, конечно, огромны!

³⁾ «Египет», № 1 (1890 г.), стр. 1. Лорд Сольсбери был так рад получить этот отчет, что телеграфировал лорду Кромеру, говоря, что депеша с приложениями будет представлена в парламент (там же, стр. 23).

много хуже прежнего»¹⁾. Неудивительно, что, имея такие предостережения «людей с мест», британское правительство, побуждаемое, конечно, чисто филантропическими мотивами, решило остаться в Египте.

Это не всегда было так просто, ибо время от времени какая-нибудь держава, большей частью Франция, мягко напоминала о прежних обещаниях и спрашивала, не пришло ли время для эвакуации. В 1889 г., например, когда британское правительство сделало попытку произвести конверсию долга, Спюллер, бывший тогда французским министром внутренних дел, отказался дать согласие на эту операцию, если Англия не об'явит, когда она собирается удалиться из Египта. Британское правительство ответило, что оно охотно сделает это, но положение дел в Египте так неустойчиво! «В таком случае, как же вы можете предлагать конверсию долга, если финансовое положение так непрочное?» — возразил Спюллер²⁾. К счастью, он скоро пал, а его преемник Рибо не сделал возражений и согласился на конверсию. Затруднения с Францией окончились только в 1904 г., когда, в силу известного англо-французского соглашения, Франция, в обмен за Марокко и декларацию британского правительства о том, «что у него нет намерения изменять политический статут в Египте», обязалась не препятствовать действиям Великобритании в Египте «требованием ограничения срока британской оккупации или чем-либо другим». Это, конечно, не связывало остальные державы, которые приняли участие в константинопольской конференции, но так как ни у одной из них не было особых причин поднимать египетский вопрос, то Англия и осталась там с тех пор, не тревожимая никем. Как однажды сказал лорд Мильнер³⁾: «Каково бы ни было положение в идеальном мире, но в земном мире нельзя требовать от правительства точного исполнения при победе того, что им было обещано при начале войны». В вопросе о выполнении обещаний «догматы первых веков христианства», очевидно, неприменимы.

Мы, таким образом, дошли в своем обзоре до положения в наши дни (1909 г.), которое и остается нам теперь рассмотреть. Это положение было бы точно таким, каким оно было, например, в момент заключения англо-французского соглашения, если бы не выдвинулся новый фактор, который совершенно изменил всю обстановку и стал осью, вокруг которой стали вращаться все события с момента заключения указанного дипломатического акта, и в особенности со времени перемены на посту британского агента в 1907 г. Мы говорим о возникновении национального движения, или, чтобы быть точнее, возрождении старого националистического движения, бывшего 30 лет назад, только в более современном виде и при других, более значительных средствах.

Весьма любопытной чертой последних лет управления лорда Кромера было то, что он начал создавать, основываясь на продолжительной и никем не тревожимой оккупации страны, новую легенду, что егип-

¹⁾ «Египет», № 2, (1895 г.), стр. 2.

²⁾ Veray. «Les rivalités franco-anglaises en Egypte», p.p. 145—7.

³⁾ Лорд Мильнер. «Англия в Египте», стр. 26 (изд. 1904 г.).

тяне будто бы оценивают «благodeяния», оказанные им оккупацией, и вследствие этого уже не физическая сила, а искреннее чувство привязанности лежит в основе британского господства в Египте. Нужно вспомнить, как во время восстания Араби официальные донесения и общая пресса пытались создать впечатление, что Араби вовсе не выразитель стремлений страны, а только бунтовщик и мятежник против законной власти своего суверена. В 1883 г., посещая Египет в качестве члена миссии лорда Дафферина, Вильерс Стюарт написал длинный доклад в доказательство этого тезиса, закончив его следующими словами: «Народ об'являет, что... считает его (т.-е. Араби) самозванцем; к нему теперь никто не питает симпатии; египтяне ожидают реформ от англичан и готовы приветствовать их как в Верхнем Египте, так и в Дельте» ¹⁾. Заверения, будто египтяне обожают англичан, восходят таким образом чуть ли не к началу оккупации. Тем не менее, как мы уже видели, они были скоро оставлены, уступив место открытому признанию, что влияние англичан зависело от оккупационной армии ²⁾. Но время шло, и так как никто, повидимому, не торопил Англию с эвакуацией, то старая легенда стала оживать под влиянием самого лорда Кромера. Уже в 1892 г., когда прошла опасность учреждения международной финансовой комиссии, он писал: «Голос и истинные мнения массы населения этой страны мало слышны. Мне думается, однако, что они оценивают благодеяния, которые выпали на их долю за последние годы, и они не захотят никакой внезапной перемены в настоящем порядке» ³⁾. Удивительная проницательность, которая помогла лорду Кромеру приметить даже невиданное общественное мнение, в течение дальнейших лет постепенно разрасталась и в 1904 достигла значительной силы. «Единственные узды,—писал он в своем обычном легком стиле, скромно и с видом об'ективности,—которые до сих пор соединяли правителей и управляемых в Египте, были, с одной стороны, надежды, возлагавшиеся на принудительную силу высшей власти, а с другой стороны, страх перед злоупотреблениями этой власти. Говоря вообще, главной нашей целью было заменить новой системой отношений существующую связь, которая была настолько натянута, что вызвала почти революцию, так как ошибочно считать восстание Араби только простым военным мятежом. Эта новая связь должна была состоять отчасти в удовлетворении чаяний массы населения, отчасти в постепенном росте доверия к намерениям правительства, а также отчасти и в укоренении убеждения, что правительство сильно, хотя его сила и проявляется совершенно иначе, чем у его предшественников... Я, не колеблясь, утверждаю, что действия, предпринятые за последние 20 лет на этом пути, достигли ожидаемых результатов» ⁴⁾.

¹⁾ «Египет», № 7 (1883 г.), стр. 18.

²⁾ Еще в 1887 г. Португал все еще жаловался: «Не следует думать, что феллах благодарен существующему управлению за увеличение его благосостояния... Крестьяне смотрят на английскую оккупацию, как на национальное бедствие». («Египет», № 2 (1888 г.), стр. 83).

³⁾ Там же (1893 г.), стр. 30.

⁴⁾ Там же, № 1 (1904 г.), стр. 6. В это время лорд Кромер совершенно серьезно верил в свою популярность в Египте и, как говорят, делал неофи-

Указание на то, что единственные узы, связывавшие правителей и управляемых в прежние времена, были подавляющая сила и страх перед этой силой, звучало довольно странно в устах человека, который много лет управлял с помощью военных судов и незадолго до своего отъезда оставил приснопамятное доказательство своих террористических наклонностей в Деншавайском деле. Замечательна также та легкость, с которой он одной фразой опрокинул старую клевету насчет Араби и его движения. Но более всего удивительной иронией было то, что в то время, как лорд Кромер распространялся о вышеупомянутой перемене, происшедшей якобы в отношениях между правителями и управляемыми, национальное движение начало поднимать свою голову, чтобы дать живое опровержение этой легенде.

Нельзя было ожидать, чтобы национальное движение, имевшее за собой революционные и конституционные традиции, могло совершенно замереть из-за понесенного поражения. Те же самые причины, которые вызвали его в прошлом — господство и эксплуатация иностранцев, — должны были непременно возродить его после того, как были изжиты все последствия катастрофы 1882 г., и сначала победы Японии, а потом и ужасы деншавайских виселиц раздули тлевший огонь национального движения. Совершенно случайно во главе движения оказался талантливейший молодой человек, Мустафа-Камель-паша, который мужественным поведением и вдохновенным красноречием придал ему определенный характер. И без него это движение рано или поздно выявилось бы, хотя нельзя отрицать, что благодаря ему этот процесс произошел раньше, а не позднее.

В какие-нибудь два года образовалась большая партия, было основано несколько газет, и по всем городам страны возникла агитация с требованиями эвакуации и восстановления конституции. Это было замечательным достижением в такой короткий срок, и велика была досада лорда Кромера, когда Генеральное Собрание, эта «фальсификация представительного государственного строя», на своем заседании 4 марта 1907 г. выставило в резолюции целый ряд самых дерзких требований, из которых наиболее важным было требование конституции и парламента. Негодование великого проконсула не имело границ, и из его двух последних докладов мы можем ознакомиться с теми оскорбительными выражениями, которые он пишет по адресу националистов. Они — невежды, они подкуплены, они — игрушка в руках бессовестных агитаторов, которые представляют только крикливое меньшинство, и т. д. Но агитация все продолжалась, национальное движение все росло и постепенно захватило все образованные классы. Были сделаны попытки поднять и поддержать в противовес «умеренное движение», которое требовало только реформ, но соглашалось с оккупацией и готово было ждать конституции неопределенно долгое время. Но эти усилия ни к чему не привели и только дискредитировали тех, кто делал эту попытку или поддерживал эти начинания. Прощальная речь лорда Кро-

циональное предложение военному министерству отозвать британский гарнизон из Каира.

мера в здании каирской оперы, перед окончательным отъездом из страны, была формальным объявлением войны националистам¹⁾, а в своей речи в Гильдхолле, когда он получил почетное гражданство Сити, он, не колеблясь, призывал власти силой подавить националистическое движение²⁾. Сторонники оккупации вздохнули свободно, когда в феврале 1908 г. Мустафа-Камель умер от непосильной работы. Но как раз его смерть и доказала огромную популярность его идей, которые он так хорошо умел выразить. Для всей страны, с одного конца до другого, смерть его была национальным несчастьем, и 50.000 человек, знатного и низкого происхождения, провожали его тело до могилы с выражением глубочайшего горя. Сами англичане были поражены этим удивительным взрывом национального чувства, и хотя тайно радовались этой смерти, но не могли не почувствовать жизненной силы идей, собравших весь египетский народ вокруг человека, который первый осмелился высказать их.

Это национальное пробуждение египетского народа как чудом преобразило все положение после более чем двадцатипятилетнего застоя. Британские хозяева внезапно поняли, что появилась новая, неожиданная сила, с которой им так или иначе придется считаться. Лорд Кромер сам, вероятно, понял, что возникла новая и трудная проблема, с которой он под конец своего долгого правления не сможет, как следует, справиться, и было ли это, как полагают одни, делом заранее обдуманном или, как думали другие, новое либеральное правительство хотело испробовать новую политику при изменившихся обстоятельствах, но лорд Кромер, под предлогом нездоровья, подал в отставку летом 1907 г., а его место занял сэр Эльдон Горст.

Нет сомнения, что новый проконсул, бывший ярким сторонником оккупации в бытность финансовым советником при лорде Кромере и оставшийся таким же ко времени своего назначения, тем не менее отправился в Египет с указаниями ослабить прежнее деспотическое управление и испробовать примирительную политику, чтобы взорвать националистическое движение. Он должен был сделать шаги в либеральном направлении как в администрации, так и законодательных учреждениях, для того, чтобы привлечь на свою сторону наиболее умеренный элемент среди националистов, а главное, он должен был примириться с хедивом, которого грубое обращение лорда Кромера толкнуло в объятия Мустафы-Камель-паши и его агентов, так что хедив даже объявил себя сторонником конституции³⁾. В этом последнем сэр Эльдон Горст успел очень скоро, но первая задача оказалась гораздо более трудной. Конечно, не существовало даже и мысли серьезно рас-

1) Национальное движение, заявил он, «фальшиво и искусственно», и он обещал, что даже по своем отъезде не перестанет настаивать, чтобы с ним расправились, как оно того стоило, а, по его мнению, «оно стоило очень немногого». См. его речь в «Egyptian Standard» от 6 мая 1907 г. (перепечатано из «l'Egypte»).

2) «Со своей стороны я вижу только один способ борьбы с волнениями и беспорядками в Индии и в Египте. А именно, надо упорно продолжать свой долг по отношению к народам этих двух стран и наложить тяжелую руку на экстремистов, если они будут переступать законную границу» (Таймс, 29 октяб., 1907 г.)

3) В интервью с Рене Пуо из «Тан» (см. выпуск от 24 марта 1907 г.).

ширить египетское «самоуправление». После долгих переговоров и совещаний был выработан проект — давнишняя мысль лорда Кромера — расширить провинциальные советы и увеличить их полномочия. Однако вскоре оказалось, что за исключением предоставленных им некоторых прав, под контролем министерства народного просвещения, в отношении открытия начальных школ, новые провинциальные советы имели быть такими же бесправными учреждениями, какими они были с 1883 г., т.е. преимущественно совещательными органами без какого-либо права инициативы, подчиненными провинциальным губернаторам и министерству ¹⁾. Хотя этот проект и не был отвергнут Законодательным Советом, которому он был представлен, но комитет Совета, не колеблясь, осудил его с точки зрения желательных преобразований и признал его почти бесполезным ²⁾. Самому Законодательному Совету было предоставлено право открывать свои заседания для прессы и публики, а также делать запросы министрам. Эта последняя уступка была принята неохотно, так как право запросов было обставлено различными ограничениями. Запрос должен был представляться за 5 дней до его рассмотрения, министр, к которому он был обращен, имел право отказаться отвечать на него, не разрешалось никаких добавочных вопросов, и, кроме того, председатель Совета, который, конечно, назначался правительством и находился поэтому всецело в его руках, имел право цензуры и отклонения этих запросов. Все это делало эту уступку ничтожной ³⁾. Неудивительно, что Законодательный Совет, хотя все члены его принадлежали к самому богатому классу, молчаливо отказался пользоваться ею, и министрам никогда не было предъявлено ни единого запроса.

Так как этими двумя мерами в сущности и исчерпывались все шаги нового резидента по проведению реформ, то его неудача разрешить вторую и наиболее важную часть своей программы выяснилась сама собой. Единственно, что ему удалось достигнуть, — это разочаровать даже ту часть египетского общества, которая никоим образом не хотела расстаться с надеждой, что когда-нибудь британская оккупация научит невежественных египтян делу самоуправления. Вскоре затем разразилась турецкая революция, и брожение в Египте вследствие этого увеличилось, и на заседании 1 декабря 1908 г. Законодательный Совет решил задним числом присоединить свой голос к голосу Генерального Собрания (заседавшего полтора года до этого) единодушным проведе-

¹⁾ См. отчет сэра Эльдона Горста за 1909 г. («Египет», № 1 (1910 г.), стр. 27—29).

²⁾ См. в отчете египетской делегации 1908 г. (стр. 36—39) критическую оценку Законодательного Совета. «Закон не давал более обширных прав, чем те, которые содержал Органический закон 1883 г., иначе говоря, нация не сделала ни одного шага вперед за последние 27 лет».

³⁾ «Египетская газета», 16 ноября 1909 г. См. также интервью с Измаилом Авазой-пашой в той же газете в номерах от 23 и 25 ноября 1909 г. Особенно раздражало членов Совета то, что новое право интерpellации не было дано декретом, как закон, а было просто пожаловано, как дар, о чем извещалось только в письме. Этот «дар» был принят только 14 голосами против 12. Между тем, Совет состоит из 16 назначаемых и 14 избираемых членов.

нием резолюции, требовавшей представительного строя¹⁾. Национальное движение сделалось теперь агрессивнее, чем когда-либо. Хотя смерть главного вождя внесла сильное замешательство в его ряды и раз'единила многих, которые прежде держались вместе благодаря личному влиянию Мустафы-Камеля, это движение, тем не менее, распространялось все дальше и дальше, находя себе выход в бесчисленных собраниях и демонстрациях и достигая, благодаря сильно развившейся прессе, отдаленнейших феллахских деревень. Возмутительная попытка вмешаться в академические вольности знаменитого магометанского университета в Аль-Азхаре²⁾, — попытка, за которой последовала общая забастовка 12.000 студентов, уход в отставку ректора, введение его преемником полицейских отрядов в священные пределы здания и, в конце концов, капитуляция правительства и хедива, — толкнула даже богословски-настроенную молодежь и улемов в ряды националистического движения и в то же время вызвала уличные демонстрации против абсолютной власти хедива и его сторонников, англичан, и британской оккупации.

При таких обстоятельствах сэр Эльдон Горст решился на меры воздействия в целях обуздания националистической печати. Уже Финдлей в своем донесении в министерство о последствиях деншавайского процесса и казней намекал³⁾, что пресса повела «яростную кампанию против британского правосудия», кампанию, которая, по его просвещенному мнению, делала очевидным, что «на нее были истрачены крупные суммы денег», и предостерегал, что «если настоящее положение вещей будет продолжаться... то недалек тот день, когда явится необходимость в новом законе о печати и в значительном увеличении оккупационной армии». Эта последняя мера была немедленно проведена, но осуществление первого мероприятия было предоставлено Горсту, которому была поручена примирительная миссия. Это был не новый, а изданный еще в 1881 г. при Двойственном Контроле закон, который лишь раз или два был применен правительством. Александрийский

¹⁾ Вот полный текст резолюции: «Законодательный Совет ходатайствует у правительства его высочества хедива о составлении проекта закона, который предоставил бы народу право действительного участия во внутреннем управлении страны и в заведывании местными делами. Проект испрашиваемого закона должен предоставить новому Собранию, которое надлежит создать, право окончательного голосования законов, при условии, что принятые таким способом законы будут применяться только к туземцам по отношению к взиманию податей и прямых и косвенных налогов. Этот закон не будет касаться международных договоров, капитуляций, закона о ликвидации, не будет иметь отношения к европейцам и их правам, признанным договорами с различными державами. Этот закон не должен затрагивать вопроса о дани, выплачиваемой Оттоманскому правительству, а также полномочий, полученных египетским правительством для заключения договоров с иностранными правительствами». Дебаты по поводу этой резолюции продолжались три месяца, что заставило сэра Эльдона Горста с неудовольствием заметить, «что много времени было потрачено на бесплодные обсуждения по поводу парламентского правительства» («Египет», № 1 (1909 г.), стр. 5.)

²⁾ «Таймс», 24 февраля 1909 г. Лучшее изложение, однако, можно найти в статье Магомета-Фарид-бея, лидера партии националистов, в константинопольском «Стамбуле» от 23 марта 1909 г.

³⁾ «Египет», № 3 (1906 г.), стр. 13.

корреспондент «Таймса»¹⁾ писал в то время: «Этот закон так суров, что он в самом себе заключает противоядие: он слишком смешен, чтобы его применять, и его все одинаково молчаливо игнорируют». Но что было «чересчур смешным» при Двойственном Контроле и даже при лорде Кромере, не оказалось таковым для сэра Эльдона Горста, который министерским указом, датированным 25 марта 1909 г., восстановил старый закон о печати. Согласно этому закону²⁾, под страхом тяжкого наказания и, в некоторых случаях, конфискации, содержатели типографий и издатели должны получать на право издания разрешение от министра, внося большой залог, в каковом разрешении им может быть отказано, и разрешение, раз данное, может быть взято обратно по усмотрению; кроме того, газеты могут быть закрыты простым приказом министра после двух предостережений. Отныне пресса могла существовать только при благосклонном отношении власти, а не на основании законной гарантии. Сэр Эльдон Горст³⁾ утверждал, что восстановления этого закона требовали Генеральное Собрание и Законодательный Совет. Это совершенно верно, но они требовали закона не для политических преследований, а для борьбы против шантажистской практики значительной части иностранной прессы.

Не будет преувеличением сказать, что этот тираннический поступок сэра Эльдона Горста в такой же степени содействовал увеличению брожения в Египте, как и деншавайские виселицы. Огромное количество националистических газет было закрыто совсем или на сроки, а их издатели и сотрудники были приговорены к тюремному заключению⁴⁾. Демонстрации и общее возмущение достигли еще более внушительных размеров⁵⁾, и особенно была возбуждена академическая молодежь, которая на конгрессе в Женеве в сентябре 1909 г. открыто объявила себя сторонницей крайней левой националистической программы.

1) «Таймс», 8 ноября 1881 г.

2) «Египетская газета», 30 марта 1909 г. «Египет», № 1 (1909 г.), стр. 4—5.

3) «Египет», № 1 (1909 г.), стр. 4.

4) Одной из первых принесенных в жертву газет, была, конечно, «Люа», — главный орган националистов, редактор которой — Шейх Шавиш — был немедленно посажен в тюрьму. Другая националистическая газета, «Аль-Алам», была закрыта на два месяца через две недели после своего выхода. Много других органов печати было загублено. Когда 22 ноября 1909 г. Шейх Шавиш вышел из тюрьмы, огромная толпа провожала его по улицам и при встрече с хедивом устроила демонстрацию в пользу конституции. Шейх Шавиш был опять приговорен к трехмесячному заключению за то, что написал предисловие к изданным «мятежным» стихотворениям Эль-Гаята, поэта-националиста, на которого сделала донос полиция газета «Эль-Моаяд», которую издавал Шейх-Али-Юзуф, некогда ярый националист, подвергшийся даже преследованиям со стороны лорда Кромера, но с тех пор ставший защитником оккупации. «Эль-Моаяд» теперь запрещена в Турции, как говорят, потому, что она защищала притязания хедива на власть среди арабских племен.

5) В связи с этими демонстрациями Гарвей-паша, начальник полиции в Каире, впервые ввел применение пожарных насосов, чтобы разогнать толпу. «Паша» прекрасно знаком с этим орудием, так как перед тем служил младшим офицером в пожарной команде в Александрии.

ГЛАВА XXII

РЕАКЦИЯ И ТЕРРОР

Издание закона о печати было равносильно открытому признанию политического и дипломатического банкротства сэра Эльдона Горста. Отныне стало очевидно, что настал конец всем претензиям на конституционализм и на введение конституционного строя и что снова восстанавливалась прежняя политика угнетения и подавления. Закон от 4 июля 1909 г. «об отдаче известных лиц под полицейский надзор» является иллюстрацией того направления, которым теперь были проникнуты действия английской агентуры. В силу этого пресловутого закона ¹⁾ так называемые опасные личности, т.-е. лица, «которые заведомо имеют преступную наклонность посягать на жизнь или имущество других лиц или угрожать им и их имуществу», не совершив даже никакого определенного проступка, могут быть вызваны в специальную комиссию, состоящую из губернатора провинции, председателя туземного трибунала, начальника туземного общественного сыскального отделения и двух нотаблей, из числа 20, назначенных министром внутренних дел, и присуждены, после показания свидетелей и самого осужденного или его адвоката, к состоянию под полицейским надзором у себя на дому на любой срок до пяти лет и к даче денежного или личного поручительства в их благонадежности, без чего осужденный ссылается в какое-нибудь место на египетской территории на весь тот срок, в продолжение которого он должен находиться под надзором. Такие же «предохранительные» меры применяются к лицам, которые совершили тяжкое преступление, но были оправданы судом за «отсутствием достаточных доказательств». Этот закон, как сразу увидит любой юрист, составляет вопиющее нарушение самых элементарных прав гражданина, отменяя нормальное судебное разбирательство, законно назначаемое судами, по делам, в которых либо совершенно отсутствуют, либо, в лучшем случае, лишь подозреваются признаки преступления, и предоставляя исполнительной власти почти неограниченную власть над свободой граждан. Закон, конечно, предусматривает допрос свидетелей и защиту адвоката. Эта гарантия является, однако, насмешкой ввиду тех аргументов, которые приводятся в обоснование

¹⁾ «Египет», № 2 (1909 г.).

этой меры, а именно, что в Египте часто невозможно уличить преступников вследствие нежелания населения давать показания¹⁾. Это означает, что если вообще будут допрашиваться какие-либо свидетели, то это будут простые доносчики, которые будут действовать исключительно в интересах обвинения. Это подтверждается кратким опытом, уже полученным от применения этого закона. «Вообще, — замечает сэр Эльдон Горст²⁾, — увидав, что власти действительно относятся к этому серьезно, свидетели проявили большое нравственное мужество при даче показаний».

Кроме того, закон не устанавливает размеров залога, который требуется от «подозреваемого» лица в качестве поручительства в его благонадежности, но предоставляет это всецело на усмотрение комиссий и министра. В результате сумма требуемого залога колеблется между 100 и 1.000 ф. ст., в некоторых случаях достигает даже 1.500 ф. ст., вследствие чего почти неизбежно получается ссылка³⁾. Как только этот закон вошел в силу, в каждой провинции были назначены специальные комитеты для составления списков подозреваемых лиц; и через 6 месяцев 12.000 имен значилось в проскрипционных списках. Эта колоссальная цифра была постепенно убавлена министром до 1.200 чел., а потом до 283, так как он, без сомнения, понял, что дело развивалось чересчур быстрым темпом. К концу февраля 281 чел. были отданы под полицейский надзор, а 272 были сосланы в отдаленный оазис⁴⁾.

Это мероприятие было рассчитано на борьбу с ростом преступности, и в своем последнем отчете сэр Эльдон Горст⁵⁾ приводит статистические данные, указывающие на сильное уменьшение преступлений между 1 сентября 1909 г. и 28 февраля 1910 г. Мы, однако, можем отнестись скептически к правильности этих данных, так как по показанию самого сэра Эльдона Горста составление первых проскрипционных списков заняло у комитетов 6 месяцев, а одно уже это приводит нас к концу 1909 г. Представляется также преждевременным делать тот вывод из непродолжительного опыта, что эта мера «окажет быстрое и скорое влияние на улучшение в положении общественной безопасности»⁶⁾. Мы, однако, не сомневаемся в том, что вместе с этой

¹⁾ Пит. соч., стр. 2.

²⁾ «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 25.

³⁾ Ответ сэра Эдуарда Грея Маккарнессу в палате общин 3 декабря 1909 г.

⁴⁾ «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 25.

⁵⁾ Там же, стр. 25.

⁶⁾ Там же, стр. 26. Сэр Эльдон Горст приводит в приложении (стр. 56 и след.) отрывок из отчета судебного советника (сэра Малькольма Макилрайта) в защиту закона, из которого, однако, было выпущено несколько весьма любопытных мест. В одном из них, согласно телеграмме агентства Рейтера из Каира, датированной 13 апреля 1910 г. и напечатанной в некоторых ежедневных газетах, сэр Малькольм говорит: «Как видно из той части отчета, которая трактует о недавно изданном законе о высылке, у нас налицо очень заметное уменьшение в криминальной статистике за последние месяцы 1909 г., без сомнения, в результате мер, проведенных этим законом. Но еще рано говорить, насколько этот результат окажется прочным». Что казалось слишком поспешным заключением для судебного советника, очевидно, не было преждевременным для политического агента.

мерой был введен пагубный принцип в систему египетского управления и что в самом недалеком будущем эта мера будет применяться и в политических целях. Правда, эта мера была санкционирована Законодательным Собранием, членами которого были все люди богатые, принесшие в жертву гражданские свободы в угоду своих интересов. Но что можем мы сказать о тех, чьим назначением было «воспитать» египтян и подготовить их к самоуправлению и гражданственности и которые затеяли и провели в жизнь эту отвратительную меру?

Мы остановились на этом законе так долго потому, что он является весьма характерным для тех приемов, при помощи которых управляется Египет, а также и потому, что он почти наверное приведет к неожиданным результатам, если не будет отменен¹⁾. Эта мера должна замечать те просветительные и социальные реформы, которые одни только могли бы уменьшить количество преступлений в Египте²⁾.

Тем временем агентами оккупации намечался еще один крупный проект, который должен был довести возбуждение населения до кульминационной точки. Это был проект продления концессии на Суэцкий канал. Эта концессия была дана в 1855 г. на 99 лет, со дня открытия канала (1869 г.), т.е. до ноября 1968 г., но теперь египетское правительство задумало продлить эту концессию у настоящих владельцев еще на 40 лет, с условием, чтобы компания выплатила в 4 годичных срока сумму в 4.000.000 ф. ст. и, кроме того, обязалась, во-первых, выплачивать правительству проценты с чистого дохода в возрастающей прогрессии от 4 до 12 % за период времени с 1921 по 1968 г. и, во-вторых, платить 50 % с превышения дохода над 2.000.000 ф. ст. за период времени с 1968 по 2.008 г. в обмен за отказ правительства от 15 % отчислений, которые оно получало по старому договору.

Может показаться странным, что египетское правительство, т.е. конечно, британская агентура, так страстно захотело именно в данный момент начать переговоры с компанией Суэцкого канала, когда ее

¹⁾ В своем отчете сэр Малькольм Макилрайт выражает твердую надежду, что «после того, как настоящие комиссии начнут действовать, через некоторое время вызвавшие их крайности пройдут». Причину этой слишком поспешной на его взгляд (только несколько месяцев спустя после начала применения «закона») следует, без сомнения, искать в тех опасениях, которые он высказал в предыдущих словах и которые состояли в том, как бы гармония, существовавшая вначале среди членов комиссии, не перешла постепенно в «раздоры». Эти опасения, конечно, были не без основания, так как действия комиссии, несомненно, должны были вызвать сильное раздражение среди населения и возбудить недовольство среди феллахов. Сравните с этим слова сэра Эльдона Горста в его главном отчете (стр. 26): «Эта мера принесла полное удовлетворение жителям страны». Представьте себе удовлетворение любого жителя любой страны, когда он видит, как хватают и тащут в чрезвычайный суд его родных и друзей и приговаривают их к ссылке за несовершенные ими преступления!

²⁾ Сэр Малькольм Макилрайт произносит строгий приговор над законом о ссылках и над всем направлением настоящего правительства Египта, когда он говорит: «В восточном государстве, подчиненном чужеземным законам, которых масса населения не понимает и не ценит, может постепенно создаться такое положение, с которым обычный суд и его агенты... не в силах бороться». («Египет», там же, стр. 61.) Сначала вздоятся чужеземные законы, которых народ не может понять, а потом за нарушение непонятных законов следуют изгнания и ссылки.

концессия имела срок еще на целые 60 лет, и притом не с целью выкупить ее, а только продлить ее еще на 40 лет. Объяснение этого странного факта, проводившееся египетской полуофициальной прессой¹⁾, состояло в том, что когда Египет через два поколения получит в свое полное распоряжение канал, то он сможет поступить так, как Колумбия поступила в вопросе о Панамском канале: или совсем откажет в возобновлении концессии, или же обставит возобновление ее чрезвычайно тягостными условиями. Другими словами, это означало: пока Египет находится в руках иностранцев, надо воспользоваться случаем, чтобы закрепить за собой пользование его доходами еще на одно поколение. Оставляя в стороне моральную сторону такого расчета, предложенное нам объяснение такой необычайной поспешности явно недостаточно, если только не предположить — для чего нет никаких оснований, — что Англия намеревается в скором времени очистить Египет. Настоящая причина такого действия египетского правительства, очевидно, кроется в другом. Для разгадки нелишне заглянуть в состояние счетов египетского казначейства. Мы уже говорили о резервных фондах, которые были учреждены в 1888 г. для собирания всех бюджетных остатков. В 1904 г. по англо-французскому соглашению оба фонда были соединены в один, и контроль Долговой Кассы был уничтожен, так как теперь британское финансовое правление гарантировало своевременную уплату по купонам. Таким путем в руках египетского правительства оказались огромные суммы денег, которые в общей сложности достигали 13.000.000 ф. ст. В течение последующих лет, полагают, к фонду прибавилось еще 13.000.000 ф. ст., которые составились из остатков бюджетных поступлений за эти три года, так что ко времени, о котором идет речь (1909—1910 г.г.), у египетского правительства было около 26.000.000 ф. ст. или даже больше. В действительности же, по официальным данным²⁾, весь счет фонда только на немного превышал 6.000.000 ф. Куда же, начиная с 1904 г., девались остальные 20.000.000 ф. ст.?

Это — глубокая тайна. Представляя бюджет Законодательному Совету, правительство никогда не дает сметы тех сумм, которые оно намеревается израсходовать из фонда, а только в очень общих выражениях отмечает результаты работ за последний год. Это составляло постоянный предмет жалоб в Законодательном Совете, который много раз, но без всяких результатов, требовал точного отчета расходов из резервного фонда так же, как и права предварительного обсуждения и голосования каждой статьи расхода³⁾. В действительности же правительство истратило все эти суммы и продолжало тратить деньги из фонда на дорогие стоящие общественные здания, в том числе и на казармы для оккупационной армии, на обременительные контракты,

¹⁾ «Египетская Газета», 27 октября 1909 г.

²⁾ «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 9.

³⁾ Чрезвычайно бурное заседание Законодательного Совета по вопросу о расходе резервного фонда имело место 29 ноября 1909 г., когда Иехия-паша произнес превосходную речь, в которой разоблачал финансовую политику правительства («Египетская Газета», 30 ноября 1909 г.).

железные дороги, колониальные бумаги, которые упали в цене, а главное—на Судан¹). Этот последний оказался настоящей бездонной ямой. Очевидно, было недостаточно, что по конвенции 1899 г. эта страна, одна из провинций Египта, которая сначала была брошена, несмотря на протесты египетского народа, а потом «вновь завоевана» продолжительными усилиями египетских солдат и на египетские средства, была фактически превращена в британскую колонию под благозвучным названием англо-египетского кондоминиума и что англичане с тех пор не переставали пользоваться этой страной, как рынком для сбыта британских товаров и как источником для вывоза хлопка на деньги, взятые у египтян: за 10 лет, кончая 1908 годом, 4.200.000 ф. ст. было, по показаниям самого правительства, затрачено из средств египетского казначейства на Судан²), каковую цифру Законодательный Совет, однако, отверг и принял резолюцию, в которой выражалось недоверие правительству и подтверждались калькуляция одного из ораторов, заявившего, что расходы по Судану в действительности достигали 18.700.000 ф. ст.³).

Именно это уменьшение резервного фонда наряду с нескончаемыми нуждами Судана натолкнуло египетское правительство на мысль о том, чтобы заработать копеечку, отдав Суэцкий канал еще на 40 лет. Но взамен чего же? Комиссия Генерального Собрания, которой было поручено рассмотрение этого проекта, после самой тщательной проверки цифр нашла, что, по самому скромному вычислению, этой сделкой казначейство преподносит компании подарок более чем в 241.000.000 ф. ст. и — ровно ни за что⁴). Это — то же, что отмена

¹) См. замечательную речь Исмаила-Абазы-паши на заседании Законодательного Совета 3 января 1910 г., которая была потом перепечатана в виде брошюры. Совсем недавно 247.000 ф. было затрачено на мосты, 912.000 ф. — на железные дороги, 400.000 ф. — на казармы, 85.000 ф. — на жилища для суданских чиновников, 115.000 ф. было выдано в виде субсидии, а 80.000 ф. в виде займа Хедивской Пароходной Компании—все это без точных отчетов. Кроме того, было потеряно 180.000 ф. в 1908 г. и 229.000 ф. в 1909 г., по свидетельству самого сэра Эльдона Горста, («Египет», № 1 (1909 г.), стр. 15, № 1 (1910 г.), стр. 9), при спекуляциях на трансваальских акциях.

²) «Египет», № 1 (1910 г.), стр. 10. Против дебета по пособиям, выданным из египетского казначейства, сэр Эльдон Горст вписывает кредитом сумму в 1.656.000 ф. ст., собранную Египтом пошлинами и налогами на суданскую торговлю, как «полученную обратно» от Судана. С таким же правом германское правительство могло бы записать таможенные пошлины с товаров, импортированных из Соединенного Королевства и потом экспортированных в Россию, как «суммы, полученные обратно» из последней. Впрочем, британское правительство тщательно старается, сооружая и развивая порт Судан, не только лишить Египет этого источника дохода, но и совсем убить египетскую транзитную торговлю. В этом также кроется причина, почему англичане избегают постройки железнодорожной линии между Ассуаном и Вали Хальфа, которая иначе служила бы путем перевозки товаров в Судан и Центральную Африку через Египет. Вполне очевидно, что англичане пытаются развить все ресурсы Судана в ущерб Египту и за счет Египта. Кроме того, владея источниками Нила в Судане, Англия будет держать в своих руках все судьбы Египта.

³) См. вышеупомянутую речь Иехии-паши в Законодательном Совете («Египетская Газета», 30 ноября 1909 г.).

⁴) «Rapport présenté à l'Assemblée Générale par la Commission chargée d'étudier le projet de prolongation de la durée de la concession du Canal de Suez». Каир, 1910 г.

закона Мукабала или повторение измаиловой сделки, когда он продал за 4.000.000 ф. ст. 167.000 акций, стоимость которых теперь 35.000.000 ф. стерлингов.

Неудивительно, что египетское правительство имело в виду скрыть этот превосходный проект от египетского народа. К счастью, египетские националисты узнали об этих секретных переговорах и забили такую тревогу, требуя немедленного созыва Генерального Собрания, что правительству пришлось уступить. «Это — трусливая политика», — кричала в негодовании англо-египетская пресса ¹⁾. Но националисты шли еще дальше и требовали, чтобы решение Генерального Собрания было заранее принято правительством, как окончательное. История еще не раскрыла истинных мотивов, которыми руководились британский агент и египетские министры. Так как британские судовладельцы сильно сомневались в тех выгодах, которые британское судоходство извлечет из продления концессии Суэцкой компании, которая обходилась с ними довольно-таки плохо в прошлом и которая, как казалось, при новых условиях не собирались обращаться с ними лучше и в будущем ²⁾; и так как министры, в качестве египтян, возможно, испытывали некоторые угрызения совести при мысли о таком расхищении египетского национального достояния, то вполне допустимо предположить, что египетское правительство и власти в Англии не были сами уверены в благоразумии и необходимости своего проекта. Во всяком случае, ко всеобщему удивлению, правительство сдалось и по этому пункту, и 5 апреля, когда уже достаточно определилось настроение Генерального Собрания, объявило, что подчинится всякому решению его по этому вопросу. После этого, два дня спустя, Собрание отвергло проект 66 голосами против одного.

Каковы бы ни были тайные желания или опасения египетского правительства и британского агента, это было крупной победой националистического движения, его первой победой со времени революции 1881 г. Этим сэр Эльдон Горст обязан лишь самому себе: он утвердил проект, который, помимо своей политической стороны, внушал мало доверия и с финансовой стороны и во всех отношениях был легко уязвим для критики. Во всякой другой стране министр, задумавший такой совершенно нелепый проект, был бы с позором лишен своего места.

Но в то время, как еще продолжалось волнение по поводу концессии на Суэцкий канал, произошло чрезвычайно трагичное и сенсационное событие, которое прямо вытекало из того недоверчивого отно-

¹⁾ «Египетская Газета», 3 ноября 1909 г.

²⁾ См. речь Уильсона Поттера, председателя Всеобщего Союза Судовладельцев на годичном заседании 26 июля 1910 г., а также статью о конвенции относительно Суэцкого канала в коммерческом приложении «Таймса» от 18 февраля 1910 г. Сильные опасения среди судовладельцев вызывало то, что продление конвенции «может привести к сохранению тяжелых пошлин, которые взимаются в настоящее время, а именно, 7 фр. 75 сент. с тонны», несмотря на обещания, сделанные в 1883 г. С того момента, однако, как Генеральное Собрание отвергло предложение египетского правительства, административный совет компании объявил о своем намерении уменьшить пошлину до 7 фр. 25 сент., начиная с 1911 г.

шения, которое вызвали англо-египетские власти изданием закона о печати и проектом о Суэцком канале. Это было убийство премьера, Бутроса-паши, совершенное 20 февраля среди бела дня в Каире молодым египетским фармацевтом Ибрагимом Вардани. На сколько это событие ожидалось и казалось при данных обстоятельствах естественным, видно из того характерного факта, что английский орган «Египетская Газета» начинает сообщение об убийстве (в номере от следующего дня) словами: «Наконец, Египет последовал примеру Индии». Совершенно верно. Поскольку в Египте имели место такие правительственные действия в аналогичной обстановке, как в Индии, естественно должны были произойти политические убийства, как выражение отчаяния и как способ мести. «Наконец» Египет последовал за Индией, но это произошло после того, как заставили замолчать прессу, уничтожили свободу собраний и, вдобавок, хотели привести в исполнение проект, оскорбительный для национального чувства. Было также вполне естественно, что первой жертвой пал именно Бутрос-паша.

Бутрос-паша имел большой служебный стаж, начиная с 1875 г., когда он в качестве секретаря убитого Измаила-Садика-Муфеттиша довел последнего до самых дверей министерства в тот роковой день, когда он был «похищен». С тех пор он занимал различные посты в администрации, оказался чрезвычайно полезным для международной комиссии в ее работе, сделался потом, при лорде Кромере, министром финансов, а затем министром внутренних дел и, наконец, в 1907 г., был назначен сэром Эльдона Горстом премьером в целях осуществления той политики, которая старалась примирить египтян путем дешевых «реформ». «Реформа» в данном случае заключалась в том, что Бутрос по происхождению был египтянином, в противоположность своим предшественникам на этом посту, которые все были или армяне, или евреи, или же черкесы. Думали, что такое внимание к египетскому народу очень понравится националистам и заставит их приостановить свою агитацию. Все несчастье, однако, заключалось в том, что Бутрос, как всем известно, был орудием англичан, а кроме того был председателем и вел разбирательство пресловутого деншавайского дела. Если еще у националистов и были кое-какие сомнения относительно того, как будет себя вести Бутрос в новой должности, то эти сомнения скоро рассеялись после восстановления под его защитой закона о печати, после последовавших затем притеснений и преследований и, наконец, после составления проекта о Суэцком канале. Поэтому он был вдвойне виновен в глазах националистов и как фактический автор всех этих реакционных мер, и как изменник собственному народу. То, что было рассчитано как приманка, превратилось в новый источник раздражения, и в результате пылкий юноша сделался его убийцей. Египетское правительство совершенно потеряло голову и стало направо и налево производить аресты и розыски с целью раскрыть воображаемые тайные общества и заговоры, так что суд произошел только через два месяца спустя, 21 апреля. Это дало время националистам собраться с мыслями и начать кампанию в пользу обвиняемого. Согласно с мнением многих врачей, как иностранных, так и туземных, дававших

показания перед судом, смерть Бутроса не была непосредственно вызвана револьверным выстрелом Вардани, а операцией, которую ему сделали в госпитале; поэтому националисты утверждали, что Вардани фактически не был виновен в убийстве, а следовательно, и не мог быть казнен. Многие можно было сказать в пользу этого мнения, и сам суд¹⁾ счел нужным назначить специальную медицинскую экспертизу в составе двух английских и одного египетского врача для расследования этого дела. Мнения разделились: английские врачи держались того взгляда, что раны, нанесенные Вардани, были смертельны, а египтянин утверждал, что если бы не эта ненужная операция, то Бутрос-паша не умер бы. Суд присоединился к мнению английских врачей, и Вардани был приговорен к смерти.

Следует отметить одно характерное обстоятельство. Главным адвокатом был не кто иной, как Хельбави-бей, бывший обвинителем в деншавайском процессе и навлекший этим на себя проклятие всего египетского народа. Оказалось ли для него невыносимым бремя всеобщего презрения, или же его научили кое-чему последующие события, но он вскоре после этого оставил свою должность, бросился в национальное движение и явился на египетский конгресс в Женеве в 1909 г. для того, чтобы публично изъяснить свои политические симпатии. Теперь он действовал в качестве главного адвоката, защищавшего Вардани, и после обстоятельной речи, в которой он жестоко критиковал политические условия в Египте, обратился к осужденному, сидевшему на скамье подсудимых, и благословил его²⁾. Вторым поразительным обстоятельством в связи с процессом был отказ Великого Муфти, на основании закона Корана, издать необходимую «фетву», санкционирующую смертный приговор. Документ, в котором он изложил свои доводы, был искажен англо-египетской печатью, чтобы показать, что согласно Корану убийца христианина не должен быть казнен, и только после того, как подложный текст обошел всю Европу и достиг своей цели, вызвав негодование христиан в Англии, удалось вырвать истинный текст у сэра Эдуарда Грея³⁾. Это оказался бесцветный, осторожно написанный документ, в котором не было ни малейшего намека на вероисповедание убитого человека. Каковы бы ни были политические тенденции Муфти, его фетву совершенно игнорировали, и Вардани был казнен

¹⁾ Одним из членов суда был Бонд, бывший судьей в деншавайском трибунале. Отвод против него, заявленный защитником, не был, однако, уважен.

²⁾ Стоит привести заключительные слова из речи Хельбави-бея, которые, хотя и были произнесены в камере суда, вскоре были перепечатаны и разошлись в бесчисленном количестве экземпляров среди населения. «Иди на смерть,—говорил он,—с мужественным сердцем и твердыми шагами, ибо смерть придет к тебе завтра, если не сегодня, ибо она неизбежна. Иди, дитя мое, иди к своему Богу, который держит весы божественной справедливости, не зависящей от влияния времени и обстоятельств. Иди, наши сердца последуют за тобой, наши глаза будут вечно тебя оплакивать. Иди, твой смертный приговор, вынесенный человеческим судом, может оказаться более поучительным, чем твоя жизнь, твоему народу и твоей стране. Иди. Если у людей нет жалости к тебе, то божественная милость безгранична. Прощай, дитя мое, прощай!» Весьма необычайное обращение со стороны адвоката!

³⁾ В ответ на запрос в парламенте 7 июля 1910 г.

согласно порядку, установленному лордом Кромером после деншавайского скандала: тайком в тюремных стенах, вдали от глаз публики и печати. Вследствие этого Вардани теперь чтут в Египте, как первого национального мученика, и полиции приходится делать особые усилия, чтобы не допускать многочисленных паломников к его могиле ¹⁾).

Убийство Бутроса, террористический характер которого нельзя было отрицать, предоставило оккупации подходящий предлог, чтобы откинуть в сторону всякую дипломатию и открыто явиться тем, что она так долго скрывала, а именно, чужеземным хозяином страны. Согласно с прежней практикой создавать общественное мнение при помощи quasi-беспристрастных свидетелей, президенту Рузвельту позволили, а может быть, и посоветовали, забить тревогу ²⁾. Желтая пресса последовала его примеру, а после этого сэр Эдуард Грей выступил в парламенте 15 июня 1910 г. с торжественной декларацией о британской «опеке» в Египте, заключив ее заявлением, «что политика правительства его величества состоит в том, чтобы продлить оккупацию Египта, так как мы не можем сложить с себя, не навлекая на себя позора, ту ответственность, которую мы взяли на себя там». В довершение всего, чтобы утвердить новое положение, египетское правительство издало посредством хедивского декрета, помимо Законодательного Совета, три закона, отвергнутые перед тем Советом, которые легализовали незаконные исполнительные власти ³⁾. По первому закону, все правонарушения печати подлежат изъятию из полицейского суда трибуналов и передаются, как уголовные правонарушения, окружному суду, в котором нет присяжных, и на решения которого нельзя апеллировать. По второму закону, относившемуся к школьной дисциплине, подвергаются различным наказаниям, до исключения включительно, все студенты, принимающие участие в демонстрациях как в стенах, так и вне стен учебного заведения или же пишущие, или доставляющие сведения и работающие в газетах. По третьему закону, самому главному из всех, наказываются тюремным заключением на различные сроки всякие «преступные» соглашения между двумя или более лицами; термин «преступное соглашение» охватывает всевозможные заговоры и совместные действия или намерения действовать преступным путем. Совокупность этих трех «законов» составляет небольшой кодекс исключительных законов и сделала бы честь ирландской администрации в самые худшие дни. Эти законы и завершают 28-летний период конституционного маскарада и открывают новую эру самой откровенной тирании ⁴⁾. Для самого Эльдона Горста, однако, это было политической смертью. Его послали в Египет, как мы видели, потому, что думали, что более либеральный режим притупит обострившуюся агитацию за освобождение от английского ига и укрепит более умеренное течение среди

¹⁾ «Египетская Газета», 10 августа 1910 г.

²⁾ В своей речи от 15 июня сэр Эдуард Грей признался, что ему было известно то, что намеревался сказать Рузвельт в своей речи, произнесенной в Гильдхолле 31 мая.

³⁾ «Египетская Газета», 30 мая и 2 июля 1910 г.

⁴⁾ Нижеследующие страницы до конца книги вновь написаны в 1924 г.

националистов, которое еще при Кромере оформилось в виде так наз. народной партии ¹⁾. Матерые консерваторы в Лондоне предсказывали, что из этого ничего не выйдет, и когда, действительно, неумелая и невыдержанная политика Горста провалилась, то его судьба была решена. Весной 1911 года Горст был отозван и вскоре умер, а на его место был назначен «самый сильный человек в Англии», лорд Китченер, знаменитый генерал, покоривший некогда, во главе египетских войск, Судан и отличившийся на последних стадиях войны с бурами. Без сомнения, его назначение было красноречивым комплиментом национальному движению, питавшему как парламентскую оппозицию, так и революционный террор. Однако уже и тогда в этом акте английского правительства отказывались видеть исключительно административно-политическую меру. Китченер не имел репутации ни администратора, ни дипломата. Он, прежде и после всего, был военный организатор, великолепный штабной офицер, и так как международный политический горизонт тогда стал завлакиваться тяжелыми прозовыми тучами — это был год острейшего франко-германского кризиса, ознаменованного историческим «прыжком Пантеры» (агадирский инцидент), — и английский флот стал стягиваться из Средиземного в Северное море, то в назначении Китченера усматривали меру военного характера, имевшую своей целью организовать защиту Египта и подготовку его как базу на случай грядущей войны. Последующие события оправдали эту догадку: через три года вспыхнула война, в которой Египту пришлось играть выдающуюся роль, и в самой деятельности Китченера за время его управления самым рельефным фактом были его непрерывные и огромные затраты на такие военные сооружения, как казармы, военные склады, автомобильные шоссе, подъездные пути и т. д. Как констатирует один английский автор ²⁾, «единственное, в чем он проводил традиционную экономию, — это было народное образование и другие подобные предметы, которыми он мало интересовался».

Впрочем, Китченер занимался и политико-экономическими реформами. Как «друг» беднейшего крестьянства, он в 1912 году издал (конечно, через египетское правительство) «закон о пяти федданах», который запрещал продавать за долги землю крестьян, владевших

¹⁾ Главная квалификация Горста для возложенной на него роли заключалась в том, что он был сыном своего отца, сэра Джона Горста, принадлежавшего к той стране, нигде в другой стране не попадающей породе консерваторов, которые выступают за социальные реформы и народовластие. Таким и был в свое время Байрон, таковыми были и отцы фабричного законодательства: Ричард Остлер и лорд Шеффсбери. Горст-отец был одним из последних могиканов в этой породе и в последние годы своей жизни выступал даже на социал-демократических собраниях. Эльдон, однако, был простой чиновник, бесхарактерный и безвольный.

²⁾ Валентин Чироль в «Египетской Проблеме» (Лондон, 1920), стр. 102. Этого автора нам придется еще не раз цитировать, и поэтому не излишне будет указать, что Чироль — один из крупнейших публицистов Англии, знаток Среднего и Ближнего Востока, бывший иностранный редактор «Таймса», долгие годы состоявший также его корреспондентом в Германии и других местах и, конечно, убежденный империалист. Его свидетельства по египетскому вопросу после-военного периода имеют, как читатель увидит, особенную ценность и даже пикантность.

участком ниже означенной площади. К сожалению, бедные феллахи не стали от этого менее нуждаться в деньгах, и так как двери пресловутого Сельско-хозяйственного банка, любимого творения Кромера, предназначенного для крестьянства, теперь, за исчезновением реального залога, перед ними закрылись, то феллахи еще усерднее, чем прежде, начали прибегать к местным кулакам и ростовщикам. Более серьезной была его другая реформа, предпринятая в интересах крупных помещиков, которых Китченер одинаково любил. Она была проведена в 1913 году и по виду носила политический характер. Старые две представительные палаты, Генеральное Собрание и Законодательный Совет, столь мало оправдавшие надежды их творцов, были упразднены, и новым «органическим законом» было учреждено Законодательное Собрание, состоявшее из 17 назначенцев и 66 выборных членов по двухстепенной системе и при высоком имущественном и возрастном цензе. Это необыкновенно демократическое собрание было, кроме того, отстранено от всякого контроля над правительством и, в частности, от области иностранной политики и гражданского листа, так что его функции имели только совещательный характер, да и то исключительно по вопросам внутреннего управления, не касающегося иностранцев. По одному только пункту оно имело некоторую реальную власть, и в этом и состоял весь практический гвоздь реформы: без его согласия не могли назначаться никакие новые прямые налоги. Среди же прямых налогов главное, почти исключительное, место занимал поземельный налог, дававший в год 5—6 миллионов египетских фунтов ¹⁾, и так как в последний раз кадастр был проведен в 1896 году, то налог продолжал стоять на одном и том же уровне, хотя ценность земли с тех пор сильно возросла. Понятно, что для помещиков, из которых и набиралось Законодательное Собрание, такая реформа, дававшая им легальную возможность саботировать повышение земельного налога, была очень и очень на руку. Неудивительно, что лишь немногие из них примыкали к национальному движению, и то, преимущественно, к «народной партии», для большинства же оно было «Гекубой».

Кроме этих двух мер, правление Китченера не дало осчастливленному им Египту ничего. Зато оно сильно укрепило самочувствие английских чиновников и английской колонии вообще, которая даже создала себе в Каире отдельный квартал, куда египтян не пускали ²⁾, и

¹⁾ Египетский фунт немного выше английского.

²⁾ «Египтяне утверждают, и многие англичане с сожалением подтверждают, что в последние годы оккупации некоторые английские чиновники, даже занимавшие высокие посты, обнаруживали не только замкнутость, но даже прямо невежливость в своем обращении, а в официальных сношениях обращались с египетскими своими коллегами и подчиненными как со слугами, которые на то и существовали, чтобы получать от них приказы и ничего больше... Не была также особенно удачной мысль превратить Гезире в большой английский квартал для чиновников, поблизости к спортивному клубу, где жизнь английской колонии сосредоточивалась все больше и больше вокруг тенниса, гольфа и поло. Первоначально не было никакого желания исключать египтян из клуба, который они помогли основать, но большинство из них постепенно перестало его посещать, когда они увидели, что отсутствие их предпочитается их обществу». (Чироль, н. с., стр. 105, 106). Ср. почти

фактически создало условия, немногим отличавшиеся от протектората. Вероятно и без войны англичане рано или поздно нашли бы возможность и предлог оформить то, что уже существовало на деле. Разразившаяся в начале августа 1914 г. всемирная война только ускорила неизбежное.

РЕАКЦИЯ И ТЕРРОР

слово в слово стр. 9 доклада миссии Мильнера («Египет», № 1, 1921), о котором мы еще будем говорить ниже: «По мере того, как число английских чиновников росло, они стали отдаляться от египетского общества, и их главный квартал на острове Гезире стал самодовлеющей общиной, оборудованный, подобно индийскому кварталу, всем необходимым для общения, спорта и физических упражнений. Это значительно увеличило удобства жизни английских чиновников, но оно изолировало их от общества египтян и создало английский островок, из которого египтяне были исключены». И доклад прибавляет, что эта отчужденность «сделала факт иностранной оккупации более рельефным, чем это нужно было».

ГЛАВА XXIII

ПРОТЕКТОРАТ И ВОССТАНИЕ

Когда в августе 1914 года началась война, лорд Китченер был в отпуску в Англии — стечение обстоятельств не менее странное, чем и то, что он в течение предыдущих лет усердно укреплял Египет. Он немедленно был назначен военным министром, а в Египте его временно заместил советник агентуры, некий Читам, человек малоинтересный, которому, однако, выпала двусмысленная честь предпринять первый шаг к формальному установлению протектората. Египет, как известно, все еще юридически числился в составе Османской империи, Османская же империя тотчас же в начале войны провозгласила свой нейтралитет. Тем не менее египетское правительство, по приказу Читам, объявило находившиеся в египетских портах германские суда неприязельскими, т.е. фактически стало на сторону союзников. Этим актом, с точки зрения международного права совершенно незаконным, Египет фактически вырывался из состава Османской империи и превращался в негласную колонию Англии. После этого казалось уже простой формальностью само провозглашение протектората после вступления Турции в войну на стороне Германии: раз Египет больше не принадлежал Османской империи, то оставалось только оформить его международное положение, чтобы довести долготечную оккупацию страны до ее логического конца. Правда, такой акт присоединения Египта к Британской империи не совсем укладывался в рамки сентябрьского соглашения союзников, по которому все территориальные изменения отсчитывались ими до победного конца войны. Исходя из этого, Чироль и выражает свое неодобрение этой мере и даже недоумевает, зачем она понадобилась. Но, с одной стороны, он упускает из виду, что сентябрьское соглашение имело в виду лишь такие территориальные захваты, которые могли возникнуть в результате военных действий того или другого из союзников, а Египет давно уже состоял в оккупации англичан; с другой же стороны, следует вспомнить, что формальное право Англии объявить Египет под своим протекторатом существовало уже с 1904 года на основании секретной статьи знаменитой конвенции с Францией относительно раздела между ними влияния в Марокко и

Египте — статьи, которая молчаливо была принята и остальными державами ¹⁾.

Повидимому, однако, английское правительство не сразу решилось на эту меру. Турция вступила в войну 28 октября (н. с.), и лишь 5 ноября Египет был объявлен на военном положении; самый же протекторат был провозглашен 18 декабря. В извещении, разосланном союзным и нейтральным державам и опубликованном во всеобщее сведение, говорилось о том, что «ввиду действий Турции, Египет ставится под покровительство его британского величества и отныне будет составлять британский протекторат». Суверенитет Турции упраздняется, и «правительство его величества примет все необходимые меры для защиты Египта и охраны его населения». Одновременно (хотя соответствующий акт был опубликован лишь на следующий день) находившийся в Константинополе хедив Аббас II, которого ни Китченер, ни Кромер не любили, так как он не прочь был иной раз поинтриговать с националистами, был объявлен низложенным, и на престол был возведен дядя его, знакомый уже нам Гуссейн-Камель-паша, с присвоением ему титула султана. Сам же «агент и генеральный консул» Англии, как до сих пор скромно назывались английские резиденты в Египте, был возведен в сан «высокого комиссара». Первым из них был переведенный из Индии чиновник сэр Генри Мак-Магон, про которого сам Чироль отзывается, что «он ничего не знал о Египте», а через два года его заместил губернатор и главнокомандующий Судана генерал сэр Реджинальд Уингейт, которому, по словам того же Чироля, «египетские условия должны были быть почти столь же чужды, как Мак-Магону» ²⁾. Со всеми этими актами сам Египет был ознакомлен в особой прокламации, извещавшей, что «шайка бессовестных авантюристов» (т.-е. младотурки) создала разрыв между Англией и Турцией, что хедив Аббас принял участие в этой интриге и что поэтому «права султана и хедива над Египтом отчуждаются в пользу его величества». Отныне, — продолжает прокламация, — Англия считает себя «хранительницей этих прав от имени населения Египта», и британское правительство решило, что «Великобритания наилучше сможет исполнить принятые ею на себя обязательства по отношению к Египту» тем, что объявит над ним протекторат. Вышло так, что, превращая Египет в протекторат, английское правительство преследовало исключительно его же интересы. Это вытекало также из прокламации, выпущенной главнокомандующим египетской армией генералом Максвелем и возвещавшей объявление войны Турции. «Англичане, — говорилось там, — ныне сражаются для защиты прав и свободы Египта, первоначально завоеванных на поле сражения Магамет-Али», при чем «они даже берут на себя все бремя войны, не требуя от египтян никакой помощи». Ничего альтруистичнее нельзя было себе и представить.

¹⁾ Наличие и содержание этой и других секретных статей конвенции, составивших основу «сердечного согласия» между Англией и Францией, стало известным лишь в 1911 году вследствие нескромности парижского «Тана».

²⁾ Чироль, н. с., стр. 121.

Увы, действительность оказалась несколько иной. Английские источники нам передают (а других пока нет), что египетский «народ» отнесся к провозглашению протектората довольно благосклонно и что новоиспеченный султан даже предлагал Англии свою армию, что, однако, с благодарностью было отклонено. Единственным диссонансом, повидимому, была выпущенная старой национальной партией Мустафы-Камеля за границей прокламация, в которой этот акт клеймился, как акт узурпации и пр. Однако сами англичане допускают, что одним из главных моментов, определивших спокойное отношение страны к протекторату, был тот, что египтяне усматривали в нем временную военную меру, которая при заключении мира уступит окончательному вырешению международного положения Египта. Не подлежит сомнению, что и осадное положение со строгой цензурой тоже не мало содействовало «спокойствию», с каким извещение о протекторате было принято публикой, которая к тому же получила торжественные заверения, что тяготы войны ее не коснутся. Наконец, немалую роль должна была сыграть и наступившая, после первых месяцев экономической заминки, благоприятная конъюнктура на хлопковом рынке, вызванная усиленным спросом английской мануфактуры: средняя цена хлопка в 1914 году составляла всего 12 долларов за кантар, а уже в следующем году она достигла цифры в 19 долларов слишком, а в 1916 году — сразу подпрыгнула на 37,8 долларов ¹⁾. Для помещиков, составлявших тогда еще «общественное» мнение Египта, такие хорошие цены являлись весьма действительным успокоительным средством.

Для других слоев населения, однако, вскоре настали трудные времена. Позиционный характер войны и сильная механизация военных операций потребовали у обеих сторон колоссального применения неквалифицированного труда: нужно было рыть окопы, создавать всевозможные временные сооружения, обслуживать транспорт материалов и т. д. Для союзников и, в частности, для англичан, раскинувших свои операции по всевозможным фронтам Европы и Азии, эта потребность в чернорабочих особенно стояла остро, и когда англичане затеяли атаку на Галлиполи, то они вздумали привлечь к работам египтян. Был образован «трудовой и верблужий (транспортный) корпус», в который стали набираться феллахи за плату. Набор вначале производился под наблюдением английских вербовщиков, но затем дело было передано деревенским старостам, которые поставили его на суммарную ногу: крестьяне загонялись в корпус насильно и сплавлялись, как скот, в Галлиполи. О какой бы то ни было плате забыли и говорить. Лучшие рабочие силы отрывались от семьи и хозяйства, ставились под жестоко усугубленный и бесправный военный режим и отправлялись в тыл галлипольской армии, где погибали, как мухи, от непосильного и непривычного по своей обстановке труда, от плохого питания, заразных болезней и от пуль неприятеля. Согласно полуофициальным данным, этот корпус насчитывал 135.000 человек, менявшихся каждые шесть месяцев. Даже эта цифра довольно высока при населении мужского

¹⁾ «Египет», № 1 (1920г.), стр. 36.

пола, в возрасте между 17 и 30 годами, в полтора миллиона. На деле, как подозревает даже Чироль¹⁾, численность корпуса была значительно выше, а потери его остались вообще неизвестными. По окончании галлипольской авантюры тот же корпус—повидимому, еще более усиленный—был погнан к Суэцкому каналу и дальше на сирийский полуостров и в Сирию, где прокладывались железные дороги, строились новые военные базы и вообще организовывались большие оборонительные и наступательные военные операции. Египетский мужик, которому была так торжественно обещана полная свобода от военных поборов, вынес на своей спине главные тяготы кампании, которая закончилась взятием Багдада и завоеванием передней Азии. Сами англичане вынуждены были признать, что без египетской помощи осуществление этих операций и всего похода было бы немыслимо²⁾. Косвенно надо заметить, этой формой поборов были затронуты также и помещики, которые лишились рабочих рук и вынуждены были ловить их за высокую плату. Но рядом с этими варварскими наборами людей англичане вскоре ввели и ряд поборов другого рода, а именно, реквизицию скота и продовольственных продуктов. Начиная с середины 1915 года, Египет становится чрезвычайно важной военной базой для всей передней Азии и заполняется целыми армиями индийских, австралийских и вообще колониальных войск. Построенных в свое время Китченером огромных казарм оказалось уже недостаточно, чтобы вместить эти армии, и во всех главных пунктах были захвачены для них самые большие и наилучшие здания. Но войска нужно было и кормить, а так как транспорт, благодаря деятельности германских подводных лодок, был дезорганизован и дорог, то их посадили на подножный корм. Вначале еще соблюдалась приличные формы реквизиций, а потом перестали платить, и реквизиции превратились в беззастенчивый грабеж³⁾. Скот—в особенности выюнный—также стал реквизироваться в массовых количествах для транспорта, с тем же результатом. Разорение было полное, и по всем деревням стоял сплошной стон. И как бы для того, чтобы показать свое сверхклассовое беспристрастие, англичане еще завели среди неимущих

¹⁾ См. н. с., стр. 138. Также стр. 136. «В египетских деревнях трудовой корпус стал синонимом бездонной пропасти».

²⁾ «Услуги, оказанные египетским трудовым корпусом, были бесценны и необходимы для палестинского похода,—говорит лорд Мильнер в своем докладе («Египет», № 1, 1921, стр. 10). Чироль н. с., стр. 131) того мнения, что «доля участия Египта в войне смело сравнится с долей участия других частей британской империи», и указывает, что «египетская артиллерия сыграла весьма и весьма полезную роль при защите Суэцкого канала».

³⁾ «По тепенно, под давлением военных нужд, поставки на армию превратились в принудительные взносы» (Чироль, н. с., стр. 135). Ср. доклад Мильнера, стр. 11, который, конечно, преуменьшает значение реквизиций, но признает «злоупотребления»: «рыночные цены были выше реквизиционных», и местные чиновники, которым поручалась реквизиция, «наживали большие деньги». Мильнер все сваливает на «местных чиновников», т. е. на туземцев, но Чироль чистосердечно признается, что местные деревенские старосты делали свое дело, а англичане «не спрашивали их, что и как» (стр. 137)—даже тогда, когда крестьяне бежали из своих деревень, спасаясь от поборов, а солдаты и полиция ловили их и силой приводили домой (там же).

наравне с имущими принудительные сборы в пользу Красного Креста — в магометанской стране! — а впоследствии еще заставили египетскую казну взять на себя часть расходов — три миллиона фунтов — по содержанию колониальных войск ¹⁾. Хуже всех этих материальных поборов, однако, было само поведение солдатчины, наводнившей страну и рассматривавшей себя как хозяйина ее. Официальные и официозные историки и очевидцы умалчивают об этой стороне военной оккупации ²⁾, но ряд совершенно незаинтересованных очевидцев и исследователей, не говоря о туземцах, рисует нам картину насилий и разврата, которая столь обычна в колониальных походах ³⁾. Даже высшие египетские сановники, даже султан ⁴⁾, испытывали на себе всю грубость и наглость захватчиков, которые сейчас совершенно распоясались, думая, что протекторат превратил Египет в английскую вотчину.

Таким образом египетские народные массы, интересы и свободу которых английские покровители взялись охранять, обещая даже не прибегать к их помощи во время войны, очутились в положении туземцев какой-нибудь вновь покоренной полу-дикой колонии. Впервые в истории английской оккупации крестьянство почувствовало осязательным образом всю тяжесть и унижения чужеземного ига и прониклось духом возмущения, который не земедлил вылиться в форме национального революционного движения, как только ослабели рогатки военного

1) «Необычайной глупостью с нашей стороны было завести в магометанской стране частые сборы на Красный Крест, которые, под давлением местных властей, превратились в принудительные», — говорит Чироль, (н. с., стр. 134). Доклад Мильнера (стр. 11—12) признает это и прибавляет: «в народе ходили слухи, и им верили, что только часть собираемых средств достигала своего назначения».

2) Чироль ни единым словом не касается этого предмета, доклад Мильнера же отделяется следующей характерной фразой (стр. 12): «Чрезвычайно преувеличенные или совсем выдуманные рассказы о насилиях, совершенных британскими солдатами над туземными женщинами, и о разбойных облавах на деревни распространялись бессовестными агитаторами».

3) Dr. Хейден Гест, известный нашей публике как участник делегации английских профессиональных союзов, посетившей Москву в 1920 году, был первый, который в 1919 году поведал миру о доблестных деяниях британских войск в Египте в ряде статей, опубликованных в английской прессе. Его поддержала мисс Дархем, посвятившая всю свою жизнь Балканам и Востоку и пользующаяся там высокой репутацией, как защитница угнетенных национальностей. Описав в «Дейли Ньюс» (от 2 апреля 1919 г.) ряд зверств и жестокостей, которых ей самой пришлось быть очевидицей, она замечает: «я чувствовала, что если бы я была египтянкой, то я бы напрягла все свои усилия, чтобы выжить англичан. Я чувствовала стыд, горький стыд за свое отечество... Я несколько не удивляюсь, что они (египтяне) ненавидят и боятся нас».

4) «Хотя совершенно ясно, что в наших интересах было возвеличить, насколько возможно, в глазах народа престиж правителя, которого мы сами посадили на престол с новым и более высоким титулом султана, тем не менее он не скрывал от меня, в какой степени его оскорбляло обращение, которое иногда проявляло меньше почтения, чем обычно воздавалось прежде хедивам». Султан Гуссейн умер осенью 1917 года, и его брат Ахмет Фуад «был наскорю выбран его преемником — не потому, что он обладал какими-нибудь особыми квалификациями, а потому, что, считывая весьма мало друзей в стране, он вынужден был опираться исключительно на нас» (Чироль, н. с., стр. 133). Чироль дает ему весьма нелестную характеристику (стр. 276).

времени. Необходимо, однако, прежде, чем перейти к описанию этого движения, указать и на другие стороны, выявленные английским протекторатом во время войны.

Конечно, Законодательное Собрание, заседавшее один раз в 1914 г., больше уже не созывалось, и страна управлялась все годы войны при помощи осадного положения. Истинным правителем Египта стал английский главнокомандующий войсками, генерал Алленби, который ввел полевые суды и цензуру; последняя «никогда не была более строга и, как многие считают, более тупоумна, как в эти годы» ¹⁾. Число английских чиновников стало расти еще более быстро, чем это было раньше, и, напр., на 1919—1920 год составляло свыше 1.600 по сравнению с 660 в последний год управления Кромера. Конечно, они получали большие оклады и наиболее ответственные посты, в то время как туземные чиновники должны были довольствоваться подчиненными должностями и мизерной платой. Бюджеты продолжали расти. Расходы составляли в 1914—1915 годах 16,8 милл. егип. фунтов, а в 1918—1919 годах — 23,3 милл. ф. ст. Это увеличение приходится всецело отнести на счет роста цен и издержек на армию ²⁾, без того, чтобы хоть сколько-нибудь «удовлетворить растущие потребности страны в лучшей школе, лучшей общественной санитарии, лучших жилищных условиях, лучшей охране общественного порядка и лучших средствах сообщения» ³⁾. Доходы одновременно также обнаружили прирост: в первый из упомянутых годов они составляли 15,3 милл., а в последний — 27,6 милл. егип. фунтов. Таким образом 1914—1915 год дал — впервые за долгое время — дефицит в 1,4 милл. егип. фунт. Правительство, т. е. англичане, немедленно нажали на налоговый пресс: был увеличен на 10% железнодорожный тариф (впоследствии еще на 40%), телеграфный тариф был удвоен, увеличены были таможенные ставки на ряд ввозных предметов, как лес, алкоголь, табак, увеличен акциз на сахар, создана новая вывозная пошлина в размере 1% ad valorem и т. д. Пресловутый египетский бюджет, который составлял главную гордость английской оккупации, пришел в очевидное замешательство и мог балансироваться только при помощи чрезвычайных мер, тяжело ложившихся и на без того расстроенное многочисленными поборами народное хозяйство. За исключением одной лишь категории государственных долгов, а именно, по гарантированному займу, составлявшему около 6 милл. ф. и погашавшемуся автоматически, остальные категории, составлявшие в совокупности сумму в 87 милл. ф., не подверглись с 1913 года никакой амортизации и продолжали в течение пяти лет стоять на одном уровне ⁴⁾. Напротив же, резервный фонд продолжал накапливаться из бюджетных остатков: с 3,6 миллионов в 1913—1914 году он постепенно возрос до 11,4 миллионов египетских фунтов в 1918—1919 году, потому что им подкрепляли английскую бумажную

¹⁾ Чироль, н. с., стр. 131.

²⁾ «Египет», № 1 (1921), стр. 9.

³⁾ Чироль, н. с., стр. 290.

⁴⁾ «Египет», № 1 (1920 г.), стр. 15.

валюту, обращавшуюся в Египте. Другими словами, его, как и прежде, употребляли не для финансового укрепления самого Египта, а для нужд Англии ¹⁾.

Между тем, страна очень и очень нуждалась в широкой продовольственной и иной помощи хозяйственного порядка. Цены на хлопок продолжали бешено расти: в 1917 году они дошли до 38,5 долларов за кантар, в следующем — они немного понизились, до 37,2 долларов за кантар, зато в 1919 году они достигли небывалой высоты в 78,3 долларов за кантар. Это лишь средние цифры за год; бывали моменты, когда цена на хлопок поднималась еще выше. Для помещиков и связанных с ними банков это было могучим стимулом к расширению культуры хлопка, под который отводились все новые и новые площади. Правда, с расширением площади количество собираемого хлопка увеличивалось далеко не пропорционально: этому мешала все заметнее уменьшавшаяся производительность хлопковых плантаций, на которую указывалось выше и которая сейчас стала поражать современников. Так, даже доклад Мильнера вынужден констатировать ²⁾, что «в то время, как средний сбор с феддана в период между 1894 — 1895 и 1913 — 1914 годами составлял 4,61 кантар, побившая всякий рекорд засеваемая площадь в 1,8 миллионов федданов, дала в 1920 г. всего 3,20 кант. на феддан». Но именно это обстоятельство заставляло помещиков еще больше расширять площадь засевов, так что нередко «они вырывали с корнем молодые хлебные посевы, дабы не упустить момента для сбора золотого урожая на александрийской бирже» ³⁾. В результате площадь хлебных засевов уменьшалась — уменьшалась так быстро, что само правительство (т.-е. англичане) сочло нужным в 1915 и 1918 годах издать постановление, ограничивавшее площадь хлопковых полей известным максимумом. Но это мало помогло, и за пять лет, с 1915 по 1919 год, засевы, например, пшеницы сократились с 1.533.807 до 990.945 федданов ⁴⁾. Конечно, пришлось теперь ввозить хлеб в массовых количествах, и цены соответственно росли. К 1919 году оптовые цены в Каире поднялись, по сравнению с средними ценами между 1 января 1913 г. и началом войны, на пшеницу — на 134%, пшеничную муку — 151%, маис — 84%, маисовую муку — 100%, чечевицу — 107%, сахар — 194% и масло — 118%. Если взять совокупность общепотребительных предметов продовольствия, то в декабре в 1919 году они стоили на 148, в декабре 1918 — на 109 и в декабре 1917 года — на 93% выше средних цен на те же предметы в указанный выше предвоенный

¹⁾ «Египет», № 2 (1921 г.), стр. 26. Огласительно помещения египетских государственных капиталов в английские банкноты и другие ценные бумаги доклад («Египет», № 1 (1920 г.), стр. 7—8) говорит в очень запутанных и апологетических тонах, пытается доказать, что всякая другая политика погубила бы египетскую валюту.

²⁾ «Египет», № 1 (1921), стр. 10.

³⁾ Чироль, н. с., стр. 234.

⁴⁾ Чироль, там же: «За последние пять лет площадь засевов продуктами питания всякого рода, кроме чечевицы, почти непрерывно уменьшалась, и в большинстве случаев это сокращение было весьма значительно».

период¹⁾. Нужно ли указывать, как это все отражалось на условиях питания народных масс? Мы имеем свидетельство доктора Вильсона, директора главной больницы в Каире, «признанного авторитета в вопросах питания и условий жизни беднейшего населения», которое гласит, что уже в 1917 году, т.-е. еще задолго до окончания войны (после чего положение стало еще хуже), «два миллиона человек обоего пола и всех возрастов (т.-е. шестая часть всего населения) серьезно страдали от недоедания»²⁾.

Таково было политическое и экономическое состояние Египта во время войны. Оно характеризовалось политическим бесправием, разгулом английского чиновничества и солдатчины, тяжелыми и совершенно незаконными поборами, разорявшими крестьянство, и сильнейшим ростом цен на необходимые предметы потребления. Единственный класс, который, хотя и испытывал некоторые трудности, все же благоденствовал, был класс крупных помещиков и пашей, не считая, конечно, торговцев, посредников и импортеров, которые сплошь состояли из иностранцев: англичан, греков, армян и пр. Помещики и являлись тем элементом египетского общества, который, несмотря ни на какие уроки, преподававшиеся ему в каждодневной жизни англичанами³⁾, все же продолжал работать с ними, возлагая неопределенные надежды на лозунги союзников о самоопределении наций, к которым впоследствии присоединились речи и обещания президента Вильсона. Другие классы общества, в том числе интеллигенция, едва сдерживали свое возмущение и жадно ловили слабые и глухие отголоски протестов, исходивших от националистических групп, камелистов, ютившихся большей частью в Берлине и Швейцарии. Перед самым концом войны, однако, даже англофилы были выведены из своего счастливого равновесия секретным документом, таинственным образом проникшим в широкую публику: это была записка, составленная по поручению правительства советником по судебным делам сэром Вильямом Бруниатом по вопросу о будущей «конституции Египта». Англо-египетский Сийес в этой записке очень жестоко раскритиковал «способность» египтян к самоуправлению и предложил создать законодательную палату с чисто совещательными функциями и сенат с реальными законодательными правами, в который, однако, исключительно входили бы члены по назначению и представители от иностранных колоний в Египте. Одновременно предлагалось упразднить смешанные трибуналы, существовавшие до тех пор для разбора тяжб между туземцами и иностранцами, и заменить их судами по английскому образцу—с английской судебной процедурой, на англий-

¹⁾ См. доклад Маллока, коммерческого агента, за 1919 г. («Report on the Economic and Financial Situation in Egypt»), London, 1920, порядковый номер Cmd 843, стр. 24.

²⁾ Чироль, и. с., стр. 283.

³⁾ Английские чиновники говорили им, что «не то еще будет, когда протекторат будет признан другими державами, и всеми будет признано, что Египет принадлежит Англии». См. документы, изданные делегацией Заглула под названием «Белой Книги» (White Book, Collection of official Correspondence), Париж, 1919, стр. 32.

ском же языке¹⁾. Ознакомление с этим проектом, отстранявшим египетский народ от какого бы то ни было участия в государственном управлении и официально вводившим иностранцев в парламент, естественно, вызвало большое негодование среди интеллигенции и даже пашей. Рядом же с этим провозглашалось право на национальное самоопределение и самоуправление Геджаса и разных арабских племен, стоявших гораздо ниже египтян в политическом и культурном развитии, и лились речи Вильсона о равноправии всех народов! Неудивительно, что чувство возмущения проникло даже в самые лояльные круги общества и привело к знаменательной демонстрации на другой же день после заключения перемирия.

Главными героями этой демонстрации явились Рушди-паша и Заглул-паша, из коих второй приобрел с тех пор громкую известность как вождь национального движения и впоследствии стал во главе египетского правительства. Первый был в то время премьер-министром. Верный и старый друг англичан, он накануне войны перенял «власть» в качестве главы правительства у Магомеда-Саад-паши, поссорившегося с султаном, и пробыл на этом посту все время войны, приняв протекторат и все дальнейшее хозяйничанье англичан. Заглул был когда-то также пламенным поклонником англичан. По происхождению феллах, он из крестьян стал большим юристом и пашой, снискал благоволение Кромера, создал «умеренную» национальную («народную») партию в противовес Камелю, и был министром просвещения в кабинете Бутроса. На этом посту он пытался ввести в высших школах преподавание на английском языке под предлогом, что арабский язык слишком беден для современной науки. Он затем перешел в министерство юстиции и, между прочим, отстаивал знаменитый проект продления суэцкой концессии. В 1912 году он, однако, вышел в отставку и приблизился до известной степени к камелистам. В 1913 году он согласился принять пост вице-председателя в китченерском Законодательном Собрании, где отстаивал националистическую позицию. Во время войны он был не у дел.

Оба эти деятеля выступили одновременно — один в качестве главы правительства, а другой — как председатель делегации, которую умеренные националисты решили послать в Лондон и Европу для переговоров об отмене протектората и создании независимого Египта. Программа их не содержала ничего революционного: независимость, но с гарантией финансовых и других интересов иностранцев, конституционный образ правления, нейтралитет Суэцкого канала и присоединение к Лиге Наций. В один и тот же день, 13 ноября 1918 года, Рушди обратился с письмом к султану, предлагая, вместе со своим коллегой Адли-пашей, министром просвещения, поехать в Лондон для выяснения положения Египта, а Заглул-паша с двумя другими членами делегации пошел к Уиндгейту с таким же ходатайством на предмет переговоров с анг-

¹⁾ См. доклад миссии Мильнера, «Египет», № 1 (1921 г.), стр. 13. Ср. также «Белую Книгу», стр. 33.

лийским правительством относительно «полной автономии» Египта¹⁾. Оба они встретили неудачу. Письмо Рушди было передано Уиндгейту, который велел через секретаря передать, что Рушди может обождать до подписания мирного договора. Заглулу же Уиндгейт ответил, что незнаком с намерениями своего правительства и что, если Заглул изложит свои жалобы и предложения на бумаге, то он перешлет их в Лондон. Рушди, получив такой издевательский ответ, немедленно подал в отставку и, не получая решения султана, повторил свою просьбу об отставке 23 декабря, протестуя против произвола английских властей и обращения с Египтом, как с колонией. На это письмо он также не получил никакого ответа и написал третье, настаивая на освобождении от своих обязанностей. Однако ответа и в дальнейшем не последовало, и только в марте ему было устно сообщено, что отставка его принята. Не лучшей участи удостоился Заглул. Вернувшись от Уиндгейта, он послал ему письменный протест, напоминая об обещаниях союзников, и принялся рассылать во все стороны — иностранным миссиям в Египте, Ллойд-Джорджу и другим — протесты и записки о национальных требованиях египетского народа. Ни на одно из этих посланий он не получил ответа. Он тогда стал выступать открыто. Несомненно, личное чувство обиды и сознание совершенной беспочвенности его прежних увлечений агличанами играли не малую роль в его выступлениях, но несомненно, также, что он был вынужден идти за общественным мнением, возмущение которого принимало все более и более активные и даже грозные формы. Повсюду основывались комитеты агитации и протеста; умеренные быстро превращались в крайних и присоединялись к камелистам, и впервые в истории Египта зашевелился класс феллахов. Не смея еще выступать открыто, интеллигенция собиралась в частных домах и там принимала резолюции и составляла листовки, которые потом распространялись по всей стране. Агитация приняла совершенно неожиданные для англичан размеры и еще более усилилась, когда в марте Рушди, наконец, получил свою отставку. Как раз в этот момент Уиндгейт был в отпуску в Англии, и его место опять занимал Читам, и опять хозяином положения был, фактически, главнокомандующий войсками Уотсон. 6-го марта он решил взять, что называется, быка за рога: он пригласил к себе Заглулу и некоторых других членов «национальной делегации» и произнес им речь, в которой обвинял их в подстрекательстве к мятежу, напоминал им, что существует военное положение, и предложил прекратить агитацию под страхом тяжелых репрессий. Заглул пробовал ему отвечать, но он резко оборвал его и послал домой. На следующий же день Заглул послал ему письменный протест и одновременно разослал его повсюду через свой комитет. Не долго думая, Уотсон распорядился арестовать его и трех видных его

¹⁾ Доклад Мильнера, «Египет», № 1 (1921 г.), стр. 13 и «Белая Книга», стр. 3, 9—10. Дальнейшее изображение событий основано на этих двух источниках, а также на рассказе Чироль, который повторяет лишь, хотя с большими подробностями и большей откровенностью, доклад Мильнера. Вообще, из сравнения книги Чироль с докладом миссии Мильнера видно, что Чироль принимал большое участие в составлении доклада.

товарищей, посадить их на пароход в Александрии и отправить на о. Мальту.

Это было сделано 8-го марта 1919 года, и этот день надо считать началом народного революционного восстания¹⁾. Роль застрельщиков сыграла учащаяся молодежь, которая на следующий же день высыпала на улицы и стала демонстрировать против англичан за Заглула и национальное освобождение. До трехсот человек их было в тот день арестовано. На следующий день уже вышло на демонстрации духовенство с теологическим институтом Аль-Азхар во главе. 11-го начались расстрелы демонстрантов, 12-го стали действовать пулеметы, а к 13-му движение уже перекинулось в провинцию, захватывая города и деревни одни за другими. Все слои общества пришли в движение. В Каире на улицы вышли демонстрацией завуалированные знатные дамы и были разогнаны штыками. В окрестностях городов феллахи нападали на начальство, разрушали полотно железной дороги и поджигали казармы и военные склады. Кочевники-бедуины тоже вскоре присоединились к движению и избивали губернаторов и, где могли, английских солдат. Во многих местах провозглашались временные правительства, и, по словам Чиролья²⁾, в деревнях появлялись даже «советы». Вскоре Каир оказался совершенно отрезанным от остального Египта, так как и железнодорожный путь, и телеграфные и телефонные провода оказались прерванными. Провинциальные же города превратились в настоящие поля сражений: войска неистовствовали, население же строило баррикады и, где могло, отбивалось с оружием в руках. В три недели, говорят, погибло от руки солдатчины свыше 1.000 человек, много тысяч было арестовано, и вся страна покрылась разрушениями³⁾. В конце концов, открытое восстание было подавлено, и в Египте водворился на время «порядок».

Но не совсем. Во время острых беспорядков начались, естественно, забастовки. Бастовали рабочие на фабриках, на железных дорогах и на трамваях, бастовали чистильщики улиц и извозчики, бастовали студенты и школяры вместе со своим туземным преподавательским персоналом. Все это было просто неизбежно, так как каждый выходил тогда на улицу. Но под конец марта началось забастовочное движение, как форма «пассивного сопротивления». Прецедент был создан немедленно после ареста и депортации Заглула и товарищей, когда туземные адвокаты отказались выступать в судах впредь до отмены этой

¹⁾ «Это было национальное движение, поддерживаемое сочувствием всех классов и всех вероисповеданий египетского населения—даже коптов». Доклад Миллера, «Египет», № 1 (1921 г.), стр. 14.

²⁾ Н. с., стр. 183.

³⁾ Вот как отзывается о египетском народе и умирившей его солдатнице «беспристрастный» Чироль: «Восстание показало, как дика, жестока и кровавадна может быть египетская чернь, обычно столь добродушная и беззаботная»; «подавление, несомненно, было суровое, но не мстительное, и английские войска, как правило, обнаружили замечательное самообладание, несмотря на часто предательские провокации» (стр. 189). Ср. «Белую Книгу», где дается перечень насилий, зверств и погромов, учиненных войсками и полицией и засвидетельствованных на суде,—стр. 90 и сл. и приложение.

меры. Во второй половине марта стало известно, что на место Уиндгейта едет в качестве «высокого комиссара» генерал Алленби, покоритель Сирии и Палестины, главнокомандующий войсками Египта, с чрезвычайными полномочиями. Для египтян это назначение было явным указанием на то, что английское правительство не склонно ни к каким поблажкам. Ответом на его приезд было провозглашение всеобщей забастовки чиновников во всех министерствах. Эффект был поразительный. Вся правительственная машина остановилась, и гордые английские начальники очутились в самом беспомощном положении. Новый правитель не на шутку перепугался при виде такой демонстрации в самых высоких кругах египетского чиновничьего мира. Оказалось, что даже эти круги были заражены националистическим ядом и готовы были солидаризироваться со всеми врагами англичан. В панике Алленби пригласил к себе вышедший в отставку кабинет Рушди, умоляя его вернуться к власти и успокоить чиновничество. Министры выразили свое согласие, но потребовали предварительного освобождения и возвращения Заглула и его товарищей. И Алленби должен был согласиться и, после обмена телеграммами с Лондоном, издать прокламацию, объявлявшую освобождение Заглула и его друзей и разрешение им вернуться.

Это была первая победа революционных сил, что, конечно, было отмечено взрывом восторга и новыми демонстрациями, длившимися два дня. На третий день, однако, англичане не вытерпели и начали разгонять демонстрантов. Произошли опять кровавые стычки, и в ответ возобновились забастовки, на этот раз в еще более широких размерах. Бастовали все, от студентов до почтальонов, и опять поголовно все чиновники всех министерств и всех учреждений присоединились к забастовке, требуя от кабинета официального дезавуирования протектората и увода английских войск с улиц. Рушди должен был опять выйти в отставку; Алленби же распустил прокламацию, угрожая всем бастующим чиновникам арестом и увольнением со службы. В то же время он широко оповестил сообщение, полученное им от своего американского коллеги о том, что президент Вильсон признал английский протекторат над Египтом. Если верить Чиролу, то эффект этого сообщения был еще значительнее, чем эффект угрозы Алленби: забастовочное движение ослабело и понемногу затихло. К концу апреля все чиновники стали опять на работу. Так закончился первый акт революционного восстания Египта.

ГЛАВА XXIV

ПОПЫТКИ К СОГЛАШЕНИЮ И НОВЫЙ ВЗРЫВ

События в Египте не сразу вывели из состояния покоя мандаринов в Даунинг-стрите¹⁾, а когда, под давлением общественного мнения, которое тогда впервые стало знакомиться с этими событиями, а также с тем, как египтяне были доведены до восстания, правительство, включавшее в свой состав Керзона, весьма низко оценивавшего весь человеческий род, кроме англичан, а тем более «туземцев», зашевелилось, то оно предприняло шаг, который как раз был рассчитан на то, чтобы вызвать в Египте новую бурю негодования. Оно решило отправить в Египет для расследования положения «миссию» во главе с лордом Мильнером, этим империалистом, который когда-то работал в Египте при Кромере и написал о Египте книгу, ставшую своего рода библией для оккупации, а позднее отличился в Южной Африке, по окончании войны с бурами, в качестве «высокого комиссара» вновь приобретенных колоний и автора проекта об аннексии, вопреки мирному договору обеих республик. Что из этого получилось, лучше всего видно из рассказа друга Мильнера. Чироля:

«К двум прежним популярным лозунгам: «Да здравствует полная независимость» и «Долой протекторат», теперь присоединился третий: «Долой миссию Мильнера». Туземная пресса сочиняла бесконечные вариации на эту тему и выкопала книгу Мильнера «Англия в Египте»... На публичных митингах, на которых особенно приметно выступало адвокатское сословие, поносили миссию, а так как Законодательное Собрание и провинциальные советы все еще были закрыты, то члены их собирались частным образом и посылали пламенные телеграммы протеста египетским министрам, иностранным державам, их представителям в Каире, клянясь, что они не коснутся этой «нечисти». Нотабли и улемы следовали по их стопам, и студенты Аль-Азхара и государственных колледжей, равно как малолетние ученики и даже ученицы средних и элементарных школ присоединяли свои голоса к общему хору и кричали о бойкоте.

¹⁾ «Даже силы и внезапности мартовского взрыва и серьезного расстройства политического организма Египта, — расстройству, одним лишь из симптомов которого была длительная забастовка правительственных чиновников — не оказалось достаточно, чтобы внушить английскому правительству необходимость выступить с продуманным планом действий» — Чироль, и. с., стр. 243.

Газеты ежедневно перепечатывали у себя целыми столбцами телеграммы, в которых в подозрительно-одинаковых (!) выражениях миссия подвергалась осуждению. Всякий, кто, занимая общественное положение, держался в стороне от этой агитации, подвергался риску быть приговоренным к позорному столбу в прессе или даже нападению на дому со стороны студентов, которые демонстрировали не одной только словесной бранью. Сами министры не были избавлены от этих демонстраций протеста, и во время разговора с одной из таких возбужденных групп агитаторов премьер Магомед-Саид вынужден был сказать, что он предупреждал английское правительство против посылки, при настоящем настроении, миссии Мильнера и что если она все же придет, то он и его коллеги выйдут в отставку... Даже такая мелочь, как деревенские стычки, которых насчитывается до 3.600 в Египте, считали для себя безопасным кричать вместе с толпой без разрешения начальства... Вскоре агитация приняла еще более серьезные формы, которые напоминали мартовские события... Учащиеся опять объявили забастовку, и слышны были угрозы о проектируемых забастовках железнодорожников и правительственных чиновников. Длинные процессии опять появились на улицах, и опять потянулись вереницы улемов из Аль-Азхара в чалмах и эффенди в европейских костюмах, с неизменным хвостом черни, готовой на всякие гадости»¹⁾.

Все это происходило летом и осенью 1919 года, и, конечно, англичане не преминули реагировать по-своему. Массовые расстрелы безоружных демонстрантов, погромы целых деревень и многочисленные аресты стали опять «бытовым явлением» во всей стране²⁾. В одной только бойне, учиненной войсками в Александрии 16-го ноября по случаю демонстрации в связи с выездом султана Фуада из своей летней резиденции в Каир, поплатилось жизнью и было ранено свыше 100 человек по официальным данным, сильно преуменьшенным. «Английское господство, — заявил в парламенте в Лондоне Бальфур от имени правительства, — существует в Египте, оно останется, и пусть никто в Египте или за пределами его не усомнится в этом основном принципе правительства его величества». Со своей стороны, генерал Алленби выпустил прокламацию, в которой, возвещая о предстоящем приезде миссии Мильнера, повторял, что «политика Англии в Египте заключается в том, чтобы сохранить автономию его под покровительством Англии и чтобы развить систему самоуправления под управлением египетского монарха». Ясно было, что незванные покровители ничему еще не научились и ничего не забыли, несмотря на совершенно явные

¹⁾ Чироль, н. с., стр. 240 и след.

²⁾ «Целые города и села подверглись страшным репрессиям, несколько деревень было сожжено, так что тысячи семейств остались без крова. Кто не отдает чести английскому офицеру, предается военному суду. Курбаш опять гуляет на свободе. Нотабилы подвергаются избиениям и тюремному заключению. Женщины насилуются, и известен случай, когда муж был убит солдатами за то, что пытался защищать честь своей жены» — так описывает этот период Загруд в письме к президенту Вильсону — «Белая Книга», стр. 59—60. Чироль, конечно, во всем обвиняет «агитаторов», которые, «организовав и возбудив эти демонстрации, осторожно отступили на задний план» (н. с., стр. 243).

доказательства наличия огромного народного движения, направленного против английской опеки. В ответ на этот манифест националисты выпустили прокламацию, жестоко критикуя его положения и повторяя свои требования. За это главари их были немедленно сосланы в свои поместья.

В начале декабря появилась, наконец, миссия Мильнера, назначенная еще в мае. Незадолго до этого кабинет Магомед-Саида, которого, после отставки Руши, с трудом упростили, после четырехнедельного междуцарствия, образовать правительство, вышел в отставку в виде протеста против приезда миссии, и англичане передали власть одному из своих клиентов, Юсуфу Вагабу, старому сподвижнику Бутроса, также копту, «что, — признает Чироль, — было неудачно»¹⁾. Но что было делать, когда даже такие старые англофилы отказывались больше служить? Миссия была принята... но предоставим самой миссии рассказать, какой она встретила прием:

«Пробыв в Каире едва несколько часов, мы уже получили достаточно доказательств активной и организованной вражды к нам. Со всех сторон летели к нам телеграммы, извещавшие о намерении посылать их объявить забастовку в знак протеста против нашего присутствия. Многие из них были присланы школярами и студентами, но другие исходили от общественных организаций, вроде провинциальных советов, несколько от правительственных чиновников и значительное количество от более или менее важных корпораций и обществ. Всего, за время нашего пребывания, мы получили таких телеграмм 1.131 и только 29 приветственных, главным образом, от частных лиц, знакомых с отдельными членами миссии²⁾. За немногими исключениями, египетская пресса перебрала весь свой репертуар брани и инсинуаций, заявляя, что какое бы то ни было признание миссии будет истолковано как признание существующего порядка вещей и что египтянин, который будет иметь дело с членами ее, будет объявлен изменником народу... Студенты, адвокаты, трамвайщики, извозчики и лавочники объявили ряд кратковременных забастовок, и процессии стачечников, подкрепленные школьниками и хулиганскими элементами города, проха-

¹⁾ Н. с., стр. 257. Вагаб оставался премьером шесть месяцев и также ушел «по болезни». За пару месяцев до него ушел в отставку видный член его кабинета, министр военный и общественных работ, Измаил-Сирри-паша — также «по болезни». Болезнь этого кабинета объясняет Алленби в своем докладе за 1920 год: «Обстоятельства не были таковы, чтобы сделать пост министра привлекательным. Одной из форм, в которых проявлялся египетский национализм, было швыряние бомб в министров с целью устроить их и заставить подписаться под экстремистскими националистическими требованиями. Как Вагаб, так и Сирри едва не были убиты таким образом». («Египет», № 2, 1921 г., стр. 7.) Понятно, что они «заболели». Однако Вагаб успел остаться у власти во все время пребывания Мильнера в Египте, после чего образовалось министерство Тюфика-Нессима-паши.

²⁾ Небезынтересно указать на состав миссии. Кроме самого Мильнера, в ней участвовали сэр Реннель Род, 6. посланник в Риме, вероятно, представлявший Форейн Офис, знакомый нам генерал Максвелл, другой генерал сэр Оуэн Томас, член парламента, сэр Сесиль Херст, юрисконсульт Форейн Офиса, и Дж. А. Спендер, известный публицист, редактор умеренно-либеральной «Вестминстерской Газеты».

живались по улицам со знаменами, понося миссию и, в особенности, лорда Мильнера и провозглашая здравницы в честь Заглула¹⁾ и «полной независимости Египта». И не одни только мужчины принимали участие в этих демонстрациях. Каирские дамы воспользовались случаем, чтобы покинуть свои терема, и раз'езжали по улицам с такими же возгласами²⁾.

Нужно было много мужества со стороны миссии, чтобы так откровенно признаться в характере приема, который ей был оказан египетским народом. Но, с другой стороны, как можно было умолчать о таком огромном показателном факте? Удивительнее всего то, что, встретив такой прием и убедившись в исключительно-враждебном отношении к ней всех слоев общества³⁾, миссия не сразу поехала обратно, а продолжала «выяснять» положение и условия возложенной на нее задачи в течение нескольких месяцев! С кем именно она «выясняла», трудно сказать: она сама рассказывает, как к ней не допускали никого, как угрожали чуть ли не убийством каждому, кто осмелился бы ступить ногой в дом, занятый миссией, как с этой целью за домом следили день и ночь «пикеты» и как по пятам каждого члена миссии ходили и ездили наблюдатели и «агитаторы», не давая ему возможности входить в контакт с египетским населением⁴⁾. Херст вздумал посетить город Асиут и побывать при разборе дел на суде: вся местная корпорация адвокатов заявила, что уйдет из залы суда, если туда осмелится ступить ногой ненавистный англичанин. В другой город, Ганту, тайком успел пробраться Спендер, который погостил несколько дней у губернатора. Когда население узнало об этом, то был поднят настоящий мятеж, и «беспорядки весьма серьезного характера продолжались несколько дней, будучи подавлены лишь тогда, когда в город были стянуты два батальона, и был убит один индийский солдат, а другой ранен»⁵⁾. Единственное утешение, которое доставила себе миссия, было размышление о том, что «если бы египетский народ действительно был так единодушен, как это нам хотели представить, то нам дали бы возможность свободно ходить и выезжать по всей стране, как мы хотели бы»⁶⁾. Пришлось миссии «выяснить» положение с помощью своих же англичан и других иностранцев; египтян же успокоить торжественно сделанным в виде официального воззвания через правительственный журнал «комюнике», что миссия приехала вовсе не для того,

¹⁾ Заглул тогда был в Париже, куда он поехал с Мальты по освобождению. В Париже он добивался, но тщетно, допущения на мирную конференцию и рассылал письма к членам ее.

²⁾ Доклад миссии, «Египет», № 1 (1921 г.), стр. 3—4.

³⁾ Особенно поразили миссию два выступления: во-первых, лиц, стоящих во главе Аль-Азхарского университета, «этого центра мусульманского религиозного образования», пославших «манифест» к высокому комиссару, требуя полной независимости и удаления англичан, и шести принцев крови, пославших Мильнеру и одновременно опубликовавших такой же протест в прессе (доклад, стр. 4).

⁴⁾ Доклад, стр. 4. Чироль, н. с., стр. 264.

⁵⁾ Чироль, назв. соч., стр. 264—265. Сколько при этом было убито и ранено «мятежников», г. Чироль почему-то нам не говорит.

⁶⁾ Доклад, стр. 5.

чтобы сузить права египетского народа, а для того, чтобы «примирить чаяния египетского народа с особыми интересами» Англии и вообще иностранцев и тем «дать возможность египетскому народу посвятить всю свою энергию развитию своей страны под сенью автономных учреждений»¹⁾.

Как же миссия разрешила эту похвальную задачу? Пребывание ее в Египте и те сцены, которые она наблюдала за это время, прошли для нее недаром: она поняла, что с протекторатом Египет не примирится, и что для разрешения задачи английского господства необходимо пойти на какие-нибудь уступки, которые удовлетворили бы, по крайней мере, более «умеренную» часть националистов. Для Мильнера, главы миссии, и, вероятно, для некоторых других членов ее одно это признание уже являлось актом неимоверного самопреодоления; и действительно, что могло быть более обидно для английского империалистического самолюбия, чем признать, как это делает доклад миссии, что «никакое октроирование в большем или меньшем объеме «самоуправления», даже вплоть до пределов «гомруля», по примеру доминионов, не разрешит вопроса, так как египтяне не считают своей страны британским доминионом и не рассматривают себя, как британских подданных?»²⁾. Другими словами, это значило, что Египет не признает над собой протектората Англии, а миссия Мильнера санкционирует это. Доклад так и говорит: «Никакое решение относительно будущности Египта, которое не основано на этом притязании египтян, не будет ими принято — оно только может быть им навязано». Совершенно ясно, что египетский народ выиграл первый бой — протекторат был осужден самими англичанами.

Но готова ли была Англия «навязать» Египту решение, которое не было для него приемлемо? Доклад прямо отвечает: нет. «Мы мало-по-малу пришли к выводу, что никакое решение, которое будет просто навязано Великобританией Египту, не может быть удовлетворительно». Удовлетворительное же решение может исходить лишь из признания равенства сторон: «его нужно искать при помощи двухстороннего соглашения, т. е. договора между обоими государствами». Исходя из этого, миссия предлагает заключить с Египтом «союзный договор, по которому Англия взяла бы на себя обязанность охранять целостность и независимость Египта, взамен чего последний согласился бы в своих иностранных сношениях руководствоваться указаниями Англии и предоставил бы ей известные определенные права на своей территории», а именно, по содержанию вооруженной силы для охраны имперских путей сообщения и по защите законных интересов иностранцев при по-

¹⁾ Доклад, там же. По поводу заключительных слов, нами приведенных, интересно процитировать одно замечание Чироля (н. с., стр. 259): «Как раз в момент приезда миссии Мильнера с определенной (!), между прочим, целью добиться для египтян большей доли участия в управлении своей страной, прессе приходилось постоянно регистрировать новые назначения англичан на административные посты и приезды новых групп молодых англичан для занятия разных должностей».

²⁾ Доклад, стр. 18.

мощи некоторого контроля над законодательством и управлением (!), включая отмену капитуляций.

На языке Таллейрана, это значило предлагать Египту «союз всадника с лошастью» или тот же протекторат, но созданный не односторонним актом Англии, а квази-договором между ней и Египтом. Так «договаривалась» Франция с тунисским беєм и с мароккским султаном, так сама Англия хотела в 1919 году «договориться» с Персией. Англия будет «охранять» целостность и «независимость» Египта — против кого? Против других держав, но не против собственных посягательств, ибо она будет вести внешние сношения Египта, держать на его территории свои войска, контролировать его внутреннее законодательство и внутреннее управление. Чем же это все будет существенно отличаться от протектората? Доклад говорит, что Египет создаст себе парламент и будет во «всем остальном» независим. Но если Англия будет за него вести его иностранной политикой, если Англия будет вести «законными» интересами иностранцев и для этого вмешиваться в его финансовое управление и в его налоговую и таможенную политику и если, сверх всего этого, Англия будет содержать армию на его территории будто бы для охраны имперских путей сообщений, то что останется от парламента? Одно только сомнительное удовольствие прикрывать фиговым листком господство англичан.

Миссия состояла из умных людей, но она, повидимому, была очень низкого мнения об уме египтян. Доклад даже уверяет, что из разговоров с «видными» националистами миссия вынесла впечатление, что ее проект будет приемлем, по крайней мере, для «умеренной части» их. Ей пришлось очень скоро разочароваться. Как только миссия в начале марта 1920 года уехала, члены старого, еще формально не упраздненного Законодательного Собрания в числе пяти шестых его состава собрались в доме Заглула и, провозгласив себя законным заседанием, приняли ряд постановлений, в которых об'явили изданные со времени последнего заседания Собрания (до войны) законы и декреты неимеющими силы и уничтоженными, провозгласили право Египта на полную независимость и утвердили Заглула единственным представителем египетского народа. Особой резолюцией, вызванной таинственными исследованиями, которые тогда производились англичанами в верховьях Нила, провозглашалась суверенность Египта над Суданом и неотделимость обеих стран¹⁾. Эта демонстрация была произведена задолго до издания миссией Мильнера своего доклада, но она заранее давала опровержение ее оптимистическим заверениям в готовности националистов принять основной тезис доклада. Алленби, между прочим, был чрезвычайно обозлен этой демонстрацией и издал прокламацию, запрещающую ее повторение под страхом тяжелого наказания.

Фактически миссия Мильнера вернулась домой ни с чем, так как ее основной целью было, конечно, не «изучать» египетский вопрос, а стол-

¹⁾ Чироль, н. с., стр. 275.

коваться с националистами насчет какого-нибудь компромисса. Это сделать не удалось благодаря бойкоту. Тогда только английское правительство догадалось, что сделало ошибку, попытавшись обойти Заглулу, все еще находившегося в Париже, и связаться помимо него с какими-то анонимными националистами, о которых ему, вероятно, докладывал Алленби. Оказалось, что если такие анонимные националисты имелись, то они даже не осмеливались говорить с миссией и во всяком случае не имели никакого значения даже для создания какой-нибудь фикции соглашения. Пришлось с позором пойти на уступки. В Париж был отряжен верный Адли-паша, член кабинета Рушди, чтоб позондировать почву. Миссия эта дала благоприятные результаты, после чего Сесиль Херст отправился к Заглулу передать ему официальное приглашение. В июне Заглул прибыл в Лондон — с запозданием почти на два года — с семью товарищами, после чего начались «неофициальные» и «предварительные» переговоры. Английское правительство держалось как бы совершенно в стороне. Слово представлялось Мильнеру, который должен был выработать с египтянами принципиальное соглашение, а потом уже это соглашение должно было поступить к английскому правительству и, в случае одобрения, лечь в основу официальных переговоров. Совершенно ясно, что если бы англичане пустили к себе Заглулу в 1918 году, то они могли бы купить себе положение в Египте гораздо более дешевой ценой.

Сейчас положение для них стало более невыгодным. Заглул, сам паша, как и большинство его товарищей, вовсе не был из «крайних», как мы уже видели, но после тяжелых жертв, которые египетский народ понес со времени перемирия, очевидно, было невозможно отступить от ставшего национальным лозунга: «полная независимость». Ход переговоров между Заглулом и Мильнером остался неизвестным, и было бы крайне рискованно принять на веру заявление докладчика мильнеровской миссии, что к середине августа обе стороны пришли к более или менее приемлемому для них соглашению. Мильнер, несомненно, сделал несколько важных уступок, о которых речь ниже, но факт остается фактом, что, достигнув такого соглашения, переговоры были прерваны: Заглул отказался ангажировать свою партию и египетское общественное мнение в пользу этого соглашения, и часть его товарищей поехала в Египет, чтобы осведомиться на этот счет. Оказалось, повидимому, что партия пашей, представленная членами б. Законодательного Собрания, была бы не прочь пойти навстречу Мильнеру в его проекте, но камелисты (или как их тогда уже называли, партия «Ватан») развили такую агитацию против него, что делегации пришлось вернуться в Лондон и представить ряд дальнейших требований, которые оказались неприемлемы для Мильнера. Последний тогда сам прервал переговоры, заявив, что сейчас, очевидно, нельзя будет достичь никакого положительного результата, и что необходимо на ближайшее время ограничиться «агитацией», ознакомив египетский народ с той программой, на основе которой английское правительство готово будет заключить с ним договор. Тогда-то, в декабре 1920 года, и был опубликован до-

клад миссии вместе с составленной ею программой, ставшей известной под именем «соглашения между Мильнером и Заглулом»¹⁾.

В чем состояла программа Мильнера? Между Англией и Египтом заключается договор, по которому Англия признает независимость Египта, в качестве конституционной монархии с представительными учреждениями, а Египет признает за Англией специальные интересы и право предоставить иностранным государствам известные гарантии в обмен за их отказ от капитуляций. Тем же договором Англия обязуется «помогать» Египту в защите целостности своей территории, а Египет, в свою очередь, в случае войны, даже когда она не грозит целостности Египта, помогает Англии в пределах своих сил предоставлением ей для военных надобностей своих портов, аэродромов и средств сообщения. Далее, Египет будет пользоваться правом иметь своих представителей за границей, а в тех случаях, когда он этим правом не воспользуется, его интересы будут представлены Англией. При этом Египет обязуется не вести такой иностранной политики, которая пойдет вразрез с интересами Англии. Египет также предоставит Англии право содержать на его территории вооруженную силу для защиты имперских путей сообщения, при чем «присутствие этой силы не должно ни в какой мере составлять военную оккупацию страны или нарушать права египетского правительства». Наконец, египетское правительство обязуется назначить, по соглашению с Англией, советников по финансам и юстиции, которые будут ведать по соответствующим ведомствам вопросами, касающимися иностранцев, и «которые будут к услугам египетского правительства по всем другим вопросам, по которым оно пожелает их консультировать». В связи с этим предусматривается, что капитуляции будут отменены, и все соответствующие права иностранных государств будут перенесены на Англию. Договор должен быть представлен на утверждение Учредительного Собрания, которое также выработает «основной закон», по которому, между прочим, дети, рожденные в Египте от иностранных родителей, должны оставаться в гражданстве их, а не становиться египетскими гражданами²⁾.

Такова была программа, которую Мильнер — фактически английский правительственный — готов был положить в основу соглашения с египетскими националистами, но которую последние, в конце концов, все же не приняли. Они готовы были признать за Англией «специальные» интересы, они готовы были договориться даже по вопросу о присутствии английских войск на египетской территории, но в полосе Суэцкого канала, а не в городах; что они не могли совершенно принять — это назначение английских советников, передачу Англии всех прав иностранцев по капитуляциям и отсутствие упоминания о правах Египта на Судан. По последнему вопросу Мильнер вручил даже особую ноту, в которой говорилось, что Судан исключается из предлагаемого договора и что его международное положение, как англо-египетской ко-

¹⁾ Об всем этом см. доклад, «Египет», № 1 (1921 г.), стр. 22—26. Также доклад Алленби за 1920 год, «Египет», № 2 (1921 г.), стр. 8—11.

²⁾ Вся программа в виде памятной записки (меморандума), переданной Заглулу в августе 1920 года, напечатана в докладе миссии Мильнера, н. с., стр. 24—26.

лонии, остается без изменения. Главной уступкой со стороны англичан является, конечно, уступка по вопросу о внешних сношениях Египта. Сам Мильнер признается в докладе, что без этой уступки никакое соглашение не было бы возможно, и что хотя вначале он склонен был ограничить представительство Египта за границей консульскими чиновниками, но напоследок должен был примириться и с представителями дипломатического характера.

На этом окончился эпизод с миссией Мильнера, но он вскоре повел к дальнейшему развитию событий. Он имел для англичан то преимущество, что дал им передышку от революционных выступлений, которую они старались использовать для привлечения на сторону своей программы «умеренных» элементов. К таким элементам принадлежал Адли-паша, которого они наметили как главу того правительства, с которым они в подходящий момент будут официально сговариваться на базе мильнеровских предложений, если удастся отвлечь от Заглула еще и других «умеренных» националистов. Действительно, в марте 1921 г. кабинет Нессима-паши вышел в отставку, и Адли поручено было сформировать кабинет. Для укрепления его положения англичане отменили газетную цензуру, обещали постепенно ликвидировать военное положение и вообще предоставили правительству широкую свободу действий. 4-го апреля, однако, прибыл Заглул при всеобщих ликованиях, и, после обычных банкетов и других форм приветствий, оба лидера вступили в переговоры относительно дальнейших действий. Адли хотел ехать в Лондон во главе новой, на этот раз официальной делегации, для переговоров с английским правительством, Заглул же требовал предварительного согласования вопросов, оставшихся неразрешенными после первых переговоров. В конце концов, разговоры окончились полным разрывом, и Заглул на публичном собрании выступил против Адли, клеймя его, как агента англичан ¹⁾. Единый националистический фронт был разорван, и между обоими крыльями вспыхнула яростная борьба. Правительство, т.е. англичане, приняло, естественно, сторону «адлистов», охраняя их собрания, мешая собраниям и другим выступлениям заглулистов и исподтишка натравливая одних на других. В городе Танте, в связи с вмешательством полиции в пользу адлистов, произошли в конце апреля серьезные уличные беспорядки, окончившиеся большим кровопролитием. Еще более плачевные события произошли в Александрии 20 мая, когда спровоцированная полицией толпа обрушилась на полицейские посты, и в ответ были вызваны войска, которые учинили подлинный погром с массовыми расстрелами демонстрантов и мирных жителей. Положение во всей стране опять, как весной 1919 года, стало угрожающим, и только мобилизацией всех полицейских и военных сил правительству удалось предотвратить второй революционный взрыв. Адли был спешно вызван в Лондон, и после некоторых переговоров ему 10 ноября был вручен формальный проект договора на базе мильнеровской программы: повидимому, английское правительство усма-

¹⁾ Изложение событий этого переходного периода содержится в «Египте», № 3 (1921 г.), стр. 249.

тривало в скорейшем заключении договора единственный выход из положения, так как было очевидно, что Адли долго не продержится у власти¹⁾. По первой статье этого исторического документа Англия соглашается, при условии подписания и ратификации настоящего договора, упразднить протекторат и признать Египет суверенным государством в форме конституционной монархии, взамен чего обе стороны заключают «вечный договор и акт мира, дружбы и союза». По второй статье Египет получает право вести свою внешнюю политику через своего министра иностранных дел, но английское правительство будет представлено в Каире высоким комиссаром, который «в силу своего особо ответственного характера, будет во всех случаях занимать исключительное положение и пользоваться предпочтительными преимуществами перед представителями других стран». Египетское правительство будет представлено в других столицах по своему усмотрению своими посланниками, а там, где таковых не будет, английские дипломатические представители «отдадут себя в распоряжение египетского правительства и будут оказывать ему помощь по мере своих сил». Между египетским министерством иностранных дел и высоким комиссаром должны существовать «самые тесные отношения», и высокий комиссар будет оказывать министерству всяческое содействие. Конечно, египетское правительство не имеет права заключать с иностранными державами никаких политических соглашений без консультации с высоким комиссаром. Англия берет на себя обязательство «поддерживать Египет в защите его жизненных интересов и целостности его территории», для чего, равно как и для охраны имперских путей сообщения, ей предоставляется право содержать в любом месте и на любой срок, по соглашению, свои войска, которые будут иметь и право проходить, а также использовать во всякое время порты, аэродромы, морские базы и пр. Египта. Ни один иностранный офицер или чиновник не может быть принят на службу без согласия высокого комиссара. По соглашению с тем же высоким комиссаром египетское правительство должно назначить финансового комиссара, на которого будут возложены функции старых комиссаров государственного долга и наблюдение за правильным поступлением платежей по бюджету смешанных судов, по пенсиям отставным иностранным чиновникам и их наследникам и содержанию бюджетов финансового и юридического комиссаров — другими словами, по финансовым расчетам с иностранными кредиторами (бондхольдерами) и иностранными (большей частью, английскими) чиновниками, настоящими и бывшими. Кроме того, однако, финансовый комиссар должен быть в курсе финансовых дел Египта вообще и иметь беспрепятственный доступ не только к министру финансов, но и к самому председателю совета министров, и без его согласия не может быть заключен ни один иностранный заем и не может быть заложена в целях займа какая-либо статья доходов. Кроме фи-

¹⁾ Период между опубликованием доклада миссии Мильнера (декабрь 1920 г.) и вручением Адли проекта договора почти не освещен в официальных изданиях и, за отсутствием других документов, не поддается сейчас подробному восстановлению.

нансового, должен быть еще назначен и юридический комиссар «для наблюдения за исполнением законов во всем, что касается иностранцев». Что же до Судана, то Египет по-прежнему дает суданскому (номинально англо-египетскому) правительству вооруженную помощь или соответствующую субсидию. Интересно отметить, что, несмотря на прекращение всякой связи Египта с Турцией, а поэтому и прежней дани Порте, Египет должен все же продолжать платежи по турецким займам 1891 и 1894 годов, которые были обеспечены кредиторам (банкам) под залог этой дани.

Таковы основные положения этого замечательного проекта договора¹⁾. Отказ Англии от протектората и от прямого контроля внешней политики Египта представляют, несомненно, большие уступки, на которые Англия вынуждена была пойти в силу созданного революционным движением в Египте положения. С другой стороны, присутствие английских войск на египетской территории в связи с функциями, предоставляемыми двум английским комиссарам, делали эту уступку в большой мере иллюзорной. Умолчание о государственном статуте Судана, при упоминании дальнейших обязательств Египта, являлось также неприемлемым с точки зрения национальной программы Заглула и его партии, а статья о платежах по займам в связи с данью Порте должна была показаться египтянам наглой буффонадой.

Если Керзон, автор этого проекта, считал, что Адли-паша обеими руками ухватится за этот проект и возьмется провести его у себя в Египте, то он жестоко ошибся. Через пять дней Адли ответил указывая на упомянутые недостатки, что проект и для него неприемлем. Статья о войсках, по его мнению, «составляет просто-на-просто военную оккупацию, разрушающую всякое подобие независимости и даже суверенитета во внутреннем управлении» и ничего общего с защитой имперских путей сообщения не имеет. Установление «самых тесных сношений» с высоким комиссаром равносильно отдаче под его контроль руководства внешней политикой, а вмешательство финансового и юридического комиссаров явится нарушением прав парламента и правительства. Адли, наконец, отвергает статью о Судане, так как она не дает Египту гарантии его суверенных прав над этой страной и, в частности, над водами Нила²⁾.

Что теперь оставалось делать, когда даже умеренный Адли, политический противник Заглула, отказался провести в жизнь проект Милнера? Хуже всего было то, что Адли-паша, поссорившийся с Заглулом и все же не добившийся ничего своей «умеренностью», дискредитировался в глазах его собственных сторонников и мечтал уже об отставке. 17 ноября³⁾. Алленби пересылает Керзону коллективное мнение всех четырех английских советников о том, что без признания независимости Египта невозможно никакое решение; дальнейшее же сохранение протектората «повлечет за собой серьезный риск революции по всей

¹⁾ Полный текст дается в «Египте», № 4 (1921 г.), документ № 1.

²⁾ «Египет», № 4 (1921 г.), документ № 2.

³⁾ Все последующее изложение основано на документах, содержащихся в Переписке о делах Египта («Белой книге»), «Египет», № 1 (1922 г.).

стране и административный хаос». Алленби и советники, повидимому, думали, что Керзон имеет намерение, после неудачной попытки с Адли, окончательно махнуть рукой на всякие проекты соглашения с Египтом и продолжать править им при помощи осадного положения. Они, зная своего Керзона, вероятно, не на много ошибались, но Керзон весьма обиделся и велел им изучать его проект договора, обещая, однако, переслать в скорости ноту к султану, которую Алленби сможет передать ему, а также в печать вместе с проектом договора и ответом Адли, дабы публика знала, на какие «великодушные» уступки английское правительство готово было пойти, и не истолковывало его намерений ложно. Такая нота (судя по стилю, составленная самим Керзоном) была, действительно, переслана Алленби, который вручил ее 3 декабря. В ней выражается сожаление по поводу поведения Адли, отвергшего проект, ибо он «чрезвычайно либерален и чреват большими результатами» и, кроме того, он составлял окончательную и последнюю позицию Англии, с которой она никогда не сдвинется. Мы увидим ниже, как Англия все-таки сдвинулась с места, как она уже сдвигалась не раз до этого, а покамест отметим, что, совершенно в унисон с керзоновской манерой, главное место нота отводит изображению тех благ, которые Египет получил от Англии до и во время войны, и доказательству того тезиса, что Египет без теснейшего сожительства с Англией осужден на гибель. С тем же тактом нота указывает на совершенную необходимость энергичной борьбы со смутьянами из левого лагеря националистов, как условие дальнейшего преуспевания Египта, и выражает сожаление и удивление по поводу того, что английские войска и английские советники рассматриваются со столь малой симпатией египетским народом. Нота заканчивается выражением неизменного благоволения английского правительства к египетскому народу и предложением «ответственным» вождям его доказать свой национализм принятием английского проекта ¹⁾.

Эта нота произвела в Египте фурор, но не тот, которого в своем безграничном политическом тупоумии ожидал Керзон. Все общественное мнение Египта опять взволновалось, и повсюду стали устраиваться митинги и демонстрации протеста. При этом происходили стычки с полицией, и полиция не раз подвергалась нападениям и забрасыванию камнями. На 20 декабря Заглул назначил большое собрание, которое Алленби нашел нужным запретить. В ответ Заглул напечатал в прессе открытое письмо, в котором с убийственной иронией охарактеризовал этот акт высокого комиссара «началом новой эры британской политики». Одновременно, по случаю приезда из Лондона одного из сподвижников Заглула, Каир был сценой огромной демонстрации, в которой принял участие и сам Заглул. В тот же вечер Алленби издал указ, запрещающий Заглулу заниматься впредь политикой, а его главных сподвижников, включая вновь приезжего, отдавал под домашний арест. На этот новый акт самодурства Заглул и его товарищи ответили манифестом,

¹⁾ Текст этого нахального и лицемерного документа читатель найдет в упоминавшемся выше сборнике «Египет», № 4 (1921 г.).

заявляя, что они назначены волей народа отстаивать его права и поэтому не уйдут со своих постов. На следующий же день все они были арестованы и отправлены в Суэц для ссылки на о. Цейлон, на котором некогда был интернирован Араби-паша!

Керзон, узнав о случившемся, всецело одобрил действия braveго генерала, указывая лишь, что, может быть, на Цейлоне не найдется удобного места для интернирования преступников и что в таком случае их придется отвезти на один из Сешельских островов на Индийском же Океане. Но в Египте повторилась прежняя история: опять демонстрации и расстрелы беззащитных демонстрантов на улицах Каира и об'явление усиленного осадного положения. В Александрии и Танте — то же самое. 23 декабря туземные адвокаты об'явили забастовку, на улицах появились баррикады, железнодорожный путь в окрестностях был разобран, а на следующий день началась забастовка в школах и в правительственных учреждениях. Весь Нижний Египет был охвачен сильным волнением, характеризовавшимся кровопролитными схватками с полицией и войсками, забастовками, демонстрациями, распространением революционных листовок и т. д. 25-го кабинет Адли вышел в отставку, и забастовка школ и правительственных чиновников стали всеобщими. В Каире — множество убитых и раненых от руки расвирепевшей солдатчины и еще больше арестованных. В Александрии, несмотря на прибытие английских военных судов, — те же сцены уличных боев и кровопролития и те же массовые аресты. Даже в зоне канала, в Порт-Саиде, движение достигло таких угрожающих размеров, что управление городом было передано военным властям. В толпы демонстрантов стреляют залпами; это имеет место и в Суэце. Во все порты прибыли английские военные суда, а в Верхний Египет послана целая флотилия с пулеметами. Там также происходят массовые аресты. 26-го декабря на улицах Каира работают уже броневики с убийственным эффектом, но забастовки школяров, студентов и чиновников продолжают. В нескольких местах воздвигнуты баррикады, и на политическую арену выступает Аль-Азхаровский университет. Во всех других городах продолжают выступления, и производятся жестокие расправы. Работают также и аэропланы. Лишь 27-го Алленби сообщает в Лондон, что положение стало лучше, хотя школы еще бастуют. Чиновники, однако, вернулись на свои посты.

Так Египет ответил на провокационную ноту Керзона и на мудрые распоряжения высокого комиссара. После всех усыпительных и сладких заверений Мильнера и Керзона новая вспышка революционного настроения египетского народа явилась совершенной неожиданностью и еще раз смешала карты оккупантов.

ГЛАВА XXV

«НЕЗАВИСИМОСТЬ»

Мы стоим на поворотном пункте в истории национально-освободительного движения Египта, и для того, чтобы правильно оценить дальнейший ход его, нам необходимо немного вернуться назад.

В последний раз, когда мы говорили об экономическом состоянии Египта, мы дошли до периода, непосредственно следовавшего за окончанием мировой войны ¹⁾. Мы видели, что цены на хлопок, этот основной фактор благосостояния страны, поднялись на невероятную высоту, но что рядом с этим сильно возросли и цены на предметы потребления, вследствие чего, одновременно с необыкновенным благополучием помещиков и банков, положение других слоев населения стало в высокой степени критическим. С весны 1920 года конъюнктура круто меняется. В Лихорадочная после-военная деятельность ланкаширской хлопчатобумажной промышленности стала замедляться, ланкаширские банки резко сокращают кредит, и египетский хлопковый рынок, зависящий почти всецело от Ланкашира, получает сильный удар. Еще в феврале цена хлопка стояла на головокружительной высоте 187 долларов, но уже в марте цена упала до 137 долларов, в августе — до 124 долларов, а 31 декабря она достигла невероятной цифры в 31 доллар. В новом, 1921 году положение стало еще хуже, в феврале хлопок продавался за 20 долларов кантар, потом немного поднялся, но к маю едва добрался до 27 долларов. Было высчитано, что в то время, как в 1919 году ценность хлопкового урожая составляла не менее 100 милл. долл., тот же урожай в следующем году едва достигал четверти этой суммы. Разорились помещики, разорились арендаторы, уплатившие им высокую арендную плату, разорились и импортеры, которые в расчете на высокую конъюнктуру навезли товаров на общую сумму в 100 милл. фунтов (по сравнению с 47,4 милл. в предыдущем) ²⁾. Вместе с тем, однако, цены на продукты потребления продолжали расти и достигли в ноябре 1920 года уровня втрое выше довоенного. С тех пор они стали падать,

¹⁾ См. выше, стр. 257—259.

²⁾ Кризис описан в докладе английского коммерческого агента в Каире Маллока за 1921 год («Report on the Economic and Financial Situation of Egypt»), стр. 5—8 и «Египет», № 2 (1921 г.), стр. 19—20.

так что средний их уровень в 1921 году составлял 213 по сравнению со 100 накануне войны ¹⁾.

Нужно оказать справедливость английским правителям: они энергично вмешались и рядом мер, согласованных с производителями, пришли на помощь хлопководам. Декретом от 7 декабря 1920 года площадь посева хлопка была ограничена на будущий сезон одной третью площади предыдущего года; остальная площадь должна была быть отведена под культуру хлебных злаков. Для стабилизации цен правительство стало покупать у мелких производителей их хлопок небольшими партиями, не свыше 100 кантаров, по ценам, еженедельно устанавливаемым в соответствии с колебаниями рынка; тем же мелким производителям Сельско-хозяйственный банк был уполномочен, несмотря на закон о пяти фелданах, авансировать суммы, необходимые для поддержания хозяйства. Одновременно были учреждены комиссии для пересмотра арендных цен, которые действительно были во многих случаях снижены на 30 и более процентов. Крупным помещикам правительство через национальный банк разрешило выдавать ссуды из 7% в размере 10—15 долларов на кантар под обеспечение их хлопковых запасов ²⁾. Этими и другими мерами правительству, несомненно, удалось принести существенную помощь народному хозяйству.

Экономические кризисы, как известно, не всегда ведут к обострению политических антагонизмов. Очень часто они, напротив, ведут к ослаблению их там, где правительственная власть проявляет себя в качестве общественной силы, выступающей на борьбу с последствиями их. В данном случае англичане поступили особенно умно тем, что пригласили к себе на помощь объединения хлопководов и, таким образом, создали действительную смычку между собой и помещиками, не забывая при этом и феллаха, который весной 1919 года показал себя опасной революционной силой. Это сотрудничество не могло пройти без следа для обеих сторон. Феллахи, придавленные нуждой и встречая некоторую помощь со стороны правительства, заметно успокоились и больше уже не принимали участия в революционном движении. Крупные и даже средние землевладельцы, не отказываясь от своих политических лозунгов, вместе с тем стали отстраняться от загулистов и оказывать на них умеряющее влияние. Со своей стороны, и английские правители, учитывая благоприятный момент, стали склоняться к мысли о необходимости безотлагательно ликвидировать затянувшийся кризис путем некоторых уступок тем умеренным элементам, которых они так долго искали и сейчас, наконец, нашли в достаточно большом числе, чтобы составить противовес более крайним элементам. В результате получилась обстановка, которая заметно благоприятствовала компромиссу. В декабрьском движении мы уже не встречаем ни феллахов, ни пашей в сколько-нибудь массовом масштабе, а видим, главным образом, интеллигенцию, включая профессиональные классы, и чиновничество. Оттого оно приняло ха-

¹⁾ Доклад Маллока за 1920—1921 гг., стр. 29 и его доклад за 1921—1922 гг., стр. 27.

²⁾ См. указанные выше два доклада коммерческого агента.

рактер острой вспышки, за которой вскоре последовало сравнительное успокоение. Сами лозунги стали значительно уже и, пожалуй, реакционнее. Показательно в этом смысле было большое собрание, устроенное заглулистами ¹⁾ в Каире 23 декабря: на нем присутствовали и дамы и духовенство, и вступлением в порядок дня служило чтение стихов из Корана, закончившееся здравицей «султану и народу». Принимая во внимание, что султан занимал египетский трон по милости англичан и при поддержке английских штыков и что самый его сан был своего рода символом английского протектората, читатель поймет, что такой акт со стороны заглулистов был весьма знаменателен. Интересно дальше отметить, что принятые собранием четыре резолюции содержали в себе протест против ссылки Заглула и требование отмены военного положения, обнародования конституции «в согласии с желаниями народа» и посылки делегации в Лозанну и — ни единого слова об эвакуации и упразднении протектората! В заключение собрание выбрало депутацию, которая отправилась к султану с изъяснением своей лояльности и изложением требований собрания ²⁾. С этого момента между националистами Вафда и Фуадом начинается политическое сотрудничество, которое было характерно и довольно полезно для обеих сторон. Со стороны Вафда оно означало признание, по крайней мере, одного из институтов, связанных с английским протекторатом; со стороны Фуада, который до сих пор ни персонально, ни политически не пользовался никаким престижем, это означало признание значения национального движения как будущей силы, на которую монархии полезно будет опираться. Сама же смычка между обоими являлась приближением к английской точке зрения, усматривавшей в султанском троне одну из опор английской власти, а в верноподданническом Вафде — залог возможного компромисса.

Неудивительно, что Алленби и его советники, подавляя свирепой рукой всякое неповиновение английской власти, в то же время осторожно нащупывали почву для такого компромисса. Для этого они прежде всего старались убедить в необходимости и неизбежности его своих же Керзонов и Черчиллей, которые по существу, а не только по форме, были гораздо непримиримее националистов. Мы видели, как уже 17 ноября английские советники на египетской службе отстаивали перед своим начальством в Лондоне необходимость пойти навстречу основным требованиям заглулистов ³⁾. Они старались тогда еще объяснить Лондону,

¹⁾ В это время они становятся более известными под фирмой «Партия Вафда», т. е. националь ой делегации.

²⁾ Несколько странно, что в английской прессе об этом собрании нигде не было сообщено, но отчет о нем мы нашли в «Журналь де Деба» от 4 января 1923 года.

³⁾ Программа «ватанистов» была гораздо радикальнее заглулистской. Содержа такие пункты как немедленная и полная эвакуация даже из зоны Суэцкого канала, отказ от всяких переговоров с англичанами, созыв Учредительного Собрания и т. д. Характерно, что как заглулисты сближались с султаном так ватанисты сближались с б. хедивом Аббасом-Хильми некогда покровительствовавшим Мустафе-Камелю, и склонялись к панисламизму. Они черпали себе поддержку, главным образом в рядах ремесленников и рабочих, но были гораздо слабее Вафда. Из их рядов вышли первые террористы.

что какие бы то ни было попытки игнорировать национальные стремления египтян обречены заранее на неудачу, ибо «нет никакой возможности осуществлять английский контроль без сотрудничества египтян во всех отраслях управления»; военная же власть «никогда не сможет занять место сложного механизма гражданского управления и предупредить серьезный ущерб финансовым и экономическим интересам»¹⁾. Это было писано еще до того, как забастовка чиновников в связи с посланием Керзона еще раз воочию показала английским советникам невозможность управлять страной без чиновников. Три дня после вручения этого злополучного послания Алленби решается поэтому предложить своему шефу героическую меру, возможность осуществления которой подсказывалось ему, повидимому, изменившимся настроением среди крупных помещиков и крестьян. По его мысли, проектируемые реформы могли бы быть октроированы односторонним актом английского правительства, а в самом Египте можно было бы найти такое правительство, которое приняло бы их и провело бы их в жизнь, не вступая покамест ни в какие договоры с Англией по волновавшим египетское общественное мнение вопросам. Очевидно, Алленби думал, что в Египте сейчас нетрудно было бы найти правительство, которое, при данном состоянии общественного мнения, могло бы рискнуть принять из рук Англии дар формальной независимости и суверенности, выработать конституцию, создать министерство иностранных дел и даже созвать парламент, не связывая всего этого с вопросом об удалении оккупационных войск, об отмене военного положения и о Судане. С другой стороны, Алленби верил, что эти политические уступки внесут дальнейший элемент примирения в отношения основных классов египетского общества к английскому владычеству и тем создадут условия, при которых когда-нибудь удастся миролюбиво разрешить и эти вопросы, не форсируя их разрешения немедленно же. Это была довольно рискованная ставка на моральные результаты нового экономического сотрудничества, так как, по существу, египтяне должны были получить цену за эквивалент, которого они еще не давали и даже не обязывались еще давать. Неудивительно, что Керзон вначале опешил и поспешил ответить, что таких вещей нельзя делать, так как он палате обещал, что без ее согласия не произойдет никакой перемены в политическом статусе Египта. Через несколько дней, однако, Алленби повторил свой проект, указывая, что правительство Адли уходит в отставку, и что можно было бы воспользоваться случаем, чтобы создать новое подставное министерство, которое пошло бы на такую процедуру. Алленби даже назвал кандидатов в новые премьеры в лице некоего Саруата-паши, который был в составе кабинета Адли и, повидимому, принадлежал к его интимным друзьям. Выступление Заглула, его высылка и дальнейшие события, развернувшиеся в связи со всем этим, прервали на время эту переписку, но, зная теперь планы Алленби, мы вправе заподозрить, что и репрессии, с которыми он обрушился на Заглула и его партию, имели своей целью устранить оппозицию более крайних элементов. Иначе

¹⁾ См. приведенный выше сборник «Египет», № 1 (1922 г.), стр. 5—6.

было бы действительно трудно объяснить эту провокацию среди забот о создании компромиссного решения. Во всяком случае переписка на эту тему возобновилась лишь через месяц, когда Алленби, очевидно, переговорив с кем следует, 12 января сообщил Керзону, что Саруат готов хотя бы и сейчас образовать «сильный» кабинет и провести его план, буде на то последует согласие английского правительства. «Если,— предупреждал Алленби,— надежды Египта и на этот раз будут обмануты, то не только не представится больше возможности создать какой бы то ни было египетский кабинет, но я просто отчаиваюсь в будущем страны, ибо она впадет в состояние чередующихся восстаний и репрессий... и конец будет тот, что либо нам придется аннексировать страшно враждебно настроенную к нам страну и управлять ею при помощи военной силы, либо просто капитулировать»¹⁾.

Алленби на этот раз, однако, не довольствовался увещеваниями и общими пожеланиями, а сделал конкретное предложение обратиться к султану с новой нотой следующего содержания: выражая крайнее сожаление по поводу тех извращенных толкований, которым подверглась предыдущая нота от 3 декабря, и возобновляя заверения, что, предлагая создание советников и другие меры, английское правительство не руководилось никакими задними мыслями, а искренно желало и желает видеть Египет независимым и суверенным, заявить султану, что английское правительство, пользуясь наступившим, благодаря мудрости египетского народа, успокоением, готово предложить английскому парламенту, не дожидаясь заключения договора, отменить протекторат и признать Египет независимым и суверенным государством. Нота должна дальше прибавить, что английское правительство не будет возражать против немедленного создания министерства иностранных дел и создания парламента с ответственным министерством и отменит военное положение, как только проведен будет акт, снимающий с властей ответственность за действия их в период военного положения, и даже приостановит, если это нужно будет для выборов, действие военных законов еще до проведения такого акта. Нота должна только указать, что когда все перечисленные реформы будут проведены, английское правительство дружеским образом обсудит с Египтом вопрос о заключении разных соглашений касательно безопасности имперских путей сообщения, защиты Египта от иностранной агрессии, охраны интересов иностранцев и меньшинств и, наконец, Судана²⁾.

Это был, как читатель легко может видеть, тот же проект Керзона, но поставленный вверх ногами: Египту давалось авансом то, что должно было явиться в результате принятых им на себя обязательств. Правда, до тех пор, пока он не примет на себя этих обязательств, военное положение, оккупация и хозяйничанье англичан в Судане должны были продолжаться, от чего и сама «независимость» вместе с парламентом и ответственным министерством получала довольно-таки иллюзорный характер. Но легко видеть, что, не удо-

¹⁾ «Египет», № 1, (1922 г.), стр. 20.

²⁾ Там же, стр. 20—22.

влетворяя националистов крайне-левого фланга вроде Ватана, такая программа легко могла привлечь на свою сторону более умеренные элементы даже из лагеря заглулистов. В то же время она давала англичанам все необходимые материальные гарантии, обеспечивавшие им не только власть даже при независимости и конституции, но и благоприятное для них решение интересовавших их вопросов в окончательном счете.

Лорд Керзон не мог решиться на такую крайнюю меру уступчивости: действительно ли положение было так безвыходно, что требовались такие жертвы? 18 января он ответил Алленби, что хотел бы получить освещение положения из первых рук, для чего полезно было бы двум из советников приехать в Лондон для личного доклада. Алленби довольно едко ответил, что все советники всецело разделяют его мнение и ничего нового не прибавят к тому, что он сам уже неоднократно излагал. «Я должен еще и еще раз указать правительству его величества, — добавил Алленби, — что оно должно будет отказаться от надежды найти в каком-либо слое общества, в какой-либо партии или исповедании группу египтян, готовых сотрудничать с нами, если мой план будет отвергнут».

Очевидно, Алленби очень уж спешил. Как раз в этот момент началось движение в пользу бойкота англичан и разрыва всяких сношений с ними по образцу гандиевского «не-сотрудничества» — движение, явно несостоятельное в данный момент, но открывавшее двери социальному остракизму, которого египетские паши боялись больше всего на свете. Алленби поспешил убрать главных вождей его и арестовать авторов манифеста, выпущенного с призывом к бойкоту от имени Вафда, равно как и конфисковать все газеты, которые его перепечатали ¹⁾. На этом движение и остановилось, но оно все же служило симптомом беспокойного состояния египетской общественности, которое в любой момент могло опять принять острые формы. В это же время начались и индивидуальные акты террора против английских чиновников и офицеров: первый такой акт произошел еще в декабре за несколько дней до выступления и ареста Заглула, а начиная с февраля 1922 года, они стали учащаться и принимать чрезвычайно дерзкие формы. Англичане подстреливались на улицах среди белого дня, в их рестораны и автомобили швырялись бомбы, и при этом авторам покушений удавалось неизменно спастись, и не находилось человека, который бы их выдавал или сообщал полиции какие-нибудь сведения о них. Забегая несколько вперед, отметим, что в течение 1922 года было совершено на улицах Каира не менее 14 покушений, при чем были убиты один солдат и четыре чиновника ²⁾. За один день, 20 февраля, было совершено три покушения на английских чиновников, из коих один был убит. Конечно, сам по себе этот террор был симптомом скорее разложения, нежели усиления революционного движения; и действительно, одновременно с его ростом прекращаются массовые формы этого движения, которое,

¹⁾ «Египет», там же.

²⁾ «Таймс», 2 января 1923 г.

можно сказать, со вспышкой в декабре 1921 года приходит к концу. Англичане так и рассматривали террор, как заключительный аккорд египетской революции: но он был тем не менее весьма неприятен, и первые его эпизоды в конце 1921 и начале следующего годов толкали Алленби к скорейшей ликвидации ненормального положения.

Керзон дал ответ лишь через 12 дней, 24 января, в том смысле, что он, конечно, вполне согласен с Алленби, только — как же можно дать египтянам все, чего они хотят, не получая ничего взамен? Четыре дня спустя он опять телеграфирует Алленби, на этот раз прося его самого приехать в Лондон для личного доклада, но вместе с тем поручая ему перед отъездом опубликовать коммюнике, в котором было бы повторено, что Англия никогда не думает отказываться от своей «либеральной» политики или под видом искомых гарантий свести предлагаемые свободы на-нет, а что ее политика основана на готовности предложить парламенту отмену протектората, признание независимости и суверенности Египта, создание египетского парламента и восстановление самостоятельного министерства иностранных дел при условии получения надлежащих гарантий, обеспечивающих безопасность имперских путей сообщения и т. д. ¹⁾.

Очевидно, Керзон ничему не хотел научиться и ничего не мог забыть: соглашаясь «принципиально» с Алленби, он все же возвращается к своей старой формуле, которая была так демонстративно отвергнута в декабре. Но разве гордому вершителю судеб Британской империи подобает обращать внимание на мнения каких-то «туземцев»? Интересно то обстоятельство, что Алленби, извещая о своем выезде, вместе с тем сообщает без всяких протестов о том, что он публикует заказанное ему коммюнике, точно оно не шло в разрез со всей его собственной политикой!

Надо полагать, что Алленби, не вступая в полемику и беспрекословно исполняя нелепый приказ своего шефа, руководствовался желанием поскорее добраться до Лондона, где, повидимому, он надеялся на успех своей программы. Действительно, в самой Англии новая декларация Керзона, напечатанная и в английской прессе, встретила всеобщее осуждение. Даже «Таймс» сознался, что «не понимает политики правительства, которое вызывает Алленби в Лондон и тут же выпускает бесцельные и безвкусные декларации, которые наносят сильный ущерб его работе». Днем позже та же газета констатирует, что «провал переговоров с Адли-пашой и недавние официальные декларации английской политики рассматриваются повсюду, как указание на решение Англии управлять Египтом при помощи силы» ²⁾. Из этого одного уже можно было заключить, что общественное мнение Англии было на стороне Алленби. И действительно, с первого же момента своего пребывания в Лондоне он встретил необыкновенно хороший прием в прессе, и когда 17 февраля появилось официальное сообщение о том, что переговоры Алленби с правительством привели к «полному соглашению», то всеми

¹⁾ «Египет», там же, стр. 26—27.

²⁾ «Таймс» от 6 и 7 февраля 1922 г.

оно было истолковано, как победа Алленби и поражение Керзона (и его коллеги Черчилля).

Публика не ошиблась. На другой же день Алленби уезжал обратно в Египет, увозя с собой в кармане текст декларации с нотой султану, из коих последняя повторяла слово в слово проект Алленби от 12 января с одним только прибавлением, а декларация всецело осуществляла его программу. Указанное прибавление в виде заключительного абзаца гласило: «Теперь очередь за Египтом сказать свое слово, и надо надеяться, что он по достоинству оценит благие намерения Великобритании, и что не страсти, а разум определяют его отношение». А чтобы ни у кого не оставалось сомнения относительно того, кто сделал эту вставку, этому документу предпосылается в сборнике, где он опубликован, текст сопроводительного письма Керзона к Алленби, которое заканчивается следующими словами, ярко отражающими всю напыщенность и колонизаторское высокомерие автора: «Правительство убеждено, что египетский народ окажется достойным независимости, которую он сейчас получил, и докажет употреблением, которое он из нее сделает, что оказываемое ему доверие не было напрасным»¹⁾. Как будто напыщенными фразами можно было скрыть, что Керзон со своей политикой самым плачевным образом провалился!

Что же до декларации, то она гласила текстуально так:

«Исходя из того, что правительство его величества, согласно провозглашенным им ранее намерениям, желает немедленно признать Египет независимым и суверенным государством, и что отношения между правительством его величества и правительством Египта имеют существенную важность для Британской империи, ныне декларируются нижеследующие принципы: 1) британский протекторат над Египтом упраздняется, и Египет объявляется независимым и суверенным государством, 2) как только правительством его высочества (султана) будет издан акт о снятии ответственности для всех жителей Египта, осадное положение, провозглашенное 2 ноября 1914 года, будет снято, 3) нижепоименованные вопросы остаются в безусловной и неограниченной компетенции правительства его величества впредь до того времени, как возможно будет, по свободном обсуждении и при дружеском согласии, заключить по ним соглашения между правительством его величества и правительством Египта: а) безопасность сообщений Британской империи на территории Египта, б) защита Египта от всякой иностранной агрессии и прямого или косвенного вмешательства, в) охрана иностранных интересов и защита прав меньшинств в Египте, г) Судан. Впредь до заключения таких соглашений статус кво по этим предметам остается без изменений»²⁾.

¹⁾ «Египет», там же, стр. 27—29. Тут же и декларация.

²⁾ Быть может, не излишне будет для нас еще заметить: безопасность сообщений имеет касательство не только к Суэцкому каналу, но и к железной дороге в Судан, а также к египетским портам, служащим местами стоянки для военного флота Англии под защитой от иностранной агрессии или иностранного вмешательства имеется в виду не только своего рода доктрина Монро для Египта, но и предупреждение каких бы то ни было соглашений Египта с иностра-
ными государствами, которые могут создать для последних какое-либо привилегиро-

Мы привели текст декларации сполна, потому что она представляет исторический документ — ту хартию вольностей, на которой покоится и по сей день внешний и внутренний режим Египта. 28 февраля состоялось торжественное обнародование ее одновременно со вручением сопроводительной ноты султану, а уже на следующий день Саруат появился на сцену со своим кабинетом, в котором он получил портфель внутренних и иностранных дел. Судьбе угодно было, чтобы как раз в этот день в Каире получилось известие о том, что Заглул выехал на английский судне из Адена на Сешельские острова, и публика сразу пришла в волнение. Учащаяся молодежь и адвокатура, по обыкновению, объявили забастовку, а в Танте состоялись уличные демонстрации, которые окончились обычным же расстрелом невооруженной толпы войсками. Из разных мест поступали телеграммы с протестом против декларации и кабинета Саруата и требованием освобождения Заглула. На этом, однако, дело и кончилось. Прессе было запрещено даже упоминать имя Заглула, а тем более печатать протесты против декларации и кабинета. Кое-кто был арестован, и хотя в Сараута была брошена бомба, однако большого резонанса от этого не получилось. В отчаянии Вафд посылал телеграммы и протесты за границу, но и оттуда не получилось никакого отклика. 6 марта состоялось уже назначение туземцев на посты товарищей министров, до сих пор замещавшихся англичанами, и тогда же состоялось первое заседание под председательством султана, на котором финансовый советник впервые отсутствовал¹⁾. Наконец, 16 марта, при громе пушек, состоялась пышная церемония официального провозглашения Египта «независимым» королевством, при чем султан принял титул короля²⁾. Египет был «свободен»... под английской оккупацией!

важное положение; наконец, охрана иностранных интересов значит охрана интересов египетских бондхолдеров и различных финансовых и торговых институтов, обеспечившихся в прошлом какими-нибудь привилегиями, а защита прав меньшинств означает защита прав иностранных колоний. С таким конкретным содержанием английский империализм представлял и продолжает представлять себе «суверенность» и «независимость» Египта.

1) «Таймс» от 7 марта, телеграмма каирского корреспондента.

2) Накануне английское правительство и вестило о грядущем событии циркулярной нотой иностранным державам. Вводные абзацы этой ноты те лишены интереса. В них говорится, что в начале войны, по случаю вмешательства Турции, Египту угрожала опасность, и английское правительство «взяло его под свое покровительство». С тех пор, однако, положение изменилось: Египет вышел из войны, целым и невредимым, и поэтому правительство «его величества, после серьезного размышления и в согласии со своей традиционной политикой, решило отменить протекторат» и т. д. Ссылка на традиционную политику совсем не так плоха, как кажется: Англия всегда уступала силе. Нота извещает затем державы, что Египет отныне является независимым и суверенным государством в своих внешних сношениях, но что специальные интересы Англии еще будут оговорены в особых соглашениях и послужат основой в будущем для определения взаимных отношений обеих стран. Английское правительство, предупреждает нота, «не допустит, чтобы какая-нибудь другая держава поставила их (эти отношения) под знаком сомнения или сделала предметом дискуссии и в согласии с этим принципом, будет рассматривать как недружественный акт, всякую попытку другой державы вмешаться в дела Египта и всякую агрессию против территории Египта — как акт, подлежащий отражению всяческими средствами». Эта нота издана отдельным выпуском под

В Египте отныне начинается полоса довольно искусного внедрения в жизнь английской программы, прерываемой лишь террористическими актами против отдельных лиц и беспощадным, но вместе с тем и довольно безнаказанным подавлением агитации Вафда. Достаточно для наших целей выхватить несколько отдельных и наиболее характерных моментов. 4 апреля была назначена комиссия из 35 членов под председательством Руши-паши для выработки конституции. Работы ее протекали в довольно бурной обстановке. С англичанами у нее возникла большая борьба из-за титула короля: должен ли он называться королем Египта и Судана или только королем Египта? Комиссия настаивала на первом, англичане же протестовали, указывая, что титулом «Египта и Судана» предпринимался вопрос, который был резервирован ими для более позднего обсуждения. Такую же острую борьбу пришлось комиссии вести с королем, который требовал себе особых прав в религиозной области, в том числе в области вакуфов, т. е. имущества и денежных средств религиозных организаций и учреждений, а также конституционных прерогатив в форме законодательного вето и назначения членов верхней палаты и т. д. Доклад комиссии был готов лишь во второй половине октября и был представлен кабинету. Король все же получил титул короля Египта и Судана, но с сомоновой мудростью комиссия внесла в проект примечание, гласившее, что «хотя Судан и принадлежит Египту, но настоящая конституция не применяется к нему, и для него будет выработан особый режим». Согласно проекту парламент состоит из двух палат, при чем верхняя — сенат — из 100 членов, из коих 30 назначаются королем. Король управляет через своих министров, которые ответственны перед парламентом. Король, однако, получает право вето по образцу президента Соединенных Штатов и может распускать парламент. Проект специально предусматривал пересмотр парламентом всего законодательства, изданного со времени прекращения функционирования Законодательного Собрания, и упразднял всякую цензуру и административное воздействие на прессу, кроме как в случаях объявления военного положения¹⁾. Проект явно носил следы всевозможнейших компромиссов между различными влияниями: англичан, короля и боязни Вафда. Он не удовлетворял никого и был сдан кабинету для ре-визии, чем кабинет был поставлен в весьма тяжелое положение, привед-

маркой: «Египет», № 2 (1922 г.). Любопытно отметить, что в предпосланном тексту ноты списке держав, которым надлежало английским представителям за границей вручить ее, отсутствовала РСФСР (как мы тогда еще назывались), несмотря на то, что мы уже состояли с Англией тогда в «фактических» отношениях. Лишь после того, как тов. Карахан, заместитель Наркома, осведомился в разговоре с г. Ходжсоном, английским официальным агентом, о судьбах Египта, она ему через некоторое время была вручена. См. «Известия ВЦИК» от 27 апреля 1922 г., где она целиком и напечатана.

Свои собственные доминионы (но не Индию) английское правительство известило о предпринимаемом шаге одновременно с вручением декларации и ноты султану 28 февраля. Уже там упоминается, что английское правительство думает провозгласить своего рода доктрину Монро в отношении Египта и формулируется она в выражениях, которые потом дословно были воспроизведены в циркулярной ноте державам.

¹⁾ «Таймс» от 23 октября 1922 г.

шее в конце концов к его отставке. Но и без этого жизнь его была не особенно сладка, хотя он делал все возможное, чтобы угодить английским хозяевам. Одним из источников его забот был вопрос об английских чиновниках, которые уже заранее стали просить об увольнении и ставили очень остро вопрос о ликвидационных. Конечно, они очень высоко расценивали свои квалификации и считали, что их жестоко обидят, когда новый режим начнет замещать посты туземцами. Вычислено было, что по выработанному их комитетом проекту им придется уплатить ликвидационных до шести миллионов египетских фунтов¹⁾. Но еще большую заботу доставляли покушения на английских чиновников и военных, которые приводили в ярость оккупационные власти не только своим успехом, но и безнаказанностью. Алленби заставлял египетское правительство платить огромные компенсации пострадавшим и, в случае их смерти, их семьям, а в июне он обратился к нему с весьма строгой нотой предупреждения, что, ежели так будет продолжаться, то он примет свои собственные меры! ²⁾. Какие еще такие «собственные» меры оккупационные власти могли принять, сказать трудно, но бедный Саруат лез из кожи вон, чтобы оправдать доверие к себе ³⁾. В это время как раз пришло известие о болезни Заглула, носились даже слухи об его смерти на Сешельских островах, каирское общество пришло в сильное волнение. 18 июня к Алленби пришла депутация от дам с протестом против интернирования националистского вождя и с требованием его освобождения. Алленби сухо ответил, что освобождать Заглула он не намерен, но что если он действительно болен, то его переведут в другое, более здоровое, место ⁴⁾. Через несколько дней дамы устроили уличную демонстрацию, раз'езжая в экипажах, украшенных флагами с надписями в честь Заглула ⁵⁾. Тогда выступил на сцену комитет заглулистов с прокламацией, требуя освобождения своего вождя и возлагая ответственность за его участь на кабинет, который они одновременно осуждали за сотрудничество с английскими властями ⁶⁾. Среди подписавшихся под этой прокламацией в качестве членов Вафда было несколько человек, которые еще недавно, в январе, были интернированы на короткое время в английской казарме за публичное упоминание имени Заглула. Часть их были именитые копты, считавшиеся во времена Кромера лояльнейшими друзьями оккупации, и в том числе Моркос-Хонна-бей, председатель корпорации адвокатов, Вассиф-Гали-бей, сын убитого при Горсте премьер-министра Бутроса-паша, и др. Они были немедленно арестованы и преданы военному суду. Через два дня были арестованы еще четыре члена

1) «Манчестер Гардиен» от 7 августа, письмо из Каира.

2) «Морнинг Пост», 24 июня, телеграмма из Каира.

3) «Таймс» очень строго писал: «Необходимо строго внушить кабинету, что он обязан оправдать себя неуклонным исполнением своей задачи, и так как британское правительство передало ему ответственность за руководство Египтом в его путях к полной независимости, то он должен обращать особое внимание на обеспечение безопасности английских чиновников и английских жителей вообще» (переводница от 14 августа).

4) «Таймс» от 20 июня.

5) «Морнинг Пост» от 24 июня.

6) «Морнинг Пост», от 26 июня.

Вафда, а 30 июля, после обыска на квартире Заглула, во время которого армянки, агенты полиции, проникли на женскую половину, произведены были дальнейшие аресты, и сама квартира была закрыта и опечатана¹⁾. Дело разбиралось в середине августа, и обвиняемые были присуждены не более и не менее, как к семи годам каторги и денежному штрафу в 5.000 египетских фунтов каждый!²⁾ Со времени процесса в Деншаван английское правосудие не выносило такого дикого приговора³⁾. В тот же самый день было арестовано семеро других заглулистов, которые заняли освободившиеся вакансии в комитете партии.

Характерно, что на все эти возмутительные действия властей со стороны египетского общества, не говоря уже о народе, не последовало никакого активного протеста. Правда, вскоре Каир узнал, что Заглула переводится на другое место и 18 августа отправлен на английском военном судне в Гибралтар. Но если это известие оказалось достаточным, чтобы успокоить публику, то, очевидно, от революционного настроения осталось уже весьма мало. Неудивительно, что к этому времени и Адли-паша, которого заглулисты ненавидели не менее, чем самого Саруата, как большого поклонника англичан, осмелился выйти из своего добровольного затворничества и предстать перед общественным мнением как вождь новой группы «либеральных конституционалистов», стоявших на платформе «действительного и прочного соглашения с Англией для согласования жизненных интересов обеих стран»⁴⁾. Это неожиданное воскресение политического деятеля, который давно уже считался мертвым, было вдвойне знаменательно: оно означало, с одной стороны, что атмосфера значительно уже охладела по сравнению с предыдущим годом, и, с другой стороны, предвещало скорое падение кабинета Саруата, для которого англичане уже готовили смену. Действительно, положение кабинета становилось все запутаннее. Его прислуживание англичанам настолько дискредитировало его в глазах все еще национально-настроенного общественного мнения, что для самих его патронов он стал непригоден. С другой стороны, его очень не жаловал король, который находил для себя все более и более выгодным связаться с заглулистами, провозглашавшими на каждом шагу свою лояльность короне⁵⁾, и который

1) «Морнинг пост» от 26 и 31 июля.

2) «Таймс» от 15 августа.

3) «Таймс» имел еще мужество переложить ответственность за этот акт на... кабинет Саруата. В приводившейся выше передовице по поводу террора почтенная газета писала: «Кабинет Саруата вообще находится в ненормальном положении. В деле составления новой конституции, в рекламации прав Египта на Судан и в обращении с иностранными чиновниками кабинет Саруата далеко не внимательно считался с мнениями британского резидента. В то же время Саруат весьма охотно звал на помощь англичан для борьбы с его противниками, крайними националистами. На прошлой неделе несколько членов делегации Заглула судились по обвинению в мятеже не в египетском, а в английском военном трибунале... Было бы более нормально, если бы пр вительство, которое не в состоянии оградить безопасность англичан у себя на территории, проявляло, по крайней мере, умение расправляться со своими политическими противниками, а не возлагало ответственность за их суд на английскую армию».

4) «Таймс» от 29 августа.

5) Сам Заглул, уже находясь в Гибралтаре, заявил в интервью с корреспондентом «Таймса» по поводу слухов о его будто бы сношениях с б. хедивом: «Я —

встречал со стороны Саруата некоторое нежелание возвеличить конституционное значение короны за счет правительства. Сам Саруат считал свои дни сочтенными и поддерживал Адли-пашу, разрешив ему даже основать газету, чего он до сих пор избегал делать для кого бы то ни было. Из агитации Адли получилось очень мало: в один прекрасный день двое наиболее видных его друзей, некий Зуд-бей и Абдул-Разек-паша, были средь бела дня пристрелены, и весь комитет новой партии разбежался. Тем не менее Саруат продержался еще несколько дней после этого и 29 ноября вышел в отставку, провожаемый нелестными некрологами всей прессы. На смену ему пришел знакомый уже нам Тьюфик-Нессим-паша, который уже раз был премьером, когда миссия Мильнера уехала обратно в Англию.

враг всяких интриг и маневров, я служу своей стране в качестве политического деятеля, и я хочу подчеркнуть мою горячую верность царствующей королевской семье в Египте и в особенности личностям короля и наследника» («Т:ИМС», 23 ноября 1922 г.). Провозглашать, да еще в беседе с представителем газеты, которая в продолжение всей истории английской оккупации являлась самой яростной поборницей английского владычества в Египте, свои верноподданические чувства в отношении короля, посаженного на престол англичанами и поддерживаемого их штыками, было равносильно намеку, что «национальный» вождь Египта готов идти с ними на мировую.

ГЛАВА XXVI

ПРИХОД НАЦИОНАЛИСТОВ К ВЛАСТИ

Каковы были специальные квалификации нового премьера для его поста, не совсем ясно, но не лишено значения то обстоятельство, что в телеграммах английских корреспондентов из Каира нередко мелькало тогда указание, что Нессим-паша, находясь в дружественных отношениях с Вафдом, в союзе с ним подорвал положение Саруата. Исходя из соображения, что без согласия англичан Нессим не мог бы получить своего назначения, — это указание заставляет предполагать, что его основной квалификацией была именно его связь с заглулистами, и что англичане рассчитывали через него к ним приблизиться. Однако из этого политического эксперимента ничего не вышло. Нессим составил кабинет, не потрудившись даже огласить свою программу, и через две недели Вафд в особом сообщении в прессу уже обвинял его в бездействии, а немного позже открыто выступал с требованием его отставки. Его обвиняли в том, что он слишком поддается англичанам, что он не делает никаких усилий для того, чтобы добиться отмены военного положения и освобождения Заглула, и что он собирается предать страну по вопросу о Судане ¹⁾. Действительно, между ним и англичанами вскоре загорелась борьба по поводу пресловутой статьи проекта комиссии о Судане, которая закончилась тем, что Нессим решил выкинуть всякое упоминание о Судане в конституции. Англичане на это согласились, но пресса высказалась против этого в таких бурных тонах, что Нессим не нашел иного исхода из дилеммы, как 5 февраля подать в отставку ²⁾. Ясно было, что из этого заколдованного круга вырваться будет не легко, и действительно, в течение трех месяцев Египет оставался без кабинета. Адли опять пробовал выставлять свою кандидатуру в премьеры и на одном собрании даже выступил с своей программой, провозглашая принцип «единения и партийного мира» и формулируя ряд крайне прогрессивных требований вроде «устранения ограничений, тяготевших над прежними кабинетами в вопросе о Судане», обнародования конституции, отмены военного положения и т. д. Заглулисты немедленно выпустили манифест, обвиняя Англию в намерении навязать стране не-

¹⁾ «Журналь де Деба» от 26 декабря 1922 и «Таймс» от 23 января 1923 г.

²⁾ «Таймс» от 31 января и 6 и 10 февраля 1923 г.

навиистного пашу, и Адли опять отступил. Члены же Вафда, подписавшие манифест, были арестованы ¹⁾.

Свою неудачу с кабинетом Нессима англичане принялись совершенно открыто вымещать на заглулистах, с которыми они надеялись было через него подружиться. Указанной репрессии за оскорбительный манифест предшествовал привод всего комитета Вафда в британскую резидентуру, где членам комитета торжественно было объявлено, что отныне они будут персонально ответственны за общественное спокойствие и порядок в стране; и действительно, 5 марта комитет Вафда в его новом составе—третьем по счету—был арестован и интернирован по причине покушения на улицах Каира 27 февраля ²⁾, в котором он несколько не был повинен. В ответ появился новый манифест от Вафда, в котором говорилось, что сколько бы ни арестовывали его членов, всегда найдется им смена. За это новый состав заплатил в свою очередь ³⁾.

Положение становилось совершенно бессмысленным, и к этому прибавилось еще бессилие властей в борьбе с террором. Не будучи в состоянии словить хотя бы одного террориста, Алленби еще в начале января выпустил указ, по которому за несообщение свидетелями покушения имеющихся у них сведений о личности преступника или чинение препятствий к даче показаний против преступника виновники предавались военному суду и подвергались смертной казни ⁴⁾. Видно было, что английские власти совсем теряли голову и готовы были на самые нелепые меры. Тем не менее, и этот грозный указ не дал никаких результатов, и тогда Алленби прибег к другой мере: общины, окружи и города, которые не выдавали укрывшихся в них преступников, облагались тяжелыми штрафами в несколько сот, а иногда и несколько тысяч фунтов ⁵⁾.

Результатом этого сумасбродства было то, что среди самой английской колонии в Египте стала намечаться тенденция покончить со всей этой бессильной и бесславной канителью и искать выхода в сближении с Заглулом. 6 марта «Таймс» поместил на своих столбах необыкновенную корреспонденцию от своего сотрудника в Каире. Она гласила:

«Ввиду явного банкротства военного положения, выход может быть найден лишь в новой политической ориентации, — может быть, в предоставлении наблюдения за общественным порядком и спокойствием самому египетскому правительству. Если взяться за проведение такой

¹⁾ «Морнинг Пост» от 26 февраля и «Таймс» от 7 марта.

²⁾ «Тан» от 25 февраля и «Таймс» от 6 марта. Интересно отметить, что аресты произошли лишь по истечении шести дней после покушения. Как объясняет таймский корреспондент, причиной этого была надежда англичан, что заглулисты пойдут на компромисс с Адли, который в это время агитировал за свою кандидатуру. Так как этот компромисс не состоялся, то «правосудие» вспомнило о предупреждении, данном предыдущему комитету Вафда.

³⁾ «Морнинг Пост» от 8 марта.

⁴⁾ «Таймс» от 11 января.

⁵⁾ «Таймс» был весьма доволен этой мерой и с удовольствием отмечал (13 февраля), что «принятие законов военного положения сейчас суровее, чем когда бы то ни было прежде, не исключая, в некоторых отношениях, даже критических дней 1919 года». См. также «Морнинг Пост» от 12 февраля.

политики, то единственно возможным средством осуществить ее было бы, пожалуй, освобождение Заглула-паши, единственного египтянина, который достаточно силен, чтобы вдохновлять правительство, обладающее достаточной силой для поддержания порядка без поддержки англичан, путем военного положения. А отмена военного положения сейчас признается всеми желательной. Заглул-паша или правительство, поддерживаемое им, было бы также единственно способным дать то, что требуется для англичан, а именно, акт о погашении ответственности, компенсацию чиновникам и т. д. Было бы рискованным сказать, что указанная выше политическая линия будет сейчас же усвоена, но тенденция в эту сторону несомненно имеется».

Корреспондент, несомненно, выболтал секрет, с которым уже носились в высоких сферах английской резидентуры, но он хорошо сделал, что прибавил в конце оговорку: его сообщение вызвало большое негодование в Англии, и он сам должен был впоследствии дементировать свою информацию. Читатель увидит, что он был прав, но покамест англичане хотели попробовать еще один переходной кабинет, который провел бы незаметно указанную корреспондентом линию.

15 марта предстало перед египетской общественностью новое правительство, возглавляемое неким Ибрагимом-Иехия-пашой, до сих пор пребывавшим в двух кабинетах на скромных ролях министра просвещения. Оно так и назвало себя «переходным министерством» ¹⁾ и огласило программу, в которой фигурировало скорейшее проведение акта о погашении ответственности, для того, чтобы можно было отменить военное положение, затем издание конституции, выработка избирательного закона, выборы в парламент и созыв его. Видно было, что англичане решили ускорить темп с тем, чтобы скорее отделаться от военного положения и тем разредить тот клубок противоречий, в котором они запутались. Вместе с тем это означало, что они действительно не боялись уже больше осложнений даже со стороны заглулистов, которые, приняв монархию Фуада, несмотря на ее английское происхождение, уже с начала года не переставали требовать конституции и создания парламента, также предусмотренных в английской программе 28 февраля 1922 года ²⁾. Несомненно, между англичанами и заглулистами создался уже общий язык на почве того сотрудничества между английской властью и египетской поземельной и финансовой буржуазией, о котором мы говорили выше. 25 марта был сделан в этом направлении дальнейший шаг в виде приостановки процесса против последней группы заглулистов, арестованных за манифест 5 марта, а 31 марта Каир был охвачен сильнейшим волнением по случаю известия, что Заглул освобожден из Гибралтара по болезни и выезжает в Виши лечиться. Всякому ясно было, что это был лишь первый шаг к полной амнистии. Немного спустя был выпущен из тюрьмы ряд нотаблей и других общественных деятелей, арестованных в свое время

¹⁾ «Морнинг Пост» от 16 марта.

²⁾ Впервые это требование было выставлено в манифесте против Нессима в январе. (См. «Таймс» от 23 января 1923 г.). За учредительное собрание продолжала стоять одна партия Ватан.

за участие в выступлениях против предыдущего правительства, затем были освобождены члены Вафда «третьего созыва» и приостановлены штрафы, наложенные на города в связи с последними террористическими актами, и, наконец, были освобождены члены Вафда предыдущих призывов и отменено военное губернаторство в Каире.

Но это уже совпало с еще более важными мерами реформы. В начале апреля уже стало известно, что процесс согласования отдельных статей конституции между королем, англичанами и кабинетом подходит к концу, а в середине месяца официально было возведено публиче, что проект окончательно готов к подписанию королем. В тот самый день, когда было упразднено военное губернаторство в Каире, 19 апреля, конституция была подписана Фуадом при 101 пушечном выстреле ¹⁾. Содержание органического закона таково ²⁾.

Египет провозглашается свободным, суверенным и независимым государством с наследственной монархией и представительным правлением. Вся власть исходит от народа, но король присвоены законодательные функции совместно с сенатом и палатой депутатов. Король имеет право распускать парламент и раздает награды и ордена. Однако его власть осуществляется лишь через министров, которые ответственны перед парламентом, хотя и назначаются и увольняются формально королем. Парламент состоит из сената и палаты депутатов. Часть сената, в числе двух пятых его членов, назначается королем, а остальные три пятых выбираются на основе всеобщего избирательного права, в пропорции один депутат на 180.000 жителей, сроком на десять лет. Половина состава сената возобновляется каждые пять лет, и председатель его назначается королем. Палата депутатов выбирается на пять лет в пропорции один депутат на 60.000 жителей. Парламент утверждает бюджет, но не может изменить существующих международных обязательств. Королю присвоены исключительные прерогативы в религиозной области, включая назначение духовных лиц, и верховный надзор над религиозным имуществом. Ислам объявляется государственной религией, а арабский язык — государственным языком. Договорные права иностранцев остаются незатронутыми конституцией, которая, к тому же, относится лишь к Египту, не предвещая прав последнего в Судане. Соответственно этому титул короля будет окончательно установлен лишь по вырешении вопроса о Судане.

Нетрудно видеть, что «конституция», состряпанная за кулисами тремя поварами, вышла на редкость реакционной. Англичане отлично оградили свои права, король обеспечил себе положение, при котором его голос в законодательстве и администрации получал решающее значение, представители же «народа» получили минимум власти, совместимый с конституционными приличиями. Что означали слова, что власть исходит от народа, когда король заранее получал две пятых голосов в сенате и имел право отказаться утвердить любой законопроект? Сам сенат явно предназначался как противовес палате депутатов, так как,

¹⁾ «Таймс», 20 апреля 1923 г.

²⁾ «Таймс», 21 апреля 1923 г.

за исключением области налогов, он обладал с ней одинаковыми правами. Истинный характер конституции выявляется еще ярче в свете избирательного закона, опубликованного лишь две недели спустя, очевидно, с целью дать публике возможность досыта нарадоваться пустой побрякушкой конституции. По этому закону выборы в палату — двух-степенные: население выбирает не депутатов, а выборщиков, и лишь 30 выборщиков избирают депутата, который должен быть не моложе 30 лет. Выборы в сенат происходят еще сложнее: население выбирает выборщиков, каждые пять выборщиков выбирают делегата, и уже делегаты выбирают сенатора, который должен быть не моложе сорока лет и принадлежать к одному из высших классов: помещикам, чиновникам, духовенству (улемам) и свободным профессиям¹⁾. Однако избирательным правом пользуются все египтяне, достигшие 21 года, и подача голосов — тайная.

Ставка англо-египетских Сиейсов на союз монархии с сословием пашей и беев совершенно очевидна, и характерно, что Вафд, подвергая конституцию жесточайшей критике из-за статей, касающихся Судана, и из-за отсутствия упоминания о «свободах» (имеется в виду, главным образом, свобода от английской оккупации), ни словом не заикается о реакционном характере двухпалатной системы или избирательного закона²⁾, или прерогатив короля³⁾. Партия же Адли-паши совершенно откровенно приветствовала эту хартию египетских свобод, сожалея лишь о том, что оккупация не отменяется и что права Египта на Судан не признаны. Разница между заглулистами и сторонниками Адли-паши свелась, таким образом, к разнице в степени, а не в принципе. Тем не менее комитет Вафда был опять арестован, а с ним вместе несколько лиц из высшего общества. Это была последняя вспышка военного положения, ибо уже через полтора месяца, в середине июня, все арестованные были выпущены на свободу, а немного раньше остальные сподвижники Заглула были отпущены с Сешельских островов и получили право вернуться на родину. Само военное положение уже приблизилось к концу. 26 июня были изданы три закона по охране общественной тишины и спокойствия: закон о беспорядках и мятежах (весьма реакционный, дающий возможность местной власти суммарно провозгласить состояние «мятежа», вызвать войска и отдать приказ стрелять), закон о паспортах и закон о бродяжничестве. 5 июня был издан, наконец, акт о поташении ответственности властей за меры, предпринятые ими за время существования военного положения, который юридически и фактически амнистировал их, аннулируя также и целый ряд приговоров (исключая приговоры по убийствам или покушениям на убийство), вследствие чего до 300 человек сразу получили свободу, а Заглул получил право вернуться на родину. В тот же день было отменено и военное положение, просуществовавшее со 2 ноября 1914 г. «Осво-

1) «Таймс» от 1 мая 1923 года.

2) «Таймс» от 27 апреля и «Морнинг Пост» от 24 апреля 1923 года.

3) Корреспондент «Таймса» (от 4 апреля) прямо указывает на союз между королем и Вафдом в деле выработки тех статей, которые касаются прерогатив первого.

бождение» Египта было, таким образом, завершено. Оставалось лишь издать закон о компенсации выходявших в отставку или увольняемых со службы английских чиновников и назначить выборы в парламент: и то, и другое было сделано в августе. Вафд опять выпустил манифест, протестуя против закона о компенсации; правительство «хотело» применить к нему репрессии, но ограничилось «предупреждением» и указанием на существование закона о печати ¹⁾. Правовой порядок явно входил в свои нормы, да и само правительство чувствовало, что накануне выборов было бы рискованно подвергать аресту партию, которая до сих пор пользовалась наибольшей популярностью. Серьезнее был процесс, инсценированный против группы в 13 человек по обвинению в заговоре с целью убийства ряда английских чиновников, который возник еще в мае. Дело, повидимому, шло о членах террористического крыла партии Ватан, пойманных с какими-то таинственными бомбами не без участия самой полиции. По дошедшим до нас скудным отчетам трудно судить, действительно ли власти имели перед собой в лице подсудимых виновников прежних покушений, или же весь процесс был провокацией. Во всяком случае, 21 июля пятеро из них были приговорены к повешению, а остальные к тюремному заключению с принудительными работами на разные сроки. Как прелюдия к эре конституционной свободы, этот варварский процесс был, по меньшей мере, оригинален.

Сентябрь ознаменовался рядом важных событий, относящихся уже к новой главе египетской истории: в этом месяце начались выборы в первый египетский парламент, были назначены первые дипломатические представители за границей, а главное, в Египет вернулся, наконец, Заглул. Его приезд вызвал, конечно, величайшее ликование, и одно его присутствие фактически решило исход выборов. Он сам бросился с большим азартом в избирательную кампанию, выступая ежедневно на собраниях и в печати с громовыми обвинениями против англичан. Для него февральская декларация была хуже протектората, ибо ее целью было обмануть египетский народ. Он жестоко критиковал и конституцию, так как она не предоставляла народу никакой реальной власти, и требовал, чтобы будущий парламент аннулировал законы о компенсации и ответственности. Саруата он называл преступником и провокатором, а Адли — предателем ²⁾; по отношению же к королю он и его друзья выражали величайшую лояльность ³⁾. Выборы состоялись 12 января и дали заглулистам подавляющее большинство: из общего числа 211 депутатов 202 оказались членами партии Вафда. Ватанистов попало всего двое, и лучшие их вожди, как Али-Камель-бель, брат Мустафы-Камеля, и шейх Шавиш, потерпели поражение ⁴⁾. Из других партий попали лишь одиночки. Адли-паша не был выбран, и сам премьер-Иехия потерпел поражение. Заглул оказался полным господином поло-

¹⁾ «Таймс» от 3 августа.

²⁾ «Таймс» от 29 сентября и «Морнинг Пост» от 9 октября.

³⁾ «Таймс», 27 сентября.

⁴⁾ Центральный орган их был давно уже закрыт. В октябре он опять вышел, но через несколько дней был вторично закрыт.

жения¹⁾, немедленно (18 января) кабинет подал в отставку, и король имел в тот же день первый разговор с Заглулом.

Важнейшим фактором в новом положении было, однако, образование «рабочего» кабинета в Англии во главе с человеком, с которым Заглул был лично знаком и сочувствию которого к национальным стремлениям Египта, не раз им выраженному публично, он имел основание верить. 25 января на банкете, в честь одержанной на выборах победы, Заглул открыто сказал: «Наша главная забота — это полная независимость нашей страны. Мы готовы вступить в переговоры с английским правительством относительно разумных интересов Англии, поскольку они совместимы с нашей независимостью. К счастью для обеих сторон, к власти пришел в Англии кабинет, который, мы знаем, благосклонно к нам относится»²⁾. Нет сомнения, что именно эта счастливая перемена правительства в Англии сыграла большую роль в решении Заглула принять приглашение Фуада образовать министерство на основе английской декларации 28 февраля. Через два дня Заглул дал свое согласие и в письме к королю так формулировал свои взгляды:

«Я согласен образовать министерство при том условии, что мое согласие не будет истолковано, как признание того или другого положения, против которого Вафд всегда протестовал... Выборы показали необходимость, чтобы страна получила свои права действительной независимости в Египте и Судане, при должном уважении к правам иностранцев, не противоречащим этой независимости. Народ проявил сильное желание амнистировать политических арестованных, равно как отвергнуть все те многочисленные соглашения и законы, недавно опубликованные, которые ограничивают права страны и свободу ее народа»³⁾.

Для политической программы национального правительства революционного происхождения это заявление было донельзя скудно, но публику ждало еще большее разочарование: в парламенте Макдональд, новый премьер, заявил, что программа его предшественников по отношению к Египту остается без изменения. Такого удара никто в Египте не ожидал, и сам Заглул видимо растерялся. Когда к нему пришла депутация от демонстрировавших на улицах студентов с протестом против этого заявления английского премьера, Заглул ответил в том духе, что «британский премьер имеет право делать какие он хочет декларации, как и я могу делать свои», и что «не протестовал же английский премьер, когда он, Заглул, заявил в своей программе, что он не считает себя связанным обещаниями своих предшественников»! Выходило так, как если бы спор шел о праве делать декларации, а не о том, что ставка на «рабочий» кабинет провалилась при самом же начале.

¹⁾ Выборы в сенат имели место лишь 24 февраля: из избранного состава все, кроме четырех, были заглулисты. До этого король назначил 43 сенаторов: среди них не было ни одного бывшего премьера и ни одного члена кабинета Сарута, но все же было девять бывших министров.

²⁾ «Морнинг Пост» от 28 января 1924.

³⁾ «Таймс», 29 января 1924.

Заглул, однако, уверил депутатов, что он «никогда не допустит ущемления прав Египта», и послал их домой.... учиться! ¹⁾

Таким образом Заглул, осуждавший февральскую декларацию, как обман и насилие хуже протектората, оказался в положении, которое фактически мало чем отличалось от положения его предшественников, которые также приняли «аванс», выданный им англичанами, с тем, чтобы впоследствии договориться с ними об эвакуации, Судане и других спорных вопросах. Публика чувствовала, что была совершена ошибка, и ко дню открытия парламента, 15 марта, настроение ее было весьма нервное. Некоторое успокоение было внесено личным посланием Макдональда к Заглулу, в котором английский премьер, приветствуя открытие парламента, как событие, отмечающее «важный шаг вперед», выражал «свою дружбу и благоволение» и уверял, что «правительство его величества ныне и во всякое время готово начать переговоры с египетским правительством» ²⁾.

Соответственно этому и тронная речь Фуада подчеркивала, что египетское правительство готово вступить с английским правительством в переговоры, свободные от всяких ограничений, на предмет «осуществления наших национальных стремлений в отношении Египта и Судана». Тем не менее группа депутатов, с ватанистами во главе, тотчас же хотела открыть дебаты по вопросу о Судане, и лишь угроза Заглула, что если парламент примет это предложение, то он немедленно подаст в отставку, предупредила демонстрацию против англичан, а косвенно, и против доверившегося им Заглула ³⁾. Позднее он сам взял слово в защиту своей позиции и получил вотум доверия от своих многочисленных сторонников ⁴⁾. С этого момента против Заглула образовывается определенная оппозиция, предводимая партией Ватан, которая начинает его клеймить предателем и даже устраивает террористические акты, чтобы провоцировать против него англичан ⁵⁾. Но положение Заглула продолжало и без того оставаться тяжелым, так как английское правительство, кроме как на словах, не оказывало ему никакой поддержки. 25 июня лорд Пармур, в палате лордов, от имени правительства сделал новое заявление по вопросу о Судане: «Никогда, ни в какой форме правительство не оставит Судана» ⁶⁾, а вслед за ним и сам Макдональд счел нужным выступить в палате общин с категорическим заявлением, что как по вопросу о Судане, так и по всем другим вопросам, указанным в декларации «независимости», английское правительство останется при первоначальной позиции. Эти выступления были вызваны решением египетской палаты депутатов от 23 июня

¹⁾ «Морнинг Пост» от 28 февраля 1924.

²⁾ «Таймс» от 17 марта.

³⁾ «Морнинг Пост» 20 марта.

⁴⁾ «Манчестер Гардиен» 31 марта.

⁵⁾ 18 апреля был убит на улицах Каира капрал английской воздушной флотилии, и схваченный на месте убийца заявил, что он хотел дискредитировать правительство Заглула в глазах англичан. («Таймс» 21 апреля.)

⁶⁾ Пармур даже солидаризировался с декларацией, сделанной по этому поводу Ллойд-Джорджем в феврале 1922 года о том, что Англия «ответственна» за преуспевание Судана в прошлом и будущем.

прекратить расход в 150.000 фунтов стерлингов на содержание оккупационной армии и, в свою очередь, заставили Заглулу выступить 28 июня с большой речью в парламенте, в которой, выразив свое разочарование по поводу империалистических уклонов политики «рабочего» кабинета, он повторил, что Египет непоколебимо останется на страже своих национальных прав и что, в частности, Судан никогда не будет им уступлен.

Таким образом, еще до начала переговоров обе стороны договорились до полной антитезы: Макдональд решительно стал на позицию своих предшественников, Керзона и Черчилля, к великому удовольствию всего империалистического лагеря, а Заглулу, в свою очередь, вынужден был, под давлением общественного мнения, перестать играть в прятки и громко заявить то, что есть. Антитеза вскоре приняла и более активные формы: в самом Судане вспыхнуло в рядах не только египетского, но и местного интеллигентного общества возмущение, вылившееся в бурные формы, напоминавшие первые революционные вспышки в Египте в 1919 году, и англичане ответили обычными военно-полиционными репрессиями. Спор с парламентскими трибунами перекинулся на улицу и превратился в вооруженную борьбу.

При таких условиях переговоры, на которые Заглул выехал через месяц после описанных событий, имели весьма мало шансов на успех. Фактически обе стороны и не спешили их начинать, пользуясь для этого всяческими предлогами: Макдональд извинялся перегруженностью работой в связи с лондонской конференцией союзников, а затем пресловутым вопросом о безопасности, разоружении и арбитраже, разбиравшимся на с'езде Лиги Наций в Женеве, в то время как Заглул находил нужным подлечиваться в Париже и на французских курортах. Между тем, в Судане революционное движение разрасталось, выступали учащиеся не только гражданских, но и военных школ, бастовали чиновники из египтян и туземцев, и в ответ сыпались аресты, и демонстранты подвергались расстрелам. Напрасно египетское правительство, как партнер по управлению Суданом, протестовало против действий англичан, узурпировавших всю власть и—в лице генерала сэра Ли Стака, плавнокомандующего (сердара) войсками, как в Египте, так и в Судане, получавшего оклад из египетского казначейства, — распоряжавшихся жизнью и смертью населения Судана. Повторными нотами правительство Макдональда настаивало на своем праве «соблюдать порядок» в Судане и держаться той системы управления краем, которая господствовала в нем с 1899 года.

Переговоры, которые велись в Лондоне между 25 сентября и 3 октября, окончились, конечно, ничем. В опубликованной через несколько дней депеше Макдональда к лорду Алленби от 7 октября английский премьер изображает позицию, занятую его контрагентом при переговорах, как абсолютно непримиримую. Заглул требовал полной эвакуации всех английских войск с египетской территории, включая и зону Суэцкого канала, упразднения постов английских финансовых и юридических советников, абсолютной свободы Египта в его внешних сношениях — вплоть до снятия оговорки, сделанной английским прави-

тельством в циркулярной депеше иностранным державам в духе доктрины Монро, отказа от притязаний на защиту иностранцев и меньшинств и, наконец, признания за Египтом полного права собственности над Суданом. Макдональд во всех этих требованиях отказал. Из египетских источников нам известно, что, несмотря на свою любовь к Лиге Наций, этот пацифист и универсальный миротворец решительно отклонил предложение Заглула передать охрану Суэцкого канала этому высокому учреждению и взамен предложил «союз» или хотя бы сдачу Англии в аренду части прилежащей к каналу территории для содержания войск. Макдональд в разговорах очень много заступался также за держателей старых турецких бон, «пострадавших» от того, что египетское правительство, перестав быть вассалом Турции, прекратило также и дань турецкому султану, которая служила обеспечением для этих бон. Не упустил также Макдональд случая протестовать против неприязненного отношения египетского правительства к английским чиновникам. Словом, позиция Макдональда ничем не отличалась от позиции его предшественников. Специально по вопросу о Судане он заявлял, что Англия является «опекуном» суданского народа и что, хотя и «у Египта имеются в Судане некоторые материальные интересы», однако об отказе Англии от своих опекунских обязанностей не может быть и речи.

Вскоре министерство Макдональда сошло со сцены, но еще во время его пребывания у власти и еще до начатия переговоров с Заглулом у него происходили совещания с прибывшими из Египта Алленби и Ли Стаком, в результате которых последним был составлен план действий на случай, если переговоры окончатся ничем. Подробности этого плана остались для публики неизвестными, но в основе он сводился к тому, чтобы выбросить египтян — египетские вооруженные части и египетских чиновников — из Судана и «охрану» его передать в руки особому сердару, отныне назначаемому отдельно от египетского — другими словами, фактически упразднить кондоминиум, установленный договором 1899 года, в пользу англичан. Кроме того, так как Заглул обнаружил нескрываемое желание впутывать в англо-египетские дела Лигу Наций, то дополнительно английское правительство решило заблаговременно предупредить входящие в нее державы, что оно такого вмешательства со стороны Лиги не потерпит. Все это было решено еще при рабочем и пацифистском правительстве Макдональда, этого ярого поборника арбитража и авторитета Лиги Наций!

Но судьба пощадила Макдональда и избавила его от необходимости провести намеченную им программу. Мы не знаем, каким предлогом он воспользовался бы для этой цели, но его преемникам само небо вскоре пришло на помощь. 19 ноября они послали в Лигу Наций меморандум, заранее отказывавший египетскому правительству в праве обращаться к ней по вопросам, оговоренным в декларации 22 февраля 1922 года, и в тот же день на улицах Каира среди бела дня был убит группой молодых людей генерал Ли Стак. Случай был самый подходящий. Английское общественное мнение было взволновано, и можно было рассчитывать, что оно не окажет никакого сопротивления ника-

ким мерам воздействия, как бы они крайни и незаконны ни были, если только действовать быстро и решительно. На третий день, 22 ноября, Алленби, имея надлежащие инструкции в кармане, отправился во главе целого полка к зданию египетского министерства и пред'явил ультиматум, требовавший извинения, поимки и наказания виновных, уплаты возмещения вдове сердара в размере кругленькой суммы в 500.000 ф. стерлингов, а зараз уже запрещения политических демонстраций, восстановления прежнего режима для иностранцев, т.е. английских чиновников, охраны интересов иностранцев, вывода из Судана египетских военных частей и офицеров и, наконец, предоставления англичанам права неограниченного расширения площади орошения в Судане, в районе Джезире ¹⁾. Ясно было из последних пунктов этой программы, что лорд Алленби разыгрывал ее по заранее приготовленным нотам, и, соответственно этому, правительство Заглула, приняв безоговорочно требования, непосредственно вытекавшие из акта уби́йства, по остальным пунктам ответило желанием повести переговоры. В ответ его поставили в известность, что уже отдан приказ о насильственном выводе египетских войсковых частей из Судана и о расширении оросительной площади, а через день английскими властями была занята александрийская таможня, как залог впредь до исполнения остальных требований.

Заглул и его партия не нашли соответствующего способа реагировать на эти провокационные действия английских властей, и первый ограничился тем, что демонстративно вышел в отставку, а партия провела в палате и сенате «протест», обращенный ко всем иностранным парламентам и Лиге Наций. Конечно, из этого ничего не вышло. Вместо Заглула моментально был вытащен на свет божий новый премьер в лице верного паладина англичан, Зивара-паши, который распустил палату, переарестовал ряд депутатов и выдающихся членов Вафда, а затем смиренно подписал все условия, продиктованные его патронами. В это же время производился вывод египетских войск из Судана, сопровождавшийся возмущением ряда отдельных частей и военными репрессиями, а затем парламент был объявлен распущенным, и новые выборы были назначены на 24 февраля 1925 года. Англичане очень рассчитывали получить такой же покорный парламент, каким было правительство Зивара, с каковой целью были пущены в ход всевозможные средства — от подкупа до белого террора включительно.

Результаты, однако, обманули их надежды: большинство все же оказалось на стороне оппозиции. Новый парламент просидел лишь десять часов и был, в свою очередь, распущен, но новые выборы были отложены на неопределенное время, пока не будет изменен избиратель-

¹⁾ До тех пор, по соглашению с египетским правительством, англичане имели право орошать и употреблять под хлопковые посевы в указанном районе площадь не свыше 300.000 федданов. Это очень стесняло английские компании, пайщиками и патронами которых, как уже раз упоминалось, состояли такие высокопоставленные лица как Асквит, Керзон и др. Настоящее требование было настолько бесстыже, что вызвало протесты даже в Англии, вследствие чего правительство должно было заявить, что Алленби только хотел им «напугать» египтян, а на деле никто не имеет в виду приводить его в исполнение!

ный закон. Оказалось, что египетский народ все еще не созрел для настоящего парламентского управления, и что необходимо приспособить конституцию к тому решающему факту, что 97 % египтян не умеют ни читать, ни писать. Нет сомнения, что если безграмотный египетский народ и впредь не обнаружит надлежащих государственных способностей, то и сама декларация 22 февраля будет аннулирована, и Египет станет вновь протекторатом Англии.

Однако, более чем вероятно, что прежде, чем решиться на такой шаг, английское правительство попытается еще раз договориться с националистами. Как раз в момент, когда дописываются эти последние строки, получилось известие о выходе в отставку лорда Алленби и о том, что Заглул собирается выехать в Лондон. Политическое значение отставки знаменитого проконсула отрицается; точно также отрицается намерение Заглула возобновить переговоры. Было бы, однако, наивно ожидать, что обе стороны заранее возвестят миру о своих планах; во всяком случае, факты сильнее всяких дипломатических заявлений. При всем том позволительно усомниться, выйдет ли что-нибудь из новых переговоров, если народные массы Египта не будут во-время мобилизованы. В этом отношении Заглул и его партия до сих пор не только ничего не сделали, но, напротив, делали все, чтобы приостановить и подавить всякое движение народных масс. Как мы видели, англичане сделали все, от них зависящее, чтобы не дать возникнуть в Египте никакой промышленности. Фактически в этой классической стране хлопка существует всего несколько текстильных фабрик и хлопкоочистительных заводов, и главный контингент рабочих падает на транспорт и строительные промыслы. Первые забастовки вспыхнули лишь в 1919 году, и тогда же стали основываться первые профессиональные союзы полу-ремесленного типа. Никакой самостоятельной политической роли рабочие долгое время не играли, и политические симпатии их были всецело на стороне Вафда. В 1920 году была, однако, основана в Александрии небольшая социалистическая партия, из которой двумя годами позже выделилась еще меньшая коммунистическая партия. Кризис хлопковых цен вызвал сильное волнение среди египетского пролетариата, и начало 1924 года ознаменовалось рядом бурных забастовок, сопровождавшихся захватом фабрик, по итальянскому образцу. Английские власти обрушились на это движение со всей свирепостью оккупантов и защитников буржуазного порядка. Забастовки были подавлены военной силой, и «зачинщики» подверглись репрессиям на основании актов, заменивших законы военного положения. Заглулисты вмешались, но не на стороне рабочих. Сделав несколько попыток умиротворить их указанием на общность национальных интересов, они, взяв власть, сами принялись применять к ним непризнанные ими английские законы, распустили организации, переставили ряд вождей, выслав из пределов Египта тех из них, которые не имели египетского гражданства, и в мае предали часть их суду по обвинению в «заговоре против существующего общественного и политического строя». Вся националистическая пресса, стоящая за Заглулом, завывала о большевистской опасности, и комму-

нисты были фактически объявлены стоящими вне закона. В этом отношении вышедшее из революции египетское правительство оказалось вполне на высоте своего положения, как правительство буржуазных и помещичьих классов.

Но без поддержки со стороны рабочего класса, этой необходимой, при современных условиях, закваски всякого истинно народного революционного движения, националисты ничего не смогут сделать. Опыт истории уже должен был показать им, что английские властители лишь до тех пор шли на уступки, пока им угрожало движение «улицы»: но и «улица» в том виде, в каком она двигалась в начальных фазах борьбы, — улица студентов и улемы, оказалась недостаточно сильной, чтобы преодолеть сопротивление британского империализма. Наивысшие завоевания египетское национальное движение могло показать как раз в те годы, когда его поддерживали рабочие, а отчасти крестьяне, выступавшие одновременно с ними; с подавлением же рабочего движения само национальное движение потеряло всю силу натиска, так как осталось движением одной интеллигенции. Совершенно ясно, что национальное движение только тогда сможет рассчитывать на успех, когда оно отрешится от своих узко-буржуазных рамок и превратится в подлинно народно-революционное движение, создав блок с городским пролетариатом и совместными силами призвав на помощь феллахов. Только при этом условии Загнул сможет успешно вести и предстоящие, и всякие иные переговоры с англичанами, а без этого никакая дипломатическая ловкость, никакие воззвания к парламентам всего мира или Лиге Наций, никакая пассивная и декларативная стойкость не приведут ни к чему. Несомненно, египетские националисты из Вафда очутились перед дилеммой: или они смело станут во главе всенародного революционного движения, охватывающего самые широкие слои трудового народа, или они должны будут сойти со сцены, уступив место другим, которые сумеют довести борьбу за национальное освобождение своей страны до конца. А что, так или иначе, рано или поздно Египет добьется своей свободы, не подлежит никакому сомнению, какие бы козни ни строили ему сердары, или хлопковые синдикаты, или сами правительства в Лондоне.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I** 8,
Абдул Али, генерал, националист 92, 132.
Абдул-Разек-паша 289.
Адамс 96.
Адли-паша, египетский министр просвещения в кабинете Рушди и впоследствии премьер-министр в 1921 г. 260, 272—276, 280, 284, 288—291, 294, 295; — его политика и английское правительство 272—275.
Актон 11.
Алленби, генерал, английский резидент в Египте 257, 263, 265, 269, 270, 274, 275, 276, 279, 280, 284, 287, 291, 298, 300, 301; — его проекты соглашения с египетскими националистами 279—284.
Али-Фехми, генерал 132.
Амптхиль, лорд, британский посол в Берлине 141.
Араби-паша, патриот, полковник египетской армии, в 1882 г. военный министр в кабинете Рагеб-паши 81, 89—94, 100, 101, 105, 106, 110, 115—117, 122—124, 126, 127, 130—133, 135—141, 151, 153, 156—158, 162, 234, 235, 276.
Бальфур 265.
Бисмарк, князь 70, 71, 141, 143, 145, 147, 148, 155, 156, 160, 161.
Блан 36.
Блант 53, 70, 93, 110, 113, 138, 152.
Блиньер, французский генеральный комиссар в Египте 38, 44, 50, 58, 75, 77, 122.
Бловиц 53.
Брунихт, Вильям, английский советник по судебным делам в Египте 259.
Бутрос-паша, египетский премьер-министр 246, 247, 248, 260, 266, 288; — биография и характеристика его — убийство его и процесс убийцы 246—248.
Бэкер, Самуэль 30.
Бэринг, Эвелинг, майор (см. также Кроммер, лорд) 35, 38, 44, 65, 75, 76, 84, 164, 230.
Вагаб, Юсуф 266.
Ваддингтон, французский посол в Лондоне 230.
Вардани, Ибрагим, убийца Бутроса-паши 246, 247, 248.
Васиф-Гали-бей 288.
Вивиян, английский генеральный казначей в Египте 37, 41, 52—54, 56, 62, 63, 92; — его конфликт с лордом Уильсоном 62, 63.
Вилье, главный инспектор финансов в Египте 17, 79.
Вильсон, Вудро, президент Сев.-Амер. Соед. Шт. 259, 260, 263.
Вильсон, д-р, директор главной больницы в Каире 259.
Винсент, Эдуард, английский финансовый советник в Египте 174, 178, 201.
Гайдар-паша 138.
Гамбетта, Леон, французский министр иностранных дел 105, 110, 113, 119, 128, 129.
Гаррисон, Фредерик 152.
Гибсон 175, 177.
Гирс, русский министр иностранных дел 144.
Гладстон, английский премьер-министр 229, 230, 232.
Гольдсмит, Юлиан 56, 72.
Гордон, С. Дж., генерал 43.
Гордон-Дафф, 200.
Горст, Эльдон, английский резидент в Египте 205, 219, 232, 236, 238, 239, 240, 241, 245, 246, 248, 249, 288.

- политика и реформы его 236—240.
 — причины его падения 248, 249.
 Гошен, французский банкир 8, 22—25, 35—40, 50, 59, 76, 78, 79, 104, 174.
 Грегори, Вильям 93, 118.
 Грей, Эдуард 247, 248.
 Гренвиль, лорд, английский министр иностранных дел 102, 114, 117, 119—126, 128—137, 140—143, 146, 149—151, 154—161, 173, 174, 176, 178, 229, 230.
 Гусейн-паша-Камель, принц, впоследствии султан 206, 253.
 Дайси, Эдуард 198, 229.
 Данлог, английский школьный инспектор, впоследствии советник министерства просвещения в Египте 222.
 Дарби, лорд, английский министр иностранных дел 10—12, 14, 17, 18, 20—22.
 Дафферин, лорд, английский посол в Константинополе 82—85, 96, 104, 135, 142, 146, 147, 149, 151, 154, 155, 156, 158—160, 162—164, 169, 170, 191, 196, 197, 199, 217, 223, 234.
 Дауд-паша 92.
 Деказ, герцог, французский министр иностранных дел 16, 22.
 Дервиш-паша, турецкий комиссар в Египте 136, 137, 138, 141, 142, 147.
 Дизраэли (лорд Биконсфилд), английский премьер-министр 12, 15, 17, 18, 20, 21, 22;
 — его участие в компании Суэцкого канала 12, 13.
 Дилк, Чарльз, товарищ английского министра иностранных дел 152.
 Драмонд-Вольф, Генри 183, 186, 230;
 — его отчет о финансовой системе Египта 186.
 Дюклер, французский премьер-министр 161.
 Жубер, 23—25, 35, 37—39, 50, 59, 76, 78, 79, 104, 174.
 Заглул-паша, вожь национального движения в Египте, впоследствии глава египетского национального правительства в 1924 г. 260—263, 269—272, 274—276, 279, 280, 282, 285, 287, 288, 290—292, 294—302.
 Зивер-паша, египетский премьер-министр в 1925 г. 300.
 Зуд-бей 289.
 Измаил-хедив Египта 8—10, 12, 13, 18—25, 27—34, 37, 39, 40, 45—47, 52—54, 56, 59, 60—62, 64, 65, 67, 69, 70—73, 76—78, 81, 83, 85, 91, 92, 95, 97, 101, 123, 162, 168, 169, 171, 172, 174, 176, 181, 182, 185, 188, 191, 192, 198, 200, 207—209, 218.
 Измаил-Садик-паша, египетский министр финансов 24, 25, 37, 39, 78, 104, 246.
 Иехия-Ибрагим-паша, премьер-министр египетского «переходного» министерства 292, 294.
 Кальноки, граф, австрийский министр иностранных дел 155, 156, 161.
 Камель-Мустафа-паша 235, 236, 238, 254, 260, 295.
 Камель-Али-бей, лидер национальной партии «Ватан» 295.
 Картрайт 153.
 Кейв, Стивен, генеральный казначей английского казначейства, впоследствии глава английской финансовой миссии в Египте 11, 14—16, 18, 19, 29—32, 34, 79.
 Керзон, лорд, 264, 274—276, 279—284, 293.
 Китченер, лорд, генерал, английский резидент в Египте; в 1914 г. английский военный министр 249, 250, 252, 253, 255.
 Кларк, Ф. С., секретарь дипломатического агентства в Египте 168, 201.
 Кольвин, Окленд, лорд, английский генеральный контролер в Египте и впоследствии финансовый советник 92, 93, 97, 98, 100—102, 108—110, 114, 117, 119, 122, 136, 164, 174.
 Кромвель, Оливер 60.
 Кромер, лорд (см. также Бэринг, майор), английский резидент в Египте 35, 46, 58, 79, 80, 117, 163, 169, 171—197, 200—208, 211—213, 215—218, 220—225, 230—239, 246, 248—250, 253, 257, 260, 288.
 Крушсван, один из главарей «Черной Сотни» в России 138.
 Крюгер, президент 124.
 Куксон, английский генеральный консул в Египте 93, 117, 122, 134, 138, 170.
 Кэмпбл, Джордж 51, 152.
 Лайонс, лорд, британский посол в Париже 102, 105, 107, 110, 113, 120, 121, 128, 129, 142, 150.
 Ламбер, директор Хедивской Юридической школы в Египте 220.
 Лассельс, Франк, английский генеральный казначей в Египте 62, 71, 74, 80.
 Лессепс, Фердинанд, строитель Суэцкого канала 8, 33, 43, 44.
 Ли Стэк, генерал, главнокомандующий английскими войсками в Египте и Судане, убит в 1924 г. 298, 299.
 Ллойд-Джордж 261.
 Лоусон, Вильфрид 152.

- Магомет-Али 253.
 Мак-Магон, Генри 253.
 Макдональд, Рамзей, премьер английского «рабочего» правительства 297—299.
 Маковель, генерал, главнокомандующий египетской армией 253.
 Маларэн-де, барон, французский контролер над расходами в Египте 35.
 Малет, Эдуард, английский генеральный консул в Египте 80, 81, 83, 91, 95, 98, 100, 103, 104, 106, 107, 109, 110, 112—114, 116—122, 124—127, 129, 132, 134, 135, 137, 140, 151, 153, 164.
 Малорти-фон, барон 33.
 Манебреа, английский генерал 229.
 Маннини, итальянский министр иностранных дел 157.
 Мартенс, профессор 86.
 Махмед-Абду, шейх, один из вождей египетских националистов 102.
 Мачель, английский советник в египетском министерстве внутренних дел 216.
 Мехмед-Али, хедив египетский 7, 8, 28, 42, 59, 170, 208.
 Мильнер, лорд, глава английской миссии по обследованию финансового положения в Египте 233, 258, 264—272, 274, 276, 289.
 Мирабо 60.
 Мон, чиновник французского консульства в Египте 131, 132.
 Монро 299.
 Моркос-Хонна-Бей, председатель египетской корпорации адвокатов 288.
 Морлей 152.
 Мусурус-паша 110, 111.
 Наполеон III, император Франции 8, 33.
 Нессим-паша, премьер-министр 272, 289, 290, 291.
 — его характеристика 110.
 Ноайль-де, маркиз, французский посол в Константинополе 143, 146, 147.
 Нортбрук, лорд, английский верховный комиссар для обследования финансового положения в Египте 170, 178—180.
 Норткот, Стаффард, канцлер английского казначейства 72.
 Нубар-паша, египетский премьер-министр 46, 49, 50, 52—54, 74, 90, 175, 193, 197, 198.
 Омар-Лутфи-паша, губернатор г. Александрии 137—139.
 Пальмерстон, лорд 17.
 Пармур, лорд 297.
 Пастре, английский капиталист из Англо-Египетской банковской компании 16, 19.
 Пеннель 11.
 Портам 215, 222.
 Рагед-паша, египетский премьер-министр 140, 141, 147.
 Ратиб-паша, секретарь Измаила-паши 123.
 Риаз-паша, египетский министр финансов (1879 г.) впоследствии председатель совета министров (1881 г.) и министр внутренних дел в кабинете Шерифа-паши (1882 г.) 43, 60, 74, 77, 90, 91, 104, 153, 196, 197.
 Рибо, французский министр внутренних дел 233.
 Рифки, Осман, египетский военный министр 90, 91, 124.
 Ричардс 149.
 Розбери, лорд 182, 183.
 Ромейн, французский генеральный контролер по доходам Египта 35, 37, 38, 41, 65.
 Ротшильд, Натаниель 20.
 Ротшильды 12, 20, 21, 50, 51, 61, 70, 76, 179.
 Роусель, управляющий английскими доминионами 117, 196.
 Рузвельт, президент Сев.-Амер. Соед. Шт. 248.
 Руссо-Бей, египетский министр общественных работ 192.
 Рушиди-паша, один из вождей национального движения Египта; премьер-министр в 1914 г. и председатель комиссии по выработке конституции Египта в 1922 г. 260, 261, 263, 266, 270, 286.
 Рэн-де, барон, французский генеральный консул в Египте 92, 97.
 Саид - паша, хедив египетский 7, 28, 208;
 — Египет его времен 7, 8.
 Саид-Магомед-паша, египетский премьер-министр 260, 265, 266.
 Сами, Махмуд, конституционалист; в 1879 г. директор религиозных учреждений; в 1881 г. военный министр в министерстве Шерифа; в 1882 г. премьер-министр 91, 101, 105, 106, 115, 131, 132, 134, 135, 137.
 Сами, Сулиман, комендант гарнизона г. Александрии 138.
 Саруат-паша, египетский министр внутренних и иностранных дел в 1922 г. 280, 281, 285, 287, 288, 289, 290, 295.
 Сеймур, Бичам, адмирал (лорд Олсестур) 149, 150, 151, 152, 154.
 Сенкевич, французский генеральный консул в Каире 122, 124, 126, 127, 130, 131, 135.
 Сент-Илар, Бартеlemi, французский министр иностранных дел 96, 102, 103, 105.
 Скотт-Монкриефф, полковник, заведывающий египетским департаментом общественных работ 175, 191—193, 212.

Сольсбери, лорд, английский министр иностранных дел 71, 194, 215, 230.

Спендер 267.

Спюллер, французский министр внутренних дел 233.

Стон, генерал 92.

Стюарт, Вильберс, член английского парламента 81, 170, 191, 202, 204, 232, 234.

Стэнтон, генерал, британский генеральный консул в Каире 10, 12, 17, 21, 22.

Талейран 269.

Тиссо, французский посол в Лондоне 135.

Трику, французский генеральный консул в Каире 74.

Тьюфик, хедив египетский 54, 64, 71, 73, 74, 89—93, 105, 106, 110, 124, 126, 131, 132, 136, 138, 153.

Уилькоккс, Уильям, инженер 212.

Уильсон, Риверс, генеральный контролер при управлении по английским гос. долгам в Египте 15—17, 21, 43, 44, 47, 49—54, 56, 58, 62, 63, 66, 70, 77, 78, 164.

Уиндгейт, английский консул в Египте 260, 261, 263.

Уитворты, английские промышленники 37.

Уль-Ислам, шейх 139.

Уосли, Гарнет 162.

Уотсон, главнокомандующий войсками в Египте 261.

Утрей, французский комиссар в Египте 15, 16.

Фаулер, Джон, инженер-консультант египетского хедива Измаила 30.

Финдлей 238.

Фицджеральд, Джеральд, помощник французского генерального контролера по финансам Египта 35.

Фимморис, Эдмунд, лорд, товарищ английского министра иностранных дел 58.

Франкейнштейн 60.

Франц-Иосиф, австрийский император 8.

Фрейсинэ, французский министр иностранных дел 119—122, 126—131, 135, 136, 141—143, 150, 156, 157, 160, 161, 176.

Фрюлинг, французский банкир 8, 22.

Фуад, султан 265, 279, 292, 293, 296, 297.

Халим, принц 40, 49, 77.

Хельбави-бей, адвокат 247.

Херст, Сесиль 267, 270.

Хилль, директор Хедивской Юридической школы в Египте 220.

Черчилль, Рандольф 138, 279, 284, 298.

Чироль, Валентин 252, 253, 255, 262, 263, 264, 266.

Читам 252, 261.

Шавиш, шейх 295.

Шериф-паша, египетский премьер-министр в 1879 г. 64, 66, 70, 71, 74, 91, 98, 100—103, 105, 106, 110, 113—114, 116, 117, 119, 123, 131, 153, 169, 175.

Эллиот, Генри, британский посол в Константинополе 10.

Эллиот, Джордж, английский финансист 19.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3

ЧАСТЬ I

ОГРАБЛЕНИЕ ЕГИПТА

I. Начало вторжения	7
II. Египет во власти финансистов	16
III. „La Haute Finance“	27
IV. Ростовщики за работой	35
V. Европейское министерство и первое возмущение	45
VI. Свержение европейцев	55
VII. Государственный переворот	65
VIII. Египет под Двойственным Контролем	76

ЧАСТЬ II

ОККУПАЦИЯ ЕГИПТА

IX. Сентябрьская революция 1881 года	89
X. Мир или война?	100
XI. Интриги в пользу интервенции	112
XII. Дипломаты в роли агентов-провокаторов	123
XIII. Погром в Александрии	134
XIV. Дипломатия тяжелой артиллерии	144
XV. Захват Египта	154

ЧАСТЬ III

УПРАВЛЕНИЕ ЕГИПТОМ

XVI. Финансовые достижения лорда Кромера	167
XVII. Окончание	177
XVIII. Уничтожение трудовой повинности и курбаша	189
XIX. Экономическая политика лорда Кромера	200
XX. Моральные результаты британского управления	214

ЧАСТЬ IV

ОТ КРОМЕРА ДО НАШИХ ДНЕЙ

	Стр.
XXI. Политика посулов	229
XXII. Реакция и террор	240
XXIII. Протекторат и восстание	252
XXIV. Попытки к соглашению и новый взрыв	264
XXV. „Независимость“	277
XXVI. Приход националистов к власти	290
Именной Указатель	303

СОЦИОГРАФИЯ

Серия „СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ“

Под общей редакцией И. М. Майского

Адамов, Е. А. Испания и Португалия.

Ц. 85 к.

Арский, А. Ф. Современная Польша.

Ц. 65 к.

Берлин. Тибет. (Печ.)

Виноградова. Хива и Бухара. (Печ.)

Гольдберг. Индия. (Печ.)

Гальперин, С. Бельгия. Ц. 60 к.

Гурко-Кряжин. Турция. (Печ.)

Игельстром, В. Финляндия. Ц. 75 к.

Каллиников. Монголия. Ц. 85 к.

Копп, В. Л. Германия. (Печ.)

Рейснер, Л. М. Афганистан. Ц. 1 р.

Султан-Заде, А. Персия. Ц. 75 к.

Сыркин, А. Государства Прибалтики.

(Эстония, Латвия, Литва.) Ц. 50 к.

Трояновский, К. Современный Египет. Ц. 75 к.

Серия „РЕСПУБЛИКИ И ОБЛАСТИ СССР“

Атнагулов, С. Башкирия. Ц. 75 к.

Ксенофонов, Ф. Узбекистан и

Туркменистан. Ц. 35 к.

Самурский. Дагестан. Ц. 85 к.

ВНЕ СЕРИЙ

Александр, Л. Н. Бессарабия и бессарабский вопрос. Ц. 60 к.

Булацель, А. Очерки социально-политической жизни современной Болгарии. Ц. 1 р.

Ивин, А. Китай и Советский Союз. Ц. 75 к.

Иоффе, Л. Англия в наши дни. Ц. 30 к.

Мак-Кей, К. Негры в Америке. Перев. с англ. П. Охрименко. Ц. 1 р.

Мостовенко, П. Н. Современная Чехословакия. Ц. 45 к.

Нагиев, Д. Индия под гнетом Англии. Ц. 40 к.

Полонская, Л. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы 1913—1923 г.г. в фактах и цифрах. Ц. 50 к.

Тан-Малакка. Индонезия и ее место на пробуждающемся Востоке. Ц. 1 р.

Троцкий, Л. и Раковский, Х. Очерки политической Румынии. Ц. 1 р. 50 к.

Троцкий, Л. и Кабацкий, Х. Очерки политической Болгарии. Ц. 75 к.

С заказами обращаться в Торговый Сектор Государственного Издательства РСФСР—Москва, Ильинка, Богоявленск. пер., 4. Ленинград, Моховая, 36, и во всех отделениях и магазинах Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4

высылает любую книгу немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью. При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

15
1 р. 60 н.

2018814169

